ISSN 0027–8238

НАШ СОВРЕМЕННИК

Журнал писателей России

№3 2023

С праздником 8 марта!

* * *

О руки женщины земной,
Вы под любой звездой и небом
Цветами пахнете весной,
Зимою — снегом, летом — хлебом.

Будь свята женщины рука,
В которой скрыта неизменно
Боль, долгая во все века,
И радость, что всегда мгновенна.

В тебе сокрыт беззвучный звук
Всех песен счастья и несчастья.
Будь свята слабость женских рук,
Неограниченность их власти.

Кайсын Кулиев

Наш современник 2023 №3

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-ГОНЧЕНКО,

А. В. ВОРОНЦОВ,

Т. В. ДОРОНИНА,

С. Г. КАРА-МУРЗА,

В. Н. КРУПИН,

Ю. М. ЛОЩИЦ,

Д. Н. НИКОЛАЕВ,

Ю. М. ПАВЛОВ,

И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,

З. ПРИЛЕПИН,

Е. С. САВЧЕНКО,

В. В. СОРОКИН,

ТИХОН (ШЕВКУНОВ)
митрополит Псковский и Порховский,

А. Ю. УБОГИЙ,

Р. М. ХАРИС,

М. А. ЧВАНОВ,

С. А. ШАРГУНОВ,

В. А. ШТЫРОВ

Проза

Эвелина АЗАЕВА
Скоро придёт герой. *Рассказ* **3**

Александр СЕГЕНЬ
Волшебный фонарь. *Роман* **22**

Михаил ЧВАНОВ
Серебристые облака.
Повесть-реквием **77**

Ирина РАКША
“Артиллеристы, Сталин дал приказ!..” *Рассказ* **115**

Олеся ЯНГОЛ
Зараза такая. *Рассказ*..... **133**

Елена АЖНАКИНА
Ходок. *Рассказ*..... **138**

Александр ЛЕБЕДЕВ
Любовь и Надежда. *Рассказ*..... **150**

Анна МАСЛОВА
Мама. *Рассказ* **163**

Поэзия

Николай ДЕГТЯРЁВ
И разве кто тебя услышит... ..... **19**

Валентина БЕЛОУСОВА
В отчаянные дни.
С послесловием Н. Егоровой **73**

Изяслав КОТЛЯРОВ
В судьбе простой, но многотрудной **112**

Елена ДЕДИНА
Алмазом по стеклу... ..... **130**

Марина ВОЛКОВА
Замирают слова на губах... ..... **148**

Поэтическая мозаика **159**

Очерк и публицистика

Сергей ТРАХИМЁНОК
О проблемах жизни и выживания **170**

Александр СЕВАСТЬЯНОВ
Подводя итоги – 2022 ..... **179**

Валерий ХАЙРЮЗОВ
Ещё раз про патриотизм **187**

Анна ЖУЧКОВА
О русской модели цивилизационного развития **203**

© “Наш современник”, 2023

МОСКВА

16+

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

С. С. Куняев —
генеральный директор, отдел публицистики —
(495) 625-01-81

К. К. Сейдаметова —
первый заместитель главного редактора, отдел поэзии —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

отдел критики —
(495) 625-30-47
ns-kritika@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Встречи с читателями

Татьяна НАБАТНИКОВА
Писательские резиденции – новый опыт 214

Наталья СЫРЦОВА
Ветер приворотный 216

Илья ВИНОГРАДОВ
Плыви, мечта... 218

Марина ПЕРОВА
По усталой воде 221

Память

Ирина УШАКОВА
Просветитель и благотворитель Константин Рачинский 224

Владимир ЧИВИЛИХИН
Из дневника 228

Геннадий АРХИПОВ
Лица моих друзей 233

Критика

Эдуард АНАШКИН
Знамение и знамя 238

Валентина СЕМЁНОВА
Для кого писал Валентин Распутин “Сибирскую эпопею”? 242

Маргарита КАРАНОВА
Люби леденящую вьюгу 249

Мария ДАВЫДЕНКО
Другой берег Дона Бориса Екимова 257

Среди русских художников

Александр РАЗУМИХИН
Непарадные портреты 259

Книжный развал

Андреас БУЛЛЕР
“Заметки не-филолога” 284

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2**
Сайт в интернете: **www.nash-sovremennik.ru,** эл. почта**: n-sovrem@yandex.ru**
Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.
При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".
Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова
Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова
Подписано в печать 03.03.2022. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 0683-2023. Тираж 3300 экз.
Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 117342, Москва, Севастопольский проспект, 56/40 с1.
Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ЭВЕЛИНА АЗАЕВА

СКОРО ПРИДЁТ ГЕРОЙ

РАССКАЗ

К счастью, следующие клиенты — китайцы. Вот о чём думала Анна, когда ехала по улицам Калгари к маленькому аутичному мальчику. Анна — специалист по работе с такими детьми, едет развивать пятилетнего малыша. Сейчас, через месяц после объявления Россией спецоперации на Украине, работать стало трудно. К стрессу профессии (видишь чужое непоправимое горе, улучшить детей можно, вылечить — нет), прибавилось то, что в каждом канадском доме постоянно включён телевизор и население прилипло к экранам. Смотрят на настоящую войну в Европе. Они привыкли, что война идёт где-то на Ближнем Востоке, в Азии, в далёких и нехороших странах. Там живут недемократичные, дикие люди, о чём говорить вслух, понятное дело, нельзя, но мы же понимаем… Они выдают девочек замуж за дедушек, практикуют женское обрезание, они вешают геев, и у них нет честных выборов. А значит, ковровые бомбардировки — это правильно, и ура-ура нашей коалиции.

А тут снаряды рвутся в Европе. У всего мира на глазах. Путин (тиранище!) начал войну! Неважно, как там русские её называют, это самое настоящее вторжение в маленькую, никому зла не сделавшую, такую симпатичную,

---

АЗАЕВА Эвелина Шамильевна родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак Казахстанского государственного университета. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором "Комсомольской правды" в Сибири. С 1998 года живёт в Канаде. 14 лет издавала газету "Комсомольская правда в Канаде". Является корреспондентом "Комсомольской правды" в этой стране. С 2018 года издаёт газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде, — "А хочешь в Канаду?" и "Полное накрытие". Печаталась в журналах "Нева", "Аврора", "Огни Кузбасса", "Крым", "Байкал". Дипломант 1 степени литературного конкурса "Мгинские мосты" (Санкт-Петербург 2021). Член Новосибирского отделения Союза писателей России.

с венками и ленточками Украину, которая просто хочет свободы от страшной, азиатской, гулагоподобной России.

И вот Россия обидела ребёнка. Канада, обукраиненная снизу доверху, сразу заявила, что будет помогать. Народ влип в экраны. Такого шоу ещё не было. Бомбардировки Белграда в 1999-м не заметили, ибо, опять же, НАТО спасало хорватов и албанцев от сербов — таких же зловредных и непредсказуемых, как русские и арабы.

Анна приходит в разные дома и обычно идёт в комнату ребёнка через гостиную. В последнее время почти всегда — мимо семьи, которая смотрит по телевизору, как русские танки движутся по украинской земле. Русская учительница, конечно, не рассматривает эти территории как Украину, а считает землями Российской империи, и народ там, по её мнению, свой, родной, хотя и обманутый, зомбированный, но говорить об этом она не будет. Это как кричать сумасшедшим в уши, что они сумасшедшие. Никто не поверит, а с работы уволят. В стране не принято на работе обсуждать политику. И уж тем более быть на стороне России.

Анна никому ничего не говорит, но неприятно смотреть, как действиям твоей страны ужасаются. А вот с китайцами легко — они ей улыбаются, с Путиным согласны. Индусы тоже ласково смотрят.

— Хотите чаю? И у меня есть булочки, — предлагает китайская мамочка.

Анне не положено угощаться, но у восточных народов принято угощать. Не отстанут, пока не подкормят, и она принимает чай, но отказывается от булочек, ссылаясь на несуществующую диету.

С китайчонком проводит два часа. Выкладывается. По-другому, как некоторые её коллеги, не может. В конторе, где она работает, центре для аутистов — частном заведении — делают всё спустя рукава, только чтобы родителям пыль в глаза пустить. Ни пособий там толком нет, ни развивающих игрушек. Разделили большое помещение, размером со спортзал, на стеклянные кубрики, на окнах помещения — специальное покрытие, чтобы сотрудники видели улицу, а оттуда к ним никто не мог заглянуть, и занимаются с аутистами. Анна наблюдала, чем: обычно сидят в телефоне, а ребёнок сам, один, в углу играет. Если умеет играть. А то просто сидит, раскачивается.

Ей по её требованию выдали листочки с чёрно-белыми заданиями, она пошла в магазин, купила с цветными рисунками, но ответили, что нет, нельзя, есть свой план, вот по нему и иди… И если родитель через месяцы спросит, почему ребёнок ничему не научился, на него внимательно посмотрят и скажут:

— Так он аутист. Чего вы ждали? Тут быстрых результатов не бывает.

Ложь! Если заниматься, бывают. Анна за несколько занятий обучает держать ложку или застёгивать молнию на куртке, пить через соломинку или мыть руки. Упор в канадском образовании для аутистов — на навыки самообслуживания.

Особенно ей жаль четырнадцатилетнего Стивена, которого привозят и бросают с телефоном в руках. С ним ужасно тяжело. Уже большой парень — и по возрасту, и физически развит. Она с ним позанимается час — порисует, покажет картинки, назовёт предметы на них, попросит повторить, а ему в центре для аутистов ещё пять часов быть, уже без неё. И его просто запирают в кубрике с телефоном. А кто может пять часов смотреть мультики? И он бесится, кричит, бьёт в дверь, в стёкла. А они из спецматериала — не пробьёшь…

Хотелось бы сказать его родителям, которые платят большие деньги за то, чтобы сына развивали, что им никто не занимается, но тогда будет скандал, её выпрут с работы. А деньги очень нужны. Анна — одинокая женщина, она платит за дом (хоть и субсидированный, дешёвый, а все-таки счета съедают третью часть зарплаты), за машину надо платить — бензин и страховку, плюс еда, лекарства для больной восемнадцатилетней дочери.

На самом деле это племянница. Её мать умерла, девочка была удочерена Анной в три года, и теперь она любимая доченька. Единственная. У неё оказалось тяжёлое и редкое заболевание. Надо лечить, зарабатывать.

А совесть за Стивена гложет, и Анна наблюдает за родителями, которые оставляют паренька в аутическом центре, пытаясь понять: они знают, что их ребёнку не помогают? Вскоре замечает, что его нередко привозят грязным. Значит, дома о нём тоже не особенно заботятся. Не любят, а терпят, и вот бросают сюда, чтобы не мешал. Отдыхают.

Это самое болезненное — видеть, что родители не любят своего "особенного" ребёнка. Конечно, их можно понять — трудно с таким двадцать четыре часа в сутки. Домашняя психбольница. Но, с другой стороны, Анна знает, что если ребёнка любят, он улучшается. Аутисты ведь — не сумасшедшие, это люди, которые будто заключены в некий кокон. Чаще всего не умеют разговаривать, но чувствовать, понимать могут. И радуются, когда их любят, и плачут, когда нет. Правда, выражают это не всегда в понятной для окружающих форме.

Стивену нечего делать, и порой он начинает мастурбировать прямо у Анны на глазах. Потому что возраст. И потому, что его никогда не оставляют одного — без пригляда, и понятно, что это своё дело ему в любом случае приходится делать у кого-то на глазах. Желание шибает ему в светлую, кучерявую, подростковую голову, и он, отвернувшись к стене, получает удовольствие. Анне противно и страшно, она пытается переключить его внимание на занятия, достаёт припрятанную в сумке игрушку, которая крутится на столе, мини-юла, но мальчик внезапно свирепеет и бросается на учительницу, вцепляется в волосы. Анна нажимает на кнопку специального звонка, и к ней приходит помощь.

Конечно, идея с юлой — не лучшая, но что делать, сидеть и смотреть, а потом вытирать ему руки салфеточкой?

Остаток дня Стивен колотится головой о стены, кричит, рычит. Не потому, что столь безумен, а потому, считает Анна, что до него никому нет дела. Пока она с ним занималась, он ведь сидел тихо, отвечал, рисовал и даже улыбался. А коли каждый день тебя запирают на часы в замкнутом пространстве, что ж ещё делать?

От китайцев Анна едет в дом к клиентке-украинке. С той стало сложно. Бабушка из Ровно, она воспитывает внука-аутиста одна. Где его родители — непонятно. И она, конечно, молодец. Тратит на ребёнка деньги, Анна у неё не от конторы, а частным образом даёт уроки. И бабушка Августа хорошо платит. Она моложава, ухожена. Деньги на внука Августа получает через благотворительные фонды. Пробивная.

До военной операции всё складывалось неплохо, было сложновато только потому, что женщина безотрывно следила за занятиями, наблюдая, чтобы учитель не отдыхала. Но Анна привыкла выкладываться, жалела детей и не собиралась халтурить. Ребёнок был милым, чистеньким, красивым, его особенно хотелось спасти. Ему всего четыре, а значит, ещё есть время развить его.

Сейчас с Августой стало тяжело находиться в одной комнате. Она встречала вопросом:

— Ты слышала новость? Русские уже у Киева… — И заглядывала в глаза. Страстно хотела найти ответ, на чьей стороне Анна. Та отворачивалась, снимала обувь, доставала тапки и спрашивала в ответ:

— Марек хорошо спал? Он не уставший?

— Хорошо, — торопливо отвечала украинка и в смятении удалялась. Потом, в момент передышки или перед уходом снова заводила волынку про военную операцию.

— Нет, ну, как так можно? Россияне стреляют по мирным людям, звери! — И снова пристальный взгляд.

— Вы, пожалуйста, вечером повторите с Мареком счёт до пяти, — просила Анна.

И вот опять она едет к Августе. В высотку в центре Калгари. Это красивое здание, всё в зеркальных стёклах, с консьержем, мягкими креслами и зеркалами в золотистых рамах на входе. Надо отмечаться, когда приходишь.

На этот раз Августа была настроена решительно. Только впустив Анну, зачастила:

— Я просто не могу жить… Не могу спать… Русские разбомбили полигон у Львова, базу, где были даже канадские волонтёры. Орки насилуют женщин и детей… Как вот вы к этому относитесь, Анна?

— Я не смотрю новости, у меня очень много клиентов. Прихожу домой в семь и ещё два часа готовлюсь к завтрашним урокам.

— Нет, ну, вот я вам рассказала. Как вы считаете, Путин сошел с ума? Вы же на нашей стороне, как канадская гражданка…

О-о-о. Запахло угрозой. Доносом. Анна не знает, что ей будет, если власти Канады узнают, что она за Путина. Скорее всего, ничего. Она давно за него, как и тысячи других русских канадцев. Они все последние годы ходили Бессмертными полками, проводили демонстрации за Донбасс, собирали туда гуманитарку, и ничего.

Но всё равно противно.

— Мне не позволяют говорить о политике. Учителя не должны это обсуждать.

— Но вы же у меня работаете не от компании, а сами по себе.

— Этика касается любого учителя.

Они смотрят друг на друга. Анна понимает, что ей надо уходить. Не из квартиры, а вообще. Не даст ей эта бабка работать. Августа, в свою очередь, понимает, что перед ней — представитель "агрессора", путинистка. И вот как быть? Марек к ней привык, стерва хорошо обучает. Украинство в Августе борется с родительством. С бабушинством.

Сначала победило бабушинство. Но ровно на четыре урока. Оскорблённое украинство продолжало бурлить, и Августа стала делать Анне замечания:

— Ты слишком часто смотришь в телефон!

Анна туда смотрела пару раз за два часа уроков. Секунду. Пришло сообщение, она не стала его открывать, но взяла телефон в руки, чтобы посмотреть, не от дочери ли. Может, у той нестерпимые боли и пора "скорую" вызывать.

На следующем занятии старушенция упрекнула, что Анна ходила в туалет.

— А Марек в это время плакал! Что ты ушла. Он к тебе очень привязан.

Не знаешь, что и ответить. Маргарет Тэтчер гордилась, что могла не ходить в туалет по шесть часов. Но Анна — не Маргарет.

После третьего занятия Августа сообщила, что Анна не следит за ребёнком (сама она куда-то уходила), и у него гематомы, а значит, он упал. Она продемонстрировала синяки у мальчишки на ногах. Анна от ребёнка не отходила, стало быть, синяки появились после её ухода, и стало быть, бабка решила использовать их против неё.

После четвёртой встречи она обвинила Анну в том, что та якобы оставила ребёнка одного (сама Августа снова покидала квартиру на время занятий), и тот проглотил таблетки, и его рвало, ребёнок мог умереть.

Тут, наконец, до учительницы дошло, что клиентка не успокоится, пока не лишит её лицензии. Анна сообщила, что это её последний урок, и ушла. В машине, пока ехала домой, держась за руль трясущимися руками, всё же переживала, что лишается большой суммы. Украинка брала много уроков. Теперь где-то надо искать нового клиента — заполнять финансовую брешь, ведь эти деньги уже пошли в дело — Анна посылала их маме в Томск. Точнее, потому что перевод денег в Россию запретили, она отдавала их знакомой в Калгари, а та со своего российского счёта переводила эквивалентную сумму в рублях её матери.

Придя в офис, Анна узнала, что Августа позвонила туда и сказала, что Анна Донцофф — плохой учитель, детям с ней находиться опасно и её следует уволить.

— Эта женщина украинка. Она огорчена событиями на родине, — объяснила Анна директору.

И её поняли. К счастью, руководство знало её как профессионала, и в стране уже начались украинские выходки против русских иммигрантов, газеты мягко предупреждали бурлящую украинскую диаспору об ответственности и публиковали e-mail полиции русским для жалоб. В Торонто дошло до того, что некая дамочка призвала украинок вредить русским детям.

— Вы же работаете в детсадах и школах, подсыпайте кацапским детям в еду, пусть сдохнут! Если вы маникюрша, заражайте русских клиенток СПИДом! — призывала обезумевшая Ганночка. И допризывалась до уголовного дела. Не из-за угроз, хотя и их бы хватило, а потому, что она, зарабатывающая выпечкой домашних тортов, действительно насыпала чего-то в торт для детей, — причём семье своих постоянных клиентов, которых обслуживала годами! — и праздновавшие попали в госпиталь с отравлением. Не смертельным, но рвота и понос — пожалуйста.

Анна думала над этой историей. С одной стороны, негодование украинцев можно понять: кому приятно, если в твою страну вошла чужая бронетехника? Представила такое в России, и сердце упало. Этого просто нельзя вынести. Однако... Во-первых, вошли на Украину не танки Мозамбика, а свои, русские вошли... Не сопротивлялись бы, так и без крови обошлось бы. Что вам, плохо было в УССР? Да вы только тогда спокойно и жили, когда со своими, русскими. А с поляками резали друг друга. Ну, да ладно, украинцев уже переформатировали, и они не верят, что русские — свои, считают нас мокшей, угро-финнами, татарами, как будто в присутствии этих кровей есть что-то плохое. Но призывать травить детей, заражать СПИДом? Анна бы не стала. И никто из её друзей и знакомых не стал бы.

Русские все предшествовавшие СВО годы вели в Канаде активную деятельность по моральной, а порой и материальной поддержке Донбасса. Не военных подразделений — тут опасались, что обвинят в спонсировании незаконных формирований, — а больниц, детдомов. Едва только началась бомбёжка Донбасса весной 2014-го, как обезумели от горя. Метались. Не знали, что делать, как помочь. Проводили митинги против АТО, стояли во всех больших городах перед местными парламентами с российскими флагами. В Оттаве так стояли, когда Порошенко прибыл. Туда же пришли украинцы, и только полиция спасла две толпы от побоища.

Анна в те дни посмотрела по российскому телевидению сюжет о погибших от взрывов на улицах Донецка и Луганска, и после этого случайно наткнулась на ютубе на песню "Солнечный круг". Как она рыдала! Как совершенно по-другому, чем в детстве, открылись ей слова этой песни:

Слышишь, солдат, видишь, солдат,
Люди пугаются взрывов!
Тысячи глаз в небо глядят,
Губы упрямо твердят:
"Пусть всегда будет солнце..."

А украинцы канадские не понимали русского горя, не сочувствовали, охаивали в соцсетях сожжённых в одесском Доме профсоюзов людей, смеялись над "жареными колорадами", проклинали убитого полицией русского активиста — дело тёмное, никто так и не понял, почему остановили и застрелили в Эдмонтоне простого русского мужика, строителя, который всеми, включая канадскую компанию, в которой он работал, характеризовался как добрый, спокойный труженик. Так вот, украинцы его проклинали, узнав, что он организовывал Бессмертные полки, гоготали.

А теперь удивляются, почему русские не возмущены падением снарядов на украинскую территорию. Отчего российская общественность не в ужасе, ведь "война — это самое страшное, нападение ничем не может быть оправдано" (да ну?). И продолжают стебаться над нашим ответным:

— А чего вы не возмущались восемь лет, пока бомбили Донбасс?

— Дамбили Бомбасс? Бу-у-гага! — вот и весь ответ.

Неделю назад Анна ходила в сауну. Чтобы отвлечься от всех больных — и клиентов, и от дочери, у которой из-за болезни совершенно испортился характер. Она целыми днями сидела дома, смотрела аниме и искала, в чём мать виновата, чего ей недодала, и особенно её бесило, что Анна не прекращает попыток наладить личную жизнь.

— На штаны меня променять хочешь?

Только Анна вышла из парилки, как к ней подошла дама. Сразу в лоб спросила на русском:

— Ну, и что ты обо всём этом думаешь?

Минутное замешательство, и Анна сообразила, о чем речь.

— Почему я должна вам отвечать?

— Говори, а то я тебя сейчас.... — Женщина выругалась.

— Я сейчас полицию вызову, — твёрдо сказала Анна. И баба в махровом полотенце, красная и потная, всё же отступила, но стала орать про русских, про Путина. И настроение всё же испортила.

В другой раз пришлось увидеть, как украинка мечет йогурты в какого-то человека в магазине и орёт дурниной:

— Чемодан-вокзал-Россия! Нечего тут русским делать! Мы победим вашу Рашку! Мы её с лица земли сотрём! Украина понад усе, запомни, скотина!

За восемь лет Анна так и не поняла, что случилось с украинским народом. Когда русские увидели, как он заскакал и начал кричать, что "москаляку на гиляку" — ни с того ни с сего, при вполне независимой жизни после падения СССР в течение двадцати трёх лет, когда "москаляка" не особенно даже и смотрел в их сторону, выбираясь из пропасти. И вот нате — "на гиляку"... С чего украинцы обезумели? Многие тогда, в 2014-м высказывали версию, что им что-то подсыпают в воду или распыляют в воздухе. Не мог весь народ вдруг измениться, будто бес в него вселился.

Анна за три года до переворота побывала в Киеве — после многих лет жизни в Канаде. И всё на Украине было прекрасно — тепло и по-домашнему. Люди говорили по-русски. Про Путина — с уважением и завистью к россиянам. Про свою власть — без уважения, но и без ненависти. Украинцы в поведении оставались такими же, как воронежцы, самарцы или омичи. В разговорах с таксистами Анна выяснила, что живут киевляне вполне неплохо. Хотя Киев за годы независимости всеобщего благосостояния не достиг, создавалось ощущение, что власть страны живёт сама по себе, а народ — сам по себе. Анну позабавило, как киевляне называли парадными подъезды, которые будто под бомбежкой побывали. Там не только большими кусками отвалилась штукатурка, но и зияли большие дыры, будто в стену внутри подъезда попало ядро. И это ещё до Майдана...

И всё же Украина жила мирной, спокойной, вполне сытой жизнью. С переворотом ничего не улучшилось, напротив — новые власти и их прихлебатели стали жить ещё роскошнее, а народ — погибать на войне, которую ему тут же устроили. Тьма же, как только овладевает какой страной, первым делом войну развязывает... В ней сплошные выгоды: и оружие новое опробовать, и ВПК заказы получает, и военные — опыт, и умирают не свои. А главное — погибают молодые мужчины — те, кто способен сопротивляться тихой иностранной оккупации. Остаются бабы, дети и старики. И делай что хошь — грабь, навязывай гей-парады, органы вынимай...

В фильме "Иван Васильевич меняет профессию" это наглядно показано — как два жулика, усевшись на трон, сразу отправляют армию в поход, потому что боятся её.

У Анны в голове не укладывалось, как могли украинцы это всё принять. Ведь в то время, что она ходила по Киеву, разговаривала с самыми разными людьми, она увидела, что они простосердечны, добры, честны... Спросила на базаре цену на шапку вязаную, ей ответили, она пошла дальше с мыслью, что поищет цену пониже, а если не найдёт, купит эту шапку бабушке, которую встретила на углу и которая была в ноябре в тоненьком платочке ("а у меня шапки нет"). Ничего лучше не нашла и вернулась к первой торговке, отсчитала озвученную сумму, купила. И когда пошла прочь, торговка её окликнула: "Женщина, вернитесь. Я вообще-то дешевле эти шапки продаю". Анна вернулась, получила сдачу, удивилась.

Наш народ. Русский. Только окраинный. Жалко торговке стало Анну с больной девочкой — дочка Анны, несмотря на то, что ей было тогда семь лет, сидела в коляске...

Анна пошла к бабушке, которая присела на углу улиц на лавочке и ела какую-то плюшку, вручила ей шапку и денег дала. Та не ожидала, не нашлась

даже, что сказать. И Анна ушла, а когда уже была далеко, оглянулась и увидела, что старушка стоит столбиком, прижав толстый вязаный мохеровый берет к груди, и смотрит ей вслед.

Потом в обувном отделе магазина девушка долго рылась в каких-то бумагах и таки нашла ей босоножки для дочки со скидкой, хотя Анна не просила.

Анне поглянулись киевляне. Приехала в Канаду и хвасталась друзьям, что "дома побывала". Потому что тогда домом было всё — Москва ли, Киев ли, Минск…

Хозяин квартиры, которую она снимала в Киеве, тоже понравился. Светлоокий, с тонкими чертами лица интеллигентный молодой мужчина. Она позвонила, сказала, что не может открыть стиральную машину, а там её стираное бельё, и он тут же приехал, открыл и слова поперёк не сказал, что, мол, дура ты дура, включила бы мозги, так сама бы открыла. Она предложила возместить затраты на такси, он отказался. И ведь знал, что она из Канады, а не позарился.

Наши люди… Где он теперь, этот парень, неужто воюет? А может, давно в земле, может, его ещё в 2014-м призвали? Горе, горе…

Так вот, не могла Анна понять, как жителей Украины сделали такими бесчувственными, злобными, зигующими, и предполагала, как и многие другие, что им что-то в воду подсыпают или распыляют в воздухе. Потом вспомнила, что есть у неё в Киеве знакомый, который за союз с Россией. Значит, всё же не подсыпают?.. Ну, и если вспомнить бандеровщину, так она всегда на Украине была. Просто сейчас ей дали автомат и микрофон…

Зависть ещё сгубила, жадность. Уж как им вдруг захотелось в Европу… Так разожгли себя, что предали родного брата. За каинство Бог и карает. Целая страна, охваченная пороком, может быть наказана так же, как один человек. Рим был разрушен развратом, Украина — завистью.

Одним хотелось, как в Европе, и они скакали, другие не вмешивались в происходящее — их хата с краю. В то время Анна и вдумалась впервые в эту пословицу. У русских же не говорят, что хата с краю. Нам до всего есть дело — до голодающих в Африке, до загнанных в резервации индейцев. Русская армия кому только не помогла за свою историю — болгарам, сербам, сирийцам, армянам. Да что там говорить — не раз весь мир спасала. А на Украине — хата с краю. Донбасс бомбят, а в Киеве в барах пьют и пляшут…

Уже после пандемии пришло в голову, что, может, им, украинцам, прививки какие ставили, ещё до 2014 года? Под видом вакцинации от гриппа. И они теперь управляемы извне? Дикая гипотеза? Смешно? Но Билл Гейтс придумал микрочип для аборта. Он вводится женщине под кожу и извне ей можно сделать аборт. Некто нажимает кнопочку и в организм выливается вещество, которое убивает плод. Об этом написала "Нэшнл пост". Да и другие СМИ сообщали. Вот скажите, зачем нужно такое изобретение? Для контроля за демографией, для наказания непослушного? Плохо работала, выступала против смены пола детям, вот тебе — не имеешь права родить.

А ведь так можно убивать не только плод, но и саму женщину. Зависит от вещества в микрочипе. А управлять человеком, чтобы скакал и чтобы поглупел, стал внушаем, разве нельзя? В начале пандемии высмеивали мысль о том, что вакцины против ковида могут оказаться микрочипами. Анна же прочитала на правительственном монреальском сайте беседу с учёными. Беседа та должна была развенчать конспирологические теории, но только укрепила их. Учёных спросили, можно ли через иглу вставить микрочип. И те ответили, что не только можно, но это происходит сплошь и рядом: так чипируют животных и птиц и так вставляют чипы тем, кто хочет бесконтактно расплачиваться.

Вот и думалось, глядя на скачущих украинцев: сами подпрыгивают или их извне заставляют? Арестович сказал, что у его соотечественников порваны все нейросвязи. Это он образно выразился или что-то знает?

Надо расколдовывать Кая. А как его расколдуешь, коли он так и находится в чертогах Снежной Королевы, и сердце его стало льдом, и тебя ему показывают в блюдечке с голубой каёмочкой, приговаривая: "Вот сестра твоя Герда, она пришла убивать". Остаётся биться в эти чертоги на

бронетранспортёре, закидывать снарядами, взрывать их к едрене фене и рвать Кая из рук морозной стервы — пусть и с кровью, отрывая ему руки, ноги, потому что душу надо спасти. Душа — важнее.

Тревожилась Анна. С одной стороны, радостно, что Россия своей операцией положит конец войне на Донбассе, и Украина снова будет наша — не только территориями, но и по духу (выбили однажды бандеровщину и сейчас выбьем — как грязный половик), с другой стороны… А ведь получила Тьма то, что хотела, — гибнут молодые русские, молодые украинцы, все те же самые силы, которые могли бы сопротивляться власти Зла. И если всё затянется, то там и там останутся обширные территории с бабами, стариками и детьми. Крути их, как хочешь, вытряхивай им карманы, захватывай земли, бури недра. Разделяй на множество мелких стран и властвуй.

Но разве есть у России другой выход, кроме как силой спасать и спасаться? Нет, не оставили.

Русские в Канаде попритихли. Раньше можно было ходить с российскими флагами, с Путиным на майке, требовать, чтобы Канада не давала деньги на АТО, а сейчас резко всё изменилось. Из каждого утюга несётся про Украину, показывают разрушения, утверждая, что это русские наделали, беженцев интервьюируют, вызывая жалость в сердцах добрых в общем-то канадцев. Те искренне сочувствуют.

Но не все.

— Энн, ты давно была в России? — осторожно подбирается к теме канадская клиентка Джоанна.

— Давно.

— Путин — хороший? — Канадка смеётся, чтобы, если что, выставить вопрос шуткой.

Анна прямо смотрит в глаза и решает, что она имеет право на свои пристрастия. Будь что будет.

— Самый лучший.

— Так ты за него? — оживляется Джоанна. — Мы тоже. Он борется с глобалистами! Его за это и ненавидят. На Украине множество биолабораторий! Мы очень на него надеемся, что он всё выявит и прекратит весь этот ужас с ковидом и вакцинацией. И ты знаешь, что он не даёт пропагандировать гомосексуализм перед детьми? Да!

Анна молчит, слушает.

— Как только Россия начала войну, по всему миру прекратилась пандемия! Отменяют запреты, и то, чего мы тут добивались "конвоями свободы", пришло к нам само собой! Благодаря России! Благослови её Бог!

Анна улыбается, надевает ботинки, а потом внезапно, поддавшись порыву, обнимает Джоанну. И та держит её в своих объятиях долго. И они понимают друг друга и любят друг друга, как две жертвы кораблекрушения, обнаружившие себя целыми и невредимыми на необитаемом острове. Обе они принимали участие в "конвоях свободы" в феврале — незадолго до российской военной операции. "Конвои" начались, когда канадский народ, замученный карантинами, масконошением, увольнениями непривитых, дистанционным фиктивным обучением детей, а главное — принуждением и запугиванием с экранов, восстал и показал, что он не раб. Тысячи дальнобойщиков двинулись огромной колонной — в семьдесят километров — в Оттаву, чтобы встать перед парламентом и потребовать возвращения гражданских прав.

Ковида-то в Канаде почти не было, несмотря на печальную статистику. В 2020 году никто из знакомых Анны не болел. Это как так-то? В России, Китае, Индии, Иране, — короче, в "оси зла" — люди болеют и умирают, а тут Божья благодать. Специально опросила знакомых в Фейсбуке, есть ли у них кто-то, кто болен? Нашлось двое, кто знает таких людей. Из сотен её фейсбучных друзей…

В 2021-м, когда в страну завезли вакцины (то, что именовалось вакцинами), больные появились, но ковид был таким лёгким, что не требовал ни особого лечения, ни госпитализации. Анна с дочерью пережили его легко и даже не обращались к врачам. Выходило, будто кто-то выпустил лёгкий штамм, чтобы подтолкнуть народ к вакцинации.

К зиме 2022-го миллионы осознали, что операция по их спасению от ковида полностью подтверждает конспирологические теории, но не знали, что делать в стране, где везде камеры и где ты весь в кредитах. Протестовать страшно, когда твоя компания закрылась навсегда после двухлетнего, с редкими перерывами, карантина, и ты получаешь пособие от государства. Оно на долгий срок обеспечило покорность канадцев судьбе. Но к февралю 2022-го его уже не платили, и народ, услышав, что тракеры идут на Оттаву требовать отмены антиковидных запретов, примкнул. Тысячи людей стояли вдоль дорог, приветствуя дальнобойщиков, с плакатами, на которых нарисованы сердца, написаны проклятия в адрес власти и требования о возврате прав. А миллионы — в Канаде и США — скидывались на акцию. В итоге собрали около двадцати миллионов долларов.

— Я неожиданно стал канадским революционером, — рассказывал Анне русский дальнобойщик Сергей. — Мы ехали в столицу, чтобы качать свои, тракерские права, чтобы отменили обязательную вакцинацию для нас, но народ высыпал на дороги — с едой, с письмами детей, с такой оглушительной надеждой на спасение, будто мы армия. Невозможно было не поддаться, не встать уже за всех…

Пятидесятилетний мужик, он вытирал слёзы, вспоминая эти дни. Работу, к слову, потерял — компанию, в которой он работал, закрыли, но ни о чём не жалеет. "Я сказал семье, чтобы, когда умру, написали на памятнике: "Сергей Иванов, участник "Конвоев свободы"— 2022".

Конвои подавили. И сильные мира сего не были бы собой, если бы не отобрали те самые двадцать миллионов. Лидеров мирного протеста отправили за решётку, ввели военное положение и дубинками разгоняли людей, и конями топтали. Счета замораживали, домашних питомцев участников протестов обещали усыпить на том основании, что если владелец арестован, питомцу грозит голодная смерть. В общем, показали всему миру североамериканское народовластие.

— Оно навсегда, — нагло улыбаясь, сказала с экрана одна чиновница о военном положении, которое по закону вводится только в случае террористической или военной угрозы, или стихийного бедствия. Но через три дня Оттаве пришлось его отменить. Анна не знала, почему. Подозревала, что посыпались банки, из которых испуганное население стало массово снимать большие суммы. Канадцы до этого не были о себе высокого мнения. Они осознавали свою чрезмерную послушность, которая происходит вовсе не от глупости или из трусости, а из-за упаханности. Большинство бизнесов в стране ведь частные. Конкуренция высока и жестока. Долгов у каждого — море. Кредитами элиты закабаляют общество. Благами, роскошью — соблазняют. И вот набирает человек всего — дом покупает, машину, ездит в турпоездки, гардероб ломится от шмоток — тут ведь культ успеха, ты не должен отставать от других: клиентура разбежится, если увидят, что ты беден… А в итоге ты не можешь и слова молвить против сильных мира, так как если вылетишь с работы, чем платить за дом, еду, машину? Из дома банк выгоняет уже через два месяца неуплаты.

В России можно хоть в тайгу убежать и жить, как Агафья Лыкова. В Канаде найдут. С вертолётом. Потому что нечего на чужой земле проживать.

Страх и отчаяние охватили Канаду в два года пандемии. Не ковида боялись, а тех, кто от него спасает… По телевизору каждый день главный медицинский инспектор выступал. Или выступало. Не поймешь, мужик ли, баба ли… И только плохое говорит…

— Я каждый день закроюсь в ванной и плачу, — сказала Анне знакомая американка.

— Не бойся, — утешала её русская. Хотя и сама периодически ложилась на кровать и сворачивалась в позе эмбриона — тосковала. — Всё будет хорошо.

— Откуда ты знаешь?

— Мир не может быть завоёван, у него есть защитный механизм, иначе его давно уже кто-то захватил бы. Но это не получилось ни у Македонского,

ни у Чингисхана, ни у Гитлера, ни у Наполеона. И у этих… не получится. Они не могут предусмотреть всё. Это раз. Второе — скоро придёт Герой.

— Какой герой? — удивилась американка.

— Обыкновенный. Он всегда приходит, когда народу тяжело. Ниоткуда. И спасает. Вот увидишь.

Американка засмеялась. Поверила. С такой убеждённостью Анна говорила… А та просто хорошо знала русские сказки и понимала, что это не сказки вовсе, а хроники, изложенные в доступном необразованным крестьянам формате. И богатыри, которые спят тридцать лет, а потом являются и крушат Идолище Поганое, действительно были. И, конечно, не спали они, а росли.

Так вот, и иммигранты были о канадцах мнения невысокого, как о людях закабалённых, мало читающих и боящихся собственной тени, и сами они о себе такого же были мнения. А тут! Увидев, сколько их, недовольных, бесстрашных, стоящих на площади у парламента и обнимающихся друг с другом, требующих возвращения прав и реальной демократии, канадцы зауважали себя. А иммигранты — искренне, не напоказ — полюбили Канаду.

До этого просто жили, питаясь её благами и честно в общем-то работая, но не испытывая чувств. А тут увидели канадский народ. В буквальном смысле. Стоящий в пуховиках, шапках с помпонами, с плакатами на груди: “Я здесь, чтобы, когда внуки спросят, где я был в то время, я мог сказать, что сражался”. С транспарантами “Невакцинированные — это розовый сад”, “Иммунитет — лучшая вакцина”. Мальчик один стоял с транспарантом: “Вырасту и стану тракером — чтобы спасти нашу страну”. Вакцинированные тоже принимали участие. Они понимали, что сохранили работу, но им не дали выбора, заставили уколоться.

Анна плакала от восторга, и многие плакали и вытирали слёзы варежками, а тем, кто забыл варежки, незнакомые люди их давали, ибо запаслись, зная, что кто-то из единомышленников придёт без них. Это была атмосфера любви и единения, когда все: потомки шотландских и ирландских переселенцев, индейцы, индусы, китайцы, русские, украинцы, арабы и персы — чувствовали себя единым народом, над которым нависло Зло. В эти февральско-мартовские дни 2022 года они держали канадский флаг с красным кленовым листом с любовью. Правда, перевёрнутым, чтобы показать, что страна поставлена с ног на голову.

У Анны снова увлажнились глаза, когда узнала, что на мост Амбассадор, связывающий Канаду и США, поддержать тракеров пришли ветераны разных войн. Водители перегородили дорогу в знак протеста против требования правительства, чтобы они все вакцинировались. Военные в парадных мундирах, с медалями, встали стеной, сцепившись локтями и закрывая собой колонну дальнобойщиков.

После этих объятий у них с Джоанной стали совсем другие, почти сестринские отношения. Анна и так-то выкладывалась, занимаясь с её дочкой, а тут и вовсе превзошла самоё себя, и девочка отзывалась на эту заботу, быстро прогрессировала.

Героем же, о котором Анна говорила американке, оказался Путин. Неудивительно, конечно. Он уже спас Россию после девяностых. И Сирию — спас. Странно ли, что и сейчас на помощь испуганному человечеству снова пришёл русский офицер? Нет. Но Анна всё же не ожидала. Она думала, что история преподнесёт другую, новую персону, взявшуюся невесть откуда.

Но нет. Бог возложил спасение мира на всё те же плечи. Кто везёт, тому, говорят, подкладывают.

Если, конечно, всё это — вся мировая политическая канитель — не фарс, не шоу, и всё настоящее — и царь, и враги, и прочее. Потому что после шапито с пандемией, включая вакцинацию и в России, у миллионов зародилось чувство, что всё предопределено какой-то всемирной шайкой, которая лишь распределяет для стран роли. Но об этом лучше не думать, а то можно совсем сойти с ума. В наше время, когда отовсюду на тебя идут информационные потоки, и ты сомневаешься уже буквально во всём, главное, поняла Анна, — прислушиваться к интуиции. Иногда человеку не остаётся ничего, кроме как просто верить тем, кого он всегда любил… Дай Бог, они всё те же…

Хотя новые герои всё же появились. Кадыров. И вся его Чечня. Смотреть — не насмотреться. Что воины, что их молчаливые матери. "Независимо от того, как закончится спецоперация, мы будем бить сатанистов", — сказал в горькие дни, когда у наших не особо ладилось на фронте и сердца россиян погрузились в тревогу и подозрительность. И его сердце — это было заметно — тоже не находило покоя.

Но заверил. И дополнительные силы послал на фронт. И всё время, как былинный князь, находился со своей дружиной. Как никто. И с народом всей страны ежедневно вёл разговор — объяснял, утешал… А когда Путин с трибуны говорил о любви к России, поднял мужественное, бородатое лицо вверх, будто хотел, чтобы появившаяся в глазах влага осталась там.

Любит, любит Россию. Не лгал, когда говорил, что пехотинец…

Дорогой ты наш…

Это был выходной. Один-единственный в неделю. Светлое Христово Воскресенье. Днём Анна с дочкой жарила барбекю на фронтъярде — участке земли с ровно подстриженной травкой перед домом. Вечером у неё было назначено свидание. На сайте знакомств списалась с импозантным мужчиной — немолодым, но и она не девочка — сорок лет.

Любви хотелось. Заботы тоже. А то одно сплошное преодоление. То английский учила, то в колледже грызла гранит науки на этом языке, потом искала работу, а в Канаде без опыта не хотят принимать… Пришлось поработать бесплатно, волонтёром, за рекомендации. Потом доказывала работодателю свой профессионализм. И вот каждый день пашет, и дочь поддерживает — морально, физически. Девочке тяжело что-то делать, потому Анна и готовит, и убирает, и стирает. Так ещё и прибавилась военная операция и связанные с ней переживания за наших там, и за себя здесь, ибо на русскую речь стали оборачиваться.

Анна всё ещё мечтала о любви. Она смотрела на себя в зеркало и видела очень красивую женщину. Высокую, стройную, с длинными тёмными, густыми, чуть вьющимися волосами. У неё большие глаза и полные губы, тонкий нос, высокие скулы. На вид ей не больше тридцати. Её и дочь принимают за сестёр.

Однако она одна. На личную жизнь не хватает времени. Единственный выходной нужно отдавать дочери. Ну, и настирать, наготовить на неделю.

Хорошо буржуи устроили свой мир — загрузили людей так, что тем некогда не то что революции делать, а даже просто продумать, что их не устраивает, изучить вопрос. Хочется просто лежать. Раскинуться по кровати морской звездой и закрыть глаза, спать.

Анна и дочь вытащили барбекюшницу на фронтъярд и жарят мясо. А почти над ней, над барбекюшницей, которая стоит у забора, нависает балкон соседки. Римма — эмигрантка с Украины, живёт в Канаде давно. В прошлом, 2021 году они с Анной были в хороших отношениях, и Римма спросила, можно ли ей загорать на Аннином участке. Ибо у Риммы была квартира, а не дом. Тоже субсидированная (это жильё для бедных, вполне приличное, но гораздо дешевле), но без земельного участка. Анна разрешила, и украинка провела на её газоне всё лето.

А потом, через полгода, вдруг взяла да настучала в менеджмент, что у Анны дома есть стиральная машина. А это запрещено. Владельцы субсидированного жилья не должны иметь дома стиралок, ибо они жрут электроэнергию. Есть общая прачечная, где в ряд стоит несколько машинок, и туда, засовывая за каждый час по доллару, нужно бросать одежду и стирать. Анна вначале так и делала, пока не заметила, что соседская семья из Нигерии стирает там кроссовки. Потом увидела дряхлых стариков в памперсах, которые они при ней покупали в аптеке напротив, стирающих там своё бельё, и по природе своей брезгливая, женщина больше не смогла опускать в машинку свои нежные трусики и кружевные лифчики. Купила стиралку и спрятала в ванной, накрыв клеёнкой.

Римму она домой приглашала, чаем поила, и та, разумеется, знала о стиралке. И вот настучала. Ни с того ни с сего. Анна перестала с ней здороваться.

Главное, что у Риммы тоже была дома стиральная машина, но Анна решила не доносить в ответ. Боялась, что та разозлится и будет ещё больше гадить. Машину, например, расцарапает или колёса будет протыкать. Анне уже не раз царапали машину и протыкали колёса, когда она прикрепила под лобовым стеклом георгиевскую ленточку. Однажды даже дерьмо положили на капот.

И соседка, ощутив безнаказанность, сорвалась в пике. Неистовствовала. Видя, что Анна и дочь дома, и у них открыто окно, она садилась за столик на балконе и нарочито громко говорила неизвестно с кем. Доносилось:

— Сука из Сибири… Две б….ди, мамаша и дочка… Да я их раз…. в один момент… Для них уже могила вырыта… Чмо россиянское.

Тут и дошло, отчего взбесилась соседка. Из-за военной операции.

Анна терпела. Приходила домой, и дочка сообщала ей, что Римма снова материлась, включала громко музыку, кричала, что она депортирует этих томских шалав, нечего им делать в нашей Канаде.

И вот, когда мясо жарилось, и мать с дочерью зашли в дом приготовить салат, соседка начала мести на балконе. Размашисто. Пыль полетела на мясо. Анна побежала спасать еду, а дочка стала снимать на видео соседку с веником над мясом.

Дома Анна плакала. Устала. От всего. От больных детей на работе и дома, от жизни на чужбине. Ей бы хотелось поселиться в Петербурге, всегда мечтала, но тут у неё есть дешёвое жильё от государства и работа, а там ни жилья, ни денег, чтобы его купить. Опять же, тут дочери платят пособие по инвалидности, а там, Анна проверяла, это заболевание не входит в число тех, по которым дают инвалидность. Анна плакала и потому, что у неё всю жизнь нет надёжного плеча рядом. Её красота ещё держится, но скоро увянет. А нет времени искать мужчину даже просто для секса. И совершенно непонятно, где заниматься этим самым сексом, — к взрослой дочери в дом не приведёшь, тем более что у неё из-за болезни нет личной жизни, к любовнику пойти — значит оставить девочку, которая и так всю неделю дома одна, и в единственный мамин выходной в одиночестве.

Замкнутый круг.

И всё же вечером она отправилась на свидание к тому самому, импозантному. Выглядела дивно: умело уложенные феном волосы, благородный, неброский, в пастельных тонах макияж, наконец, голубое платье. В Канаде женщины редко носят платья, потому эта одежда производит самое благоприятное впечатление на местных мужчин.

Пока ехала к месту встречи — скамейке в парке, — вспоминались другие мужчины с сайта для знакомств. На неё, сорокалетнюю, клевали в основном кавалеры шестидесяти лет. Жадные, а потому никому не нужные.

В России мужчины одиноки чаще всего оттого, что гуляли напропалую, и жена не выдержала. Или пили. В Канаде другое. Жадны. Скрупулёзно всё считают. Нередко воспитывают детей в одиночку. Это означает, что персонаж много зарабатывает, не хочет платить большие алименты, понимает, что они и на бывшую жену будут уходить, и отсуживает дитя. Тогда не только алименты не надо платить, но ещё и с жены их можно брать.

И вот она встречалась с одним, с другим, и хотя некоторое время закрывала глаза на жадность, потом не выдерживала. Ну, ты хоть на День влюблённых цветы-то купи! Нет, в любви клянутся, а спать с ней хотят даже не за блюда в ресторане, а за собственного приготовления еду. “Я так делаю спагетти!” Макароны он ей сварит. И это при зарплате в пятнадцать тысяч долларов в месяц, что и по канадским стандартам высокий доход.

Был у неё такой один менеджер в любовниках. Итальянец. В уши заливал — заслушаешься. Но на праздники пропадал, чтобы не тратиться, а когда она спросила, неужели нельзя было хоть букет с тортом купить, сказал:

— Ты корыстная. Без штанов меня хочешь оставить?

Она удивилась, что в английском языке тоже оставить ни с чем — это оставить без штанов.

Бросила его. Хотя сердцем прикипела. Точнее, телом. С голодухи-то прикипаешь к любому симпатичному, стройному и неглупому мужчине.

С итальянцем можно было поговорить об искусстве, книгах. А ей всегда этого хотелось. Но на День влюблённых, пребывая с ней в своей спальне, он вдруг вытащил из ящика шкафа искусственные члены. Голубой и розовый. В разорванной упаковке. И сказал, что купил это ей в подарок. Анна некоторое время молчала, с ужасом взирая. Она — учительница, а что ни говори, профессия накладывает отпечаток. Её мама — тоже учительница. У неё в роду двадцать пять учителей.

Спросила:

— А почему упаковка разорвана? Может, это осталось от твоей бывшей гёрлфренд?

— Нет, это я разорвал, чтобы посмотреть.

Анна не поверила и даже в руки брать отказалась.

В гардеробной у него было сто пятьдесят пиджаков. Он ей сам сказал и показал. И море обуви. Он любил наряжаться. Итальянцы — народ, любящий красоту.

Получив в подарок члены, Анна задумалась, есть ли жизнь на Марсе. Есть ли любовь в Канаде и порядочные мужчины. Она послала итальянца на все буквы алфавита и стала назначать свидания русским интернет-ухажёрам. Но и тут потерпела фиаско. Наши приходили на свидание в затрапезном виде и всё ныли, ныли… Что жена бросила, что все женщины корыстные, что начальник дурак и не ценит…

Анна заметила, что иностранцы обычно перед женщиной распушают хвост и лгут об успехах, преувеличивают их. Особенно люди с Ближнего Востока — те просто факиры. Наши же, наоборот, жалуются. Потому что первые видят в женщине самку, добычу, которую надо ухватить, и желательно бесплатно, за россказни, а наши в ней видят маму.

— Вот по тебе видно, что ты душевная женщина, — так они начинают и изливают накопившуюся боль, после чего Анне уже ни любви не хочется, ни секса.

И вот теперь она едет к мужчине, которому под шестьдесят, но на фото он модный, в кожаном прикиде, с профессионально подстриженной бородкой, современной причёской, волосы все на месте, и с которым она по интернету даже поговорила о Достоевском. Это сильно прибавило ему привлекательности.

— Зачем тебе эти нерусские? — возмутилась как-то её знакомая Мила, иммигрантка из Одессы. — Выпиши себе из России мужика!

— Он же будет без вида на жительство. Сначала надо сделать ему документы — это морока и деньги, у меня лишних нет. Потом ждать, пока он выучится в колледже, содержать, потом его без опыта не будут брать на работу. Короче, несколько лет нянчить.

— Да ну! Выходишь замуж, привозишь и бросаешь на стройку. Какой колледж? Пусть руками работает, там заработки хорошие, а есть и второй плюс — ты его почти не будешь видеть. Будет вечером приходить, валиться в постель и засыпать. Утром рано уходить. И отдавать тебе всю зарплату. Я так сделала, красота!

У Милы были нестандартные советы на все случаи жизни.

— Какая ты дура! — ласково говорила она. — Зачем ты работаешь? Сделай себе справку о шизофрении и получай пособие.

— Но я не больна.

— В том-то и дело, что если справка о болезни сердца или почек, тут тебя поймают, анализы покажут, что у тебя всё в порядке. А шизофрения такое дело, что никогда не докажут, что у тебя её нет… — Мила хохочет. — Вот я сделала себе и дочери, и имеем два пособия. Тебе телефон доктора Левина дать? За пять тысяч долларов он тебе нарисует.

Анна не знает, что ответить, и Мила понимает это по-своему.

— Дорого, конечно, собака, берёт, но это же кусок хлеба на всю жизнь. Мы теперь с дочей отдыхаем, гуляем везде, общественной деятельностью занимаемся.

Общественная деятельность Милы заключается в том, что она периодически кого-то судит. На деньги. Сейчас она судила своего стоматолога.

До этого она артистично поскользнулась в супермаркете и судила супермаркет. Что-то получила. Она также подала иск против мэрии. Анна не вникала, в чём суть, но поняла, что Мила требует с них каких-то дополнительных выплат инвалидам и что Мила кричала в мэрии, а когда пришла полиция, она помахала перед ними своей справкой, и те удалились, не солоно хлебавши.

— Знаешь, а в России у нас не удалось инвалидность получить, — доверительно пожаловалась она. — Мы хотели, но там столько бумаг требуют! Не прорвёшься сквозь их бюрократию.

И Анна порадовалась за Россию.

Новый знакомец оказался португальцем, которого привезли в Канаду в пять лет. Встретиться он предложил в парке на скамейке. Анна думала, что он приедет на машине, она в неё сядет, и они поедут в какую-нибудь кофейню. Но он приехал на велосипеде. Что означало: никуда он ехать не собирался, даже на её автомобиле, ибо как оставишь велосипед?

Вида он оказался потрёпанного. Старый, лысый. Седая борода, как на снимке, присутствовала. А более ничего не совпадало. Одет в клетчатую фермерскую рубаху, старые джинсы и грязные ботинки. Объяснил, что машина у него есть, но на велике удобнее — не надо платить за парковку.

Не зная, о чём говорить, Анна заговорила про сауну, в которой побывала недавно. Сказала, что очень любит русскую баню. Он спросил:

— Как в ГУЛаге? — И засмеялся.

Она заговорила с ним про кино, книги, искусство. Он три раза широко зевнул. Сказал, что любит русское искусство, что даже похож на русских, только не алкоголик. И снова засмеялся своей шутке. Поведал о бывшей жене, с которой у него был общий бизнес. Разведясь, они его продали, а деньги поделили. Сейчас он живёт на эти средства. Денег хватает, чтобы не работать и путешествовать. Есть двое детей. Учатся в частной школе. Сказал это самодовольно. Добавил, что было у него с женой ещё две собаки. Они и их поделили, но теперь ему собака мешает, потому что хочется путешествовать, а как её оставишь? Он собирается сдать её в шелтер.

“Гнида”, — подумала Анна, соображая, как расстаться прямо сейчас. А у португальца вдруг развязался язык. Он пригласил её в артгалерею, куда ему подарили абонемент, то есть это будет для них бесплатно.

— Кажется, дождь начинается, — сообщила Анна голосом Пятачка, и обрадовалась, что можно уйти. Встала и почти убежала. Бежала к своей машине и думала, что вот кому не суждено, тому не встретиться, как ни трепыхайся, а нормальных мужиков нет, и как встречают хороших мужей другие женщины — непонятно, или у них тоже такие нелепые мужчины, но женщины это скрывают? А может быть, это с ней что-то не так? Но как не так-то, если к ней изначально, ещё не зная её, на велике и в грязных ботинках приезжают?

Утром на пороге лежала куча, над ней жужжали мухи. Анна могла бы подумать, что это енот нагадил — они тут, в Канаде, везде. Лазят по мусоркам, бегают по участкам. Фекалии у них на вид, как человеческие. Но куча лежала по центру — так, чтобы человек вышел из Аннинога дома и сразу наступил. Более того, в крышке от торта “Киевский”. Анна стояла над ней и думала, что делать. С дерьмом и с соседкой, которая его подложила. За спиной появилась дочь, вскрикнула, потом бросилась снимать. Она соображала быстрее:

— Вызываем менеджмент!

Анна растерянно смотрела на неё, потом пошла, надела резиновые перчатки, вернулась, чтобы убрать украинский подарок. Дочь, выросшая в Канаде, деловито вызвала полицию и на хорошем английском рассказала приехавшему дежурному. Потом позвонила руководителю офиса субсидированного жилья и рассказала всё, что происходило в последние месяцы, послала видеозаписи. Она говорила, правильно расставляя акценты. О том, что соседка шумит, харассает (“харассмент” — это как сексуальное домогательство, так и просто травля), занимается буллингом (дразнит, оскорбляет), и необходимо принять срочные меры, так как “эта женщина небезопасна”.

— Вам угрожали убийством? — спросили полицейские.

— Да, сказали, что уже и могилы для нас вырыты.

Анна сидела на краешке дивана, застыв, и наблюдала за ней, чувствуя усталость и тяжесть во всём теле. А ей ведь ещё на работу. К мальчику из Сомали, который похож на паука. У него большая гидроцефальная голова и тоненькие, длинные ручки и ножки. Она обнимает и ласкает этот ужас, ребёнок есть ребёнок. И он ведёт себя лучше после того, как его приласкали.

Хочется спать. Вчера до трёх ночи соседка орала на балконе, у неё громко играла музыка, были гости, и снова слышалось про "русских чмырих", которые "пожалеют, что на свет родились", "пусть в Кремль жалуются".

Полицейские, выслушав дочку Анны, пошли к соседке. Не достучались. Пообещали снова прийти. Успокоили. В течение дня Анна работала и позванивала домой. Выяснилось, что стражи порядка опросили соседей, и те подтвердили, что Римма шумит, скандалит. Потом пришли представители менеджмента, им виновница торжества открыла. И какой там был разговор, доподлинно неизвестно, но человек из менеджмента постучался потом в дом Анны и заверил её, что соседка больше никогда не будет докучать, что ей объяснено про грозящее выселение.

Потом к Римме пришла полиция и всё-таки встретилась с ней, и хоть и не отчиталась перед Анной, но с тех пор соседка стала тише воды, ниже травы. На балкон она уже почти не выходила, по телефону говорила полушёпотом, гости к ней продолжали ходить, но это было видно только по теням, передвигающимся за занавесками.

— Давай вернёмся домой, в Россию? — в который раз предлагала Анна дочери.

— Ну, ты же сама говорила, что у меня там инвалидности не будет, а работать я не могу. Не хочу висеть на твоей шее. И жилья у нас там нет. Привезла меня сюда, так терпи.

— Я хотела как лучше. В девяностые при Ельцине было очень тяжело. Я думала о твоём будущем.

— Мне тут только хуже стало. Потому что тут стрессовая жизнь. Я смотрела на тебя, и становилась такой же несчастной. Это ты во всём виновата.

— Я, — тяжело вздыхает Анна. — Тут, может быть, даже не в Канаде дело. Везде сейчас жить тяжело, ты заметила? У нас в советское время как-то всё было просто и понятно. И не надо было постоянно против чего-то сражаться. А тут преодолеваешь, преодолеваешь… И враждебно всё так стало, чувствуешь? — Подумала и добавила: — Если Третья мировая, нас тут могут в лагерь упечь.

— Да ну!

— Что "да ну"?! Украинцев местных в Первую мировую упекли. В неотапливаемые бараки в Альберте. За то, что у них паспорта Австро-Венгрии. А во Вторую мировую посадили в лагеря уже японцев, даже которые здесь родились.

— Сейчас — это не тогда. Другой век.

— Времена всегда одни и те же. Нас, русских, всех упекут в лагеря, — настаивала Анна, сама в это не очень веря. — И там навакцинируют так, что будем, как зомби, ходить, вытянув вперёд руки. — Усмехнулась, представив. Вдруг порадовалась: — А как всё-таки хорошо, что сняли запреты на перелёты для невакцинированных! Как страшно было, что мы, даже если захотим, не сможем домой убежать.

В Канаде в конце октября 2021-го ввели запрет для невакцинированных на перелёты и поездки на поезде. Даже по стране. Таким образом, уволенные с работы и выкинутые из вузов иммигранты даже не могли уехать к себе на родину. Оказались заперты в Канаде на неопределённое время, как в мышеловке. Было страшно. Ходили разговоры, что непривитых не будут пускать в магазины, и в некоторые торговые сети действительно перестали пускать. Анна, как и многие другие, затарилась консервами и макаронами. Но тревога только росла. Еда же когда-то кончается…

Анна и многие другие ждали, когда снимут запреты. Но сняли только после того, как Путин объявил СВО и рассыпалась глобалистская затея с ковидом.

Анна не просто верила в существование масонов, а точно знала, что они есть. В Канаде их храмов понатыкано немало. С замазанными оконными проёмами. Вроде как окно, но заложено кирпичами. И самих вольных каменщиков не увидишь.

— Масоны — как жопа, — смеялась она. — Слово есть, а их не видно.

В следующий выходной Анна никуда не пошла. Ни на свидание, ни в магазин — есть ещё запасы консервов и макарон, надо съедать, а на ужин она пойдёт с дочкой в ресторан — они так долго были закрыты в карантины, что теперь нужно непременно сходить. И вообще, надо ходить везде, наслаждаться, потому что, как показали последние два года, это всё могут отобрать. Надо успевать жить, пока не новое зараза-шоу и не война.

А пока Анна решила полежать на диване и ни о чём не думать. И новостей не читать. Но не утерпела, взяла в руки англоязычную газету и прочитала на первой странице, что в Канаде невакцинированные на стороне России и Путина. Это показали опросы. Она глубоко вздохнула, улыбнулась и, оборотив лицо к иконе, попросила:

— Господи, помоги нам всем! Пусть русских погибнет как можно меньше. И украинцев — как можно меньше. И пусть украинцы прозреют! Пусть сгинет Тьма. Пусть у России всё будет хорошо. И Канада пусть снова станет свободной! Пусть всегда будет солнце, Господи!

НИКОЛАЙ ДЕГТЕРЁВ

И РАЗВЕ КТО ТЕБЯ УСЛЫШИТ...

* * *

Вот школьник я, от времени далёк,
В храм осени вступаю развесёлый,
Сверкают листья, словно уголёк,
И нимб дождя возносится над школой.

Не замечая луж, иду домой,
Вернее, небо в лужах замечая.
Вода и грязь сияют синевой,
С землёю небеса соединяя.

В воронке лет, где вечность у щеки,
Как ветерок, прохладный и пьянящий,
Я вспомню всё, но не найду строки
И вновь забуду этот день звенящий,

И школьный двор в слезинке дождевой,
И шёпот трав на месте Мегалита,
И эту грязь под этой синевой,
Где осень, словно Библия, раскрыта.

ДЕГТЕРЁВ Николай родился в посёлке Шексна Вологодской области. Окончил Литературный институт имени М. Горького (семинар поэзии Игоря Волгина). Автор книг "Преподобный Сергий Нуромский" (2016), "Часовой мастер. Стихотворения" (2016). Член Союза писателей России. Стихи переведены на болгарский и вьетнамский языки.

* * *

Было так: во дворе пацаны
из рогатки убили птенца.
В ярком свете весёлой весны
он упал у крыльца.

Вроде птаха: жалеть-то чего?
Но когда с перебитым крылом
он у дома упал моего,
я впервые столкнулся со злом.

Жека только плечами пожал,
Вася тронул брезгливо ногой.
Я тихонько домой побежал,
очень мне захотелось домой.

Я заплакал в кровати потом,
даже мама не видела чтоб.
Это я с перебитым крылом
лёг в кровать, точно в гроб.

Только звёзды глядели из тьмы,
и никак я не мог уяснить,
как же, в сущности добрые, мы,
как могли мы — убить?

Как — играя — могли не понять,
что уже утонули во зле,
и как трудно нам будет всплывать,
а потом ещё жить на земле...

* * *

Отчаялся идти снегами,
спиралями идти, мирами,
махнул рукой — гори оно,
как в пламени Большого Взрыва:
нам ни отдать концы красиво,
ни жить красиво не дано.

Но сквозь вселенские просторы,
как гелиоды, метеоры,
летит повозка, впряжена
в коней бурливых, медноких,
золоторунных, крутобоких,
выстукивающих имена.

А в той повозке, ёксель терем,
сидит народ, зверюга зверем,
все — от Ивана до Петра, —
а под копытами коней,
где брызжет кровь, как по иконе
из земнородного нутра,

а под копытами нагие,
блаженные или благие,
безвестные, как свист и грязь,
как листья, сброшенные с ветки,

худые, высохшие предки
лежат, стеная и крестясь.

И ты их тени обнимаешь
и ничего не понимаешь,
под этот медный звон копыт
кричишь: “Ужо тебе!” — но пышут
здоровьем кони, вьюгой дышат,
и разве кто тебя услышит,
и разве кто тебя простит?

* * *

Занавеску кинув на стол,
Ветер в кухню нашу вошёл.
Засмеялась мама: “Ну вот!” —
И закрыла для ветра вход.

Хлеб поправила на столе,
По тарелкам суп разлила,
А потом и Лёхе, и мне
Ложки тоненькие дала.

Мы жевали, глядя в окно,
Как там дождь семенил в окне.
Так всё это было давно,
Что не верится даже мне.

Потому что ни мамы нет,
Ни окна того, ни дождя,
Только ветер шумит вослед,
Занавеску не находя.

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

РОМАН

Глава четырнадцатая
ВЕСЁЛЫЙ ПРОХОДИМЕЦ

Сокрушительно разгромили немцев под Сталинградом, освободили от блокады Ленинград, отняли у проклятого врага Ростов-на-Дону, Воронеж, Курск, вышли к Азовскому морю и отвоевали небольшую полоску черноморского побережья. Можно было на какое-то время спокойнее вздохнуть. На берегах Волги мерзкая коричневая рептилия получила такой удар, что все передние зубы вылетели!

После тяжелейших схваток зимы и весны оба титана — Германия и СССР — не имели сил продолжать борьбу в полной мере, сосредотачивались, готовились к решающим сражениям. Война уже двинулась с востока на запад, но варвары ещё оставались сильны и намеревались вновь переломить ход событий в свою сторону.

С февраля по июнь на Ближней даче царила приятная уху тишина, по непонятной причине ворон не стало, тулка и винчестер отдыхали, синяк от приклада на правом плече у главного советского истребителя ворон исчез, растворился. Но наступило лето, и вновь: “Кар! карр!! каррр!!!” Эх, шени траки лапораки, где там мои патроны?

В начале июля окончилась оперативная пауза, и началась третья великая битва Великой Отечественной войны — сражение на Курской дуге. И снова — тревоги, волнения, ежедневные совещания в Кремле, стояния перед просторной картой боевых действий, как перед огромной иконой: Господи, спаси и сохрани! В день Петра и Павла состоялось кульминационное танковое сражение под Прохоровкой, подобное Бородинской битве. Ценой огромных потерь наши танки остановили стремительное наступление немецких панцеров, и дальше стало ясно, что исход сражения предрешён, а во второй половине июля наши армии под командованием Жукова, Ватутина, Катукова, Рокоссовского, Конева и других славных полководцев перешли в контрнаступление, погнали незваных гостей с курской, орловской и белгородской земли.

Продолжение. Начало см. в №1 и 2 за 2023 год.

24 июля член ГКО Ворошилов, начальник Оперативного управления Генштаба Антонов и его заместитель Штеменко в кремлёвском кабинете Сталина рапортовали Верховному главнокомандующему об окончательном переломе битвы в пользу Красной армии, полностью вышедшей к первоначальным позициям, с которых под натиском наступающего врага пришлось отступить в начале месяца.

— Сегодня продвинулись ещё на пять километров и овладели Змиёвкой, важной железнодорожной станцией в пятидесяти километрах от Орла, — докладывал генерал Антонов. — В ближайшее время начнётся решительное наступление на Орёл и Белгород.

— Значит, наш крокодил снова получил по зубам? — улыбнулся Сталин.

— Получил, товарищ Верховный главнокомандующий, — с полной серьёзностью ответил Антонов.

Иосиф Виссарионович почувствовал сильное внутреннее облегчение и с неизъяснимым удовольствием стал раскуривать трубку. Ему захотелось повести всех в Зимний сад смотреть какое-нибудь смешное кино, в котором не было бы ни намёка на войну и человеческие страдания. Позвать Сетанку и Ваську Красного, выпить и закусить… Но Василий находился там, где продолжалась третья по счёту главная битва войны, воевал под Курском в составе 193-го истребительного авиационного полка, и доставить его срочно в Кремль просто невозможно. А Светлана…

Когда Каплера арестовывали, он держался с достоинством и даже произнёс фразу из собственного сценария к одному из боевых киносборников:

— Не изобретены ещё бомбы, которые могли бы этому помешать. Любовь есть любовь, товарищи!

В тот же день, когда Люсю взяли под белы рученьки и увезли в Воркуту, отец пришёл к дочери:

— Где? Где у тебя всё это? Где у тебя письма от твоего этого… писателя? Мне всё известно, все твои телефонные разговоры у меня тут. — И он похлопал себя по нагрудному карману кителя, будто стоит ему этот карман распахнуть, и из него польются голоса телефонных бесед двух влюблённых. — Давай сюда письма! Твой Каплер — британский шпион. Он арестован.

Дочь покорно достала из ящика своего письменного стола письма и фотографии, подписанные Люсей, а заодно его записные книжки, наброски рассказов, сценарий фильма о Шостаковиче. Всё это он передал ей, опасаясь ареста. Светлана протянула отцу внушительную стопку бумаг, гордо выпрямилась и с вызовом произнесла:

— А я люблю его!

— Любишь?! — воскликнул отец и наградил её за любовь двумя звонкими пощёчинами, чего никогда доселе себе не позволял. Да и поводов не предоставлялось. Сам же тотчас смутился и повернулся к Бычковой, неизменной и верной няне Светланы: — Только подумайте, Александра Андреевна, до чего она дошла! Идёт такая война, а она занимается… — Вдруг с его уст, никогда не оскверняющихся матерщиной, слетело грубое слово.

Бычкова испугалась так, что, отмахиваясь от страшной этой сцены своею пухлой рукой, только и бормотала:

— Нет, нет, нет…

— Какое ещё “нет, нет, нет”, если я про неё всё знаю! — Он снова обратился к дочери: — Глянь на себя в зеркало, дура! Думаешь, ты ему нужна? Да он просто поспорил со своими дружками, что с дочкой Сталина заведёт шуры-муры. А у него кругом бабы, и сплошь красавицы. За ним следили. Когда вы с ним долго не виделись, он, знаешь ли, даром время не терял.

И разгневанный отец ушёл из комнаты дочери читать всё, что она ему передала. Она же ушла в школу, а когда вернулась, няня сказала, чтобы она зашла к отцу в столовую. Там она увидела, как отец рвёт переданные ему ею бумаги и по-прежнему гневается:

— Писатель! Не умеет толком по-русски писать! Ты что, не могла себе русского найти? А не этого избалованного сыночка купца первой гильдии, киевского богатея.

Она молча вышла из столовой, и до самого лета они не встречались. Летом Светлана Сталина с отличием окончила школу и пришла к отцу с просьбой разрешить ей поступать в Литературный институт.

Этот московский вуз появился в начале тридцатых по инициативе Горького. Алексей Максимович направил Сталину план работы, и Иосиф Виссарионович его утвердил, считая такое учебное заведение вполне полезным. Но только не для своей дочери:

— Хочешь тоже писательницей быть? Как этот твой Люсёк? Лично позвоню директору и скажу, чтоб от Светланы Сталиной документы не принимать. Хочешь заниматься литературой, поступай на филфак университета. Глядишь, умнее станешь. Иди, не мешай мне, это у вас там шуры-муры, а у меня, знаешь ли, война.

Нет, звать её сейчас нельзя. Характер у Сетанки сталинский, ответит что-нибудь типа: "Это у вас там киношка, а я в университет поступаю, к экзаменам готовлюсь". И Ворошилова с генералами тащить в Зимний сад неохота, поеду-ка я на Ближнюю, позову Ганьшина, приглашу Валечку.

И вскоре Палосич отвёз Хозяина в Волынское, где Истомина принялась готовить его любимые диетические котлетки, а в ожидании их и приезда киномеханика Сталин попросил пару бананов из целого ящика, присланного Рузвельтом и доставленного специально для него через Мурманск. Обитатель дачи в Волынском очень любил бананы, причём особенно как раз такие, какие доставлялись в СССР, — недозрелые, чтобы полежали и дошли до кондиции. Он же предпочитал не дожидаться их зрелости, ел зелёными, слегка вяжущими. Под стать бананам и пластинку на иглу посадил — "В банановo-лимонном Сингапуре" Вертинского.

Сталин терпеть не мог слюняво кривляющуюся буржуазную дореволюционную эстраду, процветавшую и при нэпе, но, как ни странно, Вертинский ему нравился, хотя и ярчайший представитель той самой упаднической культуры декадентов. Слушать записи Пьеро в СССР не запрещалось, но считалось предосудительным и подозрительным, а в фонотеке Вождя Народов имелось несколько пластинок, выпущенных американской фирмой грамзаписи "Коламбия Рекордс".

В этом году после разгрома немцев под Сталинградом живущий в Шанхае Вертинский прислал на имя Молотова письмо с очередной просьбой разрешить ему вернуться в Россию, чтобы по мере сил участвовать в жизни воюющей Родины: "Жить вдали от Родины в момент, когда она обливается кровью, и быть бессильным ей помочь, — самое ужасное!" Молотов принёс письмо Сталину, и Иосиф Виссарионович сказал:

— Зачем же мы будем мучить хорошего человека? Он против Советской власти никогда не выступал. Пусть возвращается.

И теперь Александр Николаевич с нетерпением собирался домой, но до ноября не мог приехать, спутанный по рукам и ногам контрактами на исполнение концертов. А на Ближней даче главный меломан страны слушал, как "когда у вас на сердце тишина, вы, брови тёмно-синие нахмурив, тоскуете одна". И он тоже тосковал. По ушедшей юности. По убившей себя Татьке. По угасшим соратникам. По Сетанке и Ваське Красном.

Вскоре Валечка подала ему ужин, он выпил пару бокалов "цинандали", а тут и Ганьшин приехал.

— О, наш фокусник! — радостно, как родного, встретил его главный зритель. — Отужинать с нами. Никаких разговоров! Сегодня у меня хороший день. Крокодила снова бьём и по зубам, и по носу. Вышли на изначальную линию обороны. Наступаем на Орёл и Белгород. Так что не откажись и от стаканчика винца из виноградников Чавчавадзе. Среди которых когда-то родилась несчастная жена Грибоедова. Александра Сергеевича. Твоего полного тёзки.

Валечка сгоняла на кухню и принесла большую тарелку тушёного мяса с вкуснейшей подливой на черносливе, и они уселись ужинать втроём — сапожник, кухарка и фокусник.

— Я привёз новую фильму Протазанова, — говорил фокусник. — Иван Григорьевич очень просил посмотреть и высказать своё мнение, потому что её хотят запретить к прокату.

— Кто хочет запретить? Этот составитель краткой биографии Сталина? — спросил сапожник. — Этот философ Молокососов, который никак не допишет свою "Историю европейской философии"?

— Он самый, — кивнул фокусник.

— И почему этот Агитпроп считает себя всесильным и всеведущим? Как ты думаешь, Валентина Васильевна?

— Я? — удивилась кухарка вопросу, заданному почему-то ей. — Я вообще раньше думала, что не Агитпроп, а Агитпоп. Недоумевала, что это за Агитпоп такой, за Бога, что ли, агитирует? Тогда почему он в почёте?

— Вот ты вечно как-нибудь, да насмешишь! — от души засмеялся сапожник. — Слыхали её? Агитпоп! Я этого Гошку Александрова так теперь и стану звать Агитпопом. Уж больно благочестив, всюду крамолу видит. Точь-в-точь, как тот котёночек, который до Большакова кино возглавлял.

— Он написал Щербакову докладную записку о том, что новая фильма Протазанова вредна, потому что является самой слабой картиной из выпущенных комитетом по кино в текущем году.

— Неужто Протазанов мог снять плохую фильму? — удивился главный зритель. — Ведь это очень большой кинодел. Один из немногих, кто стоял у истоков русского кинематографа. И он сумел преодолеть барьер, который большинство не преодолели, — переход от немого кино к звуковому. Яков Протазанов — корифей нашего киноискусства. А ваш Агитпоп — щенок. Я смотрел все протазановские фильмы, начиная с "Песни каторжанина". "Как хороши, как свежи были розы", "Ключи счастья". А "Драма у телефона", а "Дьявол"! Он ещё до революции "Войну и мир" ставил. "Бесов" Достоевского экранизировал. А какая у него была "Пиковая дама" — пальчики оближешь! А уж "Отец Сергий" — просто шедевр немого кино. Даже зная текст Толстого, гадаешь, для чего он топор схватил. Убьёт, что ли, кокотку? Нет, он сам себе палец оттяпал.

— Это ещё зачем? — поинтересовалась кухарка.

— А я тебе, Валентина Васильевна, между прочим, советовал прочитать эту повесть Льва Толстого. Одна из наилучших его вещей, — с укоризной произнёс сапожник.

— Не гневайся, государь-батюшка, прочту непременно, — виновато поджала губки Истомина. — Зато я медовые улитки с маком напекла вам, как вы любите.

— О, неси их немедленно, к "цинандали" как нельзя лучше подходят, — приказал сапожник, и покуда кухарка бегала за его любимой слоёной выпечкой в виде улиток, он продолжил экскурс в творчество одного из отцов-основателей русского кинематографа: — После революции Протазанов бежал в эмиграшку, помыкался там во Франции и Германии, да и вернулся. Тут он и впрямь слабую фильму сделал. "Аэлиту" по Алексею Толстому. Ну, как говорится, и на старуху бывает проруха. Зато потом, что ни фильма, то успех. "Закройщик из Торжка", "Процесс о трёх миллионах". Что там ещё? "Сорок первый" — сильная фильма. "Человек из ресторана", если бы не слабая игра Михаила Чехова, была бы хорошая картина. Ну и, конечно, "Праздник святого Йоргена". Великолепно!

— А "Бесприданница"?

— О, что это я! "Бесприданница" по Островскому. Пожалуй, одна из лучших экранизаций русской классики. Каков там Паратов! В исполнении Кторова. И Лариса такая яркая.

— Нина Алисова.

— Смешно они там на корабле бузотёрили, — вставила свою реплику кухарка, принеся слегка подогретые улитки. — Ну, эти, Робинзон и второй придурок.

— Вот только Карандышев уж слишком противный, — заметил фокусник. — Грубый режиссёрский приём. Сразу настраивает зрителя против него. Надо было, чтобы он был показан симпатичным, хотя и невзрачным человеком. Ну, чтобы хоть немного нравился Ларисе.

— Это верно, — согласился сапожник, с удовольствием уплетая медово-маковую улитку и запивая её белым вином из Цинандали. — К сожалению,

многие киноделы никак не могут избавиться от штампов. Если герой положительный, то обязательно мужественный красавец. А если отрицательный, так непременно урод. У нас сейчас немцев показывают полными придурками, а они, между прочим, дошли до Москвы, а потом — до Волги. А мы ещё неизвестно, когда дошагаем до Берлина.

— Может, в следующем году хотя бы, — вздохнула кухарка.

— Не вздыхай, душа моя, вернётся твой Ванька, — похлопал её по коленке сапожник.

— Он у меня непотопляемый, — ответила она и засмеялась. — А мне-то можно с вами нынче кино посмотреть?

— И нынче, и нонче, и нонеча, — ответил сапожник.

Но поначалу, когда ожил экран, она разочарованно проворчала:

— У-у-у, какую ветхозаветную фильму привёз Александр Сергеевич!

— А что это? — удивился сапожник.

— Вы сказали, что всего Протазанова пересмотрели, — ответил фокусник. — А это едва ли видели. Эту картину до революции запретили по требованию вдовы Толстого, она потом так и пролежала. Чудом, что сохранилась. Я её случайно откопал среди всякого броса. Не пожалеете, что посмотрели.

И они стали смотреть "Уход великого старца", получасовую ленту, снятую Протазановым спустя два года после смерти Льва Толстого. Вроде бы и о Толстом в его последний год жизни, но уже со второй сцены повеяло карикатурой, когда крестьяне пришли просить уступить им немного землицы, и Софья Андреевна говорит лакею: "Гони вон!" — а Лев Николаевич выходит к крестьянам и жалуется, что рад бы уступить, да жена всё взяла в свои руки: "Не хозяин я. Вся земля принадлежит графине". Крестьяне ему суют собранные деньги, он забирает и уходит, слыша, как мужички между собой смеются: "Когда просят уступки, так не хозяин, а когда деньги дают — берёт". А уж в следующей сцене, когда Толстой приходит к жене и бьётся перед ней в истерике, окончательно становится ясно, что это сатира на Льва Николаевича. И понятно, почему Софья-то Андреевна потребовала запретить прокат картины: ещё бы, такая карикатура! Вот только странно, что автор сценария Исаак Тенеромо, ведь он же был ярый толстовец.

— А это, что ли, настоящий Лев Толстой? — спросила Валечка.

— Ну, нет, — ответил со смехом Ганьшин. — Настоящий к тому времени уже два года лежал в могиле. Это актёр так хорошо загримирован, что не отличишь.

— Нос, небось, из теста слепили! — рассмеялась хохотушка.

— Вполне возможно, — согласился фокусник.

— И Софья Андреевна хороша, полнейшее сходство, — усмехнулся главный зритель.

— Что, такая же мымра? — прыснула кухарка.

— Увы, — кивнул фокусник.

Продолжая смотреть, Сталин всё больше восхищался тем, как тонко всё сделано, одновременно и смешно, и нелепо, но не прямо тебе в лоб комедия, а как будто бы так нечаянно получилось, хотели снять биографическую драму, а вышло забавное глумление. Главный зритель и сам не любил толстовское поведение последних лет жизни, угадывал в нём саморекламу. Даже была брошюрка, сборник анекдотов про Льва Николаевича. К примеру, как он сидит за обеденным столом, борода лопатой, косоворотка, мужицкие портки, а официант ему подаёт во фраке и белоснежных перчатках. Постой, постой, а не Тенеромо ли был тем самым собирателем анекдотов о своём кумире? Кажется, он.

Толстой разрешает бедной вдове с ребёночком собирать в лесу хворост, но нанятый Софьей Андреевной горец ловит их и стегает нагайкой. Лев Николаевич переживает так сильно, что совершает попытку повеситься, пишет предсмертную записку. Трагедия, а воспринимается как фарс! К нему является образ сестры, монахини Марии Николаевны, умоляет не брать грех на душу, потом приходит дочь Сашенька, и самоубийство предотвращено.

Ах, если бы кто-то так же предотвратил другое самоубийство в том роковом ноябре! — кольнуло главного зрителя. Так нет же, увы, в его жизни трагедия не превратилась в фарс.

Невыносимо смешно играет роль Толстого актёр Шатерников. Запрокинет голову назад и сокрушённо опрокинет её на грудь, изображая душевные муки "зеркала русской революции", как нелепо назвал Толстого Ленин. Если и зеркало, то кривое, как в комнатах смеха.

И вот Льва Николаевича хорошенечко одевают, чтобы не замёрз, и он тайком уезжает из Ясной Поляны. Графиня узнаёт о его бегстве, и тут происходит самая смешная кульминационная сцена картины: Софья Андреевна во всю прыть чешет топиться. И титр: "Графиня с переменившимся лицом бежит к пруду". Но, не добежав одного шага до воды, она падает, якобы в обморок.

И вновь сквозь смех его укололо: ах, если бы все самоубийцы падали в обморок в шаге от самоубийства, не успевали бы выброситься из окна, нырнуть в петлю, выстрелить из пистолета системы "вальтер"!

Очень смешно показаны мечты Толстого, приехавшего к сестре в Шамординский монастырь, о том, как он учит в школе сельских ребятишек. А потом... Ха-ха-ха! Как он сделался сапожником и починяет сапог почтенному человеку, от которого получает в качестве оплаты буханку чёрного хлеба.

— Да мы с Толстым, оказывается, духовные братья! — воскликнул главный зритель и рассмеялся.

Сегодня был один из лучших вечеров в его жизни. Если бы только не занозы, напоминающие о страшной утрате десятилетней давности. В остальном он пребывал в самом благодушном настроении. С немцем разобрались, Орёл, Харьков и Белгород в очереди на освобождение. Еда и вино сегодня на редкость вкусные. А рядом с ним люди, с которыми ему необыкновенно приятно, легко и свободно, как ни с кем другим. Потому что они не требуют от него ничего, кроме общения, не ждут Сталинских премий, повышения в должности и уж тем более не вынашивают тайных планов отобрать у него власть.

Толстой продолжал беседовать с сестрой и теперь в мечтах видел себя добрым пастырем среди мирно пасущихся коров. Очень смешно стал показывать, что написал много крамолы, и Христос уже не примет его к Себе, в Свои заоблачные пастбища. Появилась Сашенька, и он уехал из монастыря. В финале он умирает на станции Астапово: "Вот и конец. И ничего!" На небесах его лично встречает Спаситель, прощает за всё, заключает в Свои объятья, и они оба растворяются, исчезают, на небе — одни облака. Конец.

— Хо-хо! — воскликнул главный зритель. — Эту фильму бы так и так не пропустили. До революции запрещалось показывать священников и царских особ, а уж Христа и подавно.

— Протазанов мог бы убрать конец, — возразил фокусник. — Но картина вообще никому не понравилась. Церкви — потому что Христос прощает того, кого она предала анафеме. А уж толстовцам — потому что карикатура.

— А мне понравилось, — сказал Сталин. — Остроумно. Толстой высмеивается? Да он сам себя в конце жизни сделал мишенью для сатиры. И только общественное мнение, которое было целиком на его стороне, мешало показать его в смешном виде.

— Жена его очень смешно показана, даже я смеялась, — заметила Истомина.

— Даже ты? — усмехнулся Хозяин. — Скажи на милость. Даже наша царевна Несмеяна смеялась. Да, графинюшка очень смешная. Старуха актриса замечательно её изобразила. Кто такая?

— Представьте себе, что вовсе не старуха, — удивил Ганьшин. — Ей и тридцати не было в этой роли. Англичанка Мюриэль Хардинг, в России взяла себе псевдоним Ольга Петрова, потом уехала в Америку, а псевдоним так за собой и сохранила.

— Да не может быть! — не поверила кухарка. — Там же старуха точнёхонькая.

— Чудеса грима, — пожал плечами фокусник.

— Да, чудеса, и только, — согласился сапожник.

Вдруг он задумался и спросил:

— А зачем ты, Александр Сергеевич, привёз эту фильму? Уж не думаешь ли намекнуть мне, что пора тоже совершить уход?

— Боже упаси! — испугался Ганьшин. — Я просто хотел показать, как в своей ранней работе Протазанов проявил незаурядное остроумие и смелость. Бросил вызов общественному мнению. И вообще, эту фильму никто не видел, только мы трое.

— Никто не видел, говоришь? — Сталин в упор посмотрел на Ганьшина. — Как бы не так. У Ильфа и Петрова есть роман "Золотой телёнок", там жулик Остап Бендер запугивает подпольного миллионера Корейко непонятными телеграммами. Психологически правильный ход. Как бы артподготовка. Вносит в душу своей жертвы смятение. И вот одна из телеграмм звучит так: "Графиня изменившимся лицом бежит пруду". Точь-в-точь, как в фильме Протазанова. Стало быть, они видели фильму.

— М-да, интересно... — удивился фокусник.

— А у них нельзя разве спросить? — предложила кухарка.

— Можно, — ответил сапожник. — Но для этого надо умереть и попасть на тот свет. Ильф умер от туберкулёза ещё перед войной, а Петров погиб в прошлом году, разбился на самолёте, возвращаясь из горящего Севастополя в Москву.

— Жалко, — вздохнула Валечка. — И вообще, всех жалко. Гибнут.

— Гибнут, — глухо отозвался Иосиф Виссарионович. — Но ведь побеждают! Товарищ фокусник, что там наш Агитпоп решил зарезать?

— Про Ходжу Насреддина.

— О! — оживился Сталин. — Любимый персонаж Гурджиева. Слыхали о таком? Судя по молчанию, нет. Философ-чудак. Проходимец, конечно. И болтун, каких свет не видывал. Полугрек, полуармянин. Шалопай и повеса. Но на Западе, где он живёт в эмиграшках, его многие почитают. Говорят, даже Гитлер уважает этого трепача. Я читал. Болтовни и самолюбования — море. Но кое-какие мыслишки мне запали в душу, я даже кое-что использовал для себя. Включайте вашего "Насреддина".

И они стали смотреть новую картину выдающегося режиссёра Протазанова. Роль весёлого проходимца Насреддина исполнял Лев Свердлин, недавно хорошо сыгравший Сухэ-Батора в фильме у неразлучных Хейфица и Зархи. И хотя Сталин представлял себе Насреддина другим, Свердлин ему тоже приглянулся, и с середины картины следом за кухаркой сапожник тоже простодушно смеялся. Давно он не чувствовал себя так хорошо, как сейчас. В финале, спасшись от смерти, Насреддин уезжает из Бухары с красавицей Гюльджан, предназначенной в гарем к эмиру бухарскому, а ставшей женой весёлого проходимца, защитника бедных и посрамителя нечестивых богачей.

— Как же хорошо! — счастливо вздохнула Истомина.

— Да, очень хорошая фильма, — согласился главный зритель. — И полезная, и своевременная. Нашему народу надо посмеяться. И поволноваться. И облегчённо вздохнуть в конце: "Как же хорошо!" И хорошие слова произносит Насреддин: "Пусть никогда не нависают над вами чёрные крылья беды". Кстати, что-то и вороны не появляются у нас тут.

— Да как же? Давечась обратно каркали! — возразила кухарка.

— Что ты говоришь? Ономнясь да растудыть? — засмеялся Сталин. В своё время основательно выучив русский язык, он терпеть не мог, когда кто-то говорил неправильно, и незабвенная Татька брезгливо относилась к тем, кто не соблюдал правила произношения. Но удивительное дело: Валечке он прощал "обратно" вместо "опять", "пошлите" вместо "пойдёмте", "тубаретку", "отсюдова", "вылазевать", неправильные ударения на "и" в слове "стирать", на "ы" в слове "ножницы", на "у" в слове "дотронуться"... Однажды он со смехом сказал ей:

— Валечка, нет слова "ложить", надо говорить "класть".

Так она, зараза такая, залезла в словарь Даля и указала ему: "Ложить (также лагать) — класть, укладывать".

— Значит, у вас нет, а у Даля есть?

— Сдаюсь! — развёл он руками. И с тех пор только посмеивался, услышав её очередное нарушение норм русского языка.

— Стало быть, завтра пойду добивать ворон на Курской дуге, — сказал Хозяин, предвкушая очередную бойню с наглыми крылатыми гитлерами. — Александр Сергеевич, наберите мне Большакова. Час ночи? Ничего, пусть проснётся.

Ганьшин набрал номер председателя кино.

— Иван Григорьевич, добрый вечер, — сказал главный зритель. — Я тут посмотрел фильму "Насреддин в Бухаре". Вы какого о ней мнения? Отчего же не возразили на глупые доводы главного Агитпропа? Так вот, передайте Агитпропу, пусть идёт подальше… — Он покосился на Валечку и закончил: — В Европу. А фильму немедленно выпустить на экран. Такое кино сейчас очень нужно народу. Да и как этот Агитпоп смеет замахиваться на самого Протазанова! Безобразие! С добрым утром, товарищ Большаков! — Сапожник повесил трубку и подмигнул фокуснику и кухарке: — Ну, как я его? Будет знать, как бояться Агитпопа. Останется мямлей, я его заменю на Ганьшина.

— Да не хочу я, товарищ Сталин! — возмутился фокусник. — Я хочу вам фильмы показывать. А то опять у других будут срывы.

— Это верно. И поговорить с вами всегда приятно. Вы читали роман Соловьёва "Возмутитель спокойствия"?

— Читал. По нему же и эта фильма снята.

— И я читала, — добавила с гордостью Валечка.

— Это хорошо, что наша кухарка приобщилась к литературе, — улыбнулся сапожник. — Ленин в своей статье "Удержат ли большевики государственную власть" намекал на то, что со временем каждая кухарка сможет управлять государством. Валентина Васильевна, тебе сейчас сколько?

— Двадцать восемь, Иосиф Виссарионович.

— Ну вот, к сорока годам я научу тебя управлять государством и назначу генеральным секретарём.

— Вот уж спасибочки! Только о том и мечтаю. А кто вам будет паровые котлетки стряпать, голубцы, пирожки?

— А ты тайком, в промежутке между государственными делами. А Ганьшин пусть будет тогда председателем Совнаркома.

— Простите, товарищ Сталин, но мне эта Баратария ни к чему, — решительно отказался фокусник.

— Баратария! — рассмеялась кухарка. — Смешное слово.

— Понятно, — покосился на неё сапожник. — Стало быть, "Дон Кихота" ещё не прочитала. Следующей книгой назначаю Сервантеса "Дон Кихот". Баратария — это остров, на который в шутку назначили Санчо Пансу губернатором, а он оттуда сбежал.

— Кстати, Насреддин — это Санчо Панса без Дон Кихота, — заметил Ганьшин.

— И Ламме Гудзак без Тиля Уленшпигеля, — добавил Сталин. — И все трое ездили на ослах. Но, в отличие от этих литературных персонажей, по мнению многих учёных, Насреддин реально существовал. А в турецком городе Акшехир даже есть его гробница. Вот только в какую эпоху он жил, разные сведения. Некоторые даже считают, что с ним любил беседовать Тамерлан и разрешал говорить такое, за что другим или отрезал язык, или рубил голову. Однажды они сидели в бане, и Тамерлан спросил: "Как думаешь, сколько я стою в денежном исчислении?" И Насреддин дерзко ответил: "Три таньга. Ровно столько стоит поясок на твоём пузе". Тамерлан разгневался, а потом засмеялся и снова ему всё простил.

— Да, про него много анекдотов, я читал, — откликнулся Ганьшин. — А ведь он многих обдуривал. Бывает жулик такой, обманет, но сделает это так весело, что все смеются и прощают.

— Кстати, фокусник, ты почему нам до сих пор ни одного фокуса не показал? — вдруг возмутился сапожник. — Хотя бы как тогда, у входа в Большой театр. Просим немедленно!

Ганьшин малость замялся. Потом попросил:

— Разрешите ненадолго до ветру?

Получил разрешение и на пять минут удалился.

— Интересно, умеет ли с той же лихостью? — произнёс сапожник.

Кухарка успела сгонять ещё за закусками, вернулась вместе с фокусником. Тот с загадочным видом держал руки за спиной.

— Готовы?

— Ждём с нетерпением! — сказал сапожник.

— Так смотрите и не говорите, что не видели!

Фокусник медленно вытащил руки из-за спины, совершил ими несколько загадочных движений и, взяв со стола бумажную салфетку, скомкал её в шарик и бросил перед собой. Салфеточный шарик стал падать, но вдруг завис в воздухе между растопыренными ладонями фокусника, слегка подскакивая, будто снизу на него кто-то дул. Кухарка даже глянула, нет ли там внизу и впрямь кого-нибудь.

— Ловкость рук и никакого мошенства, — сказал фокусник. — Оппа! — Он сделал движение, шарик подпрыгнул, и он поймал его.

— Ещё! Ещё! — потребовала кухарка.

— Разрешите поднатореть, — выдохнул фокусник. — Давно не практиковался, надо малость заново освоить профессию.

— Нет! Ещё! — настаивала кухарка, одновременно пытаясь обнаружить вокруг ладоней фокусника какие-нибудь ниточки.

— Позволим ему, — смилостивился сапожник. — Пусть поднатореет до следующего раза. Плохо будет, если осрамится. Садитесь, Александр Сергеевич. Выпьем за нашего фокусника!

Они дружно промочили горло, расселись уютно, и Сталин спросил:

— А какой твой любимый анекдот о Насреддине?

— Про обезьяну. Как Насреддин обдуривал богачей, — ответил фокусник.

— А как именно? — поинтересовалась кухарка.

— Он говорил: "Я могу удвоить твоё состояние за кошелёк с золотом, — ответил вместо фокусника сапожник. — Нужно просто час просидеть в наглухо завязанном мешке. Но одно условие: ни в коем случае нельзя думать про обезьяну". Состояние, конечно же, не удваивалось, а когда богач требовал вернуть ему кошелёк с золотом, Насреддин ему отвечал: "Но ты же не выполнил главное условие? Про обезьяну думал?"

— А как можно не думать о чём-то, если тебе запретили об этом думать? Я бы только про обезьяну и думала, — засмеялась Истомина.

— И богачам ничего не оставалось делать, как признать, что про обезьяну думали, — раскурил очередную трубку главный курильщик страны.

— А я бы на их месте возразил, — вдруг сказал Ганьшин. — Я бы сказал: "Я думал не про обезьяну, а о том, что нельзя думать про обезьяну. Возвращай, жулик, денежки!"

Сталин задумался. Рассмеялся:

— А ведь и впрямь! Послушай, Александр Сергеевич, почему ты не можешь одновременно и быть председателем кино, и крутить мне фильмы?

— Писателю Карамзину, — ответил Ганьшин, — однажды предложили стать губернатором Твери, а он сказал: "Я тогда и губернатором буду плохим, и писателем стану никудышным".

— Ничем тебя, фокусник, не возьмёшь! — восхитился Сталин. — Что ещё нам покажешь? Американское есть?

— Есть последняя фильма Капры "Повстречайтесь с Джоном Доу". Снова с Гэри Купером.

— Отлично, давайте. — В предвкушении новой работы полюбившегося американского режиссёра главный зритель поудобнее уселся в кресле. — Американцы, зная за собой вину, что до сих пор не открыли второй фронт, сильно снизили цену за прокат их картин в СССР. И впервые дали премию "Оскар" советской фильме "Разгром немецких войск под Москвой".

— А вы знаете, что наши бойцы называют вторым фронтом? — спросил Ганьшин.

— Да, знаю, — махнул Сталин. — Американскую тушёнку.

— А слыхали, кто родился от Катюши и Ванюши? — спросила Истомина.

— Этого я не слыхал, — признался Хозяин.

— Иван Грозный, — ответила Валечка. — Мне недавно рассказали. Наши реактивные установки называют "катюшами", а немецкую похожую — "ванюшами". Наши захватили немецкого "ванюшу", скрестили его с "катюшей", и получилась такая шпана, что не приведи Бог. Лупит немцев жутко. Раз — и сразу тыщу человек нету! И прозвали Иваном Грозным.

— Вот это хорошая новость! Как раз сейчас режиссёр Эйзенштейн снимает по моему заказу кино про Ивана Грозного, — обрадовался Сталин. Впрочем, он прекрасно знал о немецкой установке реактивного залпового огня "Небельверфер", которую наши бойцы прозвали "ванюшей". А ещё ишаком за то, что при использовании "ванюша" издавал звук, подобный крику осла. Довольно мощные миномёты, но ни в какое сравнение с "катюшами" эти фрицевские "ванюши" не шли. Трофейных "Небельверферов" переделали и полученный гибрид прозвали Иваном Грозным.

Стали смотреть новый фильм Капры, он увлекал почти так же, как "Мистер Дидс", только здесь режиссёр ещё больше усилил социалистическую идею. Гэри Купер играл примерно такого же, как Дидс, он на глазах вырастал из затюканного бродяги в лидера небогатых американцев, опасного для буржуев. В один из кульминационных моментов, когда он встал перед выбором, взять деньги и смыться или идти дальше в своём развитии, когда зритель, затаив дыхание, ждал, что он сделает в следующую минуту, стоя перед микрофонами радио, включёнными на всю Америку, в аппарате щёлкнуло, и показ прекратился.

Главный зритель аж подпрыгнул в своём кресле, глянул на Ганышина, всё понял и закричал:

— Сапожник! Сапожник! Сапожник! — Он затопал ногами, застучал кулаками по подлокотникам. Но потом спросил: — Фокусник, ты что это, нарочно?

— Ну, а как вы думаете, товарищ Сталин? — лукаво ответил Ганышин.

— Да вы, я гляжу, тоже тот ещё проходимец, — засмеялся главный зритель. — Ладно, больше так не делайте, одного раза достаточно. Я удовлетворён.

И показ продолжился. До чего же хорошая ночь стояла!

Глава пятнадцатая
ТЕГЕРАНСКИЕ СНЫ

В конце ноября и начале декабря температура в Вашингтоне такая же, как в Тегеране, от семи до десяти градусов тепла; но в столице Америки тучи заволакивают небо, и хорошо, если на три дня выпадет один солнечный. А в столице Ирана солнце радует во все дни, и для инвалида, с трудом передвигающегося по миру, это отдушина, меньше беспокоят боли, можно даже иной раз покинуть коляску и сделать десяток-другой самостоятельных шагов.

Накануне в британском посольстве праздновали день рождения премьер-министра, толстяку Уинстону стукнуло шестьдесят девять, что не обошлось без скабрезных шуток, да и вообще вчера получился самый лёгкий из всех дней конференции. Если в первые два дня небо над Большой тройкой скрывали свинцовые тучи, то вчера к вечеру они развеялись, и президент Америки перестал чувствовать жгучий стыд перед Сталиным за то, что американцы и англичане уклоняются от настоящей крупной войны с Германией, и России приходится фактически бить Гитлера в одиночестве. К концу праздничного ужина посыпались шутки, переводчики едва поспевали их переводить, умудряясь донести смысл, чтобы всем было смешно. Засиделись до двух часов ночи, после чего дядюшка Джо на своих ногах, одна из которых, кстати, тоже повреждена в далёкой юности, отправился к себе по коридору, который с двух

сторон обнесли высокими фанерными щитами и таким образом, перегородив улицу Нофел-Лошато, соединили советское и британское посольства. Рузвельта повезли туда же на инвалидной коляске.

Поначалу он отказывался селиться в советском посольстве, но американское располагалось далековато, чуть ли не на окраине иранской столицы, и, в конце концов, тридцать второй президент США согласился принять приглашение фактического монарха России, а премьер-министр Соединённого Королевства сделал вид, что не обиделся. Он только предупредил, что будет прослушка, на что Рузвельт махнул рукой:

— Ну и пусть, я хочу быть услышан.

На всякий случай, куда бы ни приезжал президент Америки, он брал с собой личных поваров филиппинцев, якобы из-за того, что предпочитал филиппинскую кухню. А на самом деле, чтобы чужие чего-нибудь не подсыпали. Ведь люби он итальянскую, французскую, китайскую, японскую, индийскую или арабскую, всегда могли найти специалистов, а вот поваров, готовящих по-филиппински, едва ли быстро отыщут.

Конечно, Англия и Америка — как мать и дочь, но, положа руку на сердце, Рузвельт куда больше симпатизировал Сталину, чем Черчиллю. Ловкий пройдоха сэр Уинстон, разумеется, прав, и надо было добиться того, чтобы Германия и Советский Союз как можно больше измотали и обескровили друг друга без особого участия США и Великобритании. Но Франклин, в отличие от Уинстона, имел совесть и стыдился своей собственной политики, послушной политике Черчилля. Поселившись в советском посольстве, он как бы давал знак Сталину: я больше с тобой, чем с этим боровом.

Вернувшись вчера со дня рождения Черчилля, Рузвельт ждал, что Сталин пригласит ещё к себе на кофе с ликёром или что-то типа того, но приглашения не последовало, и он лёг спать. Однако, несмотря на благодушное настроение, в котором он засыпал, ночью Рузвельту приснился страшный сон, преследовавший его всю жизнь: остров Кампобелло у границ с Канадой, после тушения пожара и купания в холодной воде он в мокрой одежде сидит и разбирает почту, как вдруг его охватывает сильный жар, и он уже не чувствует своего тела ниже грудной клетки, а паралич движется дальше и дальше вверх, к самому горлу, начинает его душить…

Именно это случилось двадцать два года назад, после чего врачи поставили диагноз полиомиелит, или, как говорят американцы, просто полио. Цветущий сорокалетний мужчина превратился на весь остаток жизни в инвалида, постоянно лечился, ощущение своих ног то возвращалось, то вновь исчезало. Впрочем, это не помешало ему стать президентом. И не просто президентом, а любимым, можно сказать, народным президентом Америки, переизбраться на второй срок, а затем, чего ещё никогда не бывало в истории США, ещё и на третий, кончающийся в следующем году, но рейтинг его таков, что он и на четвёртый срок будет баллотироваться!

Ощущение кошмарного сна не проходило всю оставшуюся ночь и утром тоже. Он проснулся в десять, в окно светило белое иранское солнце, и лишь теперь Франклин расслабился, вспомнил хороший вчерашний день и отринул от себя ночной ужас.

Первые два дня конференции шла тягомотина вокруг открытия второго фронта, на котором уныло и сердито настаивал Сталин. Рузвельту было стыдно смотреть, как виляет Черчилль, хвастаясь победами в Северной Африке и на юге Италии, коими ознаменовался для англичан и американцев сорок третий год. Оу, операция “Факел”! Оу, победа при Эль-Аламейне! Вау, взятие Туниса! Вау, капитуляция Италии! Рузвельт краснел, а Сталин с присущим ему особым юмором усмехался:

— Да, это, безусловно, величайшие достижения, учитывая, что против вас в Северной Африке воевали три немецких дивизии, в Италии целых двенадцать, а против нас воюют всего лишь какие-нибудь жалкие триста двадцать дивизий вермахта. Сколько, вы говорите, дивизий планируется высадить во время открытия второго фронта?

— Двадцать.

— О, это и впрямь много! — глумился Сталин над чванливыми союзниками. — Сколько там погибло и ранено немцев при Эль-Аламейне? Около тридцати тысяч? Это, конечно, огромная цифра. У нас под Сталинградом их уничтожено и выведено из строя всего лишь полтора миллиона. — Он угостил Черчилля своими сигарами, сам закурил сигару и спросил: — Вы посмотрели фильмы, которые я прислал вам?

— О да, я посмотрел, — заговорил Черчилль. — В них поразительно показаны все отчаянные сражения. Мы восхищены тем, что русское правительство отнеслось к Паулюсу с величайшим уважением как к видному немецкому военачальнику. Жаль, что менее приятная судьба ожидает бесчисленные вереницы простых немецких военнопленных. Как жалобно они бредут на кадрах фильма по безбрежным снежным просторам под Сталинградом. Присланные вами фильмы замечательно сняты и служат превосходным памятником этому славному эпизоду на Восточном фронте. Надеюсь, мистер Сталин тоже посмотрел наш собственный фильм о битве при Эль-Аламейне "Победа в пустыне"? Он, подобно вашим фильмам, был заснят кинооператорами под ожесточённым огнём и кое-кому стоил жизни. Жертва была принесена не напрасно. Плоды труда этих людей вызывают величайшее восхищение и энтузиазм во всём союзническом мире.

— А раньше вы, помнится, считали кино дешёвой забавой, — напомнил Сталин.

— Я стал по-иному относиться к кино, которое содействует сплочению наших народов во имя общей задачи, — ответил Черчилль.

Тут Сталин повернулся к Рузвельту и заговорил с большим теплом:

— Мне очень нравятся фильмы вашего режиссёра Фрэнка Капры. Жаль, что я не могу выписать ему Сталинскую премию, которая пока ещё не подразумевает награждения иностранцев. Я считаю картину "Мистер Дидс" одной из лучших. Очень хороша и другая его фильма — "Джон Доу". Она вообще выполнена в духе социалистического реализма. Очень хорош актёр Гэри Купер. У нас есть похожий на него Николай Черкасов. Если когда-нибудь у нас будут съёмки фильмы, где будет роль президента Рузвельта, её обязательно исполнит Черкасов. Ну, и особенное вам спасибо за документальную картину Фрэнка Капры "Битва за Россию". Как у нас говорится, низкий вам поклон! В ближайшее время "Битва за Россию" выйдет в нашем прокате. И ещё позвольте выразить глубочайшую благодарность членам американской киноакадемии за то, что удостоили документальную фильму нашего режиссёра Варламова "Разгром немцев под Москвой" премией "Оскар". Это первый такой случай, и он будет способствовать большему сближению СССР и США. Документальное военное кино — мощное и сильное оружие против врага.

Отвлёкшись ненадолго на кино, Сталин вновь перешёл на вопросы открытия второго фронта, требовал назвать точную дату операции, для которой уже придумали помпезное название "Оверлорд" — "Верховный повелитель". Рузвельту оно казалось таким же нескромным, как Сталину, но отменить его он уже был не в состоянии.

Первым 28 ноября в Тегеран прибыл советский комиссар иностранных дел Молотов. Рузвельт хорошо знал его, он приезжал в Америку для переговоров и производил впечатление весьма благородного человека, хотя, как известно, происходил далеко не из аристократической среды. Молотов привёл доказательство того, что на Большую тройку готовилось покушение, которое предотвратили советские спецслужбы. Тогда-то Рузвельт и принял решение поселиться в советском посольстве. Несколько раз за эти четыре дня они встречались со Сталиным наедине, могли побеседовать тет-а-тет через советского молоденького переводчика Бережкова и американского Болена. Во время первой встречи Сталин предложил папиросы "Герцеговина Флор", но Рузвельт отказался, объяснив, что предпочитает один-единственный сорт табака. Сталин мечтал о том, что после войны СССР станет огромным рынком для товаров из Америки. Рузвельт пожаловался на Черчилля, затягивающего с открытием второго фронта. Очень быстро они настолько вошли в доверительные отношения, что президент осмелился спросить:

— Прошу прощения, мистер Сталин, но в Америке ходят слухи, будто Германия через Красный Крест предлагала вам обменять на фельдмаршала Паулюса вашего сына Якова, находящегося в плену у немцев. И говорят, вы ответили, что солдата на фельдмаршала не меняете. Это правда?

— Нет, это красивая выдумка, — ответил Сталин. — До меня она уже тоже доходила. Мой сын Яков не был в плену. Он честно погиб в сражении.

— Вот как?

— Именно так, господин Рузвельт.

— Но ведь были фотографии. Монтаж? Фальшивка?

— Конечно. Например, на одной из фотографий Яков красуется в своей старой куртке. В ней он ходил на охоту или рыбалку. Эта куртка осталась на даче в Зубалово, и как она могла попасть туда, где Яков будто бы сидит с немцами за одним столом? Кто-то выкрал фотографию Якова в старой куртке и переправил немцам. Жена Якова до войны часто ездила лечиться в Германию, у неё там осталось много друзей... И многое другое доказывает, что немцы наврали. Если бы Яков оказался у них в плену, они бы записали его голос на магнитофон и всюду бы пускали по радио. Они бы обязательно засняли его на киноплёнку и тоже использовали бы в своих пропагандистских целях. Почему они так не поступили? От Якова пришло из плена письмо, где он пишет, что вполне здоров и всё такое, но почерковеды и тут разоблачили фальшивку. Так что забудьте про эффектные мифы. Мой сын не попал в плен, а погиб, сражаясь с врагом.

— Мои сыновья тоже воюют, — стыдливо потупился Рузвельт. — К счастью, все они живы. Мы с Элеонорой потеряли только нашего второго сына, но он умер в девятом году в младенчестве. Приношу вам свои глубокие соболезнования.

— Спасибо. Мой второй сын сражается в небе и мстит за погибшего смертью храбрых Якова.

На первом заседании конференции председательствовал американский президент. Он был одет в штатское, Черчилль — в военной форме, Сталин — в маршальской с красными лампасами, на груди — небольшая золотая звёздочка с серпом и молотом. Сталин сразу заявил:

— Мы, русские, считаем, что боевые действия в Средиземном море не имеют никакого значения. Мы, русские, считаем, что второй фронт следует открыть на северном побережье Франции.

Черчилль возразил, что первая задача — взять Рим, оккупированный немцами. Краем глаза Рузвельт заметил, что Сталин красным карандашом рисует на белых листах бумаги волчьи головы. В долгих и нудных переговорах Черчилль пытался сделать всё, чтобы как можно дальше отбросить дату открытия второго фронта или открыть его не в Нормандии, а на Балканах, где значительно безопаснее. Когда зашла речь о том, какую изнурительную борьбу ведут союзники на Тихоокеанском театре военных действий, сражаясь с японскими кораблями, Сталин едко извинился:

— Мы бы, конечно, могли открыть наш второй фронт на Дальнем Востоке, но, к сожалению, если мы оттянем туда наши войска, немцы снова окажутся под Москвой или под Сталинградом. Да, в летней кампании этого года немцы оказались слабее, чем предполагалось, но к осени наше наступление остановилось. Сейчас немцы во что бы то ни стало хотят вернуть себе Киев. Представьте, что будет, если мы начнём войну с Японией, чтобы помочь вам её одолеть.

И Рузвельту вновь приходилось краснеть, поскольку он, как и все, прекрасно понимал, что война идёт в России, а в остальном мире немцы и японцы лишь получают лёгкие уколы. Но все старались делать вид, будто воюют Британия и Америка, а Россия им только слегка помогает. И президент Америки испытывал стыд.

Несколько разрядило обстановку вручение Черчиллем Сталину наградного церемониального меча, изготовленного английскими оружейниками, украшенного драгоценностями, по клинку кислотой вытравлены надписи на русском и английском: "Гражданам Сталинграда, крепким, как сталь, от короля

Георга VI, в знак глубокого восхищения от британского народа". Когда Черчилль вручил этот шедевр Сталину, тот растрогался, поцеловал ножны и вполголоса поблагодарил. Стал передавать меч стоявшему справа от него Ворошилову, неловко наклонил вниз рукоятью, и меч, выскользнув из ножен, выпал на ковёр. Ворошилов не успел его подхватить, поднял с ковра и передал офицеру почётного караула. Рузвельт попросил показать ему меч и, прочитав надпись, вымолвил:

— Воистину у них были сердца из стали!

Вскоре конференция продолжилась. Сталин спросил, кто будет командовать операцией "Оверлорд", премьер-министр и президент не могли дать ответа, и он хмуро произнёс:

— Тогда ничего не выйдет. Вы даже не знаете, кто несёт моральную и военную ответственность за выполнение операции! Всё ясно. "Оверлорд" — это опять одни разговоры.

Черчилль тотчас назвал имя английского генерала Моргана, на что Сталин заявил:

— Русские хотели бы скорее узнать, кто именно будет командовать операцией "Оверлорд". Если сейчас не будет решён вопрос о втором фронте, то и мы не будем проводить никаких наступательных операций в сорок четвёртом году.

Черчилль уводил переговоры от главной проблемы, как трясогузка, изображая из себя раненую, уводит чужаков от гнезда с птенцами. Он навязывал долгие дебаты о Турции, стоит ли её направить против Германии, о Болгарии, которую русские когда-то освободили от турецкого ига, а она теперь предательски на стороне Гитлера, о будущем Румынии и Венгрии.

— Позволю себе прямой вопрос, — перебил Сталин. — Верят ли и впрямь англичане в операцию "Оверлорд", или они говорят о ней только для того, чтобы успокоить русских?

Черчилль снова вилял, говорил о различных условиях осуществления операции, затем о том, какая судьба ждёт Германию, когда она окажется окончательно поверженной.

— Вся сила могущественных армий Гитлера зависит примерно от пятидесяти тысяч офицеров и специалистов, — ответил Сталин. — Если этих людей после войны арестовать и расстрелять, военная мощь Германии будет уничтожена с корнем.

Черчилля это глубоко возмутило:

— Английский парламент и общественное мнение никогда не потерпят массовых казней. Даже если в период военного возбуждения и будет дозволено начать их, английский парламент и общественное мнение после первой же массовой бойни решительно выступят против тех, кто несёт за это ответственность. Советские представители не должны заблуждаться на этот счёт.

Сталин плотоядно улыбнулся:

— Пятьдесят тысяч должны быть расстреляны. У нас уже подготовлены списки. Такова наша разнарядка.

Черчилль изобразил из себя христианского мученика, готового идти в огонь:

— Я предпочёл бы, чтобы меня тут же вывели в сад при посольстве и самого расстреляли, чем согласиться запятнать свою честь и честь своей страны подобным позором.

Сэр Уинстон уже ездил к Сталину в Москву в августе прошлого года, но так и не раскусил особенностей сталинского сарказма, в отличие от Рузвельта, успевшего лишь немного пообщаться с дядюшкой Джо.

— Я со своей стороны предлагаю сократить расстрельный список. Допустим, не пятьдесят тысяч, а всего лишь сорок девять, — сказал президент США.

Тут даже министр иностранных дел Великобритании Иден стал делать знаки Черчиллю, что Сталин шутит, но ни с того ни с сего в дело вмешался сын Рузвельта, тридцатитрёхлетний Эллиот, офицер ВВС США, сопровождавший отца в Тегеран:

— Позвольте мне выразить полное согласие с планом маршала Сталина и свою полную уверенность в том, что американская армия поддержит его. Немцы заслужили такое обращение!

Черчилль взбеленился пуще прежнего, вскочил со своего места и гордо удалился в соседнюю комнату, замер там, как артист, стоя спиной к зрителям. Сталин и Молотов перемигнулись, тоже поднялись со своих мест, подошли к Черчиллю, и Сталин хлопнул того по плечу, а Молотов по руке. Слышно было, как они сказали:

— Да это шутка!

— Не воспринимайте всерьёз.

И переговоры продолжились. Этот русский усатый грузин так по-мужски завладел ходом конференции, что его уже стали побаиваться и слушаться, соглашаться с его требованиями и доводами. В первые два дня Сталин являлся на переговоры позже Черчилля и Рузвельта, и при его появлении оба вставали. Вчера они договорились прийти после него, а если не получится, то хотя бы не вставать. Явились на двадцать минут позже запланированного повесткой конференции часа, его нет. Тотчас он вошёл. Они сидят. Он вдруг так пристально посмотрел на них, что оба не выдержали и встали.

Рузвельт с удивлением чувствовал себя во власти дядюшки Джо. Но при этом не испытывал никакой антипатии к нему, а напротив, рад был бы как можно больше побеседовать с этим удивительным человеком. И вот теперь, проснувшись первого декабря после кошмарного сна, он в буквальном смысле слова мечтал о новой встрече, сожалея, что наступил последний день Большой тройки в Тегеране.

Завтрак накрыли в столовой одной из шести комнат, отведённых советским посольством для американцев. Когда Рузвельт со своим помощником Хопкинсом появился там, за столом уже сидел Черчилль и жевал эмпанаду — филиппинскую лепёшку с яйцом и луком, — вот ненасытная утроба!

— Опять мы явились раньше него, — усмехнулся президент.

— Чёрт бы его побрал, — откликнулся премьер-министр.

Сталин появился в сопровождении Молотова, все встали, поздоровались и уселись за столом. Филиппинцы тотчас принялись подавать в качестве закуски пансит — лапшу с креветками и курицей, капустой, стручками фасоли и луком.

— Как спалось, джентльмены? — спросил дядюшка Джо.

— Ужасно, — улыбнулся Черчилль, и сразу стало видно, что он намерен как-то пошутить. — Мне приснился страшный сон. Будто меня назначили премьер-министром всей планеты. Только представьте, какая обуза!

— Да уж, тяжёлая ноша, — кивнул Сталин.

Рузвельт решил развить шутку и заявил:

— Мне тоже кошмар снился. Будто меня назначили президентом всей Вселенной. Это на инвалидной коляске!

Сталин тем временем раскурил трубку, выпустил первое облако дыма и не спеша ответил:

— Могу вас успокоить, джентльмены. Мне тоже приснился сон. Я не утвердил вас.

Бережков с особым удовольствием перевёл, сделав ударение на слово “not”:

— I did not approve you.

Рузвельт и Черчилль переглянулись, президент первым расхохотался, премьер-министр — за ним вслед. Засмеялся и Молотов. А Хопкинс и появившийся Иден не знали, как реагировать. Зато посол США в Москве Гарриман, когда Хопкинс на ухо прожужжал ему перевод, так и прыснул. Тотчас спохватился:

— Простите, господа.

А Черчилль тем временем уже балабонил про семнадцать английских эскадрилий в Египте, которые можно использовать для защиты Турции, про то, что хорошо бы поскорее продвинуть Красную армию в сторону Одессы, про плохо подготовленную к возможной войне против Германии турецкую армию и так далее.

Филиппинцы подали панкитмоло — запеканку из курятины, свинины и грибов. Рузвельту ничего не оставалось делать, как тоже заговорить о вовлечении Турции в войну. Молотов задал более конкретный вопрос об итальянских кораблях, и президент пообещал разделить их поровну. Тут вдруг его пробило такой любовью к России, что он сказал:

— Всё это, господа, мелочь в сравнении с усилиями, которые Россия прилагала и прилагает.

На десерт подали жареные бананы, рисовые пирожные, имбирный чай и кокосовое молоко. После завтрака отправились за стол конференции и заговорили о Польше, о Прибалтике и Восточной Пруссии. Сталин твёрдо настоял и добился общего решения, что Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия войдут в состав СССР, причём вместе со Львовом, который Черчилль хотел оттяпать в пользу Польши. Часть Восточной Пруссии войдёт в состав СССР, потому что на Балтике у русских нет незамерзающих портов, а Кёнигсберг как раз незамерзающий.

Разговор перекинулся на Финляндию, премьер-министр принялся её жалеть, мол, Гитлер насильно втянул бедненькую в войну, и надо теперь бескровно её оттуда вывести, но чтобы она не вошла в состав СССР. Мол, финны очень боятся такого поворота и мести русских за участие в блокаде Ленинграда. Сталин поморщился и буркнул что-то типа: на хрена нам эта Финляндия, будь она неладна. Молотов сгладил:

— Финляндия войдёт в состав СССР лишь в том случае, если сама заставит советское правительство принять её. Однако пока что финны даже ни словом не обмолвились о своём желании порвать с Германией.

— Да они вообще не стремятся по-настоящему к серьёзным переговорам, — возмутился Сталин. — Их условия неприемлемы, и финнам это хорошо известно. Финны всё ещё влюблены в фашистскую Германию и надеются на её победу. По крайней мере, некоторые из них твёрдо верят, что немцы одержат победу.

Дискуссия о судьбе бедненькой страны Суоми с подачи Черчилля затянулась: надо ли финской делегации приехать в Москву, насколько сильны претензии СССР к Финляндии, ведь если взыскать с финнов весь ущерб, нанесённый ими, то у них никаких денег не хватит.

— Деньги нам с этой паршивой овцы не нужны, — сказал Сталин. — Но в течение пяти или даже восьми лет пусть поставляют нам бесплатно бумагу, древесину и другие товары. Они должны получить урок, и мы любыми способами потребуем от них компенсации.

— Бедная, бедная Финляндия! — воскликнул Черчилль. — Я был на её стороне, когда вы напали на неё в сороковом году. Перейдя на сторону Гитлера, финны, конечно, скомпрометировали себя, но у меня в ушах всё ещё звучит знаменитый лозунг: "Никаких аннексий и контрибуций!" Может быть, маршалу Сталину не понравится, что я говорю это.

Сталин широко улыбнулся и ответил:

— Я же сказал вам, что становлюсь консерватором. Кстати, у меня есть фильм и о советско-финской войне сорокового года, могу прислать вам. Вы знаете, что финны тогда использовали разрывные пули, запрещённые во всём мире?

— Чего вы добиваетесь, маршал Сталин? — сурово спросил Черчилль. — Близится "Оверлорд", мне бы хотелось, чтобы к весне Швеция вступила в войну на нашей стороне, а Финляндия вышла из войны.

— Это было бы хорошо, — кротко ответил Сталин. — Но Выборг останется наш, об этом нечего говорить, Карельский перешеек тоже, Ханко. Если уступка Ханко вызывает трудности, я готов взять взамен Петсамо.

— Справедливый обмен, — поддержал Сталина Рузвельт.

Но Черчилль продолжал дуть в свою финскую дуду:

— Англичане хотят, во-первых, чтобы Россия была довольна своими границами и, во-вторых, чтобы финны были свободными и независимыми и жили, как сумеют, в этих весьма неудобных районах. Но мы не хотим оказывать какого бы то ни было нажима на Россию.

— Если на то пошло, союзники могут, если хотят, время от времени нажимать друг на друга, — возразил Сталин. — Пусть ваши драгоценные финны живут, как хотят. Всё будет в порядке, если они возместят половину причинённого ими ущерба.

Но ещё целый час шли пустопорожние разговоры про страну голубых озёр, покуда Сталин сердито не прервал:

— Довольно об этом! Есть ещё вопросы?

— Есть вопрос о Германии, — ответил Рузвельт. Он привёз с собой план расчленения её на Пруссию, Саксонию, Баварию, Австрию, Гессен и Ганновер, стали это обсуждать. Дядюшка Джо смотрел на вопрос явно скептически и спросил переводчика Бережкова:

— Как по-английски "Не спеши делить шкуру неубитого медведя"?

— "Не считай цыплят, пока не вылупились", — ответил Бережков. — Или ещё: "Не спеши разуваться, пока не дошёл до реки".

— Слабовато, — усмехнулся Сталин, Болен перевёл это Рузвельту, и тому вновь стало стыдно. А Черчилль снова долго и нудно говорил о Польше. Ему очень хотелось, чтобы она, несчастная, получила как можно больше земель, не только от поверженной Германии, но и белорусские и украинские территории, не входившие в состав СССР до 1939 года. Сталин вновь сохранял твёрдую непреклонность. Польша получит те границы, которые он ей назначит.

Теперь Рузвельт отчётливо понимал, что на заканчивающейся конференции Сталин одержал моральную победу над союзниками и презирает их за то, что они предали его, не открыли второй фронт ни в прошлом году, ни в этом, и неизвестно, когда откроют в следующем. И, взяв слово, президент объявил:

— Мы гарантируем высадку в Нормандии первого мая.

Он посмотрел на Черчилля, премьер сделал страшные глаза, посмотрел на Сталина, тот кивнул головой, типа: ну, что ж... И всё-таки, когда выработали окончательный вариант итогового документа конференции, сэр Уинстон настоял на формулировке "в течение мая". Сталин великодушно добавил гарантию одновременного наступления, дабы помешать переброске немецких войск с Восточного фронта на Западный, после чего громко три раза хлопнул в ладоши, и в зал вошёл советский лейтенант с жестяной консервной банкой в руке. На банке крупными буквами чернело: "SPAM", производное от: "**s**houlder of **p**ork and h**am**" — "мясо свиной лопатки и окорока", и по-русски: "Свиная тушонка", именно так, через О.

— А сейчас мы с вами откроем второй фронт! — объявил Сталин. — Именно так у нас на войне солдаты и офицеры называют американскую тушёнку. И когда намереваются её есть, говорят: "Давайте, братцы, откроем второй фронт".

Лейтенант поставил банку на стол, достал из кармана ножик и, откупорив консервы, наложил Сталину, Рузвельту и Черчиллю в тарелки. Все трое стали пробовать.

— О, вкусно! — похвалил Черчилль и, взяв банку, стал читать надписи на этикетке: — Тушёная свинина, жир, лук, соль, специи.

— Вот этот "спам" наши бойцы и называют вторым фронтом, — улыбался Сталин. — А ещё к нам проступают коробки с пайками — обед американского солдата. Туда входят тоже консервы, печенье, шоколадка, салфетка, зубочистка и, что бы вы думали, ещё?

Черчилль и Рузвельт переглянулись.

— То, что в наших советских аптеках называют "изделие номер два", — вскинул брови Иосиф Виссарионович. — Презерватив! Покушал, вытер губы, поковырялся в зубах — и в кроватку с красоткой. Вероятно, в Америке полагают, что при каждом нашем солдате приставлена таковая. Но, увы, в итоге подавляющее большинство изделий остаются неиспользованными. Ешьте, ешьте, где ещё отведаете то, что наши бойцы едят между боями?

Он первым доел тушёнку, Черчилль охотно последовал его примеру, Рузвельт доедать не стал. Уж он-то знал, что по ленд-лизу в СССР его страна

поставляла просроченные консервы, переложенные в другие банки, есть можно, но не рекомендуется. На тебе, Боже, что нам негоже.

Выйдя на крыльцо советского посольства, Большая тройка уселась между высоких центральных колонн в кресла и стала фотографироваться. Рузвельт в центре, Сталин справа от него, Черчилль слева, причём, почему-то ему подсунули низкое кресло, и он, провалившись в него, сидел, как жаба, а президент Америки сверху мог взирать на розовую плешь премьер-министра Великобритании. Сфотографировавшись, сэр Уинстон откланялся и удалился в своё посольство, а Сталин ещё пригласил Рузвельта на прощальную беседу, угощал грузинскими винами и сырами, нежнейшими эклерами с шоколадной и сахарной помадкой, а также изумительно приготовленными кримслайсами, которые президент оценил по достоинству:

— Никогда в жизни не ел таких вкусных кримслайсов. Французы называют их тысячелистниками, а русские?

— Наполеон, — ответил Сталин.

— Наполеон?! — сильно удивился Рузвельт.

— Именно так, — подтвердил Сталин. — После победы над Наполеоном русские повара подали к праздничному столу это пирожное в виде огромного торта, и когда его слопали без остатка, кто-то из придворных пошутил: "Вот мы и съели Наполеона!" С того и пошло наименование данного блюда.

— Выпьем за то, чтобы в скором времени появился другой торт — Гитлер! — смеясь, поднял бокал президент Америки.

Они выпили, и Сталин не преминул добавить:

— Но чтобы никогда в России не появился торт Рузвельт или Черчилль.

— Ну, что вы! — слегка обиделся американец. — Не знаю, как сэр Уинстон, но лично я никогда не намерен воевать против России. И немецкий фюрер очень глуп, что не учёл печального опыта французского императора. Я бы с удовольствием съел ещё кусочек "наполеона".

Ему подали ещё кусочек, и Сталин рассмеялся:

— Давайте выпьем за то, чтобы в ближайшем будущем вы бы попросили ещё кусочек Гитлера.

Рузвельт, счастливый, что между ним и Сталиным сложились такие лёгкие отношения, аж захохотал, потом заметил:

— Не хотел бы я, чтобы кто-нибудь просил подать ему ещё кусочек Рузвельта.

— А вам с Черчиллем, правда, приснились такие забавные сны? — спросил хозяин России.

— Не знаю, как ему, но мне нет, — ответил президент США. — Я просто продолжил его шутку. Но вы превзошли нас в своём остроумии. "Я не утвердил вас". Вы обладаете очень подвижным умом, сэр Джозеф.

— Какой я вам сэр? — усмехнулся Сталин. — Я сын бедного сапожника. Это вы у нас сэры.

— А, я тоже не сэр, — махнул рукой Рузвельт. — Фамилия моих предков Розенвелт, что по-голландски означает "поле роз", но жизнь их не была усеяна розами, и, спасаясь от нищеты, они бежали в Америку из Голландии.

— Так вот почему вы нормально относитесь к кино.

— Да, я люблю кино.

— А то Черчилль мне в прошлом году с презрением заявил, что аристократы относятся к кинематографу скептически.

— Это в чистом виде чванство, — фыркнул Рузвельт.

— Я преклоняюсь перед американцами, быстро сообразившими, что кино — это особый вид оружия. — И Сталин даже слегка поклонился Рузвельту. — Признаться, в молодости я недооценивал это, но в двадцатые годы сообразил, что Голливуд — это примерно то же самое, что вы построили в нынешнем году как средоточие военной мощи Америки.

— Пентагон, — кивнул Рузвельт. — Это здание уже получило такое название, поскольку имеет форму пятиугольника.

— Некоторые фильмы имеют силу огромных бомб, — продолжил Сталин. — Я уже говорил про вашего режиссёра Капру. Ещё раз спасибо ему за сердечное отношение к нашей стране и за его картину "Битва за Россию". А в его фильме "Знакомьтесь, Джон Доу" Гэри Купер сыграл человека, в чём-то похожего на вас. За Джоном Доу народ идёт точно так же, как он идёт за вами. Я хочу выпить, чтобы вы и в четвёртый раз стали президентом. Мы, русские, хотели бы иметь дело только с таким правителем Америки. Ваше здоровье!

Рузвельт с трудом сдержал слезу, чокнулся своим бокалом с бокалом этого хитрого усача, выпил за своё здоровье и сказал:

— Да, я сам понимаю, что должен ещё раз баллотироваться. Хотя здоровье моё всё хуже и хуже. Проклятый полио! Скоро я совсем не смогу ходить. Да и так третий десяток лет мучаюсь.

— Помните замечательный рассказ О'Генри "Родственные души"? — спросил Сталин.

— Простите, что-то не припомню... — задумался Рузвельт.

— Тот, в котором вор забрался в дом богача, а потом оказалось, что оба страдают ревматизмом, это их сближает, и они идут в кабачок пропустить стаканчик-другой, потому что приходят к выводу, что ни одно лекарство не спасает так, как это. — И Сталин постукал ногтем по краю бокала.

— Ну, конечно, помню! — развёл руками Рузвельт. — Только он называется не "Родственные души", как перевёл ваш переводчик, а "То, что делает весь мир родными". Хотя, возможно, в русском переводе название изменилось.

— Я просто, честно говоря, забыл, как рассказ называется в оригинале, — покраснел Бережков.

— Это нестрашно, — похлопал его по руке президент Америки. — Вы великолепный переводчик. Такой молодой, и так виртуозно переводите.

— Только иногда забывает, зачем его пригласили, — проворчал Сталин, припомнив тот момент, когда вчера все увлеклись едой, и Бережков тоже положил себе в рот кусок бифштекса, а тут Черчилль, как на грех, снова стал болтать почём зря, и в переводе возникла пауза.

— Клянусь, это не повторится, — заморгал глазами юноша.

— Ладно, Валентин, забыли, — махнул рукой Иосиф Виссарионович и повернулся к президенту. — Сейчас не об этом. А о том, что мы с вами тоже родственные души. У вас ноги, у меня левая рука сохнет. В детстве попал под фаэтон. И ноги тоже постоянно болят, в Сибири их в молодости отморозил. Но русский писатель Гоголь однажды написал о пользе болезней, что они смиряют нас и не дают совершать глупые прыжки. Выпьем же за то, что мы с вами, Франклин, родственные души. И пусть, наконец, хотя бы это сроднит Россию с Америкой!

Он встал, Рузвельт тоже приподнялся, они с серьёзными минами выпили, сели, и Сталин добавил:

— А ещё и кино.

— Да, конечно, кино, — оживлённо согласился Рузвельт. — Я внимательно посмотрел все фильмы, которые вы мне прислали. Очень понравился фильм "Мечта", один из лучших в мировом кинематографе. Там такая потрясающая актриса в главной роли, очень многоплановая.

— Одна из моих любимых, — тепло отозвался маршал Сталин. — Фаина Раневская. Непременно пришлю вам ещё её картину "Подкидыш". Там вы её даже и не узнаете. Мне очень нравится одно её высказывание: "Деньги прожрутся, а позор никогда". Это надо всем помнить.

— Да, хорошо сказано, — покивал президент, когда Бережков перевёл: "Money will be eaten up, but shame never". — А ещё мне понравился фильм "Волга и Волга". Я оценил ваш намёк в песне: "Америка России подарила пароход, хорошая машина, но ужасно тихий ход". Это намёк, что мы слишком тихо движемся в сторону открытия второго фронта.

— Да уж, вы не летите стрелой, — усмехнулся Сталин.

— Черчилль всё время мне доказывает, что если бы Гитлер не напал на вас, вы бы не стали воевать на нашей стороне.

— Если бы вы не позволили Гитлеру развернуться в Европе, не отдали ему Австрию и Чехословакию… — заговорил Сталин, но осёкся: — Не будем ворошить. Всё это относится уже к прошлому, а прошлое принадлежит Богу.

Глава шестнадцатая
МЛЫН

— Де це я?

— Какая ещё децея?

— А ты хто така?

— Начинается! Совсем ничего не помнишь? Галя я.

Он приподнялся, попытался что-то разглядеть, но в комнате хоть глаз выколи. Сердце затосковало, и он запел:

— Ой, ты, Галю, Галю молодая, пидманулы Галю, зибралы з собою.

Дальше петь про то, как казаки заманили с собой Галю, потом в лесу привязали её же косами к дереву и зачем-то сожгли, он не стал, хотя темнота засмеялась:

— А поёшь ты, хохол, неплохо. Спой ещё, а?

— А ты чому зи мною по-российски говоришь?

— А на каком же мне говорить, если я русская?

— Русская? А мы де?

— Где? У тебя на бороде.

— У мене немае бороды. Увимкны свитло.

— Чего? Не понимаю я ваши все эти здоровеньки-булы. Говори по-русски.

— Свет, говорю, включи. Хотя нет, не надо.

— О, вспомнил русскую речь.

— Слухай, Галю, а у нас з тобою що було вночи?

— В ночи? Как я тебя сюда припёрла, так ты рубильник свой и вырубил. Спал, как убитый. Да и что у нас могло быть, ежели я давно уже старуха?

— Слава тоби, Господы! — аж перекрестился он и стал медленно вспоминать, что происходило накануне. Вспомнилось, как он долго и медленно брёл по снежной каше улицы Горького, как дошёл до "Астории", и оказалось, что её несколько дней назад заново открыли. Выплыло, как он сел и сразу же заказал себе графин водки, сала и жареных колбас.

— Так я що, тут в "Астории" и заночував?

— Слава Богу, вспомнил.

— Кажешь, стара, а голос молодой.

— Так это у многих старух голос не стареет.

Сознание медленно возвращалось, обожгло страшным пониманием:

— Ой, Боже ж ты мий! Я тут, незрозумило де, а Юлька не знае, що зи мною!

— Знает, — засмеялась Галя. — Ты ей по телефону звонил.

— Звонив? И що сказав?

— Что с товарищем Сталиным водку пьёшь. Правда, ты это Валерику в лацкан шинели говорил.

— Як це в лацкан?

— Вы с ним прощались, ты его схватил за лацкан и вдруг решил, что держишь в руке телефонную трубку: "Алё! Юлечка! Со мной всё в порядке, я у товарища Сталина на банкете, мы с ним водку пьём". И не по-хохляцки говорил, а чисто по-русски.

— Так у меня жена русская.

— Приехали! А что ж со мной-то по-хохляцки?

— А ты вообще кто?

— Ну, как тебе сказать… Хорошая девушка. На заводе работаю. Шла с работы. Иду мимо, смотрю, хорошего человека хотят в милицию забрать.

Я и сказала, что ты мой муж. Пришлось тебя даже по морде нахлестать: "Опять нажрался! Опять всю получку пропил!"

— И дальше что?

— Что, что, домой к себе затащила. У меня мы теперь.

— Так я с женой по телефону говорил или в лацкан? — спросил он с тревогой, и тут воспоминание швырнуло его в далёкое детство, в родную Сосницу, как отец сетовал, что мечтал бы иметь свой собственный млын, а больше ничего и не надо для счастья. И он, семилетний, решил сколотить для отца млын, хотя бы игрушечный... И вышло всё тогда очень плохо, в точности, как вчера, отчего он и брёл по улице Горького убитый, а потом напился до потери сознания в "Астории".

Всё, что угодно он готовился услышать вчера: указание на ошибки, требования переделать то-то и то-то, но совсем не такие страшные слова, какие услышал в зале заседаний Политбюро ЦК КПСС. Его, лауреата Сталинской премии, всемирно известного кинорежиссёра, растоптали и покалечили так, что казалось, арестуют на месте и поволокут из Кремля сразу на Лубянку.

Ещё недавно ничто не предвещало подобной катастрофы. До самой осени. После "Щорса", принёсшего ему Сталинку, он почивал на лаврах, всеми обласкан, всюду воспет. Снял три солидные полнометражные документалки "Буковина — земля украинская", "Освобождение" и "Битва за нашу советскую Украину", рассчитывал в новом году получить вторую Сталинку уже по разряду "Документальные фильмы", как Варламов за "Москву" и "Сталинград", готовился снимать большое художественное полотно "Украина в огне". И вдруг — звонок Хрущёва...

Никита Сергеевич оказывал ему особое покровительство, и он отвечал ему огромной благодарностью: в "Битве за Украину" Хрущёв мелькает так часто, что у зрителя складывается впечатление, будто именно первый секретарь ЦК Украины освобождал подвластные ему территории, а вовсе не Ватутин, не Жуков и не Конев, которым в картине уделено по несколько мимолётных секунд. Мыкыта Сергийовыч — сама ласка, обожает Украину, всегда готов прийти на помощь, поддержать. Прочитав сценарий "Украины в огне", пришёл в бешеный восторг:

— С начала года приступишь к съёмкам. Средств не пожалеем. То будет самая великая картина об Украине! Надо в журнале пропечатать и сразу же книгой, в двух видах, на русском и на украинском. Пусть знают, что не всё так просто.

После такого восхваления ожидать чего-то плохого?.. Но вдруг в квартире Довженко на Можайском шоссе раздался телефонный звонок, и Александр Петрович не узнал ридного Мыкыту Сергийовича:

— Ты что мне подсунул, вражина! Диверсант! Самостийник поганый! Надул меня, написал сценарий, враждебный нашему народу, партии и правительству. Руководство страны в негодовании от твоих грязных вражеских выпадов. Ответственные товарищи, читавшие твою писанину, с отвращением пожимают плечами, не понимают, как это Александр Петрович мог написать такое. Оскорбил Богдана Хмельницкого, наплевал на классовую борьбу. Я с тобой цацкаюсь, а ты проповедуешь национализм!

— Я восемнадцать лет творил советское коммунистическое искусство, — выслушав хрущёвскую тираду, ответил Довженко. — И глупо подозревать меня во вражеских тенденциях. Да ещё в такое чрезвычайное время.

— Дывысь, яка цяця! — рявкнул Хрущёв почему-то по-украински и швырнул трубку.

Нетрудно догадаться, что сценарий не понравился главному цензору страны, но что именно? Да, там есть спорные моменты, но в целом-то тональность правильная, советская.

Вскоре и Большаков в спокойном и печальном тоне сообщил ему, что киноповесть Сталину не понравилась, и он запретил печатать её в журнале "Знамя". Из редакции рукопись вернулась.

Зная за Хрущёвым манеру выругаться последними словами, а потом смягчиться, Довженко записался к нему на приём. Но недавний кращий друг попросту отказал своему недавнему протеже, не принял. Ось сволота!

Бедный режиссёр чувствовал, что для него вскоре начнутся печальные времена, но от недобрых предчувствий отвлекали рассказы матери, которую он только что перевёз с Украины в Москву.

Когда немцы вошли в Киев, к ним в квартиру позвонили, вошёл офицер и несколько солдат, бесцеремонно принялись располагаться, а мать и отца попросту вышвырнули вон, причём отец стал возмущаться, и его долго били, едва не забили до смерти.

Поселились в какой-то подозрительной неотапливаемой квартирке на Бессарабском рынке. Мать ещё держалась, а отец, видя могущество и наглость немцев, полностью разуверился, что Украину освободят, что украинцы не исчезнут с лица земли. В таком горестном понимании он и умер от голодной водянки.

Думая о том, что по сравнению с отцовым несчастьем его временные неудачи сущий пустяк, Александр Петрович желал лишь одного: чтобы про "Украину в огне" забыли, а он приступил бы к новому сценарию, светлому и счастливому.

То же советовала ему жена:

— Не лезь в политику, Сашко, а главное, не пой ты своё дурацкое "Будэ вильна Украина". Разве мало есть в жизни тем простых, о простом человеческом счастье?

Милая Юлька! Часто вздорная, капризная, вертлявая, но такая необходимая ему и желанная.

Их познакомило весло, которое он неловко перебрасывал с одной уключины на другую и ненароком, но со всей силы, ударил свою первую жену Варвару по коленке. Варенька и без того страдала костным туберкулёзом, а тут ещё такая нехорошая рана, пришлось ездить по врачам, оказались в Одессе, пристроили на лечение, а заодно режиссёр, уже снявший к тому времени "Звенигору" и "Арсенал", пристроился на киностудии и там встретил — кого бы вы думали?! — Юлию Солнцеву, ту самую Аэлиту из протазановского фильма и папиросницу от Моссельпрома из смешной кинокомедии Желябужского. По ней вздыхала значительная часть мужского населения. Странная, какая-то нездешняя красота — то ли турчанка, то ли аргентинка, — жгучая брюнетка, над верхней губой — тёмный пушок, напряжённое, как струна, тонкое тело. И он сразу же влюбился, раздобыл где-то мешок апельсинов и высыпал их перед нею:

— Солнцева, вот вам много оранжевых солнц!

Роман меж ними закрутился стремительно, больная жена с маленьким сыном отошли на задний план, их очертания стали расплывчатыми, а потом и вовсе растаяли. Варвара не закатывала истерик, не пыталась вернуть мужа, некогда простившего ей то, что после революции она бежала за границу с белогвардейцем, а через шесть лет брошенная вернулась на Украину уже больная. Тогда он простил её и принял, женился. Теперь она простила его и ушла, даже сына записала на другую фамилию.

Жизнь с Юлькой радовала Довженко кипением страстей. Они часто ссорились, даже дрались, но потом мирились и вцеплялись, впивались друг в друга с неистовой силой. Будучи сверху, он приговаривал: "Вот так, вот так я покоряю Россию!" — а оседлав его, она восклицала: "Вот так, вот так Россия усмиряет Украину!" Впрочем, его любовь к Украине Юлька уважала настолько, что досконально выучила малороссийское наречие и лишь "оливець" не могла произносить так, чтобы в ней не распознали москалячку. И писни с ним добре спивала, так что все друзья-хохлы сильно хвалили. Хотя с ними она становилась злая и пророчествовала со стороны всех этих гайдуков да гайдамаков предательства. Особенно ненавидела кращего дружка Смолича, с которым Сашко чуть не целовался — до того любил. Бывало, лягут на одну кровать и чешут языками о тяжёлой судьбе Украины, о её угнетении то ляхами, то жидами, то москалями.

— Сашко, ты, може буты, женишься на Юрко?

— Правильно говорить не "женишься", а "одружишься", рыбонька моя золотая, — смеялся Довженко и, наконец, прогонял Смолича. А когда тот уходил, Юлька шипела:

— Вот чует моё сердце, беда от него исходит, не надо с ним дружить.

Александр Петрович злился на Юльку и со Смоличем дружбу не пресекал. Юрий Корнеевич много читал, много писал: рассказы, повести, социально-бытовые и фантастические романы, — его пьесы шли и в украинских, и в российских театрах, поговорить с Юрко — завжды цикаво. Но Юлька продолжала гнуть своё:

— Вот я замечаю, как он первым выводит тебя на опасные темы: ненасытные жиды всем завладели, ляхи вползают, москали свиньи, а вы, украинцы, во всём наикрасившие. Ну, вот что твой Юрко придумал с этими бутылками? И все, как дураки, пили и хохотали! Между прочим, там и мне смерть желалась.

Это когда Смолич принёс десяток бутылок водки, с которых снял этикетки и прилепил новые: "Смерть москаля".

— Ну, ты ж знаешь, що це мы жартуемо.

— Ха-ха-ха! Ничего смешного. Сволочи!

Так они и жили, по лезвию ножа танцевали, то вспыхнет обида и ненависть, то — страсть испанская-аргентинская.

Как актриса Солнцева навсегда осталась в немом кино, умела только себя показывать, а не играть роли, зато год от года набиралась режиссёрской премудрости, и уже "Щорса" они снимали вместе. И в "Битве за нашу советскую Украину" Юлия Ипполитовна значилась как соавтор.

Но к "Украине в огне" у неё изначально душа не лежала. И когда в телефон отгавкал своё Хрущёв, когда вернули из "Знамени", когда Большаков и Щербаков сообщили о сталинском неприятии, жена сказала:

— А я говорила, что ты доиграешься в свою самостийность. Сам же орден Хмельницкого придумал, и сам же тут Богдана растоптал!

Орден Богдана Хмельницкого и впрямь придумал Довженко, подсказал идею Хрущёву, тот — Сталину, Сталин Хрущёва похвалил, и орден в октябре 1943 года учредили, стали им награждать. А того, кто подал идею, перед Новым годом прищучили. Хорошо, если просто киноповесть запретят, да и забудут. Но — не забыли. И в конце января позвонил Большаков:

— Не хочу вас раньше времени огорчать, но тридцать первого января вы приглашены на заседание Политбюро, посвящённое обсуждению вашей киноповести "Украина в огне".

Господи! До чего же не хочется вспоминать этот вчерашний последний день января!

— Попить-то есть что-нибудь, Галя?

— О, как пить захотел, так на русскую речь перешёл.

Раздались лёгкие шаги, журчание чего-то наливаемого. Эх, оказаться бы сейчас дома, на Можайском шоссе, в любимых объятиях тонких рук и тонких ног, да чтоб впиться друг в друга поцелуем до боли в зубах! Там, где он находился сейчас, по-прежнему царила тьма, в которой где-то поцокивали стрелки часов. В руках оказалась кружка, стал пить — ква-а-ас!

— Спасибо, Галя. А сколько времени?

— Пять утра. До света ещё далеко. Можешь поспать ещё, герой. Эвон, чего вчера вытворял.

— Как же, заснёшь, если даже не ведаешь, что вчера вытворял! А что я вытворял, Галя?

— Да многое. Посуду бил в ресторане. Кричал, что никакое кацапское здание в подмётки не годится простой украинской мазанке. Из кадки фикус выдернул, швырнул на пол и кричишь: "Жрите, русские свиньи!"

— О, Господи, Боже ж ты мий! За що мени таки напасти!

— О, опять по-своему закурлыкал. Спасибо, что хохол, а не немец проклятый.

Это конец. Мало того, что его вчера подвергли такой казни, так ещё и он всё усугубил. И ведь знал, что будут следить от самого Кремля, куда бы он ни пошёл. Берия вчера прошипел: "За такое расстреливать!" Да и раньше он прекрасно знал, что за ним постоянная слежка. Иначе и не могло быть, ведь его терпели, не прикончили во время большого террора, хотя безвинных кончали, а он вообще за самостийников воевал, брал завод "Арсенал",

рабочих которого сам же потом и воспел в одноименном фильме. За границей в двадцатые годы валандался. Любое шпионство можно приписать, хоть немецкое, хоть турецкое, хоть цацкипецкое. Ан нет, ежовское лихолетье пронеслось мимо, а Сталин стал приглашать к себе, ласково беседовал, обсуждал новые замыслы, даже вместе пел украинские песни, а когда шла работа над "Щорсом", подарил патефон и набор пластинок с украинскими народными, которые желательно бы вставить в фильм. Кого ещё из режиссёров так привечал Иосиф Виссарионович? Да никого!

— А ещё что я вчера вытворял, Галя?

— Да много чего. Официант цыплёнка нёс, ты у него перехватил и какому-то дяденьке за шиворот сунул. И кричишь: "Это из-за тебя Володьку арестовали!"

— Якого Володьку?

— А я почём знаю, якого!

— А почему меня не выставили?

— Валерка за тебя заступился. Полковничище. Огромный такой. Говорит: "Кто Мишку Реброва тронет, лично застрелю! Мы с ним в Сталинграде вместе Паулюса брали".

— Якого Мишку?

— Ну, тебя, стало быть. А ты что, не Мишка?

Довженко молчал. Ему бы и неплохо было сойти за Мишку Реброва в данной ситуации.

— А ты Паулюса брал?

— Паулюса?.. Брал.

— Ну вот, все и перепугались. А тот, кому ты поросёнка за шиворот сунул, и вовсе расплатился и с женой убежал.

— Так поросёнка или цыплёнка?!

— Или большого цыплёнка, или маленького поросёнка, я не разгляделa. А с Валеркой вы как стали пить за Сталинград, за Сталина, за Сталинград, за Сталина. И требовали, чтобы все за вами поспевали. А кто не поспевал, вы в них рюмками бросали. И ты бросал очень метко. Я и впрямь поняла, что ты боевой офицер. Страшно было в Сталинграде?

— Постой, постой! Що ты мени брешешь? Ты же меня подхватила на улице, когда меня милиция брать хотела!

— Это я уже потом подхватила, а до этого я в ресторан зашла. Хотела понюхать, как хотя бы там пахнет. Я так часто захожу. А тут ты меня увидел и говоришь: "А ну-ка, садись, я тебя угощать буду".

— Угощал?

— Очень. За это спасибочки. Мне тебя жалко. Ночью всё стонал и кричал что-то по-своему, по-хохляцки. Я только одно поняла: "Со всех ваших постаментов!"

В холодном поту Довженко откинулся к подушке, пытаясь хоть что-то разглядеть во мраке зимней ночи первого февраля. Лишь где окно — различима тусклая полоска света. Надо встать и ехать домой, но сил никаких. Ещё чуть-чуть полежать, отдышаться.

— А я вчера никак к тебе не приставал?

— Нет. Напротив. Я тебя пожалела, погладила, а ты мне: "Я люблю Юлю!" В смысле: отстань! Верный, собака.

— Украинские мужчины самые верные.

— Опять старую пластинку поставил с украинскими народными. Вчера тоже: "Валерик, я тебя люблю, хоть ты и не украинец! Хочешь, мы тебя в украинцы запишем? Ты Куманьков, а будешь отныне Куманько!"

— А он?

— Ржал.

— Мда...

— А что у тебя вчера было? Расскажи.

— Это, Галя, государственная тайна.

Да уж, государственнее и не придумать! Приехал в Кремль, его провели в зал заседаний Совнаркома и Политбюро. Усадили за длинный стол, накрытый синим сукном. И он долго так сидел один, как дурак. Издевательство!

Стали заходить люди. Кивнут, но не здороваются. Особенно обидно такое от своих же хохлов — писателей Корнейчука и Бажана, председателя украинского Совнаркома Леонида Романовича Корнийца, ещё недавно называвшего Довженко диамантом Украины. Хрущёв вошёл, брезгливо глянул на него и даже не кивнул. Только Большаков, душа-человек, приблизился, протянул руку:

— Здравствуйте, Александр Петрович! Садитесь. — И вполголоса добавил: — И ничего не принимайте близко к сердцу.

Сразу как-то полегчало. Ворошилов, Молотов и Калинин вошли одновременно и тоже кивнули. Каганович вошёл и даже не глянул. Видимо, кто-то настучал о запальчивых высказываниях украинского режиссёра против его еврейской нации. Андреев, Маленков, Щербаков, Микоян. Все пришли. Наконец, медленной походкой в зал вступил Сталин, за ним — Берия, зыркнул на Александра Петровича и покачал головой: "Ай-яй-яй, зачем же ты так?"

Собравшиеся стали перебрасываться всякими репликами и вопросами, не относящимися к кино. Довженко показалось, что всё это розыгрыш, и сейчас его станут хвалить, вручат второй орден Ленина. Или хотя бы Трудового Красного Знамени. Но Сталин вдруг, словно вспомнив, зачем пришли, начал читать написанный заранее текст…

— Ох, Галя, мне бы пивка, а не квасу!

— Есть и пивко. Пожалуйста.

Она принесла ещё кружку, в ней и впрямь было пиво. Странная особа. Притащила его к себе после того, что он на её глазах вытворял. И сейчас держится нарочито поодаль, боясь, чтобы он к ней не стал приставать. А пиво даже прохладное, приятное…

— В этой киноповести, мягко выражаясь, ревизуется ленинизм, ревизуется политика нашей партии по основным, коренным вопросам. Киноповесть Довженко, содержащая грубейшие ошибки антиленинского характера, — это откровенный выпад против политики партии. Что это действительно так, в этом может убедиться всякий, кто прочтёт повесть Довженко "Украина в огне".

Как кинокамерой по голове! Если есть слово "антиленинское", кинець тоби, Сашко! Не смерть москаля, а смерть режиссёра.

Все глянули на Довженко, словно пытаясь на прощание разглядеть его и запомнить. Корнейчук и Бажан, сидевшие слева и справа от распинаемого, отодвинулись от него на полстула. Ось мерзенни зрадныкы!

— Довженко ревизует политику и критикует работу партии по разгрому классовых врагов советского народа. А, как известно, эта работа была проведена партией в духе ленинизма, в полном согласии с бессмертным учением Ленина, — продолжал сколачивать эшафот Сталин. — Герой киноповести Довженко Запорожец говорит партизанам, собирающимся судить его за работу старостой при немцах: "Попривыкали к классовой борьбе, как пьяницы к самогону! Ой, приведёт она нас к погибели! Убивайте, прошу вас. Убивайте, ну! Доставьте радость полковнику Краузу. Соблюдайте чистоту линии!"

Докладчик цитировал "Украину в огне", и автор киноповести вдруг отчётливо видел себя врагом советской власти, врагом России, эту власть создавшей. Нет тебе, Сашко, прощенья!

— "Я не знаю сегодня классовой борьбы и знать не хочу. Я знаю отечество! Народ гибнет! Я раб немецких рабочих и крестьян! — грозно закричал вдруг Запорожец. — И дочь моя рабыня! Стреляй, классовая чистёха! Ну, чего ж ты стал?" Итак, Довженко выступает здесь против классовой борьбы. Он пытается опорочить политику и всю практическую деятельность партии по ликвидации кулачества как класса. Довженко позволяет себе глумиться над такими священными для каждого коммуниста и подлинно советского человека понятиями, как классовая борьба против эксплуататоров и чистота линии партии.

Однако как он основательно подготовился, какую речугу написал! Уж одно это делает тебе честь, Сашко Довженко, мог бы сам товарищ Сталин просто похлопать его по плечу и сказать:

— Яке ты лайно напысав, Сашко, иди до стеночки, будем тебя малость расстреливать, да не визжи, не люблю, когда верещат.

Нет, он с уважением:

— Кому-кому, а Довженко должны быть известны факты выступлений петлюровцев и других украинских националистов на стороне немецких захватчиков против украинского и всего советского народа. Эти подлые изменники Родины, предатели советского народа не отстают от гитлеровцев, убивая наших детей, женщин, стариков, разоряя наши города и сёла. Они целиком перешли на сторону немецких злодеев, стали палачами украинского народа и активно борются против Советской власти, против нашей Красной армии. Если бы Довженко задался целью написать правдивое произведение, он должен был бы в своей киноповести заклеймить этих изменников. Но Довженко, видимо, не в ладах с правдой. Иначе как понять, что Довженко в своей киноповести не разоблачил этих презренных предателей украинского народа? Они отсутствуют в киноповести Довженко, как будто не существуют. У Довженко не хватило духа, не нашлось слов, чтобы пригвоздить их к позорному столбу.

А ведь и Юлька говорила ему, что в "Битве за Украину" нет ни слова о тех, кто встал на услужение Гитлеру, а среди украинцев таковых миллионы. Когда смотрели документальный фильм, пропустили, а тут уж не стерпели. Должен был Довженко показать природу предателей и палачей.

— "Броня тонка" — это выражение повторяется в киноповести Довженко несколько раз, — продолжал гвоздить Сталин. — Оно, это выражение, придумано Довженко для того, чтобы сказать: "Советское государство не подготовилось к войне, и советский народ оказался безоружным". Довженко не понимает той простой и очевидной истины, что немецкие империалисты, поставившие своей целью захватить чужие земли и поработить другие народы, исподволь, задолго до войны всесторонне подготовляли своё хозяйство и армию к захватнической войне, перевели всю свою промышленность на военные рельсы за несколько лет до начала войны. Наше социалистическое государство не готовилось и не могло готовиться к захвату чужих земель, к покорению других народов, не готовилось и не могло готовиться к захватнической войне. Надо же уметь видеть эту разницу, и при честном отношении к делу её нетрудно увидеть.

Уел ты, Александр Петрович, Иосифа Виссарионовича за катастрофу сорок первого года. Но ведь мог же тот же Сталин пригласить его к себе и за бокалом винца по-отечески всё разъяснить. А он собрал аж целое Политбюро, чтобы при всех казнить лауреата и орденоносца за его ошибки.

— Уроки Отечественной войны, которая идёт уже более двух с половиной лет, говорят о том, что из всех народов, не ставящих себе захватнических целей, наша страна, наш народ оказались наиболее подготовленными к войне против германского империализма даже по сравнению с такими мощными государствами, как Англия и Соединённые Штаты Америки. Такова правда. Если бы Довженко ставил своей целью писать правдивое произведение, он должен был бы об этом сказать в своей киноповести. Но Довженко, оказывается, не в ладах с правдой.

Хрущёв при последней фразе сжал губы и усиленно покивал. Вот ведь свинья! И до чего же похож на свинью: уши торчат, в профиль даже как будто пятачок имеется. А Сталин что-то уж слишком расстарался, двадцать минут прошло, а он всё читает и читает, забивает и забивает гвозди в эшафот, чтобы покрепче стоял. Какие экскурсы в дальнюю и ближнюю историю! Понятное дело, доклад пойдёт и в публикацию.

— В своей киноповести Довженко критикует политику партии в области колхозного строительства. Он изображает дело так, будто бы колхозный строй убил в людях человеческое достоинство и чувство национальной гордости, ослабил силу и стойкость советского народа... Довженко отрицает ту простую и очевидную истину, что колхозный строй укрепил Советское государство как экономически, так и морально-политически, что без колхозов мы не могли бы успешно вести войну... Националистическая пелена настолько застлала сознание Довженко, что он перестал видеть ту для всех очевидную

огромную воспитательную работу, которую проделала наша партия в народе по развитию его политического самосознания и повышению его культуры.

Ага, за национализм ухватился грузин. Сейчас полетят клочки по закоулочкам!

— Словами врага, немецкого офицера, Довженко так оценивает советский народ: "У этого народа есть ничем и никогда не прикрытая ахиллесова пята. Эти люди абсолютно лишены умения прощать друг другу разногласия даже во имя интересов общих, высоких. У них нет государственного инстинкта... Ты знаешь, они не изучают историю. Удивительно. Они уже двадцать пять лет живут негативными лозунгами отрицания Бога, собственности, семьи, дружбы! У них от слова "нация" осталось только прилагательное. У них нет вечных истин. Поэтому среди них так много изменников... Вот ключ к ларцу, где спрятана их гибель. Нам незачем уничтожать их всех. Ты знаешь, если мы с тобой будем умны, они сами уничтожат друг друга".

Тут Сталин отвлёкся от своего текста, попил водички и сказал доверительным тоном:

— Не для протокола. Известно мне, что Довженко любит всюду повторять, что в украинской мазанке всегда чисто, опрятно, всюду рушнички, половички, ни пылинки. А в русской избе всегда смрад, грязюка, пьяные рыла, матерщина, свинство.

Любит повторять? Что-то не помнится такое. Однажды, подвыпив, он и впрямь произнёс точь-в-точь такие слова закадычному другу Смоличу, а больше никому. Постой, постой, что там Юлька говорила о Смоличе? Нет, не может быть! Кто угодно, только не Юрчик!

— Как мог Довженко докатиться до такой чудовищной клеветы на советский народ? Критикуя работу нашей партии и правительства по воспитанию народа, Довженко не останавливается перед извращением истории Украины с целью оклеветать национальную политику Советской власти.

Далее Сталин принялся цитировать, где крестьяне говорят против Богдана Хмельницкого, как он душил украинскую свободу и продался москалям. Снова отвлёкся:

— Если уж кто и душил народные украинские восстания, так не Хмельницкий, а Мазепа, за что и удостоился ордена Андрея Первозванного лично из рук Петра Первого. Коего потом и предал. Так что, пан Довженко... — Он строго посмотрел на ещё не мёртвого, но уже не живого Александра Петровича и продолжил свой доклад: — Стоит ли говорить, что всё это есть наглая издёвка над правдой. Для всех очевидно, что именно Советская власть и большевистская партия свято хранят исторические традиции и богатое культурное наследство украинского народа и всех народов СССР и высоко подняли их национальное самосознание. Клевещет Довженко и на наш партийный, советский актив и командные кадры Красной армии, изображая их карьеристами, шкурниками и тупыми людьми, оторванными от народа.

Экзекуция продолжалась ещё минут пятнадцать. Сталин по своей привычке никуда не спешил, читал медленно и основательно, и каждая страница его доклада являла собой смертный приговор:

— Довженко в своей киноповести выступает против военной политики Советского правительства, клевещет на наши кадры, критикует основы советского строя и колхозы. Он критикует также основные положения ленинской теории... Откуда Довженко набрался такой смелости и нахальства, а может быть, и того, и другого, чтобы говорить подобные вещи?.. Довженко в своей киноповести клевещет на украинский народ... Нетерпимой и неприемлемой для советских людей является откровенно националистическая идеология, явно выраженная в киноповести Довженко... Довженко не в ладах с правдой, поэтому он всё поставил с ног на голову. Однако свет клином не сошёлся — то, чего не понимает Довженко, прекрасно понимают трудящиеся Украины...

Финал прогремел самыми тяжёлыми громовыми раскатами:

— Киноповесть Довженко "Украина в огне" является платформой узкого, ограниченного украинского национализма, враждебного ленинизму, враждебного политике нашей партии и интересам украинского и всего советского

народа. Довженко пытается со своих националистических позиций критиковать и поучать нашу партию. Но откуда у Довженко такие претензии? Что он имеет за душой, чтобы выступать против политики нашей партии, против ленинизма, против интересов всего советского народа? С ним не согласимся мы, не согласится с ним и украинский народ. Стоило бы только напечатать киноповесть Довженко и дать прочесть народу, чтобы все советские люди отвернулись от него, разделали бы Довженко так, что от него осталось бы одно мокрое место. И это потому, что националистическая идеология Довженко рассчитана на ослабление наших сил, на разоружение советских людей, а ленинизм, то есть идеология большевиков, которую позволяет себе критиковать Довженко, рассчитана на дальнейшее упрочение наших позиций в борьбе с врагом, на нашу победу над злейшим врагом всех народов Советского Союза — немецкими империалистами.

Сталин закончил читать, и ангелы смерти захлопали крылами под сводами зала заседаний. Далее начались выступления всех членов Политбюро, как ни странно, довольно короткие. Все поддерживали Сталина и порицали Довженко, но никто не предлагал мер наказания, только Берия прошипел:

— Во времена ежовщины такого бы давно поставили к стенке.

Наконец, Сталин строго вопросил:

— А что бы нам хотел на это сказать сам товарищ Довженко?

Александр Петрович медленно поднялся и промолвил тихо:

— Я попробую всё переделать. Если успею. До того, как меня расстреляют.

Тут все принялись возмущаться:

— Он издевается!

— Ишь, чего захотел!

— Юродствует!

Получалось, они не хотят даже представить ему шанс исправиться, но оказалось, он неправильно понял их реакцию, потому что Сталин сказал:

— Вы правы, товарищи. Ишь, чего захотел! Чтобы мы уничтожили одного из лучших режиссёров не только нашей страны, но и всего мира. Ступайте, товарищ Довженко, и просто подумайте обо всём, что вам было сказано. А нам нужно ещё обсудить несколько вопросов.

Если бы мазанка встала на ноги и пошла, ей бы и то легче было бы идти, чем ему, когда он покидал зал заседаний. А тут ещё и Каганович встал и тоже направился к выходу, они вместе вышли, и Александр Петрович ожидал, что Лазарь Моисеевич сейчас спросит:

— Ну что, антисемитская морда, получил по заслугам?

Но вместо этого заместитель председателя Совнаркома ласково улыбнулся, похлопал режиссёра по плечу и сказал:

— Всё будет хорошо. Только не совершайте сейчас никаких поступков. Просто ни-ка-ких. Слышите меня?

Довженко замер, глянул в лицо человека, которого в дружеских разговорах с завзятыми борцами за свободу Украины именовал не иначе как "главный сталинский жидяра", и вдруг устыдился, горячо схватил протянутую Кагановичем руку и крепко пожал её. Сказать ничего не мог: душили слёзы.

И потом он в затмении выходил из Кремля, шёл через сумерки по улице Горького, ничего не видя, покуда не остановился перед подъездом ресторана, в котором до войны нередко угощался и угощал. С началом войны его закрыли, устроили столовую для работников Моссовета и райкома партии, и он получал карточки на питание здесь для себя и Юльки. Раз в день можно было съесть винегрет, рыбный супешник и гречку с кусочком варёного мяса величиной со спичечный коробок. И то роскошь для первых трёх лет войны!

— Александр Петрович! — услышал он знакомый голос швейцара Митрича. — Не желаете ли зайти? Мы снова ресторан!

Он вошёл, сдал пальто в гардероб, увидел своё зелёное лицо в зеркале и прошёл в зал, где столы, как прежде, стояли под белыми скатертями и не как в столовке, кучно, а чинно и благородно. Знакомый официант Андрюша, усадив, придвинул ему стул, спросил:

— Акавиты?

— Поллитровый графин, — ответил Довженко, благодарный, что Андрюша не забыл это слово, коим украинские дружки на манер монахов Почаевской лавры именовали водку, от латинского "аква вита". — И сала, если есть. И жареной ковбасы.

Тотчас перед ним образовалась кристальной чистоты акавита, забелело нарезанное квадратиками сало, зашипела украинская ковбаса, свернувшаяся, как змея, в спираль, и Александр Петрович погрузился в пучину своего горя, о чём теперь вспоминал даже с каким-то странным удовольствием. С горя иной раз бывает очень даже сладко напиться так, щобы з глузду зъихаты. Да и на кой ляд нужен цей глузд, коли все летить пид три чорты?

— Понимаешь, Галю, — тяжко вздохнул Александр Петрович, лёжа в кромешной темноте неведомо, где, и незнамо, с какой такой Галей. Наверняка она какой-нибудь там сержант госбезопасности. — Я вырос в очень бедной семье, мои братья и сёстры умирали в дытынстви. Мой отец був такий гарный, красивый, похожий на античного мыслителя, борода, брови... И он говорил: "Маты б тилькы млын, а бильш ничого и не треба для хорошего життя". Млын, то бишь мельница, был предел его мечтаний. И я однажды нашёл в сарае дощечки и гвоздями сколотил из них млын, сделал так, чтобы мельница крутила крылами. Преподнёс свой подарок отцу. А оказалось, он приготовил те дощечки, чтобы сделать рамочки на окнах. Мама мечтала: "У всих рамочки на викнах, а у нас немае". Для неё рамочки казались роскошью. И мне отец всыпал прутьями. Как же мне было горько и обидно!

Он не сдержался и зарыдал. Галя в темноте придвинулась к нему, стала гладить, прильнула. Он тотчас отпрянул:

— Не треба, Галю, у мене Юля е, я Юлю кохаю!

Галя возмутилась:

— Ишь ты! Юлю он любит! Вот я сейчас включу свет и увидишь меня, какая я красивая голая!

Она встала во весь рост в кровати, щёлкнула выключателем, он заслонил глаза от яркого света лампочек люстры, висящей на потолке, и в следующую минуту увидел жену свою Юльку. Поверить невозможно! Она стояла над ним голая на кровати, поворачиваясь туда-сюда, показывая своё изящное тонкое тело сорокалетней женщины, ничуть не тронутой возрастом. А он всё ещё прикрывал свою наготу одеялом.

Очухался, схватил Юльку за ноги:

— Папиросница! Аэлита завзята!

Дёрнул, она повалилась на него, прижала лопатками к кровати, оседлала:

— Сдаёшься, клятый хохол?

— Сдаюся, пидступна кацапка! — хрипел он под её сильными руками, надавившими на грудную клетку.

— Ну что? Кто говорил, что я только для немого кино гожусь? Ты хоть раз услышал в моём голосе мой настоящий голос?

— Инший раз подозрював, не Юлька ли это? Но должен признаться, ловко же ты свой голос переделала!

— Древние греки говорили: искусство актёра — это искусство голоса, потому у них актёры и носили маски, чтобы актёр не мог помогать себе мимикой. И если ты признаёшь, что так и не узнал меня, значит, по греческим меркам, я настоящая актриса. А ты, бесеняка, не хочешь меня снимать, как Герасимов свою Макарову.

— А как же жена Пархоменки?

— Хо-хо, мизинчиковая роль! Давай мне теперь главную роль в "Украине в огне"! Олесю! Даром, что мне сорок два.

Он крепко прижал к себе жену, проявившую такие несказанные актёрские таланты, и горестно простонал:

— Не буде "Украины в вогни"! Розбылы мене вчора в пух и прах. Размазав Сталин по стинци.

— Знаю, Сашко, — прошептала она.

— Звидкы?

— Так ось звидты. Когда ты вчера до полуночи не явился, я позвонила Большакову. Он мне всё вкратце поведал. Сказал, что ты ещё засветло уходил из Кремля. Я так и подумала, что ты не хочешь горе своё домой нести...

— Перед мамою совистно було.

— Это понятно. Она там настрадалась, а тут ещё сыновья беда. Взяла такси, поехала искать тебя. Таксист вспомнил, что на днях "Асторию" открыли как частный ресторан. Там ты и оказался. Пьянее водки. Вовремя я подкатила. Договорилась насчёт номера.

— Так мы в гостинице? А я думаю: де ж це мы?

— Здесь же, в "Астории", на втором этаже. Да ещё тебя понесло такси ловить, я за тобой. Ты на переднее сиденье, я на заднее. Водитель спрашивает: "Куда?" А ты: "На Украйну милу!" И хлоп — спишь. Машина поехала, он меня: "Так куда везти?" "Кружочек сделайте и обратно сюда". Он так и сделал, а тут уж мне помогли тебя тихонечко дотащить до номера.

— Ну и ну! Ось так сценарий! А про то, как я в ресторане хулиганил?

— Это я всё придумала. Очень я рассердилась, что ты не ко мне стремился, а сначала в ресторан, а потом на Украину свою.

— Так я не нанёс ущерба?

— Нанёс, но не сильно. Ты там буянил, как мне сказал Андрюша, рыдал ещё, кричал: "На Украйну! Додому!" Пел, конечно же, своё придурошное "Шабли до горы!" Ну, разбил там чего-то, фикус из кадки выдёргивал, как ту репку из сказки. Но людям вреда не творил. Горячих поросят за шиворот не клал никому. Ты ж у меня добрый. Сашко ты мой, Сашко любимый!

Глава семнадцатая
"В ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА ПОСЛЕ ВОЙНЫ"

— Внимание! Говорит Москва! Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил. Великая Отечественная война, которую вёл советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена! Приказ верховного главнокомандующего по войскам Красной армии и Военно-морскому флоту. Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны! В ознаменование полной победы над Германией сегодня, девятого мая, в День Победы, в двадцать два часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной армии, кораблям и частям Военно-морского флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий. Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Да здравствует победоносная Красная армия и Военно-морской флот! — Левитан сделал паузу и закончил: — Верховный главнокомандующий, маршал Советского Союза Сталин.

Процедура подписания капитуляции немцев завершилась на окраине Берлина в Карлсхорсте поздно вечером восьмого мая, а в Москве уже наступило девятое. По радио предупредили, что в шесть часов утра будет важное правительственное сообщение, и все советские люди завели будильники, чтобы не проспать, потому что уже с минуты на минуту ждали этого главного известия, а многие и не ложились всю ночь в предвкушении утра. Не ложился и самый главный радиослушатель. Когда Левитан своим необыкновеннейшим голосом заговорил, сидящая неподалёку Валечка уткнула глаза в полотенце и, беззвучно плача, прослушала всё от начала до конца торжественное радиосообщение. Сталин, стараясь не смотреть на неё, чтобы тоже не расплакаться, сидел в своей маршальской форме окаменевший. Потом встал и тихо произнёс:

— Ну, вот и всё.

Сразу же зазвонил телефон, он сам снял трубку и услышал Сетанку:

— Папа! Поздравляю тебя! Победа!

Она заплакала на том конце провода, он глотал слёзы на этом. Выдавил из себя тёплым голосом:

— Да, победа. Спасибо. Поздравляю тебя. Как ты себя чувствуешь?

— Так же, как все сейчас. Послушай! — И в телефонную трубку к Сталину ворвались с улицы радостные крики, смех, возгласы "Ура!" — Слышишь? — вернулась в трубку Сетанка.

— Слышу. Когда рожать?

— Думаю, через две недели. Если мальчик, назовём Иосиф.

— Спасибо, дочка. Радуйтесь.

Он положил трубку и сказал Истоминой:

— Иосифом хочет назвать сына. Напополам.

— Почему напополам? — удивилась Валентина Васильевна.

— Потому что свёкор тоже Иосиф.

— Ах, ну да.

— С Днём победы, Валечка! С Днём Великой Победы!

Через три дня в кремлёвском кабинете Ворошилов докладывал Верховному:

— Начиная с девятого мая и по сей день на всех фронтах взято в плен более семисот тысяч немецких солдат и офицеров, а также шестьдесят три генерала.

— Очень хорошо, Климушка, очень хорошо, — тихо отвечал Сталин. — А что с Гитлером?

— Обнаруженный труп оказался Густавом Веллером, двойником Гитлера. Обугленные останки другого трупа обследовала ассистентка зубного врача и заявила, что опознала Гитлера по протезам. Но можно ли ей верить?

— Не думаю, что бесноватый придурок так глуп, чтобы покончить с собой, — высказал свою точку зрения Сталин. — Выяснилось, что он являлся одним из самых богатых людей планеты, на его счетах немыслимые суммы. А человек, столь жадный до денег, панически боится смерти. Скорее всего, он сбежал куда-то в Южную Америку. Да и чёрт с ним!

— Вот именно, пусть чёрт с ним будет, — кивнул Ворошилов. — Ещё ты просил узнать про другого Гитлера.

— Ах, да, нашего. И что он?

— Я выяснил. Семён Гитлер пал смертью храбрых летом сорок второго года, защищая Севастополь.

— Не уберегли нашего Гитлера, стало быть, — опечалился Верховный. — Устал, Володя? — вдруг обратился он к старому и любимому другу давно позабытой партийной кличкой.

— Если честно, Коба, валюсь с ног, — аж вздрогнул Климент Ефремович.

— Можешь идти, дорогой мой.

Ворошилов покинул кабинет, а Сталин некоторое время с наслаждением стоял перед картой военных действий. Тонкие и толстые алые стрелы пронзали Германию с востока, убегали за Берлин и Штеттин, метнулись от Дрездена к Праге, встретились с оранжевыми тонкими змейками-стрелками союзничков, которые, сволочи, успели оттяпать себе две трети Германии. Им-то немчура в апреле-мае сдавалась как нате-здрасьте, а нам сопротивлялась до последнего. Ладно, Суворов говорил: "Мы-то себе ещё завоюем, а этим где взять?"

Ждал-ждал этой победы, и вот она уже пришла, и четвёртый день живём с ней, в ней, при ней. Обвенчались с Победой, сыграли свадьбу. С этой краснощёкой и полной жизни красавицей. До чего же хорошо, слов не найти!

Он глянул на часы: шесть часов вечера после войны. Как в том фильмешнике. Сладко, до хруста, потянулся всем телом. Надо было бы нынче Климушку к себе на Ближнюю зазвать, но раз устал, пусть отдыхает. Да и как хорошо будет вновь окунуться в самое лучшее и уютное своё сообщество: сапожник, кухарка и фокусник.

— Позвоните Ганьшину, пошлите за ним машину, — отдал приказ Поскрёбышеву, покидая кабинет.

С каким тяжёлым чувством он возвращался из Кремля на Ближнюю в сорок первом и сорок втором, после Сталинграда тяжесть исчезла, но тревога оставалась ещё два года, даже до самого Дня Победы; и лишь теперь он ехал с лёгким сердцем. Незаменимый Удалов вывел "паккард" через Боровицкие ворота, вырулил на Знаменку, носящую имя Фрунзе, позади остался Пашков дом, и Иосиф Виссарионович заметил:

— Изначально на доме Пашкова, на самом верху сидела статуя бога войны Марса, её император Павел снял. Может, сейчас, после Победы, стоит Марса вернуть, как думаешь, Палосич?

— Ну его, этого бога войны, к шутам собачьим! — сердито ответил верный водитель. — Одно горе от него. Лучше статую бога мира. Есть такой?

— Богиня мира была у греков, Эйрена, — ответил знаток мифологии. — Крылатая, кажется. Можно и её.

— Отличная идея! — поддержал Удалов.

— Слушай, дружище, — со смехом припомнил Сталин. — А не ты ли держал пари, что если разгромим фрицев, ты, наконец, женишься?

— Я, товарищ Сталин, — вздохнул Палосич. — Только не хочу я связывать свою судьбу с этими крылатыми! Не создан Павел Удалов для семейной тягомотины. Не хочу себя навязывать женщинам на веки вечные. Характер у меня анафемский.

— Да ладно тебе! Нормальный характер, ты лёгкий, весёлый, — возразил Сталин и подумал, что Палосича тоже можно взять в их тайный синклит: сапожник, кухарка, фокусник и извозчик, но тотчас вспомнил, что Удалов не большой любитель кино. А жаль!

Они проехали мимо "Художественного" с афишей нового фильма Бориса Барнета "Однажды ночью", и Сталин подметил, что Ирина Радченко на афише выражением лица похожа на Истомину, к которой он так прикипел за последние годы, особенно за годы войны, когда она не ездила каждый день домой, а почти постоянно жила на Ближней. Вскоре ожидалось возвращение с фронта её мужа, и Сталин приказал выделить полковнику Истомину Ивану Арсеньевичу и его жене Валентине Васильевне новую квартиру в Москве и дачу в Подмосковье. К тому же, Валечка собиралась взять к себе на воспитание племянника Толика, сына её брата Василия, погибшего на фронте. Мать Толика после получения похоронки стала малость того.

Эх, скоро Валечка снова станет уезжать к себе домой, к своему Ване…

Палосич гнал по Арбату, Сталин взгрустнул и, чтобы отвлечься, спросил о легковом броневике.

— Он, конечно, появится, но не завтра, — ответил начальник гаража особого назначения. — Вес! А покрышки? Надо одновременно новые покрышки для такого рыцаря изготавливать.

Он с увлечением продолжал рассказывать о том, как осуществляется персональное задание Сталина о создании бронированного автомобиля. А Сталин смотрел на московских жителей, как бедно они одеты, многие в военной форме, многие, несмотря на тёплые майские денёчки, в серых задрипанных фуфайках. "Паккард" выскочил на Бородинский мост, и сидящий на откидном жёстком страпонтене Сталин вдруг увидел, как девушка быстро и решительно вскочила на парапет.

— Тормози! — воскликнул он.

Палосич дал по тормозам и тотчас проехал несколько метров назад, остановился рядом с девушкой на парапете.

Сталин выскочил из автомобиля, подошёл, окликнул:

— Зачем хочешь это?

Девушка повернула на него заплаканное лицо, вздрогнула, едва не упала с моста, но удержала равновесие и спрыгнула на мост.

— Товарищ Сталин?

— Товарищ Сталин запрещает тебе это! — гневно откликнулся он, увидел бегущего милиционера и крикнул: — Городош! Быстро в машину! —

И сам впихнул девушку в салон "паккарда", прыгнул на своё откидное место, приказал Палосичу: — Гони!

Милиционер подбежал с криком:

— Стоять!

Но, видно, сообразил, что это за автомобиль, и застыл соляным столбом, аки жена Лота. Сталин озорно приставил большой палец к носу, а остальными четырьмя пальцами потрепал в воздухе.

— Ушли от городоша! — повторил это слово, коим когда-то он и другие революционеры называли городовых. В этом слове жила и искрилась его молодость, когда часто приходилось улизнуть от городошей, обмануть, облапошить, обдурить стражей порядка. — Палосич, давай по набережной!

Он глянул на девушку, вытащил из-под неё свою шинель, кинутую на сиденье. Спросил ласково:

— Ну что ты, дурочка? Жених погиб? Или что?

— Муж. В апреле поженились. Он на побывку приезжал. А сегодня утром похоронка. За пять дней до Победы погиб!

— В апреле поженились... Не забывай его, помни и чти. Но когда другой встретится, не думай, что ты плохая. Выходи замуж, рожай детей. Понятно?!

— Понятно... А вы и вправду Сталин?

— Да Сталин, Сталин. Разве по мне не видно? Сколько людей погибло, а такие, как ты, должны будете рожать и рожать. Чтобы восполнить. Понятно?!

— Понятно. — Её вдруг стало колотить, будто она побывала в холодных водах Москва-реки.

Сталин накрыл её своей шинелью. Рассердился:

— Запомни, что тебе Сталин приказал!

Он гневно сверкнул глазами, но тотчас улыбнулся ей:

— Эх, дочка! Как фамилия и имя?

— Шуткина Надежда, это по мужу. — Её всё ещё колотило.

— Знаешь, что, Шуткина Надежда, ты напиши мне: "Москва. Кремль. Сталину". Докладывай всё о своей жизни. Я запомню: Шуткина Надежда. Договорились?

— Договорились. — Её, наконец, перестало колотить.

— Эх, повезти бы тебя ко мне на дачу, напоить чаем горячим. Да там Власик, злой властелин, заругает нас с тобой, Надя. Давай мы тебя тут высадим. Не будешь больше дурить?

— Не буду.

— Живёшь далеко?

— Да нет, как раз тут близко, возле Новодевичьего.

— Ну, живи, Надежда Шуткина. Не огорчай меня. Если ты не станешь товарищу Сталину письма писать, товарищ Сталин очень огорчится. Тебе этого хочется?

— Нет. Спасибо, товарищ Сталин. Я напишу. Обязательно напишу.

Она рассталась с его шинелью, вышла, помахала ему рукой, и Палосич повёз его дальше.

— Видал такую? — спросил Сталин, когда уже с Бережковской набережной переехали в Потылиху.

— Видал, — отозвался Удалов. — Только умоляю, Иосиф Виссарионович, ни слова Власику! Он убьёт, если узнает, что я остановился и позволил вам выйти. Ведь это могла быть провокация.

— Ладно, не скажу никому. Но и ты держи язык за зубами.

Миновали здания "Мосфильма". Недавно Большаков жаловался на катастрофическое состояние главной московской киностудии, в ходе реэвакуации сошёл с рельсов поезд, погибло оборудование, сама дирекция в последнее время работала из рук вон плохо. С подачи Сталина заместителем Ивана Грозного недавно назначили Михаила Калатозова, талантливого и энергичного режиссёра, снявшего "Соль Сванетии", "Валерия Чкалова", "Непобедимых". На самом деле он Калатозошвили, семья из древнего княжеского рода Амирэджиби. В последние два года работал в Америке как

полномочный представитель Комитета по делам кинематографии, где очень много сделал для покупки и проката в США советских фильмов. Теперь Мишико Калатозову поручили навести порядок на "Мосфильме".

Сталин думал о том, какой бы сюжет получился для фильма: он спасает девушку, привозит её к себе на Ближнюю, они становятся друзьями, а потом... Глупость, конечно! Надо гнать такие сюжеты подальше.

За Потылихой Москва кончилась, пошли сады-огороды, дачи, в основном жалкие строения, и Сталин сказал:

— Никак не дадут нашему народу пожить достойно. Ведь если бы не война, какая бы прекрасная сейчас была наша Москва!

— И не говорите, Иосиф Виссарионович, — согласился Палосич. — Не дают, гниды, нам вздохнуть свободно. Небось, Париж как был богатый, так и после войны хорошо себя чувствует.

— Зато Германия лежит в руинах.

— И поделом ей, сучке поганой!

— Причём не столько наши постарались, как союзнички разбомбили. Представь себе, когда я в Тегеране сказал Черчиллю, что надо после войны расстрелять пятьдесят тысяч немцев, ответственных за войну, Черчилль возмутился. И даже не понял шутки, когда Рузвельт предложил уменьшить цифру до сорока девяти. Всё пыхтел: это не гуманно, это бесчеловечно! А потом его же авиация стёрла с лица земли Дрезден, в котором погибло, заживо сгорело как раз сорок девять тысяч ни в чём не повинных мирных жителей!

— Лицемеры буржуйские! — возмутился Удалов, сворачивая на лесную дорогу, ведущую к правительственному объекту "Волынское", в обиходе именуемому Ближней дачей. — Анекдот свежий хотите? Черчилль говорит: "Мне снилось, что меня назначили королём всей Земли". Рузвельт говорит: "А мне снилось, что меня назначили президентом всего Космоса". А Сталин: "А мне снилось, что я вас обоих не утвердил".

— Вот ведь придумает же наш народ анекдоты! — от всей души рассмеялся Иосиф Виссарионович. — Неиссякаемое остроумие! А ещё что есть про Сталина?

— Черчилль и Рузвельт говорят Сталину: "Отдайте нам Крым, а мы вам за это хоть что подарим!"

— А Сталин?

— А он им показал три пальца, большой, указательный и средний, и говорит: "Угадаете, какой тут палец в середине, отдам вам Крым". Ну, они, конечно же, на указательный. А Сталин: "Не угадали. Вот какой в середине!" — И Палосич вставил большой палец между указательным и средним, получилась фигушка.

— Да, остроумный парень этот Сталин в представлении нашего народа, — усмехнулся Сталин.

Выйдя из "паккарда", хозяин дачи пошёл пешком к дому и строго погрозил двум сойкам, устроившим склочную перепалку прямо у него на пути:

— Вот я вас тоже дробью-то!

Но сойки на самом деле, хоть и обладали сварливым нравом, радовали его. Этой весной они большой стаей прилетели, в битве с воронами одержали победу, полностью изгнали крылатых гитлеров и обосновались тут. Своими скрипучими криками они, конечно, тоже не услаждали слух, но, во всяком случае, не устраивали общего гвалта, как торговки на тифлисском рынке, не превращали тишину в концерт авангардной музыки. А главное, отличались от ворон красотою: очертания такие же, но расцветка — голова, спинка и пузик розовато-коричневые, похоже на какао с молоком, по чёрно-белым крыльям яркие бирюзовые полоски — очень красиво.

Вороны предпринимали попытки вернуть себе владения, политые кровью своих бойцов, но сойки всякий раз их решительно выдворяли, о чём непременно с восхищением сообщал Власик. Сойки не в пример лучше ворон, и тулка с винчестером отныне оставались не у дел.

Вскоре Сталин уже разместился в Малой столовой, велел поставить побольше стол и накрыть его:

— Пировать будем!

К кухарке и сапожнику присоединился фокусник, и сапожник приказал налить по бокалу вина или кто чего хочет, но непременно с градусом:

— Давайте выпьем за пленных немцев! Было время, когда наших брали в плен десятками и сотнями тысяч, а теперь, пройдёт ещё несколько дней, и цифра пленённых фрицев достигнет миллиона. Мне сегодня доложили, что только за последние три дня сдалось семьсот тысяч этих гадов. Выпьем за то, чтобы они у нас хорошо поработали, восстанавливая то, что сами разрушили.

Он осушил бокал "цинандали", Валечка пригубила свою любимую "Лидию", вновь вернувшуюся после освобождения Молдавии, Ганьшин махнул рюмку армянского коньяка.

— Ну, или так, — весело сказал Сталин. — Александр Сергеевич, вы не увезли в Белые Столбы "Большой вальс"? Но не тот, который я часто смотрю, а про то, как в прошлом году фрицев по улицам Москвы провели?

— Я знал, что вы ещё раз захотите, — довольный собой ответил фокусник. — Ставим?

— Ставим.

— Я пока ещё по делам стряпни, — сказала кухарка и оставила Сталина и Ганьшина двоих. Ожил и заработал "Симплекс", затрубила труба, на экране высветилось громоздкое название: "Проконвоирование военнопленных немцев через Москву", — хотя событие лета прошлого года носило название "Большой вальс", и вполне можно было бы так назвать.

Бодрый голос диктора:

— Москва. Сегодня, семнадцатого июля одна тысяча девятьсот сорок четвёртого года солдатам Гитлера предоставлена возможность побывать в Москве. Вот они, пятьдесят семь тысяч шестьсот пленных немцев. Остатки разбитых полков, дивизий, корпусов.

Когда в ходе операции "Багратион" наши полностью разгромили группу армий "Центр", в плен попало немчуры гораздо больше, чем под Сталинградом. Одних только генералов — почти половина из всех сражающихся на Восточном фронте. Союзнички тогда отчаянно и не очень успешно дрались на Втором фронте, высадившись в Нормандии полтора месяца назад, и не хотели верить в столь сокрушительную победу Красной армии в Белоруссии. Тогда Сталин сказал:

— Для чего у нас есть кино? Провести как можно больше пленных через Москву, заснять на плёнку и отправить Рузвельту и Черчиллю.

И вот теперь он ещё раз с удовольствием смотрел, как фрицев собрали на Московском ипподроме и стадионе "Динамо": генералы аккуратные, а солдатня грязная, небритая. Воды хватало, чтобы их поить, но не хватало на мытьё. Да так даже и лучше. Мечтали пройти по Москве парадом, сытые и чистенькие? Так пройдите чумазыми и полуголодными! Впрочем, каждому выдали по тарелке каши, четвертинке хлеба и куску сала. И это в качестве добавки к ежедневному нормативу, состоявшему из полбуханки ржаного хлеба, тарелки каши или макарон, трёх варёных картошин или морковок.

Толпы москвичей выстроились вдоль улиц своей неповерженной столицы, смотрят на пленных нелюдей, как на обезьян в зоопарке, на лицах — любопытство и, как ни странно, почти нет злобы. А до чего же тошно этим гадам шагать по городу, который им не сдался! Шагать под взглядами людей, которым они испортили жизнь, а многим исковеркали. Мрачная серая змея проползает через центр Москвы, многоголовый поток уберменшей, разбитых и пленённых унтерменшами! Какое удовольствие смотреть на них, на то, как рухнули их наглые мечты, видеть их хмурые и мерзкие морды. Некоторые от стыда посмеиваются. Но в основном видно, как им гадко.

— А это вы сами придумали название операции "Большой вальс"? — спросил фокусник.

— Ну, а ты как думаешь? — усмехнулся сапожник.

— Думаю, вы. Ваша любимая картина. Я вам её раз двадцать показывал.

— Надо было их под вальсы Штрауса провести, — рассмеялся Сталин. — Эх, русский мужик задним умом крепок! А я, знаешь ли, давно уже русский мужик, никакой не грузин. О, о! Мои любимые кадры!

Фильм подходил к концу, следом за колоннами пленных немцев ехали поливальные машины, мыли улицы, а диктор весело говорил:

— Вот так! Отмыть, отчистить землю от всей гитлеровской нечисти, чтобы и следа её не осталось.

Москвичи расходятся толпами, довольные увиденным парадом, а фрицев запирают в товарные вагоны, повезут их, голубчиков, восстанавливать страну.

— Неплохо для начала, — улыбался сапожник. — Приятная хроника. Зря тогда Сталин отказался постоять где-то на балконе и показать им вот так. — И он коснулся большим пальцем носа, а остальными пальцами затрепетал, как под порывом ветра.

— Да, зря, — усмехнулся фокусник. — Хотя сказали бы: несолидно.

— Скажу по совести, мне всю жизнь хочется вести себя несолидно, — признался сапожник. — Раньше я мог позволить себе шалости с женой и детьми. Жена умерла, дети выросли. А к внукам я почему-то не испытываю родственной тяги.

— Многие не испытывают, но приходится делать вид, что очень их любят, — сказала появившаяся кухарка. Она принесла голубцы в сметанно-ореховой подливе, большое блюдо. Тайный синклит стал угощаться, выпили ещё по чуть-чуть, причём сапожник даже и не чуть-чуть, а хорошо промочил горло белым вином. Только сегодня душа его обмякла, осознала, что всё, Победа, конец войне.

— Вы хотели ещё раз про Крымскую конференцию посмотреть, — напомнил Ганьшин. — Ставим?

— Ставим. К тому же Валентина Васильевна ещё не видела.

И они стали смотреть фильм, снятый под руководством Сергея Герасимова.

— Это тот Герасимов, который "Семеро смелых"? — спросила кухарка.

— Он самый, — ответил сапожник. — А режиссёр Копалин, который вместе с Варламовым снимал "Москву" и "Сталинград".

Фильм начинался с прилёта всех по очереди гостей, и, конечно же, когда появился госсекретарь президента США, Валечка со всем своим простодушием спросила:

— Как-как? Скотиниус? Ну и фамилия?

— Стеттиниус, — терпеливо поправил Сталин. — Немец, кстати, Штеттиниус на самом-то деле, от названия города Штеттина, который мы отдаём полякам, и отныне он будет Щецин.

— Зачем этим полякам такие подарки? — проворчал Ганьшин. Он в последнее время малость обнаглел, позволял себе ворчать на некоторые политические решения.

— Мне самому не нравится, — вздохнул Сталин. — Но не возвращать же им ради дружбы Западную Украину и Западную Белоруссию. Приходится ради дружбы дарить немецкие земли — Померанию, Силезию, часть Восточной Пруссии. Бреслау теперь будет Вроцлав, Позен — Познань, Штеттин — Щецин, Данциг — Гдыня. Хотя поляки, конечно, ненадолго оценят нашу щедрость.

— Вообще не оценят, — фыркнул фокусник. — Всё равно мы для этих пшеков всегда будем пся крев.

— Это что значит? — спросила кухарка.

— Собачья кровь, сукины дети, — пояснил сапожник. — А пшеки — это поляки, потому что они всё время пшекают: пшепрошем, пшесолич, не пепши, Петше, вепша пепшем.

— Как-как? — изумилась Валечка и закатилась своим искристым смехом. — Напишите мне, я запомню. Пшонка тоже от них происходит?

— Зачем же их так одаривать? — сердито спросил Ганьшин.

— Затем, мои дорогие, что англичане и американцы непременно задумают начать против нас наступление, а Польша станет заслоном, — ответил Хозяин, начиная сердиться, но не сказал, что кухарке подобает заботиться

о кухне, а киношнику — крутить кино.

— А почему они так задумают? — беспокойно спросила Истомина. — Неужели опять война будет?

— Не беспокойся, Валечка, не пойдёт твой Ванюша снова воевать, — похлопал её по коленке Сталин.

— Да он ещё с этой войны не вернулся.

— Они, конечно, захотят немцев снова на нас повернуть, но кишка тонка, сейчас Красная армия по-настоящему всех сильней, как в той песне поётся, — терпеливо, как детям, объяснял Верховный главнокомандующий.

— А Черчилль-то на паука похож, — сказала Валечка, глядя на то, как британский премьер спускается с трапа самолёта на крымскую землю.

— А он и есть паук, — сурово припечатал Сталин, с неприязнью думая о сэре Уинстоне.

В октябре прошлого года он опять приезжал в Москву, на сей раз распределять сферы влияния в Восточной Европе, где союзники вообще не воевали, но уже требовали участия в послевоенной жизни Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польши. Кроме того, после разгрома Германии союзники требовали от СССР открытия второго фронта против Японии, понимая, что сами не справятся. Сталин пошёл на уступки, но самые минимальные, и пообещал через четыре месяца после падения Берлина перебросить войска на Дальний Восток.

Общался Черчилль уже холодно, важничая, мол, мы уже вовсю воюем с немцами в Европе, и ещё неизвестно, кто возьмёт Берлин. В Крым долго не хотел лететь, требуя, чтобы новая конференция Большой тройки прошла на Мальте, и лишь Рузвельт склонил его принять требования Сталина. Прилетев, сэр Уинстон морщился: холодно, снег, взялся принимать согревающее.

— Ишь ты, недовольная морда! — фыркнула Истомина, угадав чувства Хозяина к толстому англичанину с длинной сигарой.

— Выразил недовольство, что государственные гимны исполнили не каждый в отдельности, а в виде попури, — вспомнил Сталин. — Американский гимн переходил в британский, британский — в наш новый советский. А между прочим, тем самым подчёркивалось единство трёх держав в борьбе с Гитлером.

— Американский похож на “Хасбулат удалой”, — заметил фокусник.

— Точно! — хлопнула себя ладонью по коленке кухарка. — А я слышу — наша мелодия! Слямзили, прохвосты!

— Увы, если кто и слямзил, то это мы у них, — усмехнулся сапожник. — Их гимн в начале прошлого века появился, а наш “Хасбулат” — в середине.

— Тогда ладно, пусть живут, — смирилась кухарка.

Так они продолжали мило беседовать, посматривая хронику, слегка выпивая и закусывая. Когда Черчилль, Рузвельт и Сталин уселись во дворике фотографироваться, Валечка сказала:

— Наш-то орёл! Не то, что эти двое, колобок и вобла сушёная. Хотя американец ещё ничего, только уж видно, что не жилец. Какого он помер?

— Двенадцатого апреля, меньше месяца до победы не дожил, — ответил Хозяин. — Жаль, хороший был парнишка. Не думаю, что с новым будет так же просто. Рожа хитрая, как у хорька. И фамилия этакая помпезная — Трумэн. Означает: настоящий мужчина.

— Ишь ты, поди ж ты! — покачала головой Истомина. — Жалко Рузвельта. Вот так смотришь кино, человек ещё жив. А его уже нет. Товарищ Сталин, живи подольше! А?

— Постараемся, — вздохнул Сталин. — Так-то я вполне здоровый человек, вполне крепкий.

— Жену бы вам ещё хорошую подыскать, — строго заметила Валечка.

— Есть одна, на которой я бы женился, да она замужем, муж скоро с войны вернётся, герой. А я что, простой сапожник Оська. От войны увильнул. Живу на даче Сталина. Обувь не надо починить?

— Ой, да ладно вам! Только свистните, любая красотка прибежит под венец.

— Любая мне не нужна.

— Ничего, подыщем.

— Я гляжу, вам кино уже неинтересно, — обиделся Ганьшин.

— Да больно долго показывали, как все прилетали, теперь так же долго улетают, — проворчал Сталин. — Конференция одиннадцатого февраля окончилась, а Черчилль только четырнадцатого улетал. Ездил плаксиво поклониться могилкам англичан, побитых нашими ещё во время Крымской войны. Ещё бы! Столько чёрной икры недоедено оставалось. Вообще, наготовили для этих заморских гостей прорву всего. Жителям Крыма на целый месяц хватило бы.

— И нечего было на них тратиться! — возмутилась кухарка.

— Политика, будь она неладна, — крякнул фокусник.

— Выключай этого болтуна, Александр Сергеевич, — махнул рукой сапожник, когда Черчилль стал квакать своё прощальное слово. — Им ещё и с собой в самолёты напихали ящиками. Этот чувствительный Сталин сдуру расщедрился, а потом сам же и жалел. И зачем я ему сапоги починяю! Хватит всё про войну. Давайте лучше лёгкую комедию.

И они смотрели "Сердца четырёх". На них дохнуло довоенное время, когда о войне говорили как о чём-то возможном, но не очень ужасном, верили, что быстро разобьём любого врага. В лёгких фильмах главному зрителю нравилось, чтобы актрисы по его вкусу, а тут — Целиковская ему не очень, Серова — очень не очень. Но он видел, как смеётся Валечка, и тоже смотрел с удовольствием эту довоенную ленту, выпущенную на экраны лишь теперь, в год Победы.

Потом они малость опьянели, и когда фокусник включил "Свадьбу" лучшего чеховского экранизатора Исидора Анненского, все трое смеялись до слёз едва ли не над каждым эпизодом этой искромётной кинокомедии.

— Какой бесподобный актёрский состав! — восхищался главный зритель, хотя уже два раза смотрел картину. — Этот Грибов, этот Гарин, а какова тут Раневская! Я, когда первый раз смотрел, не сразу её узнал. Вот мастерица перевоплощений! А Марецкая! Боже ты мой! Это она, которая "Защищает Родину" и "Член правительства", а тут такая роковая фифочка: "Что это вы, — говорит, — Эпаменонд Максимович, в меланхолии?" Всё-таки, ребята, какую исполнительскую плеяду мы воспитали в нашем советском киноделии!

Очень ему было хорошо в этот вечер, когда, наконец, пришло осознание, что долгожданная Победа наступила!

А ещё он сегодня Надю Шуткину спас на Бородинском мосту. Только это секрет, о котором никто не знает, кроме Палосича. Глядишь, завяжется переписка…

Хотелось ещё без спешки выпивать и закусывать, болтать напропалую с кухаркой и фокусником, прикидываться простым сапожником, живущим на даче у самого Сталина, смотреть ещё что-то весёлое, да хотя бы и "Весёлых ребят" давно не смотрели, можно, валяйте, а потом чур "Большой вальс"!

И лишь бы не кончались эти волынские посиделки, начавшиеся нынче в шесть часов вечера после войны, а теперь за окнами майская полночь шелестела свежей листвой, и где-то вдалеке, в тишине мирной ночи, счастливый соловей напевал о том, что храбрые и красивые сойки навсегда изгнали из родных пределов Ближней дачи каркливых крылатых гитлеров.

Глава восемнадцатая
МРАВАЛЖАМИЕР

Похищение удалось, заговорщики усадили руководителя страны на заднее сиденье автомобиля, рядом сел главарь акции, зловещего вида плешивый человек в пенсне, и приказал водителю:

— В Покровское!

Машина тронулась с места и помчалась с Васильевской в сторону Пресни.

— Какое вам Покровское! — возмутился похищенный. — Туда час езды.

— За тридцать минут домчимся, — возразило пенсне. — Я, в отличие от товарища Сталина, не езжу на иностранных автомобилях, а предпочитаю продукцию завода, носящего его имя.

— А то я не знаю, какая у тебя в "ЗИСе" начинка, — усмехнулся похищенный. — Небось, от "студебеккера"?

— Это секрет, — усмехнулось пенсне. — Не сердись, Коба. Если хочешь, мы тебя на твою Ближнюю доставим, всё равно по пути. Но в кои веки решили грузинский вечерок устроить. А? Соглашайся ко мне в Покровское.

— Это какой же грузинский? — фыркнул Сталин. — Ты — мегрел, Хорава — тоже мегрел, а я по-вашему, по-мегрельски, многие слова даже не понимаю, а когда мегрелы тараторят, я вообще не кумекаю, о чём они.

— Всё равно мы с грузинами едины, — защищалось пенсне. — И сегодня будут: ты — грузин, Калатозов, Закариадзе и Дигмелашвили — грузины, ну и, конечно, Миша со своей Верико.

— Ладно, чёрт с вами! — махнул рукой обречённый, чувствуя, что после того, как спели "Мравалжамиер", он размяк в грузинскую сторону. — Но за полчаса не доедем.

— Я распорядился, чтобы никаких помех по дороге. За сорок минут обязательно доедем. Ну, подумаешь, какие-то сорок минут!

— Сорок минут… Если только у тебя движок действительно студебеккеровский.

— Даже мощнее. Я так рад, что ты согласился!

Сегодня, 2 февраля 1946 года в Доме кино на Васильевской улице советский кинематограф ликовал: вручали Сталинские премии сразу за три предыдущих года, поскольку в сорок четвёртом и сорок пятом Сталинку временно прижали. Премии вручал Большаков, Сталин сидел на сцене зрительного зала в президиуме и поздравлял, пожимая руки лауреатам, коих за три года набралось под сто человек.

Один из них так переволновался, что, когда начался бал, он принялся слишком прытко выплясывать, вдруг упал, и его увезла "скорая" с инфарктом.

— А нечего было ему в шаббат нарушать традиции предков, — усмехнулось пенсне, поблёскивая в тёплом салоне ЗИСа-101.

— Там таких нарушителей традиций чуть ли не треть, — ухмыльнулся похищенный. — Что-то остальные продолжали танцевать.

— Да ещё поднимут гвалт, что бедненького Эйзенштейнчика отравили.

Эйзенштейн вместе с операторами Москвиным и Тиссэ, композитором Прокофьевым и артистами Черкасовым и Бирман получил Сталинку первой степени.

— Ты, Лаврентий, с иронией относишься к избранному народу, а мне кажется, без него было бы скучнее жить.

— С этим я согласен, но пусть бы их было поменьше. По переписи посмотришь — их всего ничего, а глянешь вокруг — везде они.

— А ты поезжай в колхоз на сбор урожая и там гляди вокруг, — засмеялся Сталин. — Нет, мне они по-своему нравятся, и я своего Лазаря тебе в обиду не дам. Кровавый ты палач!

— Это я-то палач? — обиделся Берия. — Да после того, что наворотили Ягода и Ежов, я — Сергий Радонежский. Ангелочек я!

Лаврентий Павлович и впрямь внешне очень походил на ангелочка. Но только в детстве и юности. Лучистые глаза, нежные чувственные губы. Всё это и сейчас в нём иногда проглядывало, но лицо давно стало неприятным, как у вороватого завскладом, да ещё это пенсне…

И его откровенно недолюбливали, забывая о многом, что сделал этот человек для страны. Став наркомом внутренних дел, он резко сократил количество репрессий, превратив террор из полноводной реки в тихую речку. Он создал мощную внешнюю разведку в Европе, США и Японии. Одновременно курировал наркоматы лесной и нефтяной промышленности, цветных металлов, речного флота. В начале войны он организовал невиданную доселе эвакуацию предприятий промышленности с запада на восток, контролировал производство самолётов, моторов, вооружения и миномётов, формирование

авиаполков и своевременную перевозку их на фронт, лично курировал угольную промышленность и пути сообщения. Берия руководил обороной Кавказа в страшном 1942 году. Назначенный главой Оперативного отдела ГКО, Лаврентий Павлович контролировал все наркоматы оборонной промышленности, транспорта, металлургии, угольной, нефтяной, химической, резиновой, целлюлозно-бумажной и электротехнической промышленности. На него легла и ракетная техника страны, а после того как американцы применили атомную бомбу, Берии поручили следить за разработкой нашего ядерного проекта.

Вот что такое был этот неприятный, похожий на вороватого завскладом человек в пенсне. А теперь он мчался в своём "ЗИСе" мимо Киевского вокзала и беседовал с похищенным Сталиным:

— А мне "Иван Грозный" ну, совсем не понравился, — сказал Берия, пользуясь тем, что между ним и Хозяином возник редкий откровенный разговор, почти задушевный. — Не понимаю, за что Эйзенштейн получил премию. Всё какое-то в плохом смысле театральное, как из немого кино. Сплошные позы да взоры. Впрочем, я уже высказывал своё мнение.

— Ты лучше скажи, "Георгий Саакадзе" намного лучше? — спросил Сталин.

— Лучше, конечно, — ответил Берия, но тяжело вздохнул. — Но ненамного. Меньше этих театральных поз. Но глаза все тоже выпучивают, как будто им в вино подсыпали жгучего перца. Помнишь там такую сцену при дворе шахиншаха?

— Конечно, помню, — тоже вздохнул Сталин. — Пока Чиаурели не слышит, можно признаться, что выше второй степени премии его "Саакадзе" не заслуживал. Но надо же было поддержать вас, грузин да мегрелов.

— Вот те на! И это говорит тот, кто сам грузин! — засмеялось пенсне.

— Я не грузин, — возразил Сталин. — Я — русский грузинского происхождения.

— Но согласись, что "Мравалжамиер" сегодня красиво спели.

"Мравалжамиер" — грузинское "Многая лета" — сегодня хором спели во время банкета все грузины и мегрелы, да и другие знатоки пения подхватили. Тогда-то и родилась затея устроить после мероприятия грузинский вечерок, Берия подговорил компашку, позвонил на свою дачу в Покровское и домой на Вспольный переулок, чтобы и там, и там всё подготовили как следует. После короткого банкета начались танцы, Эйзенштейн пустился лихо отплясывать с Верой Марецкой, и у него случился инфаркт, беднягу увезли, бал продолжился, а организаторы похищения совершили задуманное. Хоть он и русский, а всё-таки грузинского происхождения. Грузия ты, Грузия, сколько тебя ни закрашивай, всё равно прорвёшься, как императрица Екатерина из-под портрета бунтовщика Пугачёва. И Берия видел, какое горячее чувство отразилось в глазах Сталина, когда запели "Мравалжамиер".

Сейчас в машине они разговаривали по-русски, таково установленное Сталиным правило: если присутствует кто-то, не знающий грузинского, говорить только по-русски, а водитель у Берии русский, Пётр Степанович.

— А почему нельзя было грузинский вечер устроить у тебя на Вспольном?

Берия уловил недовольную интонацию и тотчас приказал водителю разворачиваться.

— Вспольный так Вспольный, — сказал он. — Только там жена и сын.

— Вот и отлично! Жена и дети — самая лучшая компания. К тому же, они тоже грузины.

Берия проследил, чтобы сталинский "паккард", везущий остальную Грузию, тоже проследовал в обратном направлении, не помчался в Покровское. Водитель вырулил на Бережковскую набережную и вскоре уже ехал по Бородинскому мосту, где в прошлом году Сталин спас девушку Надю Шуткину. Она сдержала слово, месяца через три прислала письмо, в котором сообщала о том, что уехала восстанавливать город, носящий имя Сталина, потому что всегда будет благодарна за то, что он поддержал её в самую тяжёлую минуту жизни. Но эту историю знали только он, она да Палосич. Ну, разве что ещё тот молоденький городош.

— А какие фильмы по-настоящему заслуживают премии, а не потому, что надо наградить по разным иным соображениям? — спросил Берия напрямик.

— Я бы назвал два самых сильных, — откликнулся главный зритель Советского Союза. — "Радуга" Марка Донского и "Человек номер двести семнадцать" Ромма. И это притом, что ни того, ни другого режиссёра я не слишком люблю. Особенно Ромма.

До Вспольного переулка домчались в два счёта. Особняк, в котором Берия с женой и сыном поселился вскоре после назначения вместо Ежова, принадлежал когда-то московскому городскому голове Тарасову и славился благоустроенностью. Гостей встречала сорокалетняя жена Берии, тёмноволосая и светлоглазая Нина Гегечкори и сын Серго, изящный двадцатилетний юноша, талантливый радиотехник, ответственный за прослушку в Тегеране и Ялте и прекрасно справившийся с заданиями: разговоры Черчилля с Рузвельтом и других союзников были записаны с максимальной чёткостью.

— Спасибо за Тегеран и Ялту, — пожал ему руку главный гость.

Вскоре появилась остальная ватага, у пятерых на груди сверкали новенькие золотые медали со сталинским профилем. Сделалось шумно, Нина Теймуразовна повела гостей к уже накрытым столам. Они уже в Доме кино успели взбодриться горячительными напитками. Теперь, разместившись за столом, подняли бокалы и дружно запели вновь:

— Мра-вал-жа-ми-эээр!

И понеслись разговоры на грузинском, авторы "Георгия Саакадзе" жаждали дальнейшей славы, режиссёр Чиаурели кричал:

— Богом клянусь, готов снять и третью серию, чтобы получить третью премию!

— Да это он шутит, шутит! — испуганно перебивала его жена Верико, сыгравшая в фильме жену Саакадзе.

— Такими вещами не шутят, мы готовы третью! — спорил с ней Акакий Хорава, исполнитель роли самого Саакадзе.

Запели "Возрождающую":

— Ой диди хо, ай диди хо!

Нино и Верико плавно пошли по залу в танце, всплёскивая руками, обе не красавицы, но вполне привлекательные, стал выплясывать Серго, его поддержал Чиаурели. Выстрелами зазвучали барабаны нагара, ворвалась волынка гудаствири, заиграли гармонь и лютня пандури — это из ресторана "Арагви", устроенного в Москве самим Берией, приехали музыканты. А на столах появились горячие блюда оттуда же — их доставил лучший московский грузинский повар Лонгиноз Стажадзе.

Сталин взирал на всё это внезапно вспыхнувшее грузинство и тосковал по Татьке, по Кирову и Сергееву, а более всего — по кухарке и фокуснику, в компании которых гораздо охотнее бы сейчас оказался, нежели тут, среди этого мегрело-грузинского гвалта. Но не хотел обидеть соотечественников и подпевал им. Конечно же, запели бойкую "Рачули": "Сокол сел на макушку тростникового дерева", и он смеялся, подпевая. Потом пели протяжную "Шаво мерцхало" — "Чёрную ласточку", не все могли вытянуть, но если чувствовали, что могут сфальшивить, замолкали, дабы не сбивать других. Когда пели окончание, старались не смотреть на главного вдовца страны:

— Возвращаться с поля брани радостно тому, кого дома ждёт верная жена. Лети, чёрная ласточка!

А он и впрямь огорчился: не ждала его дома верная жена, а та, с которой он мог бы доживать свои дни, ждала своего мужа, доблестного воина.

— Ну, раз так, давайте и "Сулико", — мрачно произнёс вдовец, и сам же первым запел: — Сакварлис саплавс ведзебди, вер внахе дакаргулико, что означает: "Я могилу милой искал, сердце мне томила тоска".

Все, конечно же, подхватили, но стали переглядываться друг с другом, понимая, что вечер вполне может оказаться испорчен. Старались как можно дольше тянуть печальную песню, обдумывая, что сказать, когда она отзвучит.

— Сердцу без любви нелегко, где же ты, моя Сулико? — допели, всё же, ибо и песня, как верёвочка, сколько ни вьётся, а имеет завершение. Допели и замолчали.

— Ну, что молчите? — спросил главный русский грузин. — Давайте теперь о том, что мне надо жениться на грузинке.

Все переглянулись, а Верико заиграла улыбкой и сказала:

— И то верно, товарищ Сталин (амкханаги Сталини), есть у нас на примете одна красавица-раскрасавица, и вас очень любит.

— Как любит? Как меня или как великого Сталина?

— И так, и так.

— То есть по-всякому любит? — продолжал разговор по-грузински Сталин, и все чувствовали, как надвигаются тучи. — И она, конечно же, княжна. Абашидзе? Амилахвари? Чавчавадзе? Церетели? Или, может быть, Гурамишвили?

— Да, из княжеского рода, — оробев, тихо ответила Анджапаридзе. — Разве это плохо?

— Это очень хорошо, дорогая Верико, — усмехнулся Сталин. — Да ведь я-то из простых сапожников. Каких только мне происхождений ни придумали! Даже что я якобы двоюродный брат последнего царя. Мало того, я слыхал, мне в отцы Пржевальского приписывают. Лишь бы только я не был простого происхождения.

— Бог с ней, с невестой, давайте выпьем и споём весёлое! — попытался спасти ситуацию хозяин дома.

— Погоди, Лаврентий, это очень важно, — сверкнул в его сторону Сталин. — Никак не перестанут грузины кичиться своими княжескими родами. Мишико! — обратился он к Чиаурели. — Ты о чём кино снимал? О том, как князья мешали Саакадзе построить единую и неделимую Грузию? Ведь так?

— Так, товарищ Сталин, — уныло ответил режиссёр.

— Но твоя красавица жена гордится, что она из знатного рода Анджапаридзе. Не пугайся, Верико, я не злюсь. Просто хочу разобраться, зачем мы делали революцию. Мы, как Иван Грозный и Пётр Великий, затеяли отмену родовых привилегий, чтобы человек славился по своим заслугам, а не по заслугам предков. Саакадзе был великий полководец, а ему тыкали в нос незнатное происхождение. А кстати, так ли он был хорош, если привёл за собой персов усмирять и объединять Грузию? Вы только представьте, что Тухачевский затеял меня арестовать, а я сумел сбежать, как Саакадзе, поехал к Гитлеру и привёл немцев. Разве я был бы герой? Нет, чистой воды предатель.

— Но ведь в этом и есть главный и самый страшный конфликт фильма, — пытался защитить режиссёра Закариадзе, сыгравший заклятого врага главного героя фильма. — И потом Саакадзе бросается в бой против персов, и шахиншах присылает ему отрубленную голову сына, оставшегося в Персии заложником.

— Да, с отрубленной головой — самые сильные кадры, — кивнул Сталин. Поник головой и тихо добавил: — Мне даже голову Якова немцы не прислали. — Снова заговорил громко: — Если бы не сцена, когда все танцуют, а у Саакадзе и его жены страшное горе, картина бы много проиграла. Эта сцена и убедила меня в том, что работа заслуживает самой высокой премии. До этого я склонялся к тому, чтобы дать одну из первых степеней Ромму за "Человека номер двести семнадцать". Но в итоге эта сильная картина получила премию второй степени.

— Да, очень сильная работа у Ромма, — согласился Чиаурели.

— Как там прекрасна Кузьмина в главной роли, — добавил Хорава. — Какие глаза!

— А ведь Ромм в своей работе затронул один из наиважнейших вопросов человечества, — продолжал говорить Сталин. — Рабство. Вы уж извините, что я стал занудствовать. Но тут собрались не певцы, а создатели кинематографа. Подчеркну: не грузинского, а советского кинематографа. Так вот. Рабство. Оказалось, что тяга человечества к рабовладению отнюдь не испарилась. Стоило гитлеровцам начать привозить в Германию рабов из России, как тотчас нашлась масса желающих этих рабов использовать. Где же марксистская логика? Рабовладельческий строй, казалось бы, канул в пучину истории, но и при феодализме огромное количество рабов было. Думаете, Саакадзе не имел рабов? Имел. Все имели. И на Руси. А крепостное право?

А рабы в Америке в прошлом веке? Там причём не только негры были рабами, но даже ирландцы! Это при капитализме. А оказалось, что и при гитлеровском национал-социализме тоже. Как ни крути, но Гитлер строил социализм, хоть и с националистической мордой. Страшно даже представить, чтобы было бы, если б мы сейчас вывозили из Германии людей и продавали их в рабство советским людям! Думаете, не нашлось бы покупателей?

— Да, действительно, об этом страшно подумать, — мрачно произнёс Берия.

— Верико, ты купила бы себе парочку рабынь, чтобы помогали тебе по дому? — повернулся Сталин к Анджапаридзе.

— Упаси Боже! — мгновенно воскликнула артистка.

— Тебе я верю, — усмехнулся разрушитель славного и доброго грузинского вечерка. — А ты, Нино?

— Конечно, нет! — возмущённо вспыхнула хозяйка дома.

— Но ведь особняк у вас немаленький, — возразил главный гость. — Вот бы десяток крепостных...

— О чём ты говоришь, Коба! — возмутился Лаврентий Павлович. — У нас есть прислуга. Она занимает несколько помещений. Но мы ей платим. Как и ты у себя на Ближней даче. Разве у тебя там рабы?

— Но если бы и была возможность держать рабов, я бы ни за что не пошёл на такое безобразие.

— И я. И все мы.

— Конечно, мы тоже никогда бы, о чём речь! — пылко загомонили собравшиеся.

Музыканты и повара с недоумением смотрели и слушали, мол, зачем нас сюда вызвали-то!

— А немцы охотно стали рабовладельцами, вот что страшнее всего, — продолжал Иосиф Виссарионович. — Страшно, что есть добропорядочное и хорошее человечество. Но как только какая-то сволочь говорит: "Можно!" — какая-то часть этого доброго человечества оказывается способна убивать, бесчестить, издеваться над покорёнными, иметь рабов и мучить их. И причём делает это с сатанинским наслаждением. И мы тоже... — Он запнулся. — Когда проводили в стране великую чистку. Сколько нашлось мерзавцев, истязавших людей, получая от этого удовольствие. Если эта страшная, чудовищная чистка, ответственность за которую я целиком беру на себя, не свершилась бы, то неизвестно, смогли бы мы одолеть самого сильного и лютого зверя.

— Я предлагаю тост за нашего великого вождя! — воскликнула Верико.

— Разве женщинам дозволяется произносить тосты, пока их не произнесли мужчины? — спросил её Сталин.

— А разве мы не для того делали революцию, чтобы женщина имела равные права с мужчиной? — смело выпалила актриса.

— Для того, — усмехнулся Сталин. — Молодец, Верико! Люблю смелых. Кто красив, тот и смел, говорит грузинская поговорка. А я бы добавил: кто смел, тот и красив. Благодарю за твою здравицу, Верико!

Все облегчённо вздохнули, пылко осушили бокалы, и Берия первым грохнул свой об пол, за ним — остальные.

— Жужуна цвима мовида... — громко запел Лаврентий Павлович любимую песню Сталина, но Сталин остановил его:

— Погоди, друг. Потом споёте, когда я уеду. Мне что-то не поётся сегодня. Не хочу портить ваш грузинский вечерок. Но хочу ещё кое-что сказать. Вот ты, Мишико, заявил, что готов и третью серию снять. Что ж, это было бы интересно. Как известно, стремясь к объединению Грузии, Саакадзе сражался против кахетинского царя Теймураза, который, кстати, из рода Багратионов. Шах Аббас поставил Теймураза царём Картли и Кахетии, и, таким образом, Теймураз объединил самые большие земли Грузии. А Моурави Георгий Саакадзе хотел сам править над всей Грузией и воевал против Теймураза. Как ты это покажешь в кино? Примерно в моём возрасте, ну, чуть помоложе, Саакадзе перешёл на сей раз в услужение к туркам, получил во владение огромную область. За это он разгромил многих, кто мешал султану, и опять пришёл бы в Грузию, но теперь с войском османов. Что скажет

зритель? Что великий грузинский герой служил и нашим, и вашим? Как говорит моя экономка, — Сталин перешёл на русский: — и конным, и пешим.

Все стыдливо опустили глаза, и даже золотые медальки на груди у лауреатов на некоторое время как будто потускнели. А занудный нарушитель веселья продолжал, вновь перейдя на грузинский:

— В итоге Георгия Саакадзе, когда он слишком возвысился в Османской империи, турки же и убили. Нет, Мишико, не получается тут третья серия. Нужно другое кино. Мне очень не понравилось, как в твоей картине показаны русские послы. Глупые, карикатурные, смешные. Три столетия после падения Византии Грузия разрывалась между Турцией и Персией, покуда не нашла своё спасение в России. Картли-Кахетинский царь Ираклий отдал Грузию под покровительство императрицы Екатерины Великой. И правильно сделал. Потерял самостоятельность? Частично да. Но приобрёл спокойствие. Грузия расцвела под рукой России. Вы, конечно, знаете, как я в юности читал книгу Казбеги "Отцеубийца". Даже взял себе имя одного из героев в качестве псевдонима.

— Коба, — тихо проговорила Вера Ивлиановна.

— Да, Верико, Коба, — улыбнулся ей Сталин. — Но в той повести Александр Казбеги крайне несправедлив, когда пишет, что грузины легко справлялись с турками и персами, а когда отдали себя во власть России, превратились в угнетённый народ. Это и есть мелкопоместное шовинистическое грузинское мышление. Правильность выбора Ираклия, заключившего Георгиевский трактат, нашла своё воплощение в том, что сейчас во главе самой России стоит один маленький и безродный, но довольно сильный грузин. Предлагаю выпить за Россию!

— И за сильного грузина! — воскликнул доселе молчавший оператор Дигмелов, настоящая фамилия — Дигмелашвили.

Все дружно выпили, радуясь, что тучи, кажется, развеялись, и снова запели громко и тягуче:

— Мра-а-авалжа-а-амие-е-ер!

И под это громкое пение он стал прощаться, пожимать всем руки, уходить. Он спускался по лестнице к гардеробу, а они шли за ним и пели грузинское многолетие. Серго помогал ему надеть глухую шинель без каких-либо знаков отличия, и Иосиф Виссарионович сказал ему по-русски:

— Славный ты паренёк, Серго. Светка моя на тебя школьницей заглядывалась. Надо было вас тогда и обручить.

Его продолжали провожать с нескончаемым пением "Мравалжамиер" до самой машины, разгорячённые, стояли на морозе и пели, покуда он садился на своё откидное жёсткое сиденье за спиной у водителя.

— Поехали, Палосич, — с облегчением возвращался Сталин в русскую речь, махая остававшимся. Теперь уж они развернутся во всю прыть, быстро восстановят подпорченный им грузинский вечер. — Ты покушал?

— Изрядно вкусил! — с восторгом отозвался водитель, выезжая с Малой Никитской на Садовое кольцо. — Каких только ваши грузины кушаний не изобрели, мать честная! Рулетики из баклажанов — вкуснотища!

— Они называются бадриджани, — улыбнулся пассажир, словно вернувшись из заграничной поездки, где выучил наименования главных традиционных блюд экзотической страны.

— Мясо тоже... Вроде бы, как обычно, тушёное, но как-то особенно.

— Чашушули.

— И ещё другое, которое со сливами.

— Чакапули. Баранина в белом вине.

— А ещё я впервые пробовал. Внешне неприглядное. Похоже на наш гриб строчок. А оказалось сладчайшее.

— Чири. Вяленая хурма. Ты, Павел Иосифович, как будто ни разу в жизни со мной в Грузию не ездил.

— Ездил. Но, оказывается, даже не всё перепробовал. На Ближнюю?

— Разумеется.

Продолжая беседовать с милым Палосичем, он думал о том, как странно, что грузины перестали восприниматься им в качестве родных соотечест-

венников, и даже язык, в который он поначалу так сладко окунулся, довольно быстро утомил его, а некоторые слова он и вовсе забыл, и боялся опростоволоситься. Зато теперь, разговаривая по-русски, он чувствовал то же, что затёкшая рука, в которую возвращается горячая кровь. Воистину странно это!

— Эх, надо было Ганьшину ещё от Берии позвонить, не догадался! — вспомнил он.

— Ничего, с Ближней звякнем, я быстро за ним сгоняю, — пообещал водитель. — А Валентина Васильевна просила передать, что полковник вернулся, она всё, что нужно, приготовила и уехала к нему.

— Да, я заранее разрешил ей, что как только муж вернётся из командировки, чтобы она не спрашивала разрешения и сразу ехала к нему, — ответил пассажир спокойно, но в сердце кольнуло. Не будет сегодня любимой Валечки.

Иван Арсеньевич с фронта возвратился в прошлом году в августе. Когда Валентина Васильевна сообщила об этом Сталину, тот пригласил полковника Истомина поужинать на Ближней даче. Приглашённый вёл себя с мрачноватой сдержанностью и немного расслабился лишь после того, как Хозяин произнёс:

— Предлагаю выпить за Валентину Васильевну. Товарищ Истомин, ваша жена — золото. Верная и надёжная жена. Как в одном фильме доказывается, что именно на таких верных жёнах всё держится. "Жди меня, и я вернусь", — написал поэт Симонов. Она ждала вас, и вы вернулись. Можете, как никто другой, верить своей жене. В ваше отсутствие, чтобы не мотаться туда-сюда, я уговорил её жить здесь. Но она для меня как добрая и заботливая дочь, и если кто-то скажет вам тайком плохое о ней, разрешаю сразу бить в морду. Она показала, что такое настоящая русская женщина. Верная и надёжная. Поздравляю вас!

Но то, что отныне Валечка вновь уезжала вечером домой к мужу, огорчало. Словно передний зуб выпал. Можно было, конечно, Ивана Арсеньевича ещё и на Дальний Восток отправить япошек бить, хоть немного Валечка ещё пожила бы на Ближней, но это Сталин счёл свинством и оставил полковника Истомина в Москве, позаботился, чтобы дали квартиру лучше прежней, а в Наркомате обороны — хорошую должность в отделе, занимающемся розыском сведений о погибших во время войны.

Вскоре Наркомат обороны предполагалось переименовать в Министерство вооружённых сил. Всё будет переведено в министерский статус. Даже Комитет по делам кинематографии главный зритель твёрдо решил возвысить до уровня министерства, а Большакова назначить первым в мировой истории министром кино! Молодец Иван Григорьевич, добился того, что в годы войны его ведомство не зачахло, а, наоборот, выдало сильную продукцию. Жаль, что мало приходится с ним общаться, умный парень, начитанный, образованный, собеседник отменный. Но его прочно заменил Ганьшин, который оставался при Хозяине в самые тяжёлые дни осени сорок первого. И Ганьшин — простой киномеханик, не облечённый никакими чинами и не дрожащий за их сохранение. Уволят? А кто ещё так надёжно станет крутить киношку и так раскованно, но при этом без наглости, беседовать с главным зрителем? Один только раз Сталин крикнул ему "сапожника", да и то Александр Сергеевич нарочно тогда подстроил поломку.

Едва приехали на Ближнюю, встречавший Хозяина верный Власик отзвонился Ганьшину, но тот не подходил к телефону. Вот ещё! Ни кухарки, ни фокусника.

— Звоните каждые пять минут, — приказал главный дачник сердитым голосом и отправился в свой кабинет. В томительном ожидании чего бы то ни было самое лучшее — заняться насущными делами, и Иосиф Виссарионович принялся разбирать бумаги, касающиеся как раз министерской реформы. Прощайте, комиссариаты всех и всяческих дел! Прощай и ты, великий и могучий Совнарком, созданный аж 27 октября 1917 года, сразу после революции! Скоро тебя заменит Совет Министров СССР. Звучит? Звучит.

— Но где там, шени, этот киномеханик? — возмутился главный зритель, используя словечко, прилетевшее с их грузинского вечера и юркнувшее

в открытую форточку. Оно значит всего лишь "твою". Половинка ругательства "твою мать!" — "шени дэда". А что именно твою мать, это мы уже не скажем, потому что не ругаемся матом ни по-грузински, ни по-русски.

Полтора часа прошло с тех пор, как Хозяин вернулся в свою берлогу, а Власик до Ганьшина так и не дозвонился.

— Если дозвонитесь, пусть приготовит что-нибудь серьёзное, — приказал Хозяин строго. — Я нынче не расположен смотреть развлекашки.

Но часы уже показывали два ночи, а телефон в квартире у Александра Сергеевича молчал, и сапожник не на шутку огорчился: вдруг что случилось? Потерять сразу кухарку и фокусника ему не под силу. Жив ли ты, тёзка Пушкина?

— Дозвонился! — сообщил Власик. — Велел привезти серьёзное. Палосича отправил за ним.

— Спасибо, Николай Сидорович, отдыхайте, — тепло ответил Иосиф Виссарионович и подумал: "Мадлоба гхмертс!" Фу ты, привязался грузинский! Не мадлоба гхмертс, а — слава богу!

Но Палосича с Ганьшиным всё не было и не было. Уже и дела осточертело разбирать. Да и спать через пару часов.

Лишь в начале четвёртого соизволил появиться с брезентовыми мешками, в которых яуфы — алюминиевые ящики для киношных катушек.

— Александр Сергеевич, да вы пьяны! — вдруг сделал открытие главный зритель. — Как это вы? Что за безобразие!

— Отца поминал, — ответил Ганьшин, вообще-то малопьющий. — Отец у меня помер.

Личная жизнь фокусника неприятным холодом проникла за воротник, стало неуютно. Хозяин нарочно отказывался знать хотя бы что-нибудь о том, как живёт Ганьшин. Не должен простой человек интересоваться личной жизнью фокусников. В этой причуде Сталин ощущал некую прелесть.

— Отец у него! — проворчал он. — Ну, помянул маленечко, и хватит. Зачем же было так напиваться?

Вдруг Ганьшин как-то неприязненно глянул на Хозяина. Казалось, он сейчас рявкнет: "Ты чо, дядя! Не охренел ли?" И Сталин даже испугался ледяного взгляда своего кинослуги.

— Кино-то сможешь крутить, Александр Сергеевич? — примирительно спросил он.

— Смогу, ё... — вырвалось у Ганьшина. — Я и спящий смогу крутить его, будь оно неладно.

— А что это за "ё" такое? Разве вы материтесь?

— Случается, товарищ Сталин. — Ганьшин пьяно, но при этом вполне уверенно подключал "Симплекс".

— Не надо. Я никогда не матерюсь. Мат — это сквернословие. То есть осквернение человека словами. Лев Толстой, дурак, матерился, думая, что так будет ближе к мужику.

— Вы уже мне это говорили.

— Прошу не хамить! — резко повысил голос Сталин.

И вдруг он отчётливо увидел, как Ганьшин поминает отца, может быть, плачет или вспоминает об отце что-то хорошее, сокровенное, а тут ему звонят: срочно ехать! И конечно, опечаленный сын если и не произнёс вслух бранное слово, то непременно подумал: чтоб тебя, чёрта усатого!

— Простите, — буркнул Ганьшин.

— Хорошо. Что будем смотреть с вами?

— Вы просили серьёзное. Я привёз картину "Гражданин Кейн". Американского режиссёра Орсона Вуллса... Уэллса, — с трудом выговаривал слова пьяный механик.

— Чем же эта фильма так хороша?

— Я бы сказал: всем. Она виртуозно снята. И ещё. Её снял наш человек. Противник буржуев. — Ганьшин говорил трезвые вещи, но при этом выглядел смешно, как всякий пьяный, старающийся изо всех сил казаться трезвым.

— Что, режиссёр коммунист? — спросил сапожник.

— По своему духу — да, — кивнул фокусник. — Прототип его героя — всемогущий Хёрст.

— Этот беспринципный подонок? Который в своих газетах поддерживал Гитлера?

— Он самый. Как только Уэллс сделал картину, Хёрст развернул против него травлю. Фильма получила премию Оскара, а Хёрст добился того, чтобы владельцы самых крупных сетей кинотеатров запретили показ. И картина шла только на задворках.

— Силён собака Хёрст! Теперь я понимаю, почему среди картин, которые к нам приходили из Америки, этой не было.

— Эта копия досталась нам в Германии в качестве трофейной. Только что сделали русские субтитры.

— Включайте, товарищ фокусник, — дал отмашку сапожник.

И они стали смотреть этот причудливый фильм, в котором режиссёр сам исполняет главную роль медиамагната Кейна от юности до старости, да так, что изменения в его облике не кажутся фальшивыми. Началось с того, как под зловещую музыку губы Кейна произносят слова: "Розовый бутон", а из руки выпадает стеклянный шар с заключённым в нём заснеженным домиком и разбивается об пол. Это смерть. Со смерти главного героя начинается завязка. Почему предсмертными словами стали эти два — "Розовый бутон"? Для экспозиции использована ретроспекция жизни Кейна, мастерски выполненная имитация кинохроники, словно снятой в разные годы. В одном из эпизодов Кейн стоит на одном балконе с Гитлером, и главный зритель издал возглас:

— Ух ты! — И подумал, что междометия значат всё, а он давно уже восклицает во всех случаях по-русски, а не по-грузински, не кричит "вай мэ!" или "жожокхети!", "вин!" или "ау!" Он давно стал русским. И само это слово не истёрлось среди всего советского, и враги наши, а также липовые союзники не называли жителей СССР советскими, только русскими. А как все удивились, когда в прошлом году на банкете в Георгиевском зале Кремля, устроенном в честь командующих войсками Красной армии, Верховный главнокомандующий встал с бокалом в руке и произнёс:

— Я как представитель нашего Советского правительства хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне и раньше заслужил звание, если хотите, руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны…

И никто не крикнул, что это шовинизм, все громко рукоплескали и кричали "ура". Приятно вспомнить.

Фильм продолжался, журналисты, просмотрев ролик кинохроники, решают, что нужен необычный угол освещения жизни Кейна, и наталкиваются мыслью на его последние слова, в которых умирающие так часто выдают какую-то сокровенную тайну. Что за "розовый бутон", сорвавшийся с губ Кейна в последнюю секунду? И журналист Томпсон начинает расследование, встречается со всеми, кто близко знал Кейна, чтобы найти этот бутон. На этом и строится весь дальнейший сюжет.

Последние слова. Как часто он задумывался о том, что сам скажет в роковое мгновение, какое его заветное слово?

— Ваш тёзка перед смертью сказал: "Мне надо навести порядок в своём доме", — произнёс он, задумчиво раскуривая трубку. — Имея в виду семейные обстоятельства. Но Пушкин был гений огромного масштаба и думал не только себе и семье, но и о порядке в России.

— Пожалуй, да, — ответил Александр Сергеевич. — А что сказал перед смертью Владимир Ильич Ленин?

— Ленин? — вскинулся Иосиф Виссарионович. — Хм… Он только мычал. Но моя покойная жена говорила, собака принесла ему мёртвую птицу, и он сказал: "Вот собака!" Сразу после этого его хватил последний удар, и он утратил дар речи.

— Какие-то сволочи распустили слухи, будто у него был сифилис, — сорвалось с пьяного языка Ганьшина.

— Враньё! Я досконально всё изучил, — возразил Сталин. — Профессор Россолимо однажды предположил, что у Владимира Ильича возможны сифилитические изменения мозга, имея в виду изменения, подобные сифилитическим. А кто-то из слышавших это превратил медицинскую гипотезу в мерзкую клевету.

— Скорее всего, Троцкий, — предположил фокусник, явно желая сделать приятное сапожнику. Он начинал трезветь. Виновато посмотрел на собеседника и сказал: — Товарищ Сталин, вы извините меня, но мне товарищ Власик по телефону сказал: "Товарищ Сталин будет у товарища Берии в гостях, и, скорее всего, твои услуги не понадобятся".

— Услуги!.. — сердито фыркнул главный зритель. И вдруг почувствовал жгучий стыд. Как это так! Он, строитель первого в мире государства равноправных людей, имеет под рукой слуг, готовых по первому мановению явиться и оказывать услуги! И у них вся личная жизнь в напряжении. Ляжешь с женой в кровать, а тебе звонят: "Срочно!" Сядешь поминать умершего отца, не дадут, потому что господин хозяин требует к себе. Они — как крепостные! И ради этого мы делали революцию?!

— Я приношу свои извинения, Александр Сергеевич, что по моему приказу тебя вырвали и притащили сюда. Постараюсь впредь договариваться с вами заранее.

— Да вы что, товарищ Сталин! Какие могут быть извинения? Моя работа такая, что… Я даже не имею права обижаться.

— Вот видите. Даже не имеете такого простого человеческого права, как обижаться. Не имеете права отказаться. Не имеете права говорить мне "ты". В то время как я называю вас то на "вы", то на "ты".

— Кто вы, а кто я, товарищ Сталин! — усмехнулся Ганьшин.

— Сталин? — тоже усмехнулся Сталин. — Да он сейчас у Берии на грузинском междусобойчике. Какое словцо — "междусобойчик"! Не удивлюсь, если его придумал Чехов. Сталин сейчас там по-грузински калякает и песни грузинские поёт. А мы тут с вами тайком кино крутим. И плевать нам на товарища Сталина.

— Попробовал бы кто при мне такое сказать! — фыркнул Ганьшин.

— Донесли бы?

— Уж морду бы точно набил!

— Вот и набейте мне. Я же не Сталин, а всего лишь сапожник Иосиф Джугашвили.

На лице у киномеханика нарисовалось страшное недоумение.

— Шучу, — сказал главный зритель. — В грузинском языке нет ни "ты", ни "вы", есть только одно обращение "шен". Хорошо ли это?

— Вон у этих, — киномеханик кивнул в сторону экрана, — в английском "вы" тоже нету, все говорят друг другу "ю" — "ты".

— "Ю" — это по-английски "вы", — возразил сапожник, разбирающийся в особенностях разных языков. — Обращение на "ты" у них тоже существовало, только исчезло. Но к Богу они обращаются на "ты". Потому что Бог — самое родное у человека. Самое близкое и задушевное.

— Хорошо, что товарищ Сталин не слышит этих слов, — улыбнулся Ганьшин.

— Он бы не возражал против них, — сказал Сталин.

— Вы думаете?

— Уверен. А знаешь, друг мой, какие последние слова произнёс Карл Маркс?

— К сожалению, нет, товарищ… Джугашвили.

— Он сказал: "Последние слова нужны глупцам, не успевшим при жизни сказать всё, что надо".

— Лихо!

— Боже, какие замечательные кадры у этого американского режиссёра! — восхитился главный зритель операторской работой Орсона Уэллса. Шла ретроспекция, на переднем плане взрослые люди обсуждали дальнейшую судьбу Кейна, а он, ещё мальчик, на дальнем плане катался со снежной

горки на санках, лепил и кидал снежки, полностью наслаждался жизнью, не ведая, что она ему уготовит.

— Да, он использовал какую-то особую фокусировку кадра, — согласился уже изрядно протрезвевший киномеханик.

Сцена, когда мальчика отнимают у родителей, сильно увлекла Иосифа Виссарионовича. После препирательств маленький Чарльз Кейн ударил санками приехавшего за ним мистера Тетчера.

— Молодец парнишка! — воскликнул Сталин.

— Санками! — воскликнул Ганьшин, будто подсказывая ему что-то. И в следующем кадре брошенные санки заносил и заносил густой снег.

— В них кроется тайна? Снег заносит их, словно тайной, — задумался проницательный зритель. — Когда-нибудь и товарища Сталина занесёт снегом клеветы, но придёт весна и растопит этот снег.

— Не может быть! Кто посмеет клеветать на Сталина? — удивился фокусник.

— Найдутся, — вытряхивая из трубки пепел, уверенно произнёс сапожник.

— Если и так, весна обязательно наступит, — задумчиво произнёс Александр Сергеевич.

— Интересно, почему именно сегодня мы смотрим эту фильму? Товарищ фокусник, что за послание вы привезли мне?

— Просто получили копию с субтитрами, и мне не терпелось показать вам этот шедевр.

— Всё, что просто, — не просто; всё, что случайно, — отнюдь не случайно, друг мой.

Некоторое время они молча смотрели за развитием сюжета. Мальчик Чарльз вырос, превратился в успешного издателя газет. Молодой Кейн — само обаяние, с таким хочется задружиться, он печатает самые смелые статьи, выступает яростным защитником неимущих и обрастает врагами, завистниками и конкурентами, провозглашающими филантропию неразумным явлением. Поставленный на грань краха, Кейн позволяет себе пускать газетные утки и постепенно увлекается приёмами жёлтой прессы. Он начинает стремительно богатеть и не замечает, как с прямого проспекта правды свернул в кривые переулки лжи. Его газеты начинают вторгаться в политику, и даже американо-испанская война, благодаря которой США отобрали у Испании Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины, оказывается возможной из-за вмешательства хлёстких статей газет Кейна.

— Он не был жестоким, но совершал жестокие вещи, — отозвался о Кейне его бывший лучший друг Лиланд, и, услышав эти слова с экрана, Сталин вздрогнул. Сказано про него! И ещё Лиланд произнёс, что самое страшное наказание для человека — это его память. Лиланд продолжал сыпать афоризмами, ложившимися в сознание. Кейн женился на племяннице президента, и уже через несколько месяцев, по словам Лиланда, они встречались только за завтраком. Это кольнуло: не очень часто сам Сталин проводил время с женой! Череда завтраков Кейна с женой — каждый раз их отношения всё отчуждённее и отчуждённее. “Газета — твоя единственная соперница, дорогая”, — произносит Кейн. Когда-то и он ответил Татьке: “Если ты и можешь меня ревновать, то только к великой большевистской идее!” Жена сетует на то, что Кейн критикует её дядю: “Дорогой, президент он, а не ты”, — и Кейн эффектно отвечает: “Эта ошибка будет исправлена”. В другом эпизоде: “Но, Чарльз, люди подумают…” — “То, что я им скажу!” А в последнем показанном завтраке они и вовсе сидят далеко друг от друга на разных концах стола и молча читают газеты.

— Чарли Кейн любил только Чарли Кейна, — говорит Лиланд. — И он очень хотел, чтобы его полюбил весь мир.

Этот американец разворошил душу главного зрителя, а картина дошла лишь до середины. Кейн случайно на улице знакомится с девушкой Сьюзен, у которой болит зуб, а она приглашает его к себе домой умыться, потому что его с ног до головы обрызгал проехавший фаэтон. Он веселит её, показывая на стене всякие тени, и выясняется, что она не знает, кто такой Кейн. Его

трогает то, что он нравится ей не своим успехом, богатством и славой, а просто как человек.

— Мы оба одиноки, потому что у вас нет друзей, а у меня их слишком много, — говорит Кейн.

Оказывается, что его родители уже умерли, а накануне знакомства он побывал на складах и нашёл вещи, некогда принадлежавшие его семье. Сентиментальный вечер приводит к тому, что Кейн начинает тайно встречаться с Сьюзен и находит с ней своё счастье.

Главный зритель никогда бы и не смог тайно встречаться с любовницей на её квартире. У него вообще отсутствовала тайная жизнь. Даже если бы он захотел её иметь, хотя бы Власика пришлось бы в неё посвящать. Но пока жила Татька, он и не нуждался в тайной жизни. А после её смерти лишь мечтал о чём-то таком, прекрасно зная, что не сможет забыть и предать свою Надежду.

— Бедный я, бедный! — тихо прошептал он.

— Что вы сказали? — спросил Ганьшин.

— Жаль мне этого Кейна, — ответил Сталин.

— Он сам выбрал свою судьбу, — произнёс киномеханик.

С середины фильма Кейн, как на санках, катился вниз и вниз. Уйдя от жены к Сьюзен, построил для неё, весьма посредственной певички, целый огромный театр в Чикаго и всех заставлял писать хвалебные статьи, хотя всем сводило скулы, когда она пела. Первая жена и сын погибли в автокатастрофе, а Сьюзен, понимая, что бездарна и все лишь смеются над ней, пытается покончить с собой, а потом уходит от Кейна из построенного им гигантского замка Ксанаду. Он приходит к осознанию, что не всё можно купить, остаётся один, стареет и умирает в полнейшем одиночестве.

Уточняя у слуги, что тот думает по поводу предсмертных слов Кейна, Томпсон слышит в ответ:

— Он произносил много ничего не значащих фраз.

— Вот это уж точно камень не в мой огород, — усмехнулся главный зритель.

Приближался финал, люди сортировали несметные богатства Кейна, откладывали ценности, а всякий ненужный хлам сжигали.

— Вот теперь смотрите, какой фокус! — с восторгом произнёс фокусник. — Никто так и не узнал, что значит "розовый бутон". И только мы, зрители, узнаем тайну в самом финальном кадре. Не догадываетесь?

— Нет, — сердито буркнул сапожник.

— Смотрите внимательно, ещё немного осталось.

Камера проплывала над бесчисленным количеством ящиков, статуй, огромных ваз, глобусов, кресел, рыцарей в доспехах… И вдруг среди хлама главный зритель увидел главный предмет и воскликнул:

— Санки!

— Точно! — обрадовался Ганьшин. — Догадались?

— Да, но не совсем.

Один из рабочих, отбирающих хлам, взял эти санки и бросил в огонь. Камера приблизилась и, прежде чем пламя пожрало санки, зритель успел увидеть, что на них нарисована раскрывающаяся роза, а над ней надпись: "Розовый бутон".

— Ах, вот оно что! — потрясённо воскликнул Сталин. — Действительно фокус. Стало быть, он всю жизнь помнил то счастливое катание с горки. Которое внезапно окончилось. И жизнь его пошла наперекосяк. В середине фильмы этот Кейн произносит: "Есть что-то, за что я отдал бы всё богатство". Как этого режиссёра?

— Орсон Уэллс.

— Я хотел бы с ним встретиться и поговорить. Не знаете, сколько ему лет?

— Тридцать с чем-то.

— Не коммунист?

— Нет, но, как пишут в газетах, в последнее время его сильно травят, обвиняя в симпатиях к коммунизму.

— Должно быть, Хёрст сильно старается. Он-то, в отличие от Кейна, ещё жив. Кстати, Кейн куда благороднее своего прототипа.

Часы показывали около шести утра. Как только лента покинула механизм и с шелестом ушла в свою катушку, киномеханик снова заметно опьянел, расслабившись.

— Как думаете, Александр Сергеевич, Сталин скоро вернётся от Берии? — спросил Сталин.

— Полагаю, Николай Сидорович нас предупредит, — ответил Ганьшин.

— Тогда давайте помянем вашего отца. Если свалитесь с копыт, я попрошу этого Сталина постелить вам в его кабинете. Наливайте себе сами, чего хотите. Упокой, Господи, душу усопшего раба Божьего Сергея. — Он встал и пропел "Вечную память", затем, не чокаясь, выпил красного вина. Ганьшин выпил того же. — Не сердитесь, что Власик вас вызвал. Зато вы помянули родителя своего и дома, и тут.

— Не имею права сердиться.

— Имеете! Исполнять свои обязанности обязаны, но сердиться имеете право.

Они сели, и сапожник стал наливать себе и фокуснику, они пили и закусывали истоминскими пирожками и котлетками, уже холодными, но удивительно вкусными.

— А какие слова произнёс ваш отец перед смертью? — спросил сапожник.

— О, это был удивительно вежливый человек, — ответил фокусник. — Он вернулся домой с работы, щемило сердце. Сел за стол. Мама стала подавать ужин, что-то ему рассказывать, а он внезапно: "Прости, дорогая, что перебиваю тебя, но я, кажется, умер". И упал со стула на пол. Уже мёртвый.

— Это удивительная смерть! — восхитился сапожник. — Я бы сам хотел так умереть. Но кому я скажу: "Прости, дорогая"?

— Для этого надо жениться, чтобы в последний час жена оказалась рядом, — резонно ответил фокусник. — Вот моя…

— Не надо, Александр Сергеевич, — остановил его сапожник Иосиф. — Наверное, я узнал самое главное о вашей жизни. Что у вас был такой прекрасный отец. Хотите, я спою вам песню, которую Сталин сейчас будет петь в гостях у замечательного человека Лаврентия Павловича Берии?

— Я бы очень хотел послушать, что он там запоёт.

— Это по-грузински. Означает: "Дождик прошёл, всё расцвело, а если кто о нас скажет плохое, пусть сам себе на четыре части разрежет сердце".

— Ух ты, как! — подивился фокусник Александр, вновь пьянея на глазах.

— Ну, или так, — развёл руками сапожник Иосиф и запел: — Жужуна цвима мовида, диди миндори данаба. Данаба, данаба, данаба, диди миндори данаба, — но не так, как на грузинском междусобойчике громко начинал петь Берия, а тихо, задушевно, ласково, как поют малышу, чтобы тот уснул. И у фокусника стали слипаться глаза. Сапожник допел про дождик и так же тихо протянул долгое:

— Мрааа-ваaа-лжааа-ми-эээээр!

Фокусник уснул, положив щеку на ладонь, а локоть уперев в стол. Допев многолетие, сапожник тихо сказал:

— Отец у него, видите ли, помер. Сколько тебе лет, Саша? В сыны мне годишься. Буду я тебе вместо отца.

Он вышел в прихожую, где, сидя за письменным столом, негромко и смешно храпел Власик. "Уйди, уйди!" — слышалось в его храпе. Хозяин осторожно разбудил его и попросил постелить Ганьшину на диване в Большой столовой. Потом вернулся в Малую столовую, громко хлопнул в ладоши, и Ганьшин мгновенно проснулся.

— Подъём! — скомандовал Хозяин. — Товарищ Сталин вернулся из гостей. Время — половина седьмого. Все идём спать.

(Окончание следует)

ВАЛЕНТИНА БЕЛОУСОВА

В ОТЧАЯННЫЕ ДНИ

* * *

Памяти Д.

До поры одуванчиков — четверть холодного ветра,
Треть метелей и вьюг, половинка весеннего льда.
И огромная жизнь. И последние трудные метры.
И цветок золотой на зелёном холме у креста.
А над ним небеса побелели от лёгких пушинок —
Из седых ли цветов, из тончайших ли ангельских крыл.
То не солнце садится в серебряно-горький осинник,
То большой одуванчик за дальнюю рощу уплыл...

"БЛАЖЕН, КТО БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ НЕ БОИТСЯ..."

Блажен, кто быть счастливым не боится.
У стариков и маленьких детей
Бывают удивительные лица,
Лишённые пороков и страстей.

БЕЛОУСОВА Валентина Николаевна родилась в деревне Дьяково Смоленской области. Воспитывалась в Кардымовской школе-интернате. Окончила филологический факультет Смоленского педагогического института, работала сельской учительницей, библиотекарем. Публиковалась в "Литературной газете", "Литературной России", журнале "Молодая гвардия", других периодических изданиях, коллективных сборниках и альманахах. Автор поэтических книг "Заклинание боли" и "В зелёном". Член Союза писателей России.

Им равно чужды гордость и смиренье,
Им безразличны роскошь и уют.
Они встречают каждое мгновенье
Как дар небес, как Божье откровенье,
И счастливы, что на земле живут.

А мы всю жизнь бежим за синей птицей
Да по пустыням ловим миражи.
Блажен, кто быть счастливым не боится,
Но в детство невозможно возвратиться —
Дай Бог до светлой старости дожить.

ЛОШАДИ

Деточка, все мы немножко лошади...
Владимир Маяковский

Все мы немножко лошади,
Даже, пожалуй, клячи.
Жизнию огорошены,
Тянем свой груз, иначе
Плеть обжигает кожу,
Бок протыкает шпора...
— Скоро ль я сдохну, Боже?!..
— Скоро, родная, скоро...

Нам бы скакать левадами,
Где по колено травы,
Пить бы под водопадами —
Не из гнилой канавы.
Гнус бы нас не тревожил,
Ноги б не знали боли...
— Будет ли это, Боже?
— Вволю, родная, вволю...

Кроткие, темноглазые,
Плечи свои расправим.
В небо взлетим пегасами —
Боль на земле оставим.
Здесь нам роптать негоже,
Доля у нас такая...
— Я тебе верю, Боже!
— Знаю, родная, знаю...

ВЫШИВКА КРЕСТОМ

Вышивка крестом: олени, снег —
Синяя мозаика сугроба,
Инеем укрытая чащоба.
Тридцать пятый год. Двадцатый век,

Где в сырой землянке по ночам,
Как лучина, тлеет ностальгия,
Где моя прабабка Пелагия
Вышивает коврик дочерям.

Яблочко, по блюдечку кружись,
Тонкая игла — по круглым пяльцам.
Ссыльным неприкаянным скитальцам
Нарисуй утраченную жизнь.

В край родимый вытянуть бы нить —
На локтях ползла бы, на коленях.
Ах вы, тонконогие олени,
Всё б вам, глупым, душу бередить.

На тугой шершавости холста
Синей вьюгой оживает память
И ложится мелкими крестами —
Вплоть до деревянного креста.

Сквозь десятилетия ко мне
Дотянулось горькое наследство:
Бабкино растерзанное детство,
Грустные олени на стене.

Кажутся живыми, не спугни —
Прянут прочь, как сказочные тени,
В снежно-ледяное поселенье.
В прошлый век. В отчаянные дни.

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

ПРИНЯТЬ КРАСОТУ, ЧТО НА ГРАНИ СТРАДАНЬЯ

С творчеством Валентины Белоусовой до недавнего времени я почти не была знакома. Видела изредка её появлявшиеся в смоленских изданиях подборки. Несколько раз просила её прислать стихи, чтобы почитать побольше и составить представление. Результатом была буквально ошарашена. Сильная, мощная, корневая, с традиционным крестьянским мировоззрением, профессиональная, пронзительная, трагичная, лиричная, психологичная, драматургичная – настоящий русский поэт!

Валентина Белоусова – исконный деревенский житель, детство её прошло в лесах – отец был лесником. Она воспитывалась в школе-интернате, в дальнейшем всю жизнь работала учительницей и библиотекарем в селе и сейчас живёт в деревне Соколья Гора недалеко от Смоленска.

Валентина Белоусова живёт прикровенно, хранит свою лесную тишину, редко появляется на литературных сборищах. Несколько подборок в центральных изданиях и две небольшие книги – вот и всё, что удалось ей выпустить. Но голос! Такой сильный и чистый голос действительно мог вызреть только в лесной тишине.

Смоленскую деревню Валентина Белоусова пишет с натуры. Она пронзительно-лирична, когда пишет о сгинувшей деревне её детства, на месте которой осталась лишь старая ветла: “А вокруг – ни кола ни двора, / Лишь полынь да кусты краснотала. / Обними меня веткой, сестра, / Как ты в детстве меня обнимала. // Разреши мне наплакаться всласть, / Отрыдать за полвека разлуки. / Я ходить научилась, держась / За твои деревянные руки”. Она по-народному зорка и горько мудра, когда пишет стихи о погибающих на войне Иванах: “Батька в Праге, сын в Афгане, внук в Чечне...” – и об оставшихся без мужей Иванихах: “Да Иванихе приходится рожать, / Чтоб было кому винтовочку держать”.

Природная, а не стилизованная народная речь, крестьянский юморок и взгляд на происходящее. Хороший поэтический слух, точно выверенная речь, в которой нет ни одного случайного слова, а каждый диалектизм точно воссоздаёт атмосферу деревенской жизни.

Сильный голос Валентины Белоусовой порой публицистичен, но никогда не опускается до плакатности и всегда устремляется к высотам настоящей поэзии. Смоленскую деревню она воссоздаёт почти фотографически точно: "Храни мой светлый край с рассохшимися хатами, / Где более всего в хозяйстве дорожат / Сохой да бороной, горшками да ухватами, / Как сотни лет назад". Деревенский погост с конфетами и крашеными яйцами, никому не нужные, почти бесплотные старухи, "Угрюмый сад камней, что был когда-то школою, / Запущенный большак, ведущий в никуда..." Голос постепенно набирает силу, устремляется ввысь в страстной и горькой молитве за родину:

Пошло ли время вспять, а мы того не ведали?
Какой на свете век, какой на свете год?
Храни, Господь, мой край, где, проданный и преданный,
Спивается народ.

Храни, Господь, народ, что выдержал и выстоял,
Что вынес на плечах разруху и войну,
Что с голодухи мрёт под гром салютных выстрелов, —
Храни мою страну.

Многие её стихи наплывают мощной безудержной эпической волной, вмещая в себя широту исторического зрения, глубину и трагедию русской истории и судьбы и ломкий, молящий голос человеческой любви, как в стихотворении "Плач Ярославны": "И с воплями бежали печенеги, / И рать твоя домой с победой шла. / Везли тебя, убитого, в телеге, / А я ещё не знала. / Я ждала. // Мне снилась ночь. / Громадой многотонной / Ползла на нас коричневая рать. / И я в слезах бежала за вагоном, / Прощальных слов не в силах разобрать".

Валентина Белоусова – поэт жёсткий. Она прямо смотрит на жизнь и не боится говорить о самых трагичных её сторонах: "*Все мы немножко лошади*, / Даже, пожалуй, клячи. / Жизнию огорошены, / Тянем свой груз, иначе / Плеть обжигает кожу, / Бок протыкает шпора... / – Скоро ль я сдохну, Боже?!.. / – Скоро, родная, скоро..." Её стихи часто диалогичны, и именно в диалогах высекаются самые яркие поэтические искры.

Белоусова – тонкий и трепетный лирик, её стихи о любви отзываются острой болью и запоминаются сразу: "Но я попрошу тебя невзначай, / Не в силах спрятать волнения дрожь: / Мой друг, пожалуйста, обещай, / Что прежде меня не умрёшь". Это стихотворение-монолог, но и в нём присутствует незримый собеседник, и сгустившаяся в ответ тишина только усиливает жёсткие и горькие смыслы.

В строках Валентины Белоусовой о русской природе какая-то особая раскованность и свобода: "В фиолетовом небе ночные скитальцы / Над уснувшими крышами чертят узоры. / Это лунные бабочки мечутся в танце, / Молчаливо закутавшись в шарф Айседоры". Она любит природу и окружающий мир взахлёб, "до растворенья": "Сухая ветка оцарапала колени, / Шиповник взял в колючий плен мои запястья, / Но ликовали соловьи в кустах сирени – / Я с пальцев слизывала кровь, смеясь от счастья". А в её стихах о творчестве – свет и боль, присущие всякому настоящему поэту: "Но вздумаю назвать себя поэтом – / Смеётся одесную ангел света, / Со лба сдувая локон золотой. / Он мне бессмертной славы не пророчит, / Зато не ставит хитрых многоточий, / А утешает скромной запятой". Валентина Белоусова не только подыскивает "рифмы к слову "жизнь", не только по извечной русской привычке старается обходиться без иллюзий, но и с безоглядной верой отдаёт своё сердце прекрасному и пьянящему миру: "Ловите, читайте небесные знаки. / Твердите молитвы. Шепчите желанья. / Ах, только бы сердцу хватило отваги / Принять красоту, что на грани страданья".

Прекрасных стихов у Валентины Белоусовой много – обо всех не расскажешь. Думаю, что серьёзный разговор о её творчестве и о её отважном сердце, вмещающем в себя "красоту, что на грани страданья", ещё впереди.

МИХАИЛ ЧВАНОВ

СЕРЕБРИСТЫЕ ОБЛАКА

ПОВЕСТЬ-РЕКВИЕМ

Жизнь с тобой, но без тебя…

Не знаю, попаду ли я когда-нибудь снова в Париж, но он навсегда останется для меня городом, в котором я прощался с тобой: ты ещё была жива, но в то же время тебя почти уже не было. Городом, в котором я жил со страшным чувством бесприютности и бессмысленности жизни, по крайней мере, своей…

Человеческое общество, по большому счёту, лишено сострадания к людям, оказавшимся на грани жизни и смерти. Оно торопливо, скрывая растерянность, а вслед за ней раздражение, что нарушен привычный бег жизни, отгораживается от них, как от бестактно напоминающих о смерти и мешающих продолжать бездумно жить на Земле. Человек как частица общества, пока это не касается его лично, ведёт себя так, словно сам никогда не окажется в этом положении, более того, своим поведением он как бы пытается обмануть, прежде всего, самого себя, что ему это не грозит, хотя прекрасно знает об обратном. Иначе говоря, человек, оказавшийся на грани жизни и смерти, как бы отрицает земные цели общества, заставляет усомниться в них, и общество это раздражает…

Как старались не выписывать тебе первую группу инвалидности, хотя знали, что ты уже безнадёжна, что жить тебе по прогнозам врачей осталось не более полугода. Боялись, что ты обворуешь государство, которое хотело на тебе сэкономить. Так называемая комиссия ВТЭК имеет тайную и строгую инструкцию: выписывать первую группу в самый последний момент, чтобы платить эти жалкие крохи не больше месяца-двух. А ты поступила бесчестно по отношению к государству: протянула, промучилась ещё почти год.

Зато позже — тебя уже больше года не было на Земле, — а я ежемесячно продолжал вытаскивать из почтового ящика строгие бумаги с требованием явиться для переосвидетельствования на группу инвалидности.

Чем ниже общенародная нравственность, тем больше больных раком. И, может, как ни парадоксально, рак поражает чаще как раз самых нравственных, страдающих от общей безнравственности?

Продолжение. Начало в №2 за 2023 год.

Не знаю, так ли это на самом деле, но пришла вдруг такая неожиданная мысль.

Жизнь без тебя…

Золотая осень…

Сижу в саду на твоей лавочке у крыльца…

Падают перезревшие яблоки…

Вспоминаю…

Яблони цвели ещё при тебе. Ты ещё успела подкормить их. Первый раз дала плоды, и очень крупные, сочные, почти прозрачные, уральская наливная, которую мы с тобой в течение ряда лет пересаживали с места на место, пока, наконец, не нашли место около сарая, которое ей понравилось, и она сразу пошла в рост. Но при тебе яблочки были ещё зелёные, а потом ты уже не ездила на дачу и даже попробовать их не могла, ты жила уже только на жидкой пище и на наркотиках. Для определения суточной дозы наркотиков тебя перевели в так называемое паллиативное отделение, разлучив тебя с лечащим врачом. Качество жизни!

Я думал, что паллиативное отделение — тишина, музыка, покой, особенный уход, может быть, врач-психолог, — а это две переполненные, словно селёдка в бочке, комнатушки, духота, равнодушные и хамоватые студенты вместо врачей. А в местной "Вечёрке" прочитал, что у нас чуть ли ни лучшее в стране паллиативное отделение. Боже мой, что же тогда представляют собой другие подобные отделения и как у главного врача ракового центра повернулся язык хвалиться подобным?!

Может, хорошо, что ты всего этого уже не увидела: как будут заброшены, зарастут чертополохом окружавшие наш садовый посёлок поля. От озера-старицы, которое "новые русские" от окрестных деревень, от всего остального мира отгородят глубоким, почти противотанковым рвом, на нас будет надвигаться так называемый элитный дачный посёлок, местная Рублёвка, забивший мусором поднимающийся по склону от озера берёзовый лес, в котором ты любила собирать грибы. Многоэтажные особняки новых хозяев жизни, словно ядовитые грибы, выросли на прежде духовитых полянах-покосах, где ты собирала цветы. Всё чаще в поисках работы или под предлогом поиска работы, а на самом деле чем-нибудь поживиться, добираются до нас наводнившие элитный посёлок завезённые контрабандой в качестве дешёвой силы беспаспортные и полуголодные мигранты из некогда взятых Россией под своё спасительное крыло, а теперь брошенных на произвол судьбы Узбекистана, Таджикистана, Киргизии… Пока они ведут себя тише воды и ниже травы, но я невольно вспоминаю Париж, в котором коренные парижане уже вроде изгоев… Может, хорошо, что ты уже не увидишь разрушения своего любимого мира, в котором мы уже чужие…

Вспоминаю…

Однажды в саду, сидя, уставшая от садовых дел, на скамеечке около южного крылечка, оглядывая наш уютный, возделанный твоими и отчасти моими руками сад, ты сказала мне:

— Лишь бы умереть не зимой, чтобы вам было меньше хлопот с похоронами.

Ты, оказывается, постоянно думала об этом. Ты помнила, в какой жуткий январский мороз в 43 градуса мы хоронили твоего отца, у меня подошвы примерзли к валенкам…

Господь хоть тут услышал тебя…

Как я уже писал, незадолго до тебя, неожиданно опередив тебя, умерла моя сестра Вера. Потом — мать. Но только когда умерла ты, я понял, что жизнь не только конечна, но, может, и бессмысленна, если ты в молодости наделал кучу непоправимых ошибок. И если даже ты совершил всего одну, но страшную ошибку. Но почему Господь не вразумил меня? Или он пытался вразумить меня, но я не понял Его вразумления? Я стараюсь представить твои последние мысли. Я пытался поставить себя на твоё место, и мне становилось стыло и жутко. Ни детей, ни даже племянников. Наш с тобой грех

ещё в том, что мы оставили твою бездетную сестру без племянников, ей придётся доживать без единого родственника. И ещё ты знала, что когда умру, то лягу не рядом с тобой, а скорее всего, на своём сельском кладбище. Страшно подумать, что ты только не передумала в последние твои три года: за спиной — пустота, впереди — чёрная неизвестность.

Твои вещи. Мне больно их перебирать, я не знаю, что с ними делать, раньше отдавали в храмы нищим, теперь нищих нет, мы сами, по большому счёту, были нищими. Теперь магазины завалены дешёвой одеждой. Теперь больше нищих духом.

Господи! После тебя я снова, как в детстве, стал задаваться самыми простыми и в то же время самыми неразрешимыми вопросами, какие задаёт себе и другим, действительно, только ребёнок. Зачем цветёт вот этот цветок, который рано или поздно, если до этого времени его не сорвут, если его не сжует корова, всё равно завянет? Зачем миллионы лет течёт мимо меня эта река? Зачем Бог создал человека? Наделил его разумом, если это можно назвать разумом? В чём смысл мировой истории?

Зачем существует Вселенная, растения, другие живые существа, планеты, Солнце, если они тоже со временем погибают? Зачем существует само Время? Хотя без ощущения текучести Времени, наверное, жутко было бы жить. Но если где-то существует вечная жизнь, значит, там нет Времени?

Почему люди страдают и раньше времени умирают от неизлечимых болезней?

Кактус на моём подоконнике, странное колючее растение, цветёт раз в году и всего лишь сутки, благоухая необыкновенно тонким нежным влажным запахом. Для кого он цветёт? И почему только строго сутки, когда другие цветы цветут несколько дней, неделю, несколько раз в году, постоянно?

Почему на Земле такой жестокий мир? У каждого живого существа — свой враг. И всё это пытаются оправдать грехопадением человека.

Что является первопричиной войн и междоусобиц? Почему Господь разделил нас на народы, а не сделал единым народом? Неужели потому, что тогда мы натворили бы что-то ещё более страшное?

Утверждают, что смерть и вражда появились на Земле в результате человеческого грехопадения, но динозавры существовали задолго до появления на Земле человека, но и в их эпоху у каждого живого существа был враг.

Иду по городу. Этот дом при тебе был построен только на три этажа. А этот дом построен уже без тебя. И так весь город в моём сознании невидимым для других водоразделом делился как бы на две части: при тебе и после тебя. И всё, что происходило и происходит на Земле — при тебе и после тебя.

Перед своей смертью после того, как мне сшила два костюма, ты купила мне тёплый свитер, зимние сапоги. Очень переживала, что не успела купить хорошие осенние туфли… Ты думала, как я буду жить после тебя

Господи! Если можно было бы хоть что-то вернуть, хоть какой-то кусочек жизни прожить снова, иначе — в искупление вины перед тобой…

В конце ноября, наверное, в последний раз в этом году, пока не глубокий снег, поехал к тебе на кладбище. В студёном снегу твоя последняя фотография, на которой ты кормишь уток в озерке ниже Святых ключей, места явления Табынской иконы Божией Матери, туда мы ездили на несколько дней молиться. Был прекрасный тихий августовский день, природа ликовала и в то же время томилась предосеньем, и никак не верилось, что у нас с тобой впереди всего год, а может, и меньше: ты, светло-печальная, кормила уток хлебом, а я тебя фотографировал…

Ещё в октябре, когда выпал первый снег, я порывался забрать фотографию: зябко тебе в лёгкой блузке на ней будет в студёном снегу, а потом он закроет тебя с головой, но кто-то меня остановил, сказал, что с кладбища ничего нельзя забирать.

И сейчас вдруг — мурашки по спине, и по щеке побежала слеза: след какой-то зверушки из леса прямо на твою могилу, минуя, обегая стороной другие могилы, то ли ласка, то ли молодая куница, прямо к твоей фотографии в студёном снегу. Посидела около неё и ускакала обратно в лес. Неужели

специально прибегала к тебе? Ведь ты любила всяких зверюшек и птиц, жалела их. Ты даже противилась, когда я валил на дрова сухостойные сосны за нашим забором: нечем будет кормиться дятлам.

Я ещё раз проверил след, он действительно обошёл стороной все другие могилы…

И ещё: каждый раз, когда приезжаю к тебе на могилу, тут же прилетает какая-то птичка и начинает тенькать над ухом. Конечно, птички привыкли к тому, что пришедшие на кладбище кормят их, и как только кто-нибудь появляется, они подлетают к нему. Но тем не менее точит мысль: а вдруг это ты, твоя душа что-то на птичьем языке говорит мне?

И, глядя на фотографию в снегу, я вспоминаю…

Это были, наверное, последние твои счастливые дни на Земле, если можно считать счастливым ожидание смерти. Но всё-таки мы с тобой были посвоему счастливы, но не ожиданием смерти и приуготовлением к ней, к чему нас упорно призывают святые отцы, а тем, что, несмотря ни на что, мы жили надеждой на жизнь: всё вокруг было так прекрасно, и всё это было создано Богом — для жизни же, а не для смерти! Мы приехали на Святые ключи, место явления чудотворной Табынской иконы Божией Матери, и ждали чуда. Не чуда смерти, а чуда жизни. Но у Бога, видимо, уже было всё решено. Видимо, мы не заслуживали прощения. А может, Бог решил, что мы заслужили только эти три дня счастья? Только три дня счастья с примесью ожидания твоей смерти и всё-таки — надежды. Потому нужно ценить не только каждый день, но и каждый час на Земле…

Белый храм на горе над Святым источником. Ты окуналась в его ледяную воду без всякого страха, наоборот, с великой надеждой, потому что надеяться теперь оставалось только на чудо. Череда тихих, перетекающих одно в другое, камышовых с тёмной болотной водой озёр, в которых ты с руки кормила уток. Необыкновенно вкусный хлеб в соседнем посёлке Красноусольске, который был основан как Богоявленский, по явленной здесь чудотворной иконе, а ещё его называли Усольем, но большевики переименовали в Красноусольск. Почему-то они панически боялись слова "белый". За хлебом мы специально ездили по утрам, несмотря на то, что посёлок был за восемь километров от Святых ключей, и порой на обратном пути мы не замечали, что всухомятку, отламывая по кусочку, съедали всю буханку — такой он был вкусный, и с полпути приходилось возвращаться за ним, и нам это очень нравилось, и нам было так хорошо, что твоя смерть казалась невозможной.

Все три дня стояла удивительная погода: было ещё лето, но во всём чувствовалось приближение, томительное ожидание осени, какая-то тихая благодать разливалась в воздухе. Так, наверное, человеку нужно готовиться к смерти, если у тебя за спиной нет тяжёлого вороха грехов и если безоговорочно верить, что там, за порогом смерти, будет продолжение жизни. Как за зимой снова приходят весна и лето. Но нас давил ворох прошлых грехов…

Самой чудотворной иконы, покровительницы огромного пространства России от Волги до Тобола, ни на Святых ключах, ни в храме её имени в соседнем селе Табынском, по которому она была названа, нет. Она с частью Русского народа — с Оренбургской армией атамана Дутова и десятками тысяч беженцев в гражданскую войну ушла в изгнание, в Китай. Почему Всевышний попустил эту страшную русскую междоусобицу, в которой пострадали больше как раз ни в чём не повинные, не грешные? Страшны были все исходы русского народа того времени, но этот исход был особенно страшен. В воспоминаниях тоже вынужденного покинуть Родину историка и публициста, редактора журнала "Голос минувшего", С. П. Мельгунова я нашёл такое свидетельство: "Что сказать про тот "Страшный поход" Оренбургской Южной армии, по сравнению с которым даже большевистский повествователь считает другие эвакуации "увеселительными прогулками"… С армией двигались десятки тысяч беженцев, которых косил голод, тиф. Те, кто не мог идти, оставались в ледяной степи на верную смерть. Их убивали по их просьбе друзья, родные. Общее количество уходивших, по свидетельству большевистских источников, колебалось от 100 до 150 тысяч, границу Китая перешли не более 30 тысяч человек…"

Икону берегли как зеницу ока. Вот что писал после перехода китайской границы через ледовый перевал Карасарык атаман Дутов своему соратнику, сербу генералу Бакичу: “Дорога шла по карнизу и леднику. Ни кустика, нечем развести огонь, ни корма, ни воды.... Срывались люди и лошади... Редкий воздух и тяжёлый подъём расшевелили контузии мои, и я потерял сознание. Два киргиза на верёвках спустили моё тело на 1 версту вниз, а там уже посадили на лошадь верхом, и после этого мы спустились ещё 50 вёрст. Вспомнить только пережитое — один кошмар! И наконец, в 70 верстах от границы мы встретили первый калмыцкий пост. Вышли мы 50% пешком, без вещей. Вынесли только Икону, пулемёты и оружие...”

Не спасла Табынская икона Божией Матери Оренбургскую армию, не спасла самого атамана Дутова, но стала духовной опорой в изгнании десятков тысяч русских людей. Есть свидетельства, что она явила там многие чудеса. Или они были придуманы людьми, хотящими верить в чудеса, для которых она была единственной духовной опорой, связывающей с родиной? Следы иконы потерялись во время так называемой Китайской культурной революции, когда храм, в котором она находилась, был разграблен и сожжён.

Спаслась ли каким-то чудесным образом она? Спасена ли была самым не чудесным образом — загодя спрятана — одним из беззаветно верующих в неё людей? Спрятана ли была китайским чиновником от культуры на какой-нибудь склад? Если спасена, то хочет ли вернуться в Россию?

Поразительно, что акафист к ней, уже ушедшей в изгнание, в своё время написал никому не известный юный иеромонах Иоанн, промыслительно освобождённый в Великую Отечественную войну по состоянию здоровья от фронта и, скорее всего, от гибели в первом же бою, и который позже, в преддверии Нового Смутного времени, станет митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном, может быть, единственным источником света в Новую Русскую Смуту. А тогда, в юности, несмотря на свою монашескую покорность, он почему-то отказался изменить по повелению тогдашнего Патриарха последние слова акафиста Иконе: “Всего мира Надеждо и Утешение”. “Так надо, так будет!” — потупив глаза, твёрдо сказал он, словно, в отличие от остальных, он слышал какой глас сверху.

“Всего мира Надеждо и Утешение...” Что за тайный смысл кроется в этих словах?

Но почему мысли о ней не дают мне покоя, перед её списком я всегда чувствую особый трепет. И я чувствую вину свою перед Ней, что она, по-прежнему бесприютная, за пределами России.

Жизнь без тебя...

Разбирая твои, теперь никому не нужные бумаги, документы, определяющие твой гражданский и социальный статус, нашёл, не знаю, твои или, может, чьи-то понравившиеся тебе стихи, написанные твоим аккуратным почерком, по всему, несколько, а может, и много лет назад:

Апрельское волглое небо
Подпёрто ветвями берёз,
В природе весенняя нега,
И хочется счастья до слёз...

Сорваться с привычной орбиты
Извечных забот и проблем
И миг ощущений забытых
Продлить, не считаясь ни с чем.

И вдруг на обрывке бумаги нахожу, несомненно, твои, потрясшие меня стихи, но уже неровным почерком твоих последних месяцев, над которыми я долго сижу, склонив голову:

Мой дачный дом —
приют моей души.

Там исчезают вдруг
мои печали.
Там я —
как будто бы в начале,
а не в конце пути
с названьем "жизнь"...

Это было давным-давно, после очередной поры наших бурных и тяжелых разногласий (теперь-то я понимаю, если бы у нас были дети, которые связывали бы нас в единое целое, всё было бы иначе), в пору примирения и короткого счастья. Я не помню, в каком это было году, но почему-то запомнил, что это было 19 октября.

У нас тогда, наверное, ещё не было машины, потому что мы шли на электричку, на висячий мост через аксаковскую реку Дёму, мимо лодочной переправы, которая к этому времени уже не работала. Спустившись с нашей горы через урёмное чернолесье и перейдя нижнее поле (которое нынче тоже заброшено), мы, как обычно, в последний раз оглянулись назад и остановились, поражённые: наша поросшая берёзовым лесом гора в предвечернем солнце полыхала каким-то неземным золотом и багрянцем. Мы сотни раз видели свою гору отсюда, потому как каждый раз, возвращаясь в город, в этом месте на краю поля непременно оглядывались на неё — душа не желала прощаться с ней, — но такой её мы не видели, кажется, ещё ни разу.

— Такие рощи бывают, наверное, только в раю, — задумчиво сказала ты.

И сейчас я подумал: может, в эти минуты ты бродишь там, в горнем мире, в такой вот берёзовой роще.

— Я не знаю, как там, но точно знаю, что таких рощ в раю нет, — ответил я. — Такие только на Земле, и потому они так светло печальны, и непонятно, зачем от них уходить...

Ты в ответ печально улыбнулась:

— Я подумала о том же...

— Давай запомним этот день навсегда! — предложил я. — Такой красоты, такой светлой печали больше, наверное, никогда не будет. Будет другая, но такой не будет.

— Давай, — радостно согласилась ты, и мы, счастливые и в то же время почему-то оба снедаемые печалью, может, будущего прощания с рощей и друг с другом, поцеловались...

Наверное, это было уже за несколько дней до твоей смерти, когда ты уже не вставала с постели и говорила только шёпотом, и часами молча смотрела в окно в небо, ушедшая в свои невесёлые мысли, время от времени тихо зовя меня, чтобы я тебя повернул на другой бок или приподнял выше на подушки, — тебе казалось, что с изменением позы уменьшатся твои страшные боли: метастазы, перекинувшись, доедали твой позвоночник. Я знал, что, может, единственным отрадным воспоминанием были наш сад, наша гора...

Я не знал, о чём с тобой говорить, чтобы лишний раз не ранить тебя, мы были с тобой уже в разных мирах...

— Ты помнишь тот день, 19 октября, много лет назад, мы шли на электричку и дали слово друг другу запомнить тот день? — осторожно спросил я.

— Я как раз вспоминаю этот день, — слабо улыбнулась ты. — Это было 19 октября 1994 года... Тогда я тебе всё простила...

Не знаю, изменили ли твою душу к лучшему эти якобы Богом данные в особую любовь страшные мучения, подготовили ли к той жизни, если она всё-таки есть. На самом ли деле ты простила меня и осознала нашу главную вину перед Богом?

Если ты на самом деле меня простила, то я себя не простил...

И каждый год 19 октября я отмечаю как праздник, как день, в который мы были бесконечно светло и печально счастливы....

Вспоминаю...

До поры до времени я не задумывался над этим. А ты, оказывается, давно думала об этом. Женщины живут дольше мужчин, это общеизвестно. За восемьдесят пять твоей матери, и моя мать умерла в восемьдесят три, а оба наши отца умерли рано: твой раньше, мой позже. Ты была уверена, что переживёшь меня. И с болью, бездетная, думала об одинокой старости, потому что других родственников, ни близких, ни дальних, у тебя не оставалось.

А я до самого последнего времени, по сути, до того дня, когда по нам ударило великое горе, жил с чувством, что ещё не вечер, старался не думать о будущем, зная, что мысли эти будут невесёлыми, просто-напросто отгонял их прочь. Когда выдалась возможность, прибавил несколько соток к садовому участку. У тебя это не вызвало радости, к моему удивлению, наоборот, ты вдруг словно окатила меня холодной водой:

— Зачем? У нас никого нет. А потом я, одна, что с этой землёй буду делать?

— Как одна? — не сразу до меня дошло.

— Ты хоть раз подумал о том, что мне придётся куковать одной после тебя?..

Господь почему-то рассудил иначе. Может, мне наметил за грехи мои перед тобой и перед Ним это страшное испытание: жить после тебя?..

Везде всё напоминает о тебе. Дома, на даче — говорить нечего. Еду, иду по городу — попадаются аптеки, в которых я, выстаивая в очередях, по спецрецептам получал для тебя лекарства, а в последнюю пору — наркотики. Полетел в Москву, иду по Лубянской площади мимо магазина "Детский мир", натыкаюсь на министерство транспорта, сюда приходил я забрать для тебя лекарство, которое через несколько курьеров мне пересылали из Хорватии. Не откуда-нибудь, а из Хорватии, которую я из-за поверженной и распятой Сербии вроде бы должен был ненавидеть...

В думах о тебе родилась мысль, что инопланетяне — это ангелы атеистов. Может быть, потому я терпеть не могу всякую фантастическую литературу...

Однажды на Рижском взморье, в Дубултах, мы задались целью целый день до вечера идти по бесконечному пляжу вдоль моря, а обратно вернуться последней электричкой. Я оглядывал встречных женщин, ты была красивее всех. И все мужики заглядывались на тебя.

— Вот отдохнём, подлечишься, и заведём детей... — говорил я.

Если нам где-то в магазинах попадались, мы покупали, тогда они были дефицитом, детские смеси, детское питание. Потом я все их скормил собакам...

Настоятельница монастыря, в который мы заехали помолиться перед местночтимой чудотворной иконой Божией Матери, увещевала тебя:

— Мы рождены не для того, чтобы жить на Земле, мы рождены, чтобы жить в раю. Но мы должны заслужить это, иначе попадём в ад.

Ты не хотела в ад, но, знаю, ты не хотела и в рай. Выйдя на пенсию, ты хотела хотя бы ещё немного пожить на Земле, благоустраивая и облагораживая маленький кусочек её в шесть соток, ни на что не претендуя, никому не мешая. Заслужила ли ты своими страданиями место в раю? Простил ли Всевышний твои грехи?

Читаю умную книгу:

"Кто в состоянии перечислить красоты рая? Прекрасно устройство его, блистательна каждая часть его; пространен рай для обитающих в нём. Светлы чертоги его; источники его услаждают своим благоуханием... Разнообразил и умножил красоты рая создавший их Художник: для низших Он назначил низшую часть рая, для средних — среднюю, а для высших — саму высоту. Как велико и различие степеней, так же велико число и различие в достоинстве поселяемых: первая степень назначена покаявшимся, средняя — праведным, высота — победителям..."

Оказывается, и в раю неравенство, — усмехнулся я. — Если в раю неравенство, значит, там рано или поздно могут появиться недовольные. Может,

действительно так появились падшие ангелы, своего рода большевики, революционеры рая?

"…Невозможно даже мысленно представить себе образ этого величественного и превознесённого сада, на вершине которого обитает Слава Господня… Нет тёмных пятен в обителях рая, потому что чисты они от греха, нет в них гнева, потому что они свободны от всякой раздражительности; нет насмешки, потому что им незнакомо коварство. Не делают они друг другу вреда, не питают в себе вражды, потому что для них не существует зависти, никого там не осуждают, потому что нет там обид…

Кто не дозволял себе ни проклятия, ни злословия, того прежде всего ожидает райское благословение. Кто взгляд очей своих постоянно хранил чистым и целомудренным, тот увидит наивысшую красоту рая. Кто всяческую горечь подавлял в своих помыслах, по членам того протекают источники сладостного веселия… Когда выступил я из пределов рая и достиг земли, порождающей тернии, встретили меня болезни и страдания всякого рода. И увидел я, что страна наша есть темница, что перед взорами у меня — заключённые".

Получается, так и есть, — снова усмехнулся я, — что мы на Земле всего лишь заключённые, у кого — срок больше, у кого — меньше.

Читаю дальше: "Духи совершенных праведников, подобно душе Лазаря (Лк.16, 24-31), прямо вознесутся на лоно Авраамово, где и пребывают в блаженстве до всеобщего суда. Блаженство их состоит, главным образом, в созерцании Бога — источника всего истинного, доброго и прекрасного… Там, на блаженной земле кротких, всё тихо и безмятежно, всё светло и богоугодно, нет там ни труда, ни слёз, нет ни вражды, ни ревности, но в высшей степени есть радость, мир, веселье, там всегдашнее радование, вечное веселие, невечерний свет, незаходящее солнце…"

Я не могу представить себе счастья без труда даже в раю. Рай без труда — это счастье люмпен-пролетариата, это даже страшнее концлагеря, где силой заставляют работать, а тюрьма, где морят бездельем; а для нормального человека пытка бездельем, может, пострашнее всех других пыток.

Автор этой преславной, тошнотворно сладкой сказки о райских кущах — Ефрем Сирин, которого Церковь возвела в ранг преподобного, жил на Земле в IV веке. Кощунствую, но лукавить не буду, ибо лукавство — ещё более кощунство: не верю я Ефрему Сирину. Такие сказки только отвергают от Бога. Не говоря уже о том, что этот сказочник соблазнил, очаровал своими сказками очень многих на Земле. Многие, о, очень многие в разных странах раньше времени попытались попасть в рай. Особенно любили Ефрема Сирина раскольники. С его книгой, нисколько не сомневаясь в истинности его свидетельства, они бесстрашно всходили на костёр целыми семьями, целыми селениями.

В раскольничьих скитах или в сооружённых на скорую руку шалашах в южноуральской тайге не раз находили на останках отшельников и беглых рабочих с горных заводов именно книгу Ефрема Сирина. Многих, очень многих он раньше времени увёл с Земли, хорошо, если бы в рай… Измученные тяжёлым непосильным трудом, люди находили ответ в его преславных сказках и отшельничеством, голодом ускоряли свой уход в иной мир, где "глас празднующих", где нет "ни труда, ни слёз, нет ни вражды, ни ревности, но в высшей степени есть радость, мир, веселье". Другие, далеко не самые худшие, разуверившись в возможности достижения рая или обыкновенного человеческого счастья на Земле, вычитав у того же Ефрема Сирина, что и там, в раю, оказывается, нет равенства, находили ответ в ещё более лукавом манифесте Карла Маркса и хватались за кистень, чтобы утвердить равенство на Земле, а к ним присоединялись просто разбойники, которые рано или поздно и брали власть в руки. Мне говорят, что свидетельства Ефрема Сирина надо понимать иносказательно, написано по разумению людей того времени, но ведь не только его современники, но и люди последующих поколений, вплоть до нашего времени понимают их буквально, верят, что это свидетельство побывавшего в раю, а не мечта, не опасный вымысел, выдаваемый за действительность, или, как бы определили литературоведы, не фантастическая литература.

Однажды и я наткнулся на старые истлевшие кости в небольшой пещерке в скале в окрестностях южноуральского города Юрюзани. На костях тоже — истлевшая книга Ефрема Сирина, только и удалось прочесть на изъеденном мышами кожаном переплете: “Еф…ъ Сир…”.

Уже год без тебя…

Поехал на Урал навестить родственников. На обратном пути, сделав небольшой крюк, заехал к отцу Алексею. Заказать панихиду по тебе. Почему-то меня тянуло в этот храм. А может, к отцу Алексею, у нас как бы остался не завершённым прежний разговор, больше похожий на спор.

Отец Алексей не очень обрадовался мне, перед этим я дал себе слово не втягиваться ни в какой богословский спор, но в какой-то момент не сдержался, и отец Алексей снова увещевал меня: три, четыре поколения, а то и больше, расплачиваются за грехи предков. Опять привёл тот же пример: мужик в тридцатые годы сбрасывал колокола с колокольни, на фронте пуля попала в рот, но не убила, что было бы самым простым наказанием, а выбила все зубы, так что есть он мог только жидкое. Так и жил, мучаясь, до глубокой старости. У дочери — куча болезней, по всем статьям давно должна была умереть, но мучается до сих пор: “Как бы я хотела умереть, батюшка. Отцовы грехи не пускают, ещё не замолены…”

Как и прежде, он меня ни в чём не убедил. Даже у большевиков “сын не отвечает за отца”. Почему же я должен расплачиваться за грехи Адама и Евы? Это справедливо только в том случае, если весь человеческий род — как бы один человек, живёт, меняясь поколениями, на протяжении многих веков, и потому мы отвечаем за грехи предков. И никто не вправе без воли Бога прервать эту нить. А я преступно её прервал. Но, может, я прервал её по воле Бога? Умерли раньше времени, молодыми, мои двоюродные братья, сыновья дяди Ивана, или не оставив никого после себя, или оставив только дочерей. Только дочери у моего брата. Может, Господь по каким-то страшным винам, о которых я не знаю, решил прекратить наш род?

Может, по этой причине, не признаваясь себе, я так страшусь того мира? На грани этих миров, на осмыслении их происходит разрыв души моей. Я знаю, умом знаю, что есть Господь, но сердцем, видимо, не верую в Него. Мне хочется веровать, но я только верю. Но безоглядной веры нет, только интуитивное знание, да и то…

Я редко вижу сны и, как правило, не помню их. Но однажды, ещё при тебе, но уже с осознанием того, что почти без тебя, видел смутный сон, которому первоначально не придал значения или просто заспал. И вот только сегодня, уже больше чем через год после твоей смерти я вдруг вспомнил, что, кажется, в ту ночь, прежде чем снова лечь и прижаться к тебе, я что-то записал в своём дневнике, который с некоторых пор веду лишь время от времени. И действительно, нашёл неровную, наискось, карандашом запись:

“Какая-то женщина неясно, но властно ведёт за собой. Сначала по кладбищу. В каком-то тумане. Потом стало много воды. Какой-то поток. Потом женщина мановением руки стала поднимать меня вверх. Что мне стало страшно от высоты. И я стал проситься обратно на Землю — и проснулся….”

Пройдёт больше года после твоей смерти, я по каким-то делам буду ехать по городу и неожиданно обнаружу себя припаркованным около ракового центра, хотя ехать мне было нужно чуть ли не в противоположную сторону. Так я за три года привык к этому страшному маршруту…

О смерти и о том, что тебя ждёт после неё, начинаешь всерьёз думать только тогда, когда она напрямую коснётся тебя, когда она вдруг опахнёт тебя своим холодным крылом. До этого о ней стараешься просто не думать.

После твоей смерти стал читать откровения так называемых святых праведников и старцев. Но чем больше они старались меня убедить в жизни после смерти и в существовании рая, почему-то тем меньше во всё это я верил.

Меня всегда поражала, возмущала заброшенность, запущенность русских православных кладбищ. А если уж погибла деревня, то кладбище ненамного переживёт её: уже через несколько лет распадётся ограда, и оно будет затоптано скотом, через какое-то время через него проложат дорогу или даже ЛЭП… Но, может, действительно, это не от расхристанности души, а оттого, как некоторые меня убеждают, что русские, православные, на каком-то генетическом уровне всегда знали, что мы на Земле только временные, что бессмысленно и даже преступно не только строить рай на Земле, но и более или менее благополучно обустраиваться на ней?

Но вон у католиков, протестантов какие кладбища ухоженные. Но ведь они тоже знают, что они на Земле временные!

Труды всевозможных праведников приводили меня в смущение, прежде всего, тем, что больно уж сладки до приторности их свидетельства о загробном мире, хотя они там никогда не бывали. Невольно закрадывается мысль: может, нас дурачат, обманывают, специально уводят с Земли, чтобы освободить место кому другому? Меня смущало и смущает, и это не даёт покоя, и я снова и снова повторяюсь, что иную жизнь почему-то всегда олицетворяют с вечной халявой, где никто ничего не делает, но где все сыты и счастливы, только разве не пьяны. Этакий счастливый дурдом. Все моё существо, вся моя суть восстают против этого, не хочу я жить или быть в этом счастливом дурдоме. И на том свете я хочу соучаствовать в общем труде, пусть даже в аду в качестве каторжника, к примеру, на каменоломнях, конечно, зная, что эти камни пойдут на строительство чего-то важного.

Не лукавят ли святые праведники, обманывая, прежде всего, самих себя, мечтая о вечном блаженстве? Не может быть счастья при вечном блаженстве. Зачем тогда душа?

Никто не может знать, что там, за гранью смерти, и потому не надо мне выдавать желаемое за действительное. Чем больше я читаю труды всевозможных праведников, тем более одолевает меня страх, что я становлюсь атеистом.

Я больше узнаю о том, Высшем, молча и благоговейно, без посредников, стоя перед иконами и свечами в небогатом сельском храме…

Если я не верую, то что меня время от времени заставляет идти в храм и, замерев телом и душой, стоять там, порой даже не вслушиваясь в смысл службы?

Самое тяжёлое в моей памяти о тебе, что ты так и не смогла понять, что порой обрушивающаяся на меня печаль никак не связана с тобой. Что эта необъяснимая даже самому себе печаль-тоска сидит во мне, может быть, изначально, как тоска по чему-то высшему, неведомому, но интуитивно чувствуемому, может быть, недосягаемому, но без чего душа не может чувствовать себя счастливой. А ты, вместо того чтобы попытаться понять и разрушить это чувство, всё подозревала, что причиной тому — другие женщины, отчуждалась от меня, тем самым отталкивая меня от себя и усиливая эту тоску-одиночество. А я почему-то никак не мог тебе объяснить причину этой печали, может быть, потому, что сам не знал её причины, что ещё более вызывало у тебя подозрение.

Ты не могла понять, что я от рождения, — может, от нелюбви моих родителей друг к другу, — одинокий неприкаянный человек, которому не хватало тепла. И пойми ты это, мы были бы, наверное, как никто счастливы. А неверие твоё меня замкнуло в себе, и между нами как бы встала невидимая стена, которую мы так и не смогли преодолеть. Ты не могла понять, что, поверь мне, пригрей меня душой, я расплавился бы, как воск. Ты считала, что с появлением тебя в моей жизни я должен был постоянно улыбаться от счастья, но сама ничего не сделала для этого. Получалось, я мешал тебе быть самой собой, ты мешала мне быть самим собой. Так и жили, только в самом конце, на краю пропасти, кажется, поняв, что с обеих сторон это была нелепая гордыня. И чтобы понять это, нужна была твоя смертельная болезнь…

Любили или не любили мы друг друга? Или у каждого осталась неосуществлённой мечта об истинной любви, которая, видимо, не всем на Земле дана?

Но всё-таки откуда, почему во мне эта как бы изначальная печаль?..

Самое совершенное из искусств — музыка. Её язык понятен или непонятен всем, независимо от языка и расы, она не требует перевода.

Наверное, музыка — это язык того, высшего мира, о котором мы лишь смутно догадываемся. Может быть, музыка — это общий для нас всех на Земле язык, связующий с тем миром. Ничто, наверное, больше, чем музыка, не говорит нам о том мире. И по тому, какие метаморфозы претерпела музыка, за редким исключением, за последнее время, можно судить, что мы всё дальше и дальше от того, высшего мира. Мы всё ближе к Вселенской катастрофе...

Всего несколько лет назад, несмотря на то, что мне за шестьдесят, я летал во сне. Чуть ли не каждую ночь. Раскидывал руки в стороны и — летел... Это что-то вроде полёта на дельтаплане, только я летел на собственных раскинутых руках, да ещё для большей летучести распахивал рубашку. И так отчётливо всё было. Совсем не как во сне. Даже проверял, ощупывал себя, даже больно щипал себя: может, мне это действительно только приснилось, и убеждался, что нет, не во сне.

Как правило, начинал полёт от Круглого леса, от нашего огорода, с холма, который ты так любила, потому что с него открывались такие дали! Летел вниз в широкую речную долину, на холмы за ней, где лентой извивалась Великая Транссибирская железнодорожная магистраль, поезда змейкой пробегали подо мной, но я торопливо отплывал в сторону, боясь линии электропередач...

Порой поднимался так высоко, что становилось страшно, и скорее сбрасывал высоту, запахивая на груди рубаху...

А говорят, что летают во сне только в детстве...

Иногда опять приходит кощунственная мысль, что по ту сторону смерти ничего нет, что бессмертие души мы придумали для самообмана, для оправдания пустоты за гранью жизни, чтобы не так страшно было умирать...

Жизнь с тобой...

— Давай повременим с ребёнком, — сказала ты, кажется, на следующий день после свадьбы. — Я так устала, мне хочется хоть немного отдохнуть, хоть какое-то время пожить свободно.

А я обрадовался, вместо того чтобы возразить: ребёнок мог помешать моей недописанной книге, моим дорогам... Куда торопиться, у нас всё впереди... Это был наш первый и главный грех, из которого истекали все другие. И потому нет нам прощения... И потому мне нет прощения, потому как своим предложением подождать ты, может, проверяла меня.

Ты ушла раньше меня. Этому есть какое-то оправдание, если существует тот, верхний мир, и тебе в нём сейчас хорошо. А может, ты ушла в наказание мне? Потому что моя вина несоизмеримо больше твоей, и чтобы я мучился всю оставшуюся жизнь? Чтобы совершенствовалась моя душа? Но почему-то я этого не ощущаю.

Во мне осталось море неистраченной теплоты, которая тяжёлым грузом давит на меня. Я готов обрушить её на кого-нибудь, как бы в искупление вины перед тобой. Но не могу встретить того человека, которому это тепло было бы нужно, хотя вокруг меня ходят тысячи людей в поисках тепла.

Жизнь для самого себя потеряла смысл.

Неожиданно в твоём столе нашёл обрывок бумаги:

"Прощай, Дымка, мой неродившийся сын! Ты не зря приходил ко мне в этот мир из того, неизвестного мне, ровно на 9 месяцев, что отпущены природой каждой женщине. Ты хотел, чтобы я удержала тебя на этом свете, и Бог подсказывал мне: "Не уезжай. Твоё место тут, рядом с ним". Я это чувствовала, я знала, что необходима тебе, но помимо своей воли уехала... Прости, я слишком часто в своей жизни шла на поводу чужих желаний, чужих интересов и стремлений.

Ты, моя частичка, помнишь ли, как я несла тебя по скользкой, ненадёжной земле, боясь уронить, потерять, как потеряла уже однажды, несколько

лет назад, катаясь в жутких схватках? Прости, мой маленький… Бог свидетель, я не хотела, я держала тебя крепко-крепко, хотя было мне очень тяжело. Так же, как тогда, когда ещё слабым комочком бился ты в утробе моей…

Прощай… Скоро я буду далеко, но от этого не стану думать о тебе меньше, может, даже наоборот, у меня будет свободной душа, чтобы проситься к тебе…"

Дымка — умерший от чумки щенок. Мы поняли, что он заболел, в воскресенье перед самым отъездом с дачи, когда мы уже запаздывали домой, а среди недели по каким-то причинам я не мог поехать на дачу. А когда приехали вечером в следующую пятницу с всевозможными лекарствами, не обнаружили его. Я пошёл по всему садовому посёлку в поисках его, искал до самой темноты, но не нашёл. Был уже конец октября, был первый настоящий заморозок, и трава была белой от инея.

Ты всю ночь не могла успокоиться:

— Если он ещё живой, где-то сейчас лежит на мёрзлой земле.

Я молчал, я был уверен, что Дымки уже нет.

Утром ты встала, чуть стало светать, я подумал, что, как обычно, в туалет, но тебя очень долго не было, я уже два раза подогревал поставленный на электроплитку чайник. Наконец ты появилась, не то что уставшая — совершенно вымученная и без сил повалилась на постель:

— Почти полкилометра несла, выбилась из сил, — сказала ты отчуждённо. — Ведь он, наверное, килограммов десять весит. Иди, что стоишь. Он вот там лежит, у посадки.

— А где ты его нашла?

— Плохо ты вчера искал. В лесу, у родника, в чилижнике…

Но уже никакие лекарства ему не помогли…

Сердце разрывается при чтении этого письма. Я не подозревал в тебе этой разрывающей душу тоски по детям. Ну, умер щенок — и умер. А он у тебя ассоциировался с неродившимся сыном, который стал выкидышем. Вот поэтому, видимо, ты не приходишь ко мне во сне. Потому ты не простила меня, потому ты мне ни разу не приснилась.

Может, ты бродишь там со всеми нашими собаками, которые были тебе вместо детей?.. Я снова и снова вспоминаю, как я уже отчаялся найти его и, в конце концов, перестал искать, а ты, больная, не переставала искать, представляя, как он лежит на мёрзлой октябрьской земле, и утром, надорвавшись, принесла его почти до самого дома, а потом рухнула на постель и долго не могла отдышаться. И, наверное, ещё не скоро смогла бы встать, если не надо было бы как можно скорее делать ему уколы, как оказалось, уже бесполезные…

Я знал, что всю оставшуюся жизнь буду жить с чувством вины перед тобой. Но я не подозревал, что чем дальше, тем больше чувство вины перед тобой будет обостряться.

Чуть ли не последние твои слова:

— Скажи что-нибудь…

А я молчал, как истукан. Так и осталась между нами эта напряжённая недосказанность.

Снова и снова точит мысль: тебя считали доброй, меня считают добрым, но почему мы не были добрыми друг к другу? Почему только в самые последние месяцы и дни мы, наконец, стали друг друга понимать? Чтобы там, в иной жизни, встретиться уже совершенно родными, когда друг другу ничего не нужно будет объяснять, когда мы станем как бы единым целым?

Читаю: "Хотя умершие находятся с нами в постоянном общении, мы, однако, ничего об их близости не подозреваем, пока не наступит час видимого доказательства тесной связи их с Землёй, по разным причинам продолжающей их притягивать. Одни, по своей материальности, ещё тяготеют к грубым её радостям и не могут подняться до более высоких, более духовных радостей, пока ещё им недоступных. Других около нас держит их привязанность к нам. Лучшие из них, то есть кто там уже достиг известного

духовного совершенствования, получают возможность незримо общаться с близкими своими, пока ещё живущими на Земле…”

В городской квартире, в которую мы въехали за пять лет до твоей смерти и в которую ты так не хотела въезжать, хотя, в отличие от прежней, она была большой и удобной, я не чувствую твоего присутствия, хотя всё в ней напоминает о тебе, начиная с двух твоих фотографий на столе: в юности и через полгода после операции, за год до твоей смерти. В саду же, который на самом деле был твоим главным домом и куда до самых последних дней твоих тянулась твоя душа, я постоянно чувствую твоё присутствие: в посаженных тобой яблонях, в осеннем хозяйском посвисте и постуке в окно синиц, в весеннем голосе кукушки, во внимательных, как бы укоризненных глазах полудикой собаки Динки, хотя она и родилась уже после тебя.

То и дело точит мысль: вот неожиданно умру или погибну в автомобильной катастрофе, или ещё как, кому всё это достанется: квартира, садовый дом?.. Даже не это сосёт, мучает, а то, что чужие люди будут копаться в моих вещах, бумагах, письмах, в твоих фотографиях. Поскорее выбросят всё на свалку, чтобы скорее занять квартиру, а то вдруг объявятся какие-нибудь родственники. Откуда им знать, что родственников нет…

Письмо Валентина Григорьевича Распутина: “Я ведь тоже теперь живу по инерции, надо — поднимаешься и садишься за стол или идёшь куда-то, а по дороге понять не можешь, куда и зачем идёшь. Все писательство (помнится, в сентябрьском письме ты говорил о том же) — некрологи, воспоминания об ушедших, предисловия к чужим книгам, но и это всё с трудом. Началось это ещё до гибели Марии, а после уже усугубилось, прошло полгода, и мало кто верит, что за это время нельзя восполнить силы, приступают бесцеремонно: “Ты должен!..” Должен не должен, а не могу, и вернётся ли то чувство долга, не знаю.

Удивляюсь я и ещё одному совпадению с твоим то ли настроением, то ли ощущением: мы больше хотим веровать, чем веруем на самом деле. Во мне это тоже есть, пытаешься погрузиться — и не получается, чувствуешь себя рядом с батюшками и серьёзно верующими обманщиком. Я с владыкой нашим говорил об этом, он успокаивает: “Да вы веруете больше, чем верующие по всем буквам веры”. Но я то знаю, что это не так и что своей откровенностью ставлю нашего добрейшего владыку в неловкое положение…”

Снова и снова вспоминаю, как тебя забирал из ракового центра, уже окончательно выписанную — умирать.

Главврач великодушно предложил оставить тебя умирать в так называемом паллиативном отделении, как он хвалился в вечерней газете, чуть ли не лучшем в России. Я поспешно отказался. Без всякого сомнения, я забрал бы тебя из любого самого престижного хосписа, человек должен умирать дома, если, конечно, он у него есть, умирать же в таком паллиативном отделении не пожелаешь и врагу: плотно приставленные друг к другу, как, наверное, в тюремной камере, только второго яруса нет, еле протиснешься между ними, кровати в маленькой душной палате, разгороженной напополам шторой-ширмой, может, эта ширма во всевозможных отчётах и справках даёт право отчитываться о наличии двух палат. Напротив, через коридорчик, такая же мужская палата. Из-за духоты встречные двери открыты, и ночью какой-то мужик, перепутав двери, пытался лечь рядом с твоей соседкой и немало удивился, что его кровать занята.

Вывозил я тебя к машине в выданной мне как бы напрокат больничной коляске чёрным ходом на хоздвор, чтобы не видели тебя только что поступающие или ждущие очереди в раковый центр, чтобы раньше времени не узнали, что большинство из них ждёт в скором или в сравнительно скором будущем. Попадавшиеся в коридоре врачи и медсёстры, ещё неделю здоровавшиеся с тобой, молча расступались, смотрели как бы сквозь нас, делали вид, что не замечали нас, так как ты уже была вычеркнута не только из списков ракового центра, но и из списка живых, и теперь своим видом только ранила живущих. Голова твоя в нелепом моднецком парике уже почти не держалась на истончённой шее, заваливалась то в одну, то в другую сторону, и ты стеснительно, как бы извиняясь, что ставишь людей в неловкое положение,

поправляла её столь же истончёнными дрожащими руками. Через чёрный ход, кроме медперсонала, просачивались навещающие вне положенного времени своих родственников, и они с ужасом, примериваясь на себя, смотрели на тебя. А ты улыбалась виновато, что своим безнадёжным видом портишь всем настроение, и всё пыталась прямо держать голову, а она всё заваливалась и заваливалась то в одну, то в другую сторону…

Жизнь без тебя…

В саду прихватил приступ головной не столько боли, сколько дурноты — до тошноты и сердечной тяжести, что ложись и умирай. Так бывало у меня и раньше — при резкой смене погоды, когда южный ветер вдруг менялся на студёный обжигающий северный: на резкое изменение атмосферного давления не успевают реагировать сосуды мозга — последствие тяжёлой травмы головы и контузии в юности, после чего я только на четвёртые сутки пришёл в сознание, обнаружив себя в реанимации, и не мог объяснить ни врачам, не следователю, что со мной случилось. "Тяжёлая посттравматическая амнезия, иначе говоря, потеря памяти, — объяснил врач не поверившему мне, что я ничего не помню, следователю, — со временем может вспомнить". — "Когда это может произойти?" — "Может, завтра, может, через годы". Я не вспомнил ни завтра, ни через годы, я и сейчас не знаю, что тогда со мной случилось…

В такой момент действительно можно неожиданно умереть. Но ты знала, как быстро и действенно снять такой приступ, а без тебя я сейчас не знал, что делать, растерянно копался в куче оставшихся после тебя, в большинстве своём уже просроченных лекарств и без особого сожаления готов был умереть.

Одно было только сожаление: на кого останутся твои собаки?..

Я один в лесном садовом посёлке. Приехал на выходные дни покормить собак: сторож на выходные уехал в город, машину оставил в деревне, дальше на лыжах. Не могу уснуть. Выхожу в морозную лунную хрусткую ночь, искрится иней на ветвях берёзы, белым облаком нависшей над моим домом. Выше — неясные мерцают звёзды, словно что-то говорят, в том числе мне, хотя знаю, что это всего лишь раскалённые сгустки плазмы, подобно нашему Солнцу. Знаю, но душой почему-то не соглашаюсь с этим, сейчас в лесном одиночестве они для меня живые. Друг детства, академик-химик, на днях поздно вечером, совершенно трезвый, позвонил мне на полном серьёзе: "Американцы запустили телескоп "Хабл". Установили, что Солнце наше потухнет через 34 миллиарда лет, и мне стало грустно".

Странно томится душа. Она томится с детства, с самого первого дня, сколько помню себя. Даже в самые счастливые дни моей жизни, когда мне было хорошо, по крайней мере, мне так казалось, ей всё равно чего-то не хватало, она всё равно томилась по чему-то неизвестному…

Неожиданно для себя, запрокинув голову в звёзды, говорю вслух:

— Не может у человека не быть продолжения после смерти, если всю свою жизнь, если до последнего дня своего он живёт с ощущением, что если не всё, то, по крайней мере, самое главное у него ещё впереди. Если с самого первого и до последнего дня у него томится душа по чему-то неосуществлённому, если душа, по себе знаю, не стареет, и с каждым годом всё больше противоречие между по-прежнему юной душой и дряхлеющим телом. Оно становится как бы лишним ей. Душа по-прежнему, как в детстве, томится по чему-то неизбывному, для чего она на самом деле рождена и предназначена, но получается, что при этой жизни это по какой-то причине оказалось неосуществимым. Откуда у человека это стремление в небо, которое для его земных жизненных потребностей совершенно не нужно, откуда — пусть примитивное, на уровне технических средств, вроде полёта Гагарина?..

Зашевелились под верандой собаки, встревоженные моим голосом. Чувствовалось, как им, наконец-то по-настоящему сытым, не хотелось выбираться из тепла на мороз, что я поторопился успокоить их:

— Спите, спите, это я сам с собой... Это я — с небесами...

Собаки, кажется, поняли меня и успокоились, только благодарно постучали хвостами о стену дома.

В подтверждение своей вслух высказанной в ночи мысли в следующий вечер неожиданно нахожу в одной из умных книг, трактующих святоотеческое учение: "Желание жить всегда, которое находится в сердце каждого человека, дано Создателем не без цели. Это есть как бы первое указание на бессмертие души, как бы первое побуждение готовиться к жизни будущей. Желание жить связано с желанием счастья, которого ждёт всякий. Эта жажда счастья полностью не утоляется здесь, на Земле, следовательно, должна быть жизнь будущая, где бы могло исполниться это пламенное желание нашего сердца. Но счастья мы ждём беспрестанно. Но никто не может дать нам его. Неужели это счастье нигде не существует? Ужели Бог вложил в нас это желание, не имея намерения когда-нибудь удовлетворить его?..

Смерть некогда будет истреблена. Таким образом, смерть представляется явлением временным и ненормальным. Смерть не есть установленный закон для человека. Смерть, как бы мы ни рассматривали её, — зло, а зло Бог не мог сотворить. Напротив, всё, сотворённое Богом, найдено Им самим прекрасным: "И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо, весьма". Уже самый способ создания человека, природа которого, духовная и физическая, образует одно существо — человеческое, показывает, что смерть как расторжение двух природ его не входила первоначально в планы Божьи. По творческому плану Бога сущность человеческого существа должна состоять не из одного духа и не из одного тела, а из того и другого вместе, в неразрывном союзе и согласии: "И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою". Святое Писание ясно показывает, что человек даже и по телу создан для жизни бессмертной, когда говорит о древе жизни посреди рая, вкушая от плодов которого человек и телом был бы безболезнен и бессмертен навсегда..."

Отрываю глаза от книги, чтобы осмыслить прочитанное. Ему не противится вдунутая в меня при рождении душа, а, наоборот, вдумчиво, трепетно внимает.

А вот следующее утверждение не по силам мне осмыслить, и оттого тревожно мне: "Между тем сам Бог, давая заповедь нашим прародителям от не вкушения плодов от древа познания добра и зла под угрозой смерти, тем самым показывает, что люди могли избежать смерти и могут избежать истинной смерти, если они будут исполнять данную им заповедь".

А зачем Он тогда взрастил в раю древо, на котором одновременно познание добра и зла? И почему Он вообще попустил существование наряду с добром — зла? Я тщусь, но никак не могу понять, моя мысль словно упирается в стену или повисает в пустоте, и оттого рождается отчаяние и раздражение. Почему Господь дал первому человеку возможность совершения греха? Решил проверить его? И тем самым его первородный грех стал неотвратимым грехом всего человечества до скончания века: человек ещё не родился, а он уже грешен?

И ещё: "По выражению Макария Великого, "до падения человека тело его было бессмертным, чуждо недугов, чуждо настоящей его дебелости и тяжести, чуждо греховным и плотским ощущениям, ныне ему естественным". Чувства его были несравненно тоньше, действия их были несравненно обширнее и вполне свободны. Облечённый в такое тело, с такими органами чувств человек был способен к чувственному видению духов, к разряду которых он принадлежал душою. Он был способен к общению с ними, а также к тому боговедению и общению с Богом, которые сродни святым духам. Святое тело человека не служило для него препятствием, не отделяло его от мира духов. Человек, облечённый в тело, способен был для жительства в раю, в котором ныне могут пребывать одни святые и одними душами своими, с которыми по воскресении соединятся их тела. Тогда человек снова вступит в разряд святых духов и в открытое общение с ними. Образец тела, которое одновременно было и тело, и дух, мы видим в теле Господа нашего Иисуса Христа по его воскресении.

С падением изменились и душа, и тело человека. В собственном смысле падение было для них вместе и смертию. Видимая и называемая нами смерть, в сущности, есть только разлучение души с телом, прежде всего уже умерщвленных отступлением от них истинной жизни Бога. Мы рождаемся уже убитыми вечною смертию. Мы не чувствуем, что мы убиты по общему чувству мертвецов не чувствовать своего умерщвления. Недуги нашего тела, подчинение его неприязненному влиянию различных веществ естественного мира, его дебелость — суть следствия падения. По причине падения наше тело вступило в один разряд с телами животных, оно существует жизнью своего падшего естества. Оно служит для души темницей и гробом".

Я пытаюсь всё это понять и принять, но если в какой-то мере понимаю и принимаю, то больше умом, чем сердцем. И почему я должен принимать безоговорочно утверждение Макария Великого? Его утверждения, пусть даже если они результат какого-то внутреннего зрения, ви́дения, совершенно не доказательны, не подтверждены никаким опытом, в который я мог бы безоговорочно поверить. Это не больше, чем, пусть даже гениальное, предположение. Зачем мне всё это навязывается как безоговорочная истина, при этом постоянно присутствует какая-то недосказанность, которая, во-первых, даёт мне возможность сомневаться в сказанном, а во-вторых, по-разному трактовать сказанное?

Пользуясь этой недосказанностью и почему-то заложенной во мне изначально, ещё с прародителя человечества неспособностью отличать на древе познания добро и зло, мне, ищущему истину, то и дело подсовывает другие книги, тоже якобы проповедующие истину, цель которых — заставить меня усомниться если не в истинности существования загробного мира и явлении Иисуса Христа, то пытаются убедить меня в том, что его учение устарело. В этом ряду неожиданно для меня оказался и великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, вроде бы неглупый человек, но который однажды вознамерился переписать и Иисуса Христа, и Конфуция, то есть заменить их собой. В его ранней дневниковой записи, относящейся к 1855 году, я поражённо наткнулся: "Ныне я причащался. Вчера разговор о божественном и вере навёл меня на великую и громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но обещающей блаженство на Земле. Привести эту мысль в исполнение, я понимаю, могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать мысль эту следующему, и когда-нибудь фанатизм или разум приведут её в исполнение. Действовать сознательно к соединению людей с религией — вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечёт меня".

Но мало ли что не приходит нам в голову в молодости, в молодости нами часто руководит гордыня. Меня поразило, что с годами Толстой не распрощался со своими нелепыми и кощунственными, по мнению не только Церкви, идеями, а, наоборот, только укрепился в гордыне. Уже будучи, мягко говоря, в преклонных летах, за три года до смерти он уже поставил себя на место Христа, даже пытался заменить его: "Прежде я не решался поправлять Христа, Конфуция, Будду, а теперь думаю: я обязан их исправлять, потому что они жили 3—5 тысяч лет назад".

Другие меня пытаются убедить, что Евангелие было извращено апостолами: неважно, по хитрости или не из-за непонимания. Признаюсь, мне порой тоже приходят подобные мысли. Третьи между первыми и вторыми снова и снова мне подсовывают ядовитую мысль, что утверждение о загробном мире — всего лишь сладостный самообман, а на самом деле там пустота. И потому, пусть духовно совершенствуясь, нужно жить — да, по совести, — но только настоящим и брать от жизни всё возможное здесь, на Земле, потому что никакой другой жизни не будет, кроме как в памяти ещё оставшихся жить. А вот при встрече на улице практически силой всучила мне подобную книгу одна из твоих помешанных на эзотеризме и в то же время ходящая в церковь подруга:

— Это тебе обязательно нужно прочитать!

Я знаю, что в голове у неё полный хаос, там перемешались Библия, Блаватская, и, разумеется, Рерих и ещё много кто, только, наверное, чёрт знает всех. У меня было желание выбросить книгу сразу же после дарения в первый встретившийся на пути мусорный контейнер, я не сделал этого только из уважения к книге как таковой. Толстенная книга некоего А. Клизовского, которая так и называется "О смысле жизни". Вызывая у меня раздражение и в то же время притягивая к себе, как магнит, она долго лежала на журнальном столике. Наконец из любопытства заглянул в предисловие: написана в преддверии Второй мировой войны, её автор за свои убеждения погиб в советском концлагере. Книга стараниями его последователей и издателя, то ли разделяющего их взгляды, то ли уверенного, что книга непременно принесёт ему доход, издана огромным по нашим временам тиражом. Перед сном, чтобы, наконец, решить судьбу книги, открываю: "Вопрос о смысле жизни принадлежит к числу вечно волнующих, неразрешимых и роковых вопросов, которыми вот уже несколько десятков столетий болеют народы западного мира. Вопрос этот встаёт перед каждым, достигшим известного развития человеком рано или поздно, на заре или закате жизни неизбежно..." Чтение увлекло меня, но чем дальше, тем яснее понимаю, что это очередная масонская уловка, скрытая под красивые одежды, вкрадчивый тайный смысл которой: давайте объединимся в общей вере, но без Иисуса Христа, который устарел, в общем боге, которого нет, но мы от имени его вместо него будем править вами.

Но по инерции ещё продолжаю читать: "Особенностью языка священных писаний нужно считать то, что истина сообщается людям не в чистом виде, но прикрыта символами, что даёт возможность всякому понимать скрытую символами истину сообразно своему развитию. Необходимость символического языка для сообщения людям трансцендентных истин вытекает из того, что религиозное учение даётся не для одного поколения, не для сотен, не на один век, но на десяток веков, в течение которых в каждый данный момент существуют люди разного умственного и нравственного развития..."

Полностью согласен с последним утверждением, меня не однажды посещала эта мысль: почему Истина, коли она истинна, если с нами не лукавят, дана нашему несовершенному уму символами? Ведь именно язык символов — причина многочисленных толкований Истины. Именно язык символов — основная причина появления бесчисленных сект, трактующих Истину, кто как разумеет или кто как лукавит, искажая её порой вплоть до обратного смысла. И невольно встаёт вопрос: тогда Истина ли это, раз её прячут за символами, которые можно трактовать как угодно? И цель вышеприведённой хитрой тирады Клизовского — снова разбудить давно отвергнутые мной или дремавшие во мне вопросы, посеять сомнение, после чего можно уже в открытую идти в наступление, навязывая свою доктрину. И я отчуждённо отодвигаю в сторону эту книгу, определив её в мусорный контейнер, а потом передумал: увезу на дачу, сожгу в печке или костре. Но в голове она всё-таки против моей воли застряла, заронила ядовитые семена.

Ежегодно издаются, переиздаются и вновь пишутся десятки, сотни подобных книг о смысле жизни, о том, что будет с нами после смерти, вроде бы не отрицающих Христа, а как бы наоборот, продолжающих его, но хитро заставляющих сомневаться в Его истинности...

В этом ряду особое место занимает учение Николая Рериха, от посредственных картин которого веет ледяным холодом, именем которого заморочены головы миллионов людей, — далеко не безобидная, если не сказать — страшная по своим целям рериховская секта распустила свои щупальца по всему миру, её замороченные адепты не хотят слышать, что рериховская экспедиция на Тибет в поисках Шамбалы была экспедицией ОГПУ и истинным руководителем её был небезызвестный террорист и оккультист Яков Блюмкин. Учение "Живой этики" Елены Рерих — не более как сладко-ядовитая масонская антихристианская мистификация, рассчитанная на сомневающихся и простодушных. (Из поздних изданий благоразумно была вычеркнута саморазоблачающая сказка о "письме" великих махатм (учителей) Индии

к великому махатме Ленину.) Этой идеей был одурачен душевно больной Адольф Гитлер, который не верил ни в какой национал-социализм, а замороченный оккультистами, на самом деле служил несуществующим так называемым Высшим Неизвестным, их на самом деле нет и не было, а он их именем под чьим-то хитрым руководством пытался загнать в единый концлагерь всё человечество планеты…

В конце концов, я стал обходить стороной любые книги о смысле жизни, подозревая в них если не явный, то скрытый обман…

Жизнь без тебя…

Как обычно, в сумеречной тишине, о чём-то глухо и согласно переговариваясь между собой, над нашим лесным домом протянули два ворона, семейная пара. Так низко, что был слышен посвист крыльев. Как помню, вороны пролетели над нами в первый день, когда мы, оформив землю, поставили палатку на лесной поляне, и я стал копать ямы под столбы для ограды. Тогда они, видимо, нарушили свой обычный облёт: пролетели над поляной взад-вперёд несколько раз, пока не убедились, что это не случайная палатка туристов, а в их лесных владеньях на постоянное жительство объявились новые жители. Я всегда задавался вопросом: где они умудряются гнездиться в нашем давно разреженном, без старых деревьев лесу? Неужели, совершая свой каждодневный вечерний облёт, они прилетают откуда-то издалека?

Как известно, вороны живут до трёхсот и более лет. Эти вороны жили здесь, чувствуя себя хозяевами, до нас, они пролетали над нами каждый вечер в сумерках при тебе, сейчас они пролетают над нашим домом каждый вечер без тебя, и я, невольно вспоминая о тебе, думаю, что так же они будут пролетать после меня. Я полагаю, что с высоты своего полёта, а главное, с высоты своего жизненного долголетия они снисходительно смотрят на нашу быстротечную человеческую суетную жизнь. Я не знаю возраста наших воронов, но, если они уже в возрасте, то могли быть свидетелями братоубийственной гражданской войны, ведь самые жестокие бои на Восточном фронте проходили именно в этих местах, а может, даже не менее братоубийственной Пугачёвщины. Что они думают о нас?

Пришла третья весна после тебя. Сегодня возвращался с дачи. В высоких болотных сапогах, так как в низинах ещё лежал глубокий снег, пробирался пригорками, которые вытаяли лишь местами, в деревню, где оставил машину. Вспоминал, что раньше мы с тобой пробирались именно этим путём.

Невидимые глазу жаворонки торжествовали в небе. Низкие печальные полупрозрачные облака стелились над холмами, из них изредка сыпался еле осязаемый дождь. Солнца не было, но какой-то необыкновенно грустный, но в то же время торжествующий светлый свет окружал меня. И сейчас, весной, я снова вспомнил тот октябрьский день, когда мы с тобой с этой горы шли на электричку: перейдя внизу убранное пшеничное поле, оглянулись назад на полыхающую золотом и багрянцем гору и с редким ощущением счастья и взаимного согласия, но словно предчувствуя, что впереди у нас что-то грозное, роковое, поцеловались и поклялись: “Давай запомним этот день!”

Я буду помнить этот день до конца дней своих. Помнишь ли ты его там?..

Господи, всё-таки как хорошо на Земле, несмотря ни на что! Как всё-таки прекрасна Земля! И не может того быть, чтобы мы уходили с неё безвозвратно! Не могу согласиться с тем, что мы только гости на ней! Как можно от такой красоты уходить навсегда?! Неужели мы никогда ни в каком качестве не вернёмся на неё? Иначе какой смысл нашей сегодняшней жизни, если мы никогда сюда не вернёмся?

Почему-то хочется верить, что мы отправлены на Землю не только на исправление, как в ГУЛаг, но и для того, чтобы мы приуготовили Землю к чему-то очень важному, красивому, может, ко второму пришествию Христа и к нашей новой жизни на Земле вместе с Ним. Иначе какой смысл в нашем украшении Земли? Иначе почему так разрывается душа от печали, от одной только мысли будущего прощания с ней?

Как бы подтверждение этой мысли нахожу у преподобного Максима Исповедника. Он пишет, что по замыслу Бога в задачу человека входило привести мир к ещё большей гармонии, слаженности и единству. По его мысли, человек был призван последовательно преодолеть в себе разделённость мира. Максим Исповедник недвусмысленно пишет, и эту мысль, волнуясь, горячо принимает моя душа, что человек должен был соединить рай со всей Землёй, то есть, нося всегда рай в себе в силу своего постоянного общения с Богом, он должен был превратить в рай всю Землю. После этого ему предстояло уничтожить пространственные условия не только для своего духа, но также и для тела, соединить Землю и Небо. Может быть, мы, умирая, всё-таки не навсегда покидаем Землю? Может, это не противоречит идее Бога о человеке? С этой мыслью мне будет легче умирать.

Или всё-таки мы на Земле — дети в песочнице, оставленные, с умыслом или без умысла, без присмотра? Вы хоть однажды замечали, как ведут себя дети в песочнице, оставленные без присмотра? Уже через полчаса определится, кто сильнее, и в лучшем случае всё обойдётся только слезами. Не потому ли рушится всё, что мы строим на Земле: дома, города, государства, империи, — что строим всё из песка и на песке, а думаем, что строим вечное?

Старец Амвросий Оптинский: "Господь только тогда прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в Вечность или же когда не видит никакой надежды на его исправление". Это изречение очень любят повторять священники. У меня это вызывает невольную усмешку: получается, что если хочешь подольше побыть на этом свете, нельзя быть уж совсем откровенной сволочью, и в то же время не надо стремиться, а наоборот, даже надо остерегаться попасть в праведники, надо — где-нибудь посередине…

На даче зимней метельной ночью, мучаясь от бессонницы, стал рыться на книжных полках, но не хотелось читать ничего серьёзного. Так я перебирал книгу за книгой и наткнулся на книгу И. Халифмана "Шмели и термиты", вышедшую в уже незапамятные времена в издательстве "Детская литература". Во время строительства садового дома я с интересом перечёл раздел "Шмели". Эти удивительные, любимые мной с детства, пушистые ласковые создания сразу же обжили только ещё достроенный нами дом, чем-то понравился он им. По осени они забирались зимовать в его щели, а по весне, просыпаясь и обманувшись печным теплом и электрическим светом, выбирались не на улицу, а по только им ведомым щелям внутрь дома. Убедившись, что обманулись, они, стремясь на волю, начинали, недоумённо и недовольно гудя, биться в оконные стёкла; я осторожно брал их носовым платком или полотенцем, на что они сердито, но не обречённо гудели, видимо, были уверены, что я не нанесу им вреда, и, открыв форточку, отпускал их на волю; они, улетая, благодарно, так мне казалось, басили.

Помню, перелистал я тогда и раздел о термитах, но так как в наших краях термиты вроде бы не водились, читать не стал. Теперь же неожиданно для себя, пропустив раздел о шмелях, я стал читать раздел о термитах и, не отрываясь даже на ужин, прочёл до конца. Я прочёл его как бы применительно к человеческому смыслу жизни, как и к смыслу жизни вообще на Земле. Мы эгоистично думаем, что мы единственные разумные на планете, и уж точно, — главные. Всё остальное существует лишь относительно к нам. А рядом с нами, оказывается, существуют другие цивилизации, например, цивилизация термитов, как, впрочем, и цивилизация муравьёв, на которых мы не обращаем внимания, уклад общества у которых, может, совершеннее, или, говоря человеческим языком, человечнее, чем у нас. А может, и они на нас не обращают особого внимания, определив для себя нас, как мы для себя их, своего рода муравьями: существуют и пусть существуют?

Ну, ладно, существуют если не цивилизации, то сообщества пчёл, шмелей. Не трудно обозначить их необходимость, полезность человеку: они собирают мёд, опыляют растения. А зачем Бог создал цивилизацию термитов? Оказывается, рядом с человеческими городами существуют города-термитники, большинство из которых, если можно так сказать, основаны раньше самых древних человеческих городов — некоторые города-термитники существуют пять

и более тысяч лет. Мало того, по всему, термиты появились на Земле раньше человека. А большинство из нас даже не подозревает о существующей рядом с нами иной цивилизации: ну, торчат и торчат из земли эти нелепые, на первый взгляд, мёртвые, никем не обитаемые сооружения, иногда на их поверхности появляются какие—то насекомые, а на самом деле внутри них тысячелетиями течёт строго упорядоченная, по своему осмысленная жизнь, только обитатели этих странных сооружений принципиально отгородились от солнечного света, хоть опосредованно и питаются им, живут в вечном мраке, а может, отгородились и от нас, Учёные многих стран в разные века старались разгадать загадку термитов. В результате даже появилась целая наука — термитология, которая за сотню лет существования главного о термитах так и не смогла сказать.

Термиты, появившиеся на Земле раньше человека, в отличие от людей, не воюют между собой, но зато воюют с муравьями, которые появились на Земле позже на несколько миллионов лет. У термитов, как у людей, существуют расы, своего рода народы. Зачем?..

"Вот уже больше ста лет мимо термитников в Австралии идут поезда. Люди смотрят на них в окно, большинство не догадывается, что рядом, под этими странными сооружениями, прячется от солнечного света другая, игнорирующая человеческую, таинственная цивилизация. Пока человек не трогает её, она не трогает его, но стоит даже случайно задеть её владения, она рано или поздно отомстит человеку... Специалисты, исследуя обстоятельства землетрясения в Ашхабаде в ночь с 5 на 6 октября 1948 года, пришли к выводу, что его последствия были бы не такими страшными, если бы дома не были подточены термитами. Внешне это было совсем незаметно. Город был подготовлен к катастрофе той болезнью строений, которую французы называли "термитозом". Рисуя бедствия, обрушившиеся в 1875 году на остров Св. Елены, некто Д. С. Меллис писал: "Уничтоженный термитами город Джемстаун выглядел, как город, разрушенный землетрясением".

У народов тропической Америки и Центральной Африки сохранились верования и обычаи, поддерживающие в людях страх перед обитателями термитников, убеждающие в безрассудности, бесполезности и опасности борьбы с этими коварными созданиями: "термиты находят обидчика даже под землёй, а если его не найдут, то накажут родных и близких".

Термиты действуют скрытно. Скрытно, но безудержно и неотвратимо. Не случайно в странах Южной Америки старинные столбы на дорожных перекрёстках и сегодня ещё взывают к небу высеченными на каменных плитах словами молитвы, короткой как, крик души: "Боже, спаси нас от молнии! Боже, спаси нас от землетрясения! Боже, спаси нас от мучительной смерти! Боже, спаси нас от термитов!"

Я закрываю книгу. За тёмным окном метёт метель, постукивая ставней. Вспоминаю, что каждое лето стропила моего дома точит жук-древоточец: в своё время соблазнился, купил по дешёвке осиновые брёвна. Я вот уже больше двадцати лет безуспешно борюсь с ним. Эта мысль отвлекает меня от мыслей о цивилизации термитов, но я всё равно не могу заснуть...

Адам и Ева, вкусив с запретного древа познания, тем самым, может быть, уже тогда положили начало самоуничтожению человека. Мы продолжаем вкушать с запретного древа познания и шаг за шагом неотвратимо идём по пути самоуничтожения всё ближе к всеобщему концу: в этом ряду химическое, биологическое, ядерное, психотронное оружие, клонирование человека, манипулирование человеческим сознанием... Да, продолжая вкушать с запретного древа познания, мало ли что мы ещё можем придумать, что может стать нашим последним шагом. Развитие науки, в каком греховном нравственном поле она с самого начала существует, — на самом деле не что иное, как ежедневное срывание запретных плодов с дерева познания. Совершив однажды этот грех, мы продолжаем и продолжаем совершать его, пока однажды, может быть, даже не успев осознать этого, враз не самоуничтожимся.

Вот уж действительно получится, что мы временные на Земле, как и вообще временные у Бога. А цивилизация термитов останется, если мы её не

уничтожим вместе с собой. Будет ли она по-прежнему выяснять свои отношения с цивилизацией муравьёв? Или они сумеют между собой поделить планету? А мы пришли и ушли, оставив после себя горы ядовитого мусора и превратив Землю в сплошной археологический памятник (для инопланетян?), как неудачный эксперимент Божий? Или ещё чей?

Зачем я в реквиеме о тебе — о термитах? Сам не знаю. Попала под руки книжка. Но может мне кто-то объяснить, какой о термитах был замысел у Бога, поселившего их на планете раньше человека?

Жизнь с тобой...

Когда ты уже была безнадёжна и когда мы из ракового центра в очередной раз проезжали мимо дома на бывшей Бекетовской, где начинали жить вместе и прожили большую часть нашей совместной жизни (а я почему-то всегда упорно ехал этой улицей, только в самый последний момент спохватываясь, что снова и снова возвращаю тебя к воспоминаниям, которые лишний раз ранят тебя), ты молча смотрела на когда-то застеклённый мною балкон. На зиму я пристраивал на него какую-нибудь большую ветку, на которую привязывал пучки рябины и калины, а ниже пристраивал кормушку, в которую насыпал хлебные крошки и семечки. С приходом настоящих холодов на деревцо собиралось множество самых разных птиц: синиц, снегирей, свиристелей, разумеется, воробьёв; особенно птицы смотрелись в морозную ясную пору, и люди, идущие внизу, невольно поднимали головы и улыбались...

Теперь уже на чужом для нас балконе сушились детские вещи, но кормушку для птиц они оставили, даже не перевесили на другое место, и я весь сжимался от мысли, что сейчас происходит в твоей душе. Здесь мы были относительно счастливы. Здесь мы были несчастны, но почему-то никак не могли расстаться. Здесь мы совершили свои главные ошибки. Здесь прошла вся наша с тобой жизнь. Сейчас бывшую Бекетовскую переименовали в очередной раз. Это уже не наша с тобой улица. Рядом с нашим нынешним домом, незадолго до твоего ухода загородили забором старый дом, обречённый на слом. Ты жалела даже не столько дом, сколько ель, которая когда-то кем-то была заботливо посажена у подъезда и которая теперь была обречена на вырубку. Она, как и ты, доживала последние дни.

Ель срубили ночью, ещё при тебе, чтобы никого не ранить...

Жизнь без тебя...

В очередной раз приехали с твоей сестрой на кладбище.

Когда я вернулся от колонки с ведром воды, чтобы полить цветы, сестра, закончившая прибирать могилку, не смогла сдержать слёз:

— Сколько воспоминаний, но одно не даёт покоя: уже в гробу у неё по щеке вдруг побежала слеза... Боже, как она не хотела умирать!..

Боже, как ты не хотела уходить из этого мира, когда поняла, как нужно было жить!

Снова и снова и вспоминаю, как ты была прекрасна в гробу, с лица ушли все следы страдания, оно было покойно и светло, ты была моложе, по крайней мере, лет на двадцать! Вот, кажется, ты вот-вот откроешь глаза и улыбнёшься. О твоей необыкновенной красоте говорили и врачи-патологоанатомы, подрабатывающие в похоронном бюро на бальзамировании умерших... Сделав своё дело, они какое-то время заворожённо смотрели на тебя и говорили между собой шёпотом, словно боясь тебя разбудить. Твоё прекрасное лицо без тени страданий, может, более всего говорило о существовании иного мира, иначе почему оно после твоей смерти было так покойно и светло, словно ты наконец нашла то, что всю жизнь искала?

Через три года после твоего ухода — на твой день рождения! — неожиданно пришёл приблудный пёс Рыжик, которого мы давно считали погибшим или умершим от старости. Было это так: утром ещё в темноте на кого-то заворчал Дружок. Я открыл дверь веранды, мимо меня с писком прорвался на

веранду, а потом в дом с грязными ногами — ночью был дождь — Рыжик, пробежал в кабинет к топчану за печью, на котором мы с тобой раньше спали, но тебя там не было, жалобно заскулил и, опустив голову и прихрамывая, побрёл на кухню, где, свернувшись в комок, привычно лёг за печкой. Утром поел, поскулил-поскулил, потыкался из угла в угол, то и дело заглядывая на топчан. Всё так же поскуливая, послонялся по участку и, не заметили, когда, ушёл…

Под Новый год неожиданно уволился сторож Игорь. По всему, он заранее готовился к этому. Осенью под предлогом свозить в ветеринарную клинику куда-то увёз свою собаку. Самое неприятное, что, уходя, он даже не предупредил меня, а с ним мы вроде бы даже дружили. Я только случайно через полмесяца узнал, что Дружок и Динка остались беспризорными. Дружок ещё ладно, он будет ходить в соседний дачный кооператив, он там дружит с кем-то из сторожей или жителей. А вот полудикая собака Динка, оставленная твоей любимой собакой Динкой после себя мне в угрызение совести, никуда не отходит от дома. Прячется от всех, но никуда не отходит. Потому, отказавшись от предложения друзей вместе отметить Новый год, в последний день старого года, несмотря на буран, еду в сад.

Новый год в обществе брошенных собак, в отсутствии электричества: всю предновогоднюю ночь завывал, метался буран и, видимо, где-то порвал электрический провод.

И всю зиму в любую погоду каждую субботу я вынужден ехать в сад: в деревне оставляю машину, встаю на лыжи и иду кормить собак. Динка попрежнему не даётся даже погладить. Но, когда я ухожу, какое-то время на расстоянии идёт за мной, а потом ещё долго печально смотрит мне вслед, в то время как наевшийся до отвала Дружок преспокойно дрыхнет под верандой. Ты в образе полудикой собаки Динки так и не отпускаешь меня. Большинство знакомых, знающих о Динке, сочувствуют мне, спрашивают о ней, даже собирают для неё с Дружком кости.

Однажды я чуть не женился. Это было в другом городе. Я гостил у этой женщины. Пришёл день, и я сказал:

— Мне нужно ехать, я уже десять дней не был на даче. У меня там собаки голодные.

— А что с ними случится?! — равнодушно сказала она. — Собаки живучие.

Это меня остановило, не женился.

Никуда не деться и никогда мне не освободиться от памяти о тебе и обо всём, что связано с тобой. Снова и снова пытаюсь осмыслить твою клиническую смерть за десять лет до истинной, необратимой, когда наша последняя поздняя попытка родить ребёнка окончилась страшным маточным кровотечением и выкидышем. Что это, Бог тогда хотел тебя взять к себе, но потом посчитал, что ты ещё духовно не созрела для той жизни, что ты ещё должна помучиться на Земле, осознавая свои грехи? Потому как, вычитал я в церковных книжках, "иногда, по неведомому Промыслу Божию, человеку даётся возможность пройти "сень смертную" и на время вернуться назад, в мир живых. Таким образом Господь помогает душе в деле нравственного самосознания и самоопределения, зная, что такой урок будет духовно полезен человеку, который оценит эту милость Божию и дальше будет жить по Его заповедям и воле, заботясь о внутреннем очищении".

Мне остаётся жить надеждой, что после всех твоих земных страданий, многим из которых я виной, тебе там хорошо. И если, забирая к себе, Бог не отбирает у нас память о земном, я знаю, ты всё равно тоскуешь о нашем саде, о наших собаках, о деревьях, посаженных тобой, о щемящих земных горизонтах, которые, может, как раз и зовут в мир иной, о том — 19 октября 1994 года — необыкновенном, печально—торжественном, казавшемся нам неземным, а на самом деле самом земном свете, которым светилась, полыхая золотом и багрянцем, наша роща… Может быть, вспоминаешь обо мне…

Может, нужно было тебе дать прочесть эту книгу — "Жизнь после смерти"? Другие подобные книги. Сейчас вот думаю: как ты отнеслась бы к этому? Легче тебе стало бы после прочтения их? Мы с тобой старались вообще

избегать разговоров о смерти, даже в последние твои дни, словно этим могли обмануть её. И я, читая тайком подобные книжки, прятал их от тебя. А может, на том свете всё совсем не так, как в этих книжках, и встреча с загробной действительностью после них стала бы горьким ударом?

Безнадёжно больной раком совершил самоубийство, оставив записку, что покончил с собой не потому, что больше не мог терпеть страшные боли, а потому, что не хотел другого мира, пусть даже рая.

Читаю: "Однажды, когда старо-афонский старец Порфирий после очередной болезни начал восстанавливать свои силы и стал принимать посетителей, он рассказал удивительную историю.

— Когда я был молод, — сказал он, — то молился Богу, что если Он когда-либо попустит мне заболеть, чтобы этой болезнью был рак. Ты знаешь, рак — это лучшая изо всех болезней. Другие заболевания ты не принимаешь всерьёз, надеешься, что скоро поправишься, и обычно внутренне ничуть не меняешься. Однако, когда ты знаешь, что у тебя рак, тогда ты говоришь сам себе: "Вот и всё. Вот и конец. Не надо себя обманывать. Теперь я ухожу". Люди не могут тебе помочь, и ты в одиночестве стоишь перед Богом. Единственная твоя надежда — в Нём. Ты хватаешься за эту надежду и спасаешься. После моей неудачной операции на глазу и после применения огромных доз кортизона я ощутил в голове как бы взрыв. Мне показалось, что мой череп разорвало на мелкие части. Боль была страшной. Я подумал, что Бог услышал моё старое прошение, и это рак. Но увы... Ты знаешь, я прекратил эту молитву о попущении мне рака после того, как рассказал о ней одному епископу, и он меня упрекнул, сказав, что за этой молитвой кроется эгоизм... Но боль была очень сильной. Это было прекрасно..."

Неужели только в великих страданиях и скорбях, а не в радости, прежде всего, взрастает и готовится к иному, высшему миру душа?

Только сейчас, по прошествии времени, я осознал, что после клинической смерти ты стала другой, а я этого в суете жизни не заметил. Прежде всего, изменилось отношение ко мне. Оно стало вроде отношения матери к не очень удачному, уже взрослому ребёнку, воспитание которого безнадёжно упущено, и надо воспринимать его таким, какой он есть. После клинической смерти ты не то чтобы простила все мои грехи, а стала смотреть на них иначе, с чувством, что уже ничего нельзя изменить. Я только потом, с опозданием понял, что ты тогда не совсем вернулась с того света и на этом жила уже с памятью смертной, которая тебя вроде бы должна примирить с будущей смертью, а ты, наоборот, ещё больше хотела жить. Но жить, пусть с запозданием, в согласии с собой и со всеми. Твоим единственным миром стал наш сад и, потому как у нас не было детей, наши собаки, которые тебе заменяли детей. Ты не раз с горечью повторяла, что по молодости-дурости выбрала не ту профессию, что тебе нужно было стать врачом, скорее, даже — ветеринарным врачом, так как животные, в отличие от людей, ни в чём не виноваты.

Я только сейчас многое стал понимать. Но зачем мне сейчас это понимание, которое приносит только запоздалую боль? А может, как раз смысл в этой боли? Может, это тоже своего рода подготовка к другой жизни? Может, поэтому Господь ещё держит меня на этом свете?..

Мысли вслух...

А всё-таки: надо ли человеку постоянно напоминать, что он смертный?

Не всякому это по силам — постоянно жить с этим чувством. Для одних это, как утверждают, благодатная память смертная, ограждающая от грехов. Других же, и их, возможно, большинство, маловерующих или вообще неверующих, это прижимает к земле, понуждает или потакает торопиться жить, наоборот, разрешает совершать грехи, в том числе самые смертные...

Церкви — представительства, почтовые станции того света на Земле? В них через священников, какими бы они ни были, или напрямую люди общаются с Богом. Раковые центры — тоже своего рода представительства, почтовые станции того света на Земле...

Включаю телевизор: передача о переселении душ. Люди видят себя в прошлой жизни, даже на других планетах. И некоторые случаи, примеры настолько убедительны, что не знаешь, во что верить. Когда, например, душа — или что иное? — девочки, погибшей в России, вдруг вселяется в тело девочки, пережившей клиническую смерть в Казахстане. Придя в себя, она не узнает своих родителей, зато признала за своих родителей и родственников девочки, погибшей за тысячи километров от её дома в России. И теперь живёт то там, то там — на два дома

Это противоречит основам веры в Иисуса Христа, принимаемого нами за единственную и вечную истину, но это — действительный факт.

Как бы, наконец, опомнившись и в какой-то мере освободившись от разрушительной большевистской химеры, с причинами внедрения которой в России при всей их внешней очевидности мне далеко не всё ясно, в том числе в вопросе, за какие страшные грехи Всевышний наказал нас ими, люди начали искать свои земные корни, составлять родословные. А зачем вроде бы искать свои земные корни, уходящие в неведомые века, если мы всего-навсего временные на Земле? Значит, мы подспудно знаем, что на неё когда-то вернёмся?.. Значит, для чего-то или для кого-то это нужно, разумеется, прежде всего, для нас самих, — но это в том случае, если мы не временные на Земле, — чтобы не прерывалась связь времён, чтобы род тянулся из века в век...

Но в то же время по какой-то причине, порой, нам кажется, не зависящей от нас, прерывается не только род, но и жизнь целого народа, даже целой цивилизации, да так, что о существовании её даже не подозревают или только смутно догадываются потомки: как бы произошла непредвиденная утечка информации. Потому что как бы специально сгорают в пожарах древние библиотеки, где хранились сведения об этой цивилизации, словно кто-то специально стёр память о ней для потомков, как, например, случилось с легендарной Атлантидой. Может, могущественная и процветающая с виду, она погрязла в таких грехах, в таких нравственных неизлечимых болезнях, которые, подобно чуме, а может, страшнее её, передались бы потомкам?.. И так как уже ничего невозможно было исправить, легче было её уничтожить целиком страшным землетрясением, извержением вулкана или чем-то подобным и сделать всё возможное, чтобы о существовании её в будущем даже никто не догадывался...

Мы, русские, в большинстве своём не знаем, не помним своих корней, словно это нам не надо, словно мы действительно временные на Земле. Например, в отличие от татар, с которыми уже много веков живём не просто рядом или даже вместе, но и повязаны одной судьбой. Они, в отличие от нас, как правило, независимо от сословности, помнят своих предков до седьмого колена, а многие и того дальше.

Мы же, русские, до последнего времени в большинстве своём бывшие крестьянами, — и до тех пор мы останемся русским народом, пока его основой будут крестьяне, — преимущественно беспамятны, никогда не вели родословных, в лучшем случае помнили лишь прадедов. Может, это неслучайно? Как и неслучайно заброшены наши кладбища? Это доказательство нашей ущербности? Или лишнее доказательство того, что как народ мы — не от мира сего и острее других, бессознательно, на генетическом уровне чувствуем, что мы временные на Земле и потому так равнодушны к своей земной судьбе? Но почему же тогда наши предки, по природе и сути своей будучи земледельцами, то есть всем своим существом наиболее привязанными к Земле, определили себя народом Христа — крестьянами? Но крестьянин — не просто земледелец, исповедующий Христа, но и добровольно разделивший, несущий вместе с ним его крест. Понятия христианин и крестьянин до последнего времени на Руси были синонимами. Случайно ли это? Русский народ чувствовал себя одновременно народом этого и того мира. Может ли такой народ быть временным на Земле? Зачем же нас так упорно зовут с Земли, соблазняя нас раем вне Земли?..

Но, может, в том и трагедия русского народа, что он, определив себя народом Христа, по-прежнему беспредельно привязан к Земле, а это противоречит замыслу Всевышнего?..

Спохватившись, уже будучи с седой бородой, я с трудом проследил свою крестьянскую родословную по отцу до начала девятнадцатого века. Мои предки, пригнанные откуда-то из центральной России на южноуральский Симский горный завод в качестве чернорабочих крестьян, в ревизских сказках начала девятнадцатого века назывались уже по фамилии, когда все другие однодеревенцы именовались ещё по принципу Иван сын Петра. Вроде бы за моими предками не числилось, по крайней мере, мне неизвестно, никаких страшных или особых грехов. И во власть никто не лез, правда, дед, будучи кузнецом, по своей грамотности по совместительству ходил в волостных писарях. Никто не вступал даже под нажимом ни в какие партии, тем более, в большевики, никто не раскулачивал, наоборот, были в раскулаченных, все, кого знаю, всегда были ниже травы, тише воды, но Господь почему-то решил прекратить наш род.

У моих сестры и брата — только дочери. В юности один умер, второй погиб, разбившись на мотоцикле, — два моих двоюродных брата, не оставив после себя никого, у двух других — тоже только дочери.

Я прервал тянущийся из века в век род. Может, так по неведомой мне причине решил Всевышний?

Мне это не даёт покоя…

Жизнь без тебя…

Оберегал тебя, как ребёнка, от всяких неприятностей и, видимо, делал это неуклюже, потому что ты воспринимала это так, будто я имею от тебя какие-то свои тайны. Ты узнала о моей операции по поводу остеомиелита правой голени только на третий или четвёртый день после операции, когда из реанимации меня уже перевели в палату. Отправляясь в дальние экспедиции, с которыми заведомо не было никакой связи, я оставлял на последней почте деньги, чтобы тебе время от времени от моего имени посылали телеграммы, что у меня всё в порядке. Потом ты узнавала или догадывалась об этом и начинала думать, что у меня есть от тебя и другие тайны.

Получалось, что я всё это делал во вред себе.

Когда мы одно время жили каждый сам по себе — и ещё не в разводе и в то же время вроде бы уже договорившиеся о нём, — казалось, нас удерживала лишь общая квартира (сколько несчастных семей удерживал и удерживает этот проклятый для России вопрос!), однажды вечером ты как бы между прочим сказала мне:

— Мне предлагают выйти замуж…

Я молчал. Я знал, что у тебя есть поклонники, в том числе статный милицейский полковник, который откуда-то знал, что мы с тобой живём не в ладу, и который однажды на улице пытался заговорить со мной на эту тему, но я отмахнулся от него: “Почему я должен решать, пусть она решает”.

— Что мне делать? — спросила ты.

— Решай сама.

— А ты что скажешь?

— Решай сама, — ушёл я от прямого ответа.

Порой мне хотелось, чтобы ты ушла. Порой мне самому хотелось уйти от тебя, но я выжидал, чтобы это решение приняла ты, ибо причину наших разногласий я видел только в тебе. А сейчас порой думаю: может, не нужно было тебя тогда удерживать? Может, ушла бы ты к другим берегам, была бы счастлива? И были бы у тебя дети, внуки… Может, и у меня теперь были бы и дети, и внуки. Может, мой большой грех, что я тебя тогда удержал, не способный дать тебе счастья? И, может, не заболела бы этой страшной болезнью, ибо не было бы у тебя смертного греха перед Богом, от которого я тебя тогда не только не удержал, более того, как я теперь запоздало понимаю, свой грех переложил на тебя?..

Однажды, измученная страшными болями и уже не в силах бороться с раздражительностью, ты в сердцах бросила мне в глаза: “Ты лишил меня материнства”. У меня чуть удержалось на языке, чтобы не сказать в ответ, что ты лишила меня отцовства и обрекаешь на одиночество, но я промолчал.

Но мы не задумывались, что на нас обоих ещё один тяжкий грех: мы лишили материнства и твою бездетную от природы сестру, которая теперь, на старости лет, могла бы остаться с племянницей или племянником, которые заменили бы ей детей, а твою мать лишили возможности стать бабкой.

Господи, я знаю, что не имею права даже просить у тебя прощения!

Умер от рака Г., второй человек в администрации губернатора. Мне приходилось обращаться к нему с некоторыми вопросами, по возможности он всегда старался помочь. Не помогли ему ни ЦКБ в Москве, ни дорогостоящие лекарства, ни знаменитые немецкие онкологические центры. Не знаю, когда в нём поселился рак, но за два года до этого в авиационной катастрофе над Баденским озером вместе с семьёй Калоева у него погибла дочь, и говорили, что рак в нём поселился, возможно, в результате нервного потрясения. Всего месяц назад мы встретились с ним и обнялись в ночном аэропорту: я возвращался из Москвы, а он встречал прилетевшую этим же рейсом старшую дочь-студентку. Ничто не говорило о том, что жить ему осталось всего месяц…

Рак! Что это за болезнь? Было время, ещё в начале XX века, когда врач за всю свою медицинскую практику мог ни разу не встретиться с раком. Сейчас же ежегодно в мире от рака умирает около 5 миллионов человек при одновременном выявлении до 9 миллионов новых случаев заболевания. И с каждым годом эти цифры растут чуть ли не в геометрической прогрессии. И главное, — катастрофически растёт детская заболеваемость раком.

Каковы природа, причина рака? Стресс, как, может, в случае с Г.: погибла дочь в авиакатастрофе? Канцерогены? Вирусы? Чей-то, — если кто наблюдает за нами со стороны, в случае, если мы для него подопытные кролики, — способ борьбы с перенаселением планеты? В чём смысл неизлечимости рака, длительности, мучительности умирания?

Раком заболевают грешники, чьи души не поддаются никаким другим способам совершенствования, подготовки нас к иной жизни? В зависимости от степени греха и закостенелости души они одариваются разными видами рака: одним для подготовки к иному миру хватает месяца, а некоторым — многие годы? Может, раком заболевают также люди, которые настолько сильно привязаны к Земле, что в случае внезапной смерти или смерти по старости могут оказаться совершенно неподготовленными к иной жизни, без осознания её и покаяния, а покаяние возможно только на Земле? И потому человек перед уходом с неё так мучается, что Бог из милости даёт ему возможность осознать свои грехи и покаяться, чтобы ему было легче там?

Человек при раке высыхает до того, что остаётся одна измученная душа. Вместе с ней мучаются, совершенствуясь при этом, души родных и близких?

Заболевший раком, хочет он этого или не хочет, начинает осмысливать прожитую жизнь, и в результате приходит к выводу, — но всегда ли? — что некоторые, а может, и многие его поступки и дела, которыми он, может, даже гордился, были грехами? Может, Господь специально “одаривает” человека раком, чтобы, когда человек вдруг узнает о своей обречённости, его заблудшая, закостеневшая душа сначала как бы в результате электрошока или удара молота проснулась, а потом, совершенствуясь в муках, постепенно освобождалась от своего тела, которое не хочет отпускать её и после смерти которого она могла бы быть принятой Богом?

Но если признать, что причина рака только в неправедной жизни, то я знаю десятки людей, которые жили праведной жизнью, в том числе монахов, которые умерли от рака. И в то же время я знаю множество случаев, когда человек в результате этих мучений не очищался душой, а, наоборот, озлоблялся, не примирялся с уходом из этой жизни.

В бессилии перед раком мы ведём себя, словно страус, при опасности прячущий голову в песок: раз мы бессильны перед раком, то, пока он не коснётся нас лично, делаем вид, что вроде бы его вообще не существует. Пока он не коснётся нас лично, мы стараемся не замечать, что рядом с нами почти в каждом, по крайней мере, в каждом крупном и уж обязательно в областном городе существует раковый центр, а теперь это, как правило,

даже целый квартал, город в городе, в котором мест, несмотря на постоянное его расширение, с каждым годом всё больше и больше не хватает. А мы упорно продолжаем до поры до времени обманывать себя, что этот страшный пограничный город между этим и тем светом не заберёт кого-нибудь из близких или самого тебя. И, проезжая мимо, до поры до времени отворачиваем от него голову: раз мы его не видим, то он вроде бы и не существует. Может, в мире с каждым годом всё больше и больше грешников? Может, со временем раковые центры будут занимать целые микрорайоны? Может, уже бессильны все другие способы разбудить наши души? И чуть ли не каждый человек будет проходить через рак — в такой степени закостенели наши души? А мы никак не можем понять этой простой истины и безрезультатно ищем причины возникновения рака.

По какому принципу и кто нас отбирает, забирает в этот страшный город в городе на границе миров? Кто-то из нас умирает во сне, не подозревая о своей смерти. Большинство из нас мечтает о такой безболезненной и беспамятной смерти. Православные священники, наоборот, утверждают, что это большое несчастье: "Люди неверующие всегда желают умереть внезапно, вернее, избежать смерти через смерть бессознательную. Такая смерть — результат жизни бессмысленной. Насколько легка, спокойна, радостна смерть истинно верующих христиан, настолько она страшна и мучительна для неверующих или для людей, взявших свою веру не из Божественного Откровения. Смерть внезапная, без покаяния, страшна и часто является наказанием за наши грехи. Желание умереть во сне — из трусости. Господь посылает нам болезни для нашего спасения, для осмысления грехов наших, чтобы в немощах своих познавали силу Божию".

Кто решает, когда и как какому человеку умереть: от сердца — вдруг, неожиданно или мучительно долго — от рака? Рак всё шире охватывает именно так называемые цивилизованные страны, несмотря на все усилия медицины. Может, причину его нужно искать в извращенной жизни, в разладе с природой, в отсутствии гармонии в самом человеке, между его телом и душой?

Пытаясь найти ответ, открываю книгу приснопамятного владыки Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, светоча России в Новое, нынешнее Смутное время: "Болезнь тела есть лишь следствие болезни души, поэтому главное лекарство для больного — это "дух сокрушён", это искреннее раскаяние в совершённых грехах и намерение исправиться. О первопричине телесных болезней говорит сам Иисус Христос. Исцеляя страждущих, Он напутствовал их такими словами: "Иди и больше не греши!"

Ещё: "Ты неправильно понимаешь суть болезни… Господь хочет через болезнь привести тебя ко спасению, а ты расстраиваешься и тем самым идёшь против воли Божией… Говори так: "Господь, укрепи меня в страданиях моих и даруй мне терпение, чтобы без ропота переносить всё во имя Твое, помилуй мя".

И ещё: "Неверно рассуждаешь, что твоя болезнь якобы не от Господа. То, что она возникла у тебя не на почве порока, ещё не значит, что она не от Бога. Это Он болезнями привёл тебя к Себе, поэтому не смущайся, а твёрдо верь, чтобы посредством её исцелить твою душу".

Оказывается, всё просто и ясно, если ты веруешь в Бога. А раз тебе с этими простыми и ясными мыслями трудно смириться, значит, твоя вера не крепка, или ты только обманываешь себя, что веруешь. Простым гриппом окаменевшую, тем более загнившую душу не вылечишь. Но в то же время: противится этому душа, и без того так мало нам отпущено на этом свете. И каков принципа отбора? Я уже говорил, что знаю людей, несомненно, праведных, но окончивших жизнь в страшных страданиях. Или у нас с Всевышним различны понятия о праведности?

И ещё читаю: "Часто, возлюбленные братья и сёстры, перед нами встаёт такой вопрос: почему не за всякого больного можно приносить молитвы? Ответ мы находим в житиях подвижников благочестия, которые правильно разумели суть событий. Они разумели, по какой причине происходит та или иная болезнь в естестве человеческом, и в зависимости от этого или умоляли

Бога об исцелении, либо всецело предоставляли исход болезни Божественному промышлению о человеке… Я знаю, что современный нам подвижник благочестия протоиерей Иоанн Кронштадтский тоже не за всех молился, хотя и был весьма любвеобилен к немощам и страданиям людским, к человеческому горю. Праведник прежде прозревал причину болезни. И если видел, что она произошла вследствие грехопадения, тогда молился не об исцелении телесного организма, а об исцелении души человеческой".

Но вот что я ещё читаю у владыки Иоанна, но уже применительно не к отдельному человеку, не к отдельной душе человеческой, а применительно ко всей России, к Новому Смутному времени, обрушившемуся или специально обрушенному на неё: "Никто не знает, сколько ещё отпущено нам, чтобы опомниться и исправиться, поэтому каждый, не откладывая, не медля, спроси себя: "Не я ли причина нынешнего позора? Не мой ли грех удерживает Отчизну в бездне падения? Не моё ли нерадение отлагает светлый миг воскресения?.. Русские люди, подумайте здраво: среди нас никого, кто мог бы оправдаться, случись ему отвечать на эти вопросы не пред земным бесстрастным и слабым человеческим судом, а перед Судом Всеведающим и Всесовершенным".

И сразу рождается мысль: если мы временные на Земле, почему митрополит Иоанн, взывая к нашей совести, говорит о будущем России, о её воскресении? Где она воскреснет? Или уже есть параллельная небесная Россия? Или она воскреснет в час Воскресения на Земле вместе с нами?

В конце концов я, кажется, внутренне согласился с мыслью, что болезни даются в наказание человеку, в осознание его грехов, в искупление их. Получается, что какие причины возникновения рака мы ни искали бы, он ниспослан нам для исправления души. Но как тогда быть с животными? Они болеют одними и теми же с человеком болезнями, в том числе раком. Им Бог посылает болезни — тоже в исправление грехов? Но ведь Церковь утверждает, что у животных душа смертна, значит, не требует покаяния. Или они тоже будут жить в том прекрасном загадочном мире? Сколько погубили мы за тысячелетия в своих бесконечных человеческих войнах ни в чём не повинных лошадиных душ?! Тогда в раю должны пастись на зелёном вечном лугу несметные табуны погубленных нами коней, а человеку там вообще нет места, а если есть, то так, где-то стыдливо в сторонке.

Как жить дальше? И сколько мне отмеряно? Стоит ли дальше городить земной огород? Может, уже тоже пора собираться в дорогу? И если у меня ещё есть время, какова цель, смысл моей оставшейся жизни?

В своё время, бывая в Болгарии, я не раз порывался поехать к известной прорицательнице Ванге, в том числе, может, чтобы узнать своё будущее. Мои болгарские друзья обещали устроить эту встречу. Другое дело: приняла ли бы она меня? Но в последний момент я отказывался от этой поездки. Что-то меня остановило. Или кто-то меня остановил. Соблазнительно и в то же время страшно знать своё будущее. С одной стороны, зная свой последний день, можно всё спланировать, определить очерёдность дел, распорядиться своим скромным имуществом. Но, с другой стороны: а вдруг это уже завтра или послезавтра, пусть уж лучше будет неожиданно…

Почему и кем Ванге дан был такой дар? Почему Вангу не признала Церковь, хотя она считала себя православной? И после её смерти долго не освящали построенный ею православный храм? Потому что своей мыслью вторгалась в запретное? Но она не просила этого дара, он пришёл к ней свыше после несчастного случая. Или, видя будущее, она не имела права посвящать в него людей? Получается, что её предсказание, предвидение будущего — свидетельство того, что наша жизнь — не цепь случайностей и что мы не сами её планируем, на самом деле она кем-то запланирована, словно в нас заложен какой-то, вроде часового, механизм с жизненной программой, и мы не в силах в ней что-то изменить. С этим моё сознание никак не может смириться. Как и с тем, что моё будущее — тайна только для меня. Ведь если наша жизнь никем не запланирована, то невозможно предсказывать будущее. Это во-первых. Но ведь тогда получается, что и все наши грехи запланированы?! Как же тогда быть с покаянием и с воспитанием души? Почему же

некоторые, вроде Ванги, в результате тяжёлых травм головы или душевных потрясений получают — от кого? — дар видеть будущее? Вангу в детстве поднял смерч и ударил о землю, в результате чего она ослепла, но обрела другое зрение, внутреннее. Другой попал в автомобильную катастрофу. Третий был сбит в самолёте над Афганистаном…

Почему же Господь не даёт нам, обыкновенным смертным, знать будущее? Преподобный Иоанн Лествичник объясняет это так: "Некоторые испытывают и недоумевают, почему Бог не даровал нам преддверие смерти, если воспоминание о ней столько благотворно для нас? Эти люди не знают, что Бог чудным образом устраивает через это наше спасение. Ибо никто, задолго преузнавши время своей смерти, не спешил бы принять крещение или вступить в монашество, но каждый проводил бы всю свою жизнь в беззакониях, и на самом уже исходе из мира сего приходил бы ко крещению или к покаянию, но от долговременного навыка грех делался бы в человеке второю природою, и он оставался бы совершенно без исправления…"

Как и чем жить дальше? Читаю у митрополита Антония Сурожского: "Христиане в древности воспринимали смерть как решающий момент, когда окончится время деяния на Земле, и, значит, надо торопиться, надо спешить совершить на Земле все, что в наших силах. А целью жизни, особенно в понимании духовных наставников, было стать той подлинной личностью, какой мы были задуманы Богом, в меру приблизиться к этому, что апостол Павел называет полнотой роста Христова, стать — возможно, совершеннее — неискаженным образом Его".

Кстати, Ванга тоже умерла от рака…

Читаю очередную книжку о жизни по ту сторону смерти: "Мы всего лишь странники и пришельцы на этой Земле — странники, идущие к Царствию Божию. Как странники, мы имеем за своими плечами котомки, и от того, что мы запасём в них к концу нашего странствия, и будет зависеть наше спасение либо наше отчуждение от жизни вечной. Если в конце нашего жизненного пути окажутся лишь прелести мира, чрезмерная привязанность ко всему тленному — тогда наступит погибель наша. Но если мы отрешимся самих себя и приучим сердце к небесным благам, складывая в котомку души добродетели, — придёт наше спасение".

Только я было уверовал в наше будущее воскресение на Земле, как меня снова убеждают, что мы только временные на ней, отбывающие на ней свой срок наказания. Не от лукавого ли всё это? Не лукавый ли таким образом, таким сладким языком, подделываясь по Всевышнего, стремится нас поскорее увести с Земли? Что значит: чрезмерная привязанность ко всему тленному?! Это значит: чрезмерная привязанность ко всему земному, к родным, близким?! Не может моя душа принять это.

Я мысли не могу допустить: как это жить, заранее приучаясь к мысли, что всё вокруг, что тебе с рождения дорого, эти рассветы и закаты, эта горящая золотом осенняя берёзовая роща — для тебя чужое. А если не чужое, то постепенно нужно отчуждать себя от всего этого, иначе тебе нет пути в мир иной. Это в собственном доме, на своей Земле чувствовать себя иностранцем, случайным гостем?! Снова сверлит мысль: тогда в чём смысл мировой истории, если мы в полном смысле временные на Земле? Зачем строить, в том числе Святую Русь? Переживать о судьбах русского народа?

Смысл мировой истории единственно может быть в том, если наше воскрешение вслед за Страшным Судом произойдёт всё-таки опять на Земле, и мы должны осознать, что, в конце концов, благоустраиваем Землю для самих себя, когда снова воскреснем. И тогда мы не будем её равнодушно отравлять, заваливать мусором.

И всё-таки почти каждый человек уходит с мыслью: может, всё это — насчёт того света — обман? Умру, а там — пустота, ничего нет? Сюжет: "Всю жизнь жил праведно, готовился к той, истинной жизни, какие только соблазны ни были, отводил от себя, ни разу не согрешил, а там ничего не оказалось, чёрная пустота. Обманули святоши, а ничего уже не вернёшь…"

Зачем я снова и снова прокручиваю в памяти нашу с тобой жизнь, с каждым разом всё больнее и острее чувствуя вину перед тобой, даже в тех

случаях, в каких раньше считал себя невиноватым? Тем самым терзая душу свою, что порой кажется, что она не совершенствуется, а истончается, и однажды, истончённая до предела, порвётся. Или всё-таки в этих душевных муках она как бы шлифуется? Чтобы однажды, может, когда я до конца, без всяких оговорок, осознаю свою вину перед тобой, перед Богом, вопреки мне, вопреки разуму моему, она, может, неожиданно, а может, столь же мучительно, как у тебя, попросится из тела? Чтобы там, если нам суждено встретиться, с лёгкой душой встать перед тобой на колени, а ты, всё простив мне или забыв по воле Божией, погладишь меня, как прежде, как ребёнка, по голове?

Очередной твой день рождения. Несмотря на осень, буйно цветут стоящие на твоём столе перед твоими фотографиями фиалки. Остальные цветы так себе, безрадостные, еле живые.

Опять у кого-то читаю: "Мы, христиане, не от мира сего". А я хочу быть от мира сего. Не хочу я райских кущей, я хотел бы видеть снова и снова — и так без конца — осенние берёзы в искрах первого морозца, печь в костре картошку, смотреть и вслушиваться в весёлую горную речку…

Мы с раннего детства, как только начинаем осознавать себя, живём будущим и даже в будущем. Сначала торопимся стать взрослыми. И радуемся, когда нам говорят: "Какой большой стал!" И даже уже у взрослых: всё лучшее у нас всегда впереди, мы никогда не довольствуемся настоящим, и даже в лучшие свои времена живём завтрашним днём. И так чуть ли не до самого последнего дня.

Может, это не что иное, как тоска по тому, другому, высшему миру, интуитивное и даже генетическое стремление приблизить его? Знаем, что жизнь коротка, а в то же время сами её гоним и гоним, живя завтрашним днём, — и всё время в каком-то томлении души…

Вспомнил свою первую, школьную любовь. Наверное, ангельская любовь подобна первой, ещё детской невинной любви, когда нет ещё телесного желания. А одно лишь желание видеть, быть рядом, быть полезным…

Спрашиваешь ребёнка:

— О чём ты мечтаешь?

— Поскорее стать взрослым.

Спрашиваешь взрослого:

— Ради чего живёшь? В чём смысл жизни?

— Ради детей. В детях.

— А зачем дети?

Некоторые теряются от такого вопроса, отвечают не сразу, другие отвечают, не задумываясь, но все, за редким исключением, отвечают одинаково:

— Продолжить род.

— А зачем продолжить род?

Недоумённо пожимают плечами: одни — не зная, что ответить, другие — считая вопрос нелепым.

И так из поколения в поколение. Никто не живёт для себя, исключая всяких там художников, писателей, по большому счёту, людей ненормальных, больных тщеславием. Большинство живёт для детей, для продолжения рода. Получается, что другого предназначения у человека на Земле нет. В этом есть какой-то высший смысл, которого мы не знаем. Вроде бы зачем тянуть из века в век свой род, когда мы временные на Земле? Значит, мы не временные где-то, куда улетают наши души?

Если бессмертна наша душа, зачем Господу столько новых душ? Для заселения пустой Вселенной? Для борьбы с дьяволом? Но дьявол отбирает, по крайней мере, на Земле, у Господа всё новые и новые души. Получается, что плодится как раз воинство дьявола?..

Читаю и пытаюсь понять:

"Бог создал Адама и Еву и поселил их в раю сладости, чтобы они радовались его красотам и питались его плодами. В испытании их послушания только от одного дерева запретил им вкушать — от древа познания,

на котором начертал смертный приговор. Все прочие деревья, сказал Он им, в вашей власти, берегитесь только, не вкушайте от этого, ибо Я решил, что, как только вы протянете к нему руку, тотчас умрёте: "От древа познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь" (Быт. 2.17)

Зачем же Он тогда создал мужчину и женщину, если знал или предполагал, что они могут согрешить? Или: зачем тогда Он создал женщину, если там, в раю, не будет разделения полов и, по Его мысли, люди должны были размножаться иным способом? Или: зачем Он тогда создал человека несовершенным, заложил в него сладкий яд самоуничтожения и посадил перед ним для испытания древо познания, зная или подозревая, что человек, сорвав с него плод, непременно додумается в том числе до атомной бомбы, да ещё до чего пострашнее её, например, до попыток изменения генетического кода, до клонирования, наконец? Да только дьявол, наверное, знает, до чего человек ещё додумается... Вот сейчас ему непременно надо знать, из чего состоит антиматерия, мало того, попытаться создать её. Может, не всё было во власти Всевышнего? И тем более теперь — не в Его власти?

Ева первая протянула руку, взяла плод, съела сама и подала Адаму. Она поверила не Богу, а змию, который сказал: не умрёте. Но почему тогда самой первой и самой верной христианкой была женщина, Магдалина, и ныне, войди в любой в храм, увидишь, что там больше женщины?

Мало того, что за первородный грех человек был наказан. Якобы и природа, в которую был брошен человек, тоже была наказана: она стала тленной. "С преступлением человека изменилась и природа, — пишет Феодосий Антиохийский, — и хищники появились только после падения Адама. Природа стала враждебной по отношению к человеку". Что, хищные динозавры и прочие появились на Земле позже или одновременно с человеком, как следствие грехопадения его?

Но если бы не было греха Адама и Евы, как бы появился на Земле человеческий род? Они так и жили бы вдвоём в раю бессмертными? Преп. Максим Исповедник пишет о духовном размножении человеческого рода. Но тогда снова встаёт прежний вопрос: зачем Господь придумал разделение полов или зачем Он создал женщину?

Из книги в книгу подвижников Церкви переходит основополагающая мысль, что смерть — последствие грехопадения человека. Бог создал людей бессмертными, но в результате уклонения от заповедей Божиих люди стали смертными и тленными, как и вся Природа.

И вдруг у преподобного Исаака Сирина натыкаюсь на утверждение, что установление смерти и изгнание из рая были только совершены под знаком проклятия, а на самом деле в проклятии этом было скрыто благословение Божие: "Как бы установил для Адама смерть под видом приговора за грех и как посредством наказания. Он выявил наличие греха... точно так же Он показал, будто смерть была установлена для Адама как возмездие за его ошибку. Но Он скрыл свою истинную тайну и под образом чего-то устрашающего спрятал своё предвечное намерение относительно смерти и Свой мудрый план относительно неё; хотя этот предмет (смерть) может быть поначалу устрашающим. Позорным и трудным, тем не менее в действительности — это средство перенесения нас в тот восхитительный и преславный мир... Когда Он изгнал Адама и Еву из рая, Он изгнал их под личиной гнева... Но во всем этом уже присутствовало домостроительство, совершенствующее и ведущее всё к тому, что изначально является намерением Создателя... Не непослушание ввело смерть в дом Адама и не нарушение заповедей низвергло Адама и Еву из рая, ибо ясно, что Бог не сотворил их для пребывания в раю — лишь малой части Земли; но всю Землю должны они покорить".

Вот: не в этом ли смысл мировой истории и нашего пребывания на Земле — сделать её частью рая? Или самим раем?

Но нынешний митрополит Волоколамский Илларион так комментирует преподобного Исаака Нисского: "То есть даже если бы первые люди не нарушили заповедь, то всё равно не были бы оставлены в раю навсегда. Таким образом, смерть была благословением, поскольку изначально содержала

в себе потенциал будущего воскресения, и изгнание из рая было во благо человеку, поскольку вместо "куска земли" он получал во владение всю Землю… Согласно Исааку Сирину, смерть явилась следствием божественной "хитрости": под маской наказания за грех Бог скрыл Своё истинное намерение, заключающееся в спасении человечества. Необходимо видеть, что действия Божии в истории человека лишь внешне могут выглядеть как наказание и кара, в действительности же цель Бога — достичь нашего блага любыми средствами. Зная заранее нашу склонность к разным видам лукавства, Бог премудро и хитро уготовляет то, что кажется нам пагубным, на самом же деле оно является средством нашего исправления и спасения. Лишь пройдя через то, что нам представляется наказанием от Бога, мы осознаём, что оно служило нашему благу. У Бога нет возмездия. Он всегда заботится о пользе, происходящей от всех его действий по отношению к людям…".

"Верующие в Христа попадают в рай". А куда попадают неверующие, некрещеные, не знающие Христа не по их вине? Вот тебе и готовый ответ: "Не проходят воздушных мытарств души неверующих в Христа (некрещеных), а сводятся бесами прямо в ад, что подтверждает Сам Христос: неверующий уже осуждён есть".

Не может такого быть! Не может Он быть таким жестоким! Верно ли тут трактуют Спасителя? Этот ли смысл Он вносил в свои слова? "Невозможно церковное поминовение неправославных". А что, они виноваты, что неправославные, если, например, родились где-нибудь в срединной Африке, или папуасы, и слышать не слышали об Иисусе Христе? "Умирающие вне веры похожи на самоубийц".

А куда попадают мусульмане, которые веруют в Иисуса Христа только как в одного из пророков Всевышнего? Или у них свой рай и свой ад?

Жизнь без тебя…

Ну что, добился я своего, можно сказать, осуществил свою мечту: стал писателем — и оказался у разбитого корыта. Я без всякого сожаления променял бы все свои написанные книги на счастливую семейную жизнь с детьми и внуками, с садом, огородиком и сиренью перед окнами. Помимо всего прочего, мои книги мало кому нужны, более того, они многих даже раздражают: уже несколько человек, кто с лёгким упрёком, а кто даже с досадой бросали мне в лицо, что не жалею я своего читателя, рву нервы: "Хочется чего-то лёгкого, со счастливым концом, а вы рвёте душу…"

Читаю: "Причина рака — в падении духа, ибо уныние — одно из самых страшных грехов, утверждает Евангелие". Это обо мне. Может, рак уже тоже разрушает меня изнутри, может, разрушают сами мысли о нём? Что ни заболит, я уже думаю о нём.

"Заболевший раком до поры до времени не подозревает, что болезнь давно затаилась в нём как результат потери организмом способности к сопротивлению, что вызывается следующими факторами, длительное время подтачивающими здоровье: неправильное питание в течение всей жизни; истощение жизненных сил организма из-за чрезмерной работы, излишних волнений, страхов, а главное — мрачных и разрушительных мыслей…" Это тоже обо мне. "Так и подготавливается почва для рака, который теперь может развиваться в той части тела, которая так или иначе подвергалась длительному раздражению. Пытаясь помочь больному, медики вырезают пораженную часть тела, никоим образом не устраняя причины болезни…"

Читаю: "Психоастенический синдром — хроническая усталость души и тела. Астения (в переводе с греч. — слабость, бессилие) может быть усталостью физически перетрудившегося человека или человека, перенесшего болезнь. Однако нас интересует другая астения — усталость измученного неудачами, неприятностью, агрессивностью окружающих, безрадостной жизнью, отсутствием положительных эмоций человека. И это усталость души, психическая усталость, но не от серьёзной умственной работы, а от накопленных отрицательных эмоций, от тяжёлых переживаний. Это усталость от контакта с жестоким и безжалостным человеком, от бесконечной несправедливости,

от ощущения беспомощности перед злом. И ничто так не отбирает силы у человека, как тягостные переживания. Они как вампиры.

В конце концов, духовная, психическая опустошённость приводит к физической опустошённости. И в этом случае речь идёт о психоастеническом синдроме как важной составной части психосоматического заболевания… От такого истощения сил более всего предостерегает древневосточная медицина, считая такое состояние самым опасны из всех бед, настойчиво предупреждая, что при таком развитии событий человек неизлечим. Древневосточные медики полагали, что предельное истощение психофизических сил — преддверие смерти, когда человек ещё жив, но уже обречён. Тибетская медицина относила к грозным признакам предельного истощения сил следующие симптомы: постоянное чувство предельной усталости, полной безнадёжности, бессилия и апатии. Человек не живёт, а только существует. Он капитулировал, у него в депрессии и душа, и тело.

Психоастенический синдром, таким образом, — самая тяжкая расплата за невежество, за жизнь вопреки своей натуре, за неспособность изменить свою жизнь, когда она невыносима, безрадостна или пошла по порочному кругу. История многих драматических судеб — история развития психоастенического синдрома. Его коварство в постепенности, неприметности сползания в него, в том, что человек спохватывается на этом пути, когда уже поздно.

Психоастенический синдром имеет свои этапы. Вначале человек полагает, что он просто устал и надо как-то продержаться до выходных дней, до отпуска, что усталость естественна. Утром он ещё свеж, но с середины дня уже ощущает себя уставшим, разбитым, измученным. Он отмечает снижение трудоспособности, ухудшение памяти, а окружающие чувствуют его повышенную раздражительность.

На втором этапе человек уже просыпается усталым. Теряется интерес к новым встречам, к разговору, к общению. Отдых начинает напоминать прострацию, когда ловишь себя на том, что это скорее забытьё, когда смотришь в одну точку и ничего не видишь. Возникает тревога, страх, мучают плохие предчувствия.

На третьем этапе человек начинает говорить не “устал”, а “предельно устал”. Усталость уже на клеточном уровне. Речь идёт о глубоком истощении организма, о его беззащитности, в том числе иммунной системы. Это подход к “красной черте” или переход её. Омрачённость души доведена до своего логического конца. Человек инстинктивно ощущает страх. Он чувствует себя старым и разбитым. Нет желаний, он равнодушен к тому, что раньше его занимало больше всего. При встрече с друзьями, родными человеку мучительно хочется остаться одному.

Это уже катастрофа. Возникают новые болезни, становятся хроническими старые. Врачи видят в психоастеническом синдроме альфу и омегу проблемы психосоматических заболеваний, её основу основ, в том числе рака…”

Всё это обо мне… Как-то нужно брать себя в руки…

Два восприятия мира: до и после твоей смерти. До того, как перечитал купленные в церковной лавке умные книжки о потустороннем мире: что нас ждёт там, за рубежом жизни, и — после, когда я их прочитал. Подобные, до сих пор не знаю, умные или хитрые, книжки попадались мне и раньше, но раньше если я их и читал, то не более как научно-фантастическую литературу, они как бы не относились лично ко мне. Или пока не относились. Разумеется, я и раньше задумывался над тем, что там, за пределом жизни, но я решал эту проблему просто: поскорее отмахивался от этих мыслей, всё равно ничего не изменишь, поживём-увидим, всё это в далёком-далёком будущем, придёт время, тогда и думать будем. Иначе говоря, за рубежом жизни пока была для меня неясная, пусть и тревожная, но пока ещё далёкая от меня пустота, А тут вдруг приходишь к мысли, что это может случиться уже завтра или даже сегодня.

Эти умные или хитрые книжки вроде бы давали надежду на продолжение жизни после смерти или даже на вечную жизнь, они исключали зияющую пустоту после смерти, но этот факт меня почему-то не радовал.

И я знал, почему он меня не радовал, а даже пугал. Почему за порогом смерти меня, может, больше устраивала пустота: пустота она и есть пустота, в пустоте ни за что не надо будет отвечать, ни перед кем отчитываться за прожитую жизнь. А в случае продолжения жизни за рубежом смерти за всё, прожитое на Земле, придётся отвечать. А я к этому не готов, более того, к этому я преступно не готов. Оторванный, пусть во многом не по своей вине, от простых, но основополагающих истин, а я до сих пор сомневаюсь, что они — конечные истины, я, чаще всего, не задумываясь, не считая грехом, в этой жизни я натворил столько такого, за что там придётся отвечать, что я, может, предпочёл бы пустоту.

Да, как ни парадоксально, легче было жить, когда впереди у тебя пустота. А знание или предположение, что за гранью жизни на Земле другая жизнь, только в иной ипостаси и не на Земле, обострило внутреннее несогласие, что мы, не я конкретно, а мы, люди, — временные на Земле, что мы больше никогда на неё не вернёмся, даже после Страшного суда и всеобщего воскресения. Какое-то время после твоей смерти и особенно после прочтения этих умных или хитрых книг я вообще на всё, в том числе и на себя, смотрел как бы со стороны, как на временное. На так называемые памятники старины, которые мы зачем-то пытаемся сохранить, хотя и мы, и они временные; разумеется, на бегущие мимо машины, на сидящих в них людей, на ежедневные человеческие проблемы, на политические страсти, даже на всемирную историю. Не знаю, догадывались ли о моём состоянии окружающие, но с этим чувством жутковато было жить. Всё вокруг казалось не имеющим смысла, тем более, когда люди гибли даже не в войнах, а в автомобильных катастрофах, от грозовых молний; шаровая молния взяла и догнала пытающуюся убежать от неё только начинающую жить девушку... По какому принципу и кто выбрал именно её? Тысячи, десятки тысяч людей одновременно, независимо оттого, были они грешными или безгрешными, погибали от ураганов, землетрясений, волн-цунами. На что бы я ни смотрел, всё было временным. Временной была и Земля, и даже сама наша Вселенная. Ещё из школьного учебника астрономии я знал об этом, не помню, потрясло ли меня это в детстве, но только сейчас я осознал всю суть вселенского временного бытия. Но тогда куда уносится после нашей смерти, как утверждают, бессмертная наша душа?

В своих мыслях я снова и снова как бы повисал в пустоте, как, очевидно, повисали тысячи, миллионы людей до меня. Только в так называемой святоотеческой литературе всё просто и ясно: веруй, и всё! Веруй, и всё остальное не твоего ума дело! Моё сознание, моя душа оказались не готовыми к восприятию толкований Евангелия. Не своеобразная ли это разновидность так называемой фантастической литературы? Читая её, я чувствовал бестелесность не только своего тела, но и мысли. Видимо, неслучайно, что именно из среды семинаристов, воспитывающихся на толкованиях Евангелия, выходило столько крайних атеистов, нигилистов и революционеров всякого рода...

Мне говорят: зачем ты читаешь всё это? Читай Евангелие, там всё ясно и просто изложено, всякие попытки толкования искажают истину.

С последним утверждением я полностью согласен, но далеко не всё ясно мне, может из скудости ума, может из-за очерствелости души, в Евангелии, не говоря уже о том, что оно — действительно ли евангелие Спасителя, не искажено ли по недоумию или хитрому умыслу его апостолами?

Повторяю, я не знаю, замечали ли моё состояние окружающие. Но я на всё смотрел теперь как на временное и потому не имеющее никого смысла — какими-то потусторонними временными глазами. Даже не отчаяние, как прежде, а равнодушие скручивало меня.

Только по прошествии времени во мне что-то стало устаиваться, успокаиваться: да, всё временное, но, видимо, в этом есть какой-то высший смысл, и в этом высшем смысле нужно искать свой смысл, пусть даже если пока он для тебя совершенно не ясен. Но полностью от этого тяжёлого чувства я так и не смог освободиться. Оказывается, легче привыкнуть к пустоте за пределом жизни, чем к тому, что ты пусть вечный, но временный на Земле.

И ещё я теперь жил с чувством: если раньше я мог что-то скрыть от тебя какой-то свой малый грешок, то теперь ты оттуда всё видишь. Может, хотя бы потому нужна вера в потусторонний мир, независимо от того, есть он или его нет? Это остерегает человека от многих дурных поступков.

И ещё я пришёл к мысли, что, наверное, всю оставшуюся жизнь нужно посвятить тому, чтобы хоть сколько-нибудь стать готовым к этому ответу. И не только потому, что я боюсь гореть в аду в вечном огне. Я всё-таки думаю, что вечный огонь ада — понятие иносказательное, потому что после твоей смерти я уже беспрестанно горю в нём, исключая, наверное, только часы сна; чувство непоправимой вины перед тобой, впрочем, перед самим собой тоже, меня постоянно гложет. Никто вроде бы, кроме меня и тебя, не знает моей вины, это тайна нас двоих, и тебя больше нет, и можно было бы делать вид, что никакой моей вины вообще не было. Но мне от этого нисколько не легче. Люди не понимают, почему я прячусь от них, многие считают меня гордецом, а мне с моими смертными грехами тяжело с людьми, не столь грешными или не так грешными. Я уже писал, что недавно меня посетила мысль: а может, мы уже живём в аду? Может, Земля — не детский сад для человечества и не исправительная колония даже, а тот самый ад, куда отправляют падшие души в человеческой личине и тленном теле? Может, потому у нас на Земле с самого начала и до самого конца, может, исключая раннее детство, так мучаются, мятутся душа и совесть — пусть не всегда, пусть время от времени, но заставляют нас гореть в мучительном огне?

(Окончание следует)

ИЗЯСЛАВ КОТЛЯРОВ

В СУДЬБЕ ПРОСТОЙ, НО МНОГОТРУДНОЙ

* * *

Мог бы даже пошутить,
но признать велю:
“Божью Милость ощутить
проще, чем — свою”.
“Разве Божья — не своя?” —
слух переспросил
на пределе бытия
и духовных сил.
Что ответить, чтоб не лгать?
Лучше промолчу.
Но обманчиво молчать
тоже не хочу.
Обе истины во мне
ссорятся опять,

КОТЛЯРОВ Изяслав Григорьевич родился в г. Чаусы Могилёвской области. Детские и юношеские годы прошли в Могилёве. Окончил факультет журналистики Белгосуниверситета. Член Союза писателей Беларуси и Союза российских писателей. Автор около 30 поэтических книг, вышедших в Минске, Москве и Санкт-Петербурге. Стихи публиковались в журналах “Неман”, “Знамя”, “Наш современник“, “Юность”, “Смена”, “Нева”, “Аврора”, “Новый журнал” (Нью-Йорк), в альманахах “Дзень паэзіі” (Минск), “День поэзии” (Москва), “Встречи” (Филадельфия) и др. В еженедельниках “Литературная газета”, “Литературная Россия”. Лауреат премии Президента Республики Беларусь “За духовное возрождение” (2020). Живёт в городе Светлогорске Гомельской области.

наяву или во сне, —
так и не понять.
Вновь реалии мои —
в ждущей тишине...
“Да, молись или моли”, —
кто-то скажет мне.

* * *

И абстрактное конкретно —
это надо бы учесть.
Капля в море незаметна,
хоть и в капле — море есть.
Признаю, уже не споря,
бессердечие сердец...
Капля моря, капля горя,
капля жизни, наконец.
Вновь обратным взглядом глянул —
и без явного труда
я как будто бы отпрянул,
хоть не знаю сам, — куда.
Вновь абстрактное конкретно.
Город. Музыка. Толпа.
Исчезает незаметно
придорожная тропа.

* * *

В пределах бытия
не чувствую межи я,
ведь мудрость мне — своя,
а знания — чужие.
И потому в судьбе
простой, но многотрудной,
претензии — себе
и никаких — кому-то.
Вне истин, вне систем,
ни с кем уже не споря,
обрёл я счастье тем,
что избежал я горя.
Живу не без обид,
жизнь всё сама итожит:
в ком совесть, в том и стыд, —
иначе быть не может.
На лучшее гожусь,
но ладно, ладно, ладно...
Я сам себя стыжусь —
меня стыдить не надо...

* * *

“В своих сомненьях прав ты, —
мне кто-то говорит, —
ведь тот, кто ищет правды,
всегда ль её творит?
Лишь сам себя обяжешь,

лишь сам себя коришь,
ведь если правду скажешь,
то всем ли угодишь?"
Молчи, былая гордость,
я правду не таю...
И слышу этот голос,
но свой в нём узнаю.
Пишу — и не впервые, —
что сам себе — не свой.
Да, буковки кривые,
а смысл, а смысл — прямой.

ИРИНА РАКША

“АРТИЛЛЕРИСТЫ, СТАЛИН ДАЛ ПРИКАЗ!..”

РАССКАЗ

Поклонимся великим тем годам!
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны, и рядовым,
Поклонимся и мёртвым, и живым.
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья!

М. Львов

Вы когда-нибудь жили под столом? Нет? А я жила. Под нашим круглым, а вернее — овальным, стоящим посреди комнаты. Это интересно и поучительно. Скатерть спускалась со всех сторон почти до самого пола, и я в своём уютном маленьком мире была хозяйкой. Это был только мой мир, мой театр с ватными, самодельными игрушками послевоенных лет. Бесценные пупсик, утёнок, снегурка из ваты, тряпочный заяц. Ножки большого круглого стола соединяли деревянные перекладины-перекрестия, образуя четыре игрушечных комнатки. Спальню, столовую, кабинет, детскую.

А вокруг этой моей личной игрушечной квартирки располагалась наша с мамой комната. С оранжевым абажуром над столом, чёрным маминым

РАКША Ирина Евгеньевна родилась в Москве в 1938 году. В 1959-1960 годах училась на агрофаке в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В 1967 году окончила сценарный факультет ВГИКа, а в 1975-м — Высшие литературные курсы Литературного института им. М. Горького. Прозаик, кинодраматург, член Союза журналистов. Автор книг “Весь белый свет”, “Далеко ли до Чукотки”, “Скатилось колечко”, “Сибирские повести”, “Охота на волков” и других. Живёт в Москве.

пианино у стены и окошком, смотрящим в убогий останкинский двор. А входная дверь выходила в длинный барачный полутёмный коридор. Электролампочки воровали, да и часто перегорали. Со множеством соседских дверей, порой обитых старыми ватными одеялами. И общей жаркой и душной кухней, полной хлопотливых хозяек, крика и гама. Запотевших оконных стёкол, столов и полок, горящих керосинок и примусов, мокрого белья на верёвках. В кухне вечно что-то происходило: стиралось, варилось, кипело.

Но тогда главная радость была — радость Победы. Страшная четырёхлетняя война с фашистом осталась уже позади. Приходили с фронтов герои-победители в орденах и наградах. Правда, из ушедших на фронт мужчин возвращалась только треть. Да и то среди них оказывалось полно инвалидов: безруких, безногих, безглазых. Как, например, наш безногий сосед, гвардии сержант, артиллерист Михаил Разумов, муж тёти Клавы, а попросту дядь-Миша. У него на культях ног были самодельные чехлы из кожи старых сапог…

А наш папа-танкист был, на наше счастье, жив и здоров, но пока ещё не вернулся с армейской службы. И мы с мамой так его ждали! Хранили каждую бесценную весточку с фронта. Сперва это были просто скупые треугольники из бумаги с адресом армейской полевой почты. Но и ответные письма мама старалась как-то украсить. И чтобы порадовать папу-танкиста, посылала на фронт "мою ручку", положив её ладошкой вниз на листок бумаги: "А ну, растопырь пальчики". И карандашом мама старательно обводила каждый мой пальчик. И папа на фронте был счастлив и горд, получив из дома такое письмо-подарок. А потом, когда наши войска с боями шли уже по Европе, от папы стали приходить красивые трофейные открытки. Умилительные, сусальные розочки, банты, букетики. "Дорогая Нинуська, надеюсь скоро вернуться. Береги нашу дочурку…" И мама меня берегла. Часто запирала дома на ключ.

Я любила "жить" под нашим круглым столом, особенно тогда, когда к маме порой приходили гости. Их ноги, в валенках и бурках, туфлях и ботиках становились и моими гостями. Они окружали, двигались вокруг меня. И у каждой пары — своя отдельная, занятная роль. А разговоры взрослых, что наверху, так интересно слушать. Словно два разных спектакля одновременно разворачивались передо мной. Громогласный взрослый и молчаливый детский.

Но больше всего я любила, когда к маме приходила её верная подруга Кеточка. Иначе говоря, тётя Катя-маникюрша. В старых маленьких туфельках. Свои галоши она всегда оставляла у дверей. Мама любила Кеточку, которая работала неподалёку, в останкинской парикмахерской. Возле рынка и дворца графа Шереметьева. Они с мамой часто играли в карты. И не просто в подкидного дурачка, а тихо и умно раскладывали на скатерти пасьянс. И всегда гадали на любовь, на судьбу, на червонного короля. Что было, что будет, чем дело кончится, чем сердце успокоится. И это "чем сердце успокоится" им было так важно знать, тем более в это жуткое время. И добрая Кеточка всегда старалась нагадать маме счастье. Червонным королём был, конечно, мой папа. Когда, наконец, он вернётся? А Кеточка? А Кеточка была вдовой. Похоронку на мужа получила в первый же год войны. И несмотря на одиночество, ухоженная, миниатюрная Кеточка хотела быть всем нужной, старалась со всеми быть приветливой. Хотя была совсем-совсем некрасивая. С беленькой, зализанной сладким сиропом волнистой укладкой на лбу. И аккуратным перламутровым маникюром. А когда в гости к нам приезжала из центра города моя бабушка (где они жили с дедушкой в старинной квартире) и заставала у нас маникюршу, всегда ей советовала:

— Вы знаете, Кеточка (бабушка первая так её назвала), каждая дама должна уметь превращать свои недостатки в достоинства. Я, например, вам советую носить платья с декольте сзади. На спине. Посмотрите, какая у вас идёт великолепная линия от шейки на спину. И делайте это декольте глубже, не стесняйтесь. Это красиво. Могу посоветовать вам одну знакомую портниху. Бывшую белошвейку.

Жила Кеточка где-то возле Рижского вокзала на 1-й Мещанской. А работать ездила на трамвае к нам в Останкино, в маленькую парикмахерскую.

Она находилась у пруда рядом с Шереметьевским дворцом, вход в который стерегли два каменных льва. И мы с мамой порой ходили в этот нелепый "салон красоты". Мне очень нравились такие походы. Парикмахерская всего в одно горизонтальное окно и одну дверь с тремя ступеньками. Справа и слева её теснили керосиновая лавка и ларёк "Стеклотара" по приёмке пустых бутылок. И в ларёк, и в лавку всегда стояли очереди. Мужики сдавали пивные бутылки, а бабы — молочные. Да и керосин всем всегда нужен, ведь газа тогда в Москве ещё не было. За всем тогда стояли очереди, и всё по талонам и карточкам. За хлебом, комбижиром-лярдом, за керосином.

При входе в парикмахерскую нам с мамой сразу ударял в лицо тёплый необычно острый запах палёных волос и химии, ацетона и лака, мыла и одеколона. Запах нездешней, диковинной красоты.

В этом "салоне" всё начиналось с моей детской стрижки. В такие моменты я чувствовала себя настоящей дамой. Всё внимание было ко мне. И главной парикмахерши Зинаиды, и маникюрши Кеточки за своим столиком. И посетителей, сидящих под колпаками и делающих электрическую шестимесячную завивку. Для маленьких детей-посетителей Зинаида всегда доставала доску и клала её на подлокотники кресла перед высоким зеркалом. И, легко подхватив меня подмышки, сажала на эту доску. А я ставила ноги в валеночках на сиденье.

— Ну что, красавица, — спрашивала полногрудая Зинаида, — как будем стричься? Под бобрик, фокстрот, бокс, полубокс?

Я терялась, не знала, что выбрать, ведь всё это были мальчишечьи стрижки. Помню, как бабушка говорила, что в старину мужчин и мальчиков стригли "под горшок" — надевали на голову горшок поглубже и волосы стригли ножницами по кругу, по краю. Девочки же в гимназиях носили косы. Но мне до их лет ещё было ох как далеко.

Мне на помощь приходила мама:

— Давайте стричь как прошлый раз, "под Татьянку".

И я с внутренним облегчением ликовала. Это значило ровная чёлочка до бровей. Большие холодные ножницы Зинаиды щёлкали почти по моему лицу. По кругу, то надо лбом, то над ушами. Порой Зинаида задевала меня своей тёплой, мягкой грудью. То за одно плечо, то за другое. А отрезанные прядки волос приятно щекотали нос и щёки. И это приятное колдовство продолжалось недолго. Зинаида в конце снимала с меня и стряхивала накидку, и опять, легко подхватив подмышки, ставила на пол:

— Всё, красавица, "Татьянка" готова.

На этом внимание ко мне кончалось. А жаль.

В этой маленькой парикмахерской всегда было парко и тесно. Три стула у стены вечно заняты. Там под колпаками женщины делали тогда очень модную шестимесячную завивку. Ах, уж эта мода! Завивка действительно целых полгода держалась мелкими кудрями на любых волосах. Потому и называлась шестимесячной. Каждая прядь накручивалась на металлический патрон. А дальше начинало работать электричество, которое и нагревало эти патроны, эту каждую прядку. А высокий блестящий колпак из металла превращал каждую клиентку почти в египетскую царицу. Так они и сидели в ряд, эти египетские останкинские Нефертити. Мама такую модную завивку не делала. Она сама дома, стоя перед зеркалом шкафа, укладывала из волос валики. По паре надо лбом и висках. И мне это нравилось больше, чем мелкие завитушки, как воронье гнездо.

Кеточка с мамой сидели за волшебным столиком друг против друга. Рожок настольной пластмассовой лампы ярко освещал их руки и рядом множество маленьких цветных пузырьков с лаком. Красным, малиновым, розовым, перламутровым. Мамины красивые пальцы в чашке с горячей пеной. И Кеточка, склонясь, колдует над каждым пальцем, словно хирург, с щипчиками или пилкой. И когда, наконец, чародейство закончено, Кеточка выпрямляется, облегчённо вздыхая:

— Ну, какой цвет мы сегодня предпочтём? Может, малиновый? Вот какой интересный цвет я разыскала недавно.

— Да, мамуля, малиновый, малиновый! — радуюсь я, стоя рядом.

Но мама словно не слышит, сомневается:

— Малиновый? А что скажут мои музыкальные ученицы? Нет, Кеточка, давай, как всегда, сперва розовым, а потом перламутровым.

Я думаю: "Ну, ладно, хотя бы этим. Драгоценным. Перламутровым. Тогда уж два раза". Однако мама вздыхает:

— К сожалению, всё равно до первой стирки.

В наш шестой барак на 3-й Останкинской мы возвращались буквально преображённые. Мы шли через колхозный Останкинский рынок. И правильно мама сказала про маникюр, что красота эта до первой стирки. Стирали не только мылом. Каждый кусок был дорог. Но и щёлочью, древесной золой, вынутой из печей. Золу разводили в воде, и она отмывала грязь не хуже мыла. Стирка этой золой и правда быстро съедала любой маникюр. Обычно женщины стирали бельё на кухне, в тазах или корытах. Серые, жестяные, они висели в коридоре почти у каждой двери. Постиранное бельё хозяйки возили на колонку, а чаще на санках в корыте — к Останкинскому пруду. И там, в проруби, полынье прополаскивали дочиста по многу раз. Полоскали красными задубевшими от холода пальцами в ледяной воде. И потом это бельё, постельное или исподнее, сохло, проветривалось на чердаке или на кухне, а чаще белело во дворе на зависть всем. Какой уж тут маникюр...

А рынок наш располагался между храмом Живоначальной Троицы и роскошной усадьбой графа Шереметьева, с одной стороны, и шестью бараками лимитчиков строителей ВСХВ — с другой. Чего только не увидишь на этом колхозном рынке! И хотя он совсем небольшой, но было тут всё: и лавки-прилавки, открытые, крытые, толкучка и барахолка, ларьки. О, этот сказочный мир богатства и бедности, блеска и нищеты! У меня буквально разбегались глаза. В крытом павильоне, в коротком молочном ряду деревенские тётки в фартуках поверх ватников торговали в разлив молоком в железных бидонах. А ещё там же на прилавке стояли привезённые ими стаканы с ряженкой. И в каждом этом гранёном стакане на светлой поверхности темнел лакомый кусочек коричневой пенки. Сплошная зависть и восторг. Но мама уверенно говорила:

— Нельзя, это не для детей. Там сплошные микробы. — И уводила меня за руку, а мне так хотелось попробовать этих микробов...

А ещё на рынке на одном из прилавков сидел целый отряд глиняных одинаковых чудо-кошек-копилок. Таких красивых, что просто глаз не отвесть. Чёрных, рыжих и серых. Все с лукавой улыбкой на мордашках, с одинаковыми зелёными чудо-глазами, которые, казалось, подмигивали только тебе. И с хвостами, закрученными вокруг лап. И лишь на груди у каждой был нарисован бант разного цвета. Красный, зелёный и даже в горошек. Они каждого зазывали: "Бери, покупай меня!" Я была влюблена в этих кошек. Так бы и обняла всех сразу, словно живых, сгребла бы, прижала к груди. Мечтала иметь хоть одну такую у себя под столом среди игрушек. Но мама и тут тащила меня за руку от прилавка, шептала:

— Фу, какая безвкусица!

И всё-таки однажды эта моя мечта осуществилась, но это уже потом. И связана была эта нечаянная радость с нашим соседом-калекой по дому дядь-Мишей. Кстати, на рынке он работал в своём уголке под навесом при выходе к нашим баракам. Он, безногий, сидел за прилавком, а вокруг стояли миски, кастрюли, чайники и даже порой самовары, их приносили хозяйки со всей округи. И всю эту дырявую утварь он возрождал: клепал, запаивал, варил-сваривал, даже лудил. И потому на рынке его звали Миша-жестянщик.

Сюда к нему приходили и его приятели, все рода войск со всей округи. Тоже инвалиды на костылях, на тележках, на деревяшках. В ватниках, в старых армейских робах, в шапках-ушанках со следом от звёздочки надо лбом. Фронтовые эти ушанки служили народу ещё очень долго. Приходили поговорить, махорочку покурить. Повспоминать пехоту и танки, и гром батарей, поражения и победы. Смеясь, травили окопные байки. Но про баб не шутили. Бабы — дело святое. Тем более кого-то жёны приняли, кого-то — нет. И тогда калека жил примаком у родни или чужих людей. Кто за угол

платил, кто за койку, кто Христа ради. Но именно про них, "чайников-самоваров", звучало горькое присловье: "Без рук, без ног на бабу скок". Почти всегда друзья-вояки приносили за пазухой бутылёк-пузырёк самогона, купленного на разлив. Тёплого и оттого на вкус противного. Желая "законно" выпить свои "фронтовые сто грамм". А иногда несли даже магазинную бутылку красненького, чаще портвейна "Три семёрки". На такие случаи Михаил держал у себя под прилавком пару толстых гранёных стаканов. С гладким, круглым краем-полоской. В отличие от просто гранёных, такие стаканы были на двадцать граммов объёмней, и за эту их щедрость эти стаканы в будущем назовут "маленковскими".

Пенсия у инвалидов была такая маленькая, такая копеечная, что не хватало порой на кусок хлеба, не говоря уж о семье. И приходилось нищенствовать. И вчерашние герои, часто орденоносцы, прошедшие горнило войны, ходили по вокзалам, по электричкам, поездам дальнего и ближнего следования. Порой с табличками на груди вроде: "Товарищи-граждане. Помогите фронтовику на пропитание. У меня дети и мать старуха". Нужно же было как-то добывать для семьи копейку. Кто пел, кто плакался, протягивал кепку, кто играл на баяне. А слепые виртуозно играли на губных трофейных гармошках. Весёлые танго-фокстроты, мелодии из оперетт "Марица", "Сильва". И сразу, подряд могли гордо, торжественно заиграть гимн Советского Союза: "Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь..." А впереди них обычно шёл мальчик-поводырь и не по-детски серьёзно смотрел взрослым в глаза.

— Мы живые, хоть калеки. Но ещё мы человеки. Не желаем умирать!

Песни их всё были слёзные, жалостливые, пронзительные, связанные со вчерашними боями:

Я вернулся с войны,
А жены моей нет.
Вышла замуж она за другого.
Вещи все продала
И детей забрала,
Чтоб не видеть калеку больного!

Милостыню просили по-разному. И подавали по-разному. Кто сразу и от души, кто не глядя в глаза просящему. А кто вообще отворачивался к окну, будто это его не касалось. И нищие не обижались, понимали — народ-то сам был нищий. И постояв немного, шли дальше. Из вагона в вагон.

Или вот такие куплеты:

Здравствуй, папочка.
Пишет Аллочка. Мама стала тебя забывать,
Стала модничать и кокетничать,
С офицерами стала гулять...

А один останкинский друг устроился ещё лучше. Он завёл морскую свинку — вытаскивать из коробки "счастье". Конечно, это была не свинка и не морская, а простой полевой суслик. Рыженький симпатяга. "Письма счастья" умели вытаскивать и попугаи. Но в зоомагазине они были дороги. А сусликов полно в каждом поле, в каждом овраге. И этот учёный зверёк за хлебный шарик или пару варёных горошин, блестя чёрными глазками, охотно вытаскивал из коробки двумя острыми зубками сложенный листочек с написанными чернильным карандашом предсказаниями. Один из многих. И счастливица (гадали ведь одни бабы), развернув и волнуясь, читала вслух свою судьбу:

— По дальней дорожке жди бубновую даму с радостной вестью. Встречай хлебом-солью, да не гневи.

Были даже стихи, переписанные их книжки: "Ты ещё жива, моя старушка? Жив и я. Привет тебе, привет". Или "Плохой человек обмануть тебя хочет. А человек хороший не даст". Или "В последнюю среду после

зимы придёт к тебе король треф. Глаза серые, зуб золотой". И у этого инвалида какое-то время всё шло хорошо. Он носил клетку со "свинкой" по вагонам и продавал "счастье." Но однажды "свинка" почему-то издохла. И хозяин загоревал так, что на горе родным горько запил. А другого суслика ловить и учить не захотел.

А ещё на рынок к Мише-жестянщику иногда приходил гвардии лейтенант Егоров, танкист с Хованской улицы. Он дошёл до самого Будапешта. Пил редко, всё-таки образованный, комсостав. И курил не как все — рассыпную махорку-махру в кисете, — а угощал всех дорогими папиросами в коробке "Казбек" с картинкой: силуэт джигита на коне на фоне гор и синего неба. И через минуту коробка пустела. И только Миша среди всех не курил. Он бросил ради жены, которая терпеть не могла табачного дыма.

Подшучивал, обращаясь к жестянщику:

— Ну что, Михаил Архангел? Живы будем — не помрём? Ничего, держись. Скоро нам прибавят пенсию. Добьёмся.

Хотелось ему ответить, как мать в деревне говаривала: "Твоими бы устами, да мёд пить". Но смолчал. А про небесного заступника Михаила Архангела Миша знал лишь то, что сам был крещён во имя его. Мать крестила своего сына-первенца тайно в день Архангела Михаила в соседнем селе, где большевики тогда ещё не сломали церковь и не расстреляли батюшку. Да и сама губерния именовалась Архангельской в честь небесного воителя и заступника Архангела Михаила.

А серьёзный Егоров с костылём и на своей ноге-деревяшке по поездам почти не ходил. Он всё писал и посылал чуть ли не в Кремль какие-то просьбы и обращения. Насчёт прав и статуса инвалидов. И верил в победу.

На фронте Егорову повезло больше, чем безногому Мише. И теперь, комиссованный, одноногий, на деревяшке в виде стакана, он не просил милостыню по поездам. Лишь порой играл на своём трофейном красавце-баяне с планками из перламутра в Шереметьевском парке на танцплощадке или в городских трамваях. Ах, как Миша ему завидовал! Если бы у него, как у этого лейтенанта, была хотя бы одна нога! Вот бы счастье! Михаил не любил вспоминать тот бой, когда проклятый фриц расхреначил его батарею — не успели уйти, точку сменить. А главное, эта фашистская гадина погубила его друзей, весь расчёт, с кем прошёл почти до Праги. И ефрейтора, и рядовых. А его самого отшвырнуло куда-то в лесополосу. И очнулся он уже в госпитале. И даже не сразу понял, что он без ноги. Что он калека.

А как горячо, как упрямо молил хирургов сохранить ногу вторую, изувеченную! И врачи старались. Очень старались. Но врачи не Боги — началась гангрена. И пришлось спасать саму жизнь. И после нескольких ампутаций остаток его ноги стал мал уже до предела. А дальше пошли месяцы лечений по разным госпиталям и больницам…

— Повезло же тебе, Разумов, гвардии сержант. Видно, любит тебя Господь, — усмехался главврач, подчистую выписывая его на волю из последнего лазарета. — Моли Бога, что жив остался. Ещё и за девками гонять будешь… Семья-то ждёт тебя?..

И Михаил кивнул неуверенно. Он помнил слова: "Если не встретимся — помни. Если вернуся — встречай…"

А вот руки! Его молодые, здоровые, сильные, с детства привыкшие к труду. Как говорится, Михаил всегда был мастер на все руки и сейчас не мог, чтобы они, ловкие, умелые, простаивали без дела. И разве можно с такими руками просить милостыню? И потому, вернувшись, брался за всё: слесарничал, даже сапожничал. В своём доме соседям он всё чинил даром. Точил ключи, чинил замки, примусы. Мне, например, бесплатно подшил протёртые старые валенки. В подарок. Мы с ним были большие друзья. Оба маленькие, одного роста. Когда сталкивались в коридоре глаза в глаза, я слышала всегда бодрый голос:

— Ну что, Нюрочка, не истёрла ещё свои валеночки? Мою работу.

— Да что вы, их теперь до смерти не сносить!

И вообще, сидя под столом, я могла даже определить, трезвым или пьяным он возвращается домой к своей жене Клаве, определяла по стуку его

колёс в коридоре и по стуку деревянных поручней в его кулаках, которыми он отталкивался. А потом с горечью слушала за стеной Клавин голос:

— Когда же, наконец, кончится эта пьянка?! Как же это всё мне надоело!

Очень тонкие были у нас перегородки. Всё слышно, что творится и у других соседей. Хотя соседка Клава была добрая. Ругалась редко. У неё даже возле комода в углу иконка святая висела за шторкой, чтобы соседки в лихолетье этого страшного атеизма не донесли куда надо. А при ребёнке она молилась не боясь.

Дядь-Миша почему-то называл меня Нюся, Нюша, Нюрочка. А мама звала меня Аня. Когда сердилась, то строго: Анна. А бабушка всегда Анюточка, Анечка. Это, оказывается, одно и то же. Нюра и Аня. А по-моему, ничего общего. Нет ничего созвучного. Но от дядь-Миши мне всё было приятно. Хоть Нюра, хоть Нюша.

Вот у них-то, моих соседей, дядь-Миши и Клавы, на комоде, на самодельно-вязанной из ниток скатерти, сидела моя мечта — глиняная красавица кошка-копилка с рынка. Она гордо, по-царски сидела и улыбалась. Между двух белых бумажных роз в вазочках и меж флаконами из-под одеколона "Кармен" и "Красный мак". С большим розовым бантом на груди и прорезью для денег между ушами. Иногда Клава бросала в неё монетки. И очень редко — бумажную денежку, туго сложенную во много раз. Однажды и мне мама разрешила бросить туда монетку. И та внутри звонко стукнулась. И эта моя лепта, эти мои три копейки потом как бы навсегда свяжут меня с судьбой моих соседей.

Однажды Клава с радостью сказала:

— Знаешь, Миш! А ты ведь нынче подработать можешь. Я тут недавно парикмахершу Зинку встретила из первого корпуса. У неё в выходной свадьба. Просила тебя поиграть. Обещает заплатить. Да и едой взять можно. Хотя лучше бери деньгами.

— А во сколько? — с охотой отозвался он.

— Да вечером, вроде, часам к семи.

И он согласился на очередную халтуру.

Конечно, после войны в голодное время людям было совсем не до свадеб. Но парикмахерше Зине очень уж не терпелось заиметь мужа.

Комнатка у невесты Зинаиды была маленькая. Часы-ходики, тумбочка с патефоном и несколько пластинок, этажерка с книгами, койка с высокой горкой подушек. На случай свадьбы столы для гостей были составлены из кухонных и соседских и выходили через раскрытую дверь дальше по коридору. А накрыты скатертями и даже белыми простынями.

Гулял на свадьбе весь первый барак. И всё беднота со всей страны. Русские, татарки, мордва, хохлушки. И эти хозяйки-соседки, принаряженные, приглаженные к празднику, в лучшем, что было в шкафах, носили к столу съестное. В это голодное время чего только не было в этих мисках-тарелках. И ведь все разносолы эти — со своих огородов. Вон с того самого поля, что у Останкинского пруда, видного вдали за окном. И нехитрая их еда и закуска, по договорённости с Зиной, являлась их подарком (свадьба вскладчину). А алкоголь Зинаида покупала сама, насколько мог выдержать её карман. И вообще соседки гордились своей москвичкой, уверенной Зинаидой, к тому же парикмахером, очень культурной. У неё даже патефон был с пластинками и книги.

Еды оказалось много. Картошка жареная и варёная, капуста квашеная и огурцы солёные. Драники из картошки белорусские, оладьи из тыквы мордовские, винегреты из красной свёклы и даже пареная репа. Была тут и килька, умело жаренная на комбижире. Она же тюлька, она же хамса. Глядя на такой чудо-стол, и не скажешь, что жрать в стране нечего, что в послевоенные годы очереди стоят за хлебом, жиром-лярдом, смальцем, за керосином.

Посуда тоже соседская, общая. Вилки-тарелки-стаканы расставлялись усердно как можно красивее. Мужиков за столом почти не видать. Полегли на фронтах войны. Сидели лишь жених, несколько стариков, да там и сям

мальчишки-подростки липли к матерям. Всем заправляли бабы, старухи да незамужние ядрёные девки. Суетились. Бегали, накрывали столы. Меж тарелок ставили квас, графинчики самогона, бутылки с красным портвейном.

А уж шуму-то было, звону-то, говору! И полногрудая невеста, парикмахерша Зина, была ох как хороша, лучше всех. На её шестимесячных кудрях вместо фаты белела кружевная накидушка с её подушек.

И вот, наконец, приехала музыка. На своей тележке явился гармонист дядь-Миша. Со своим инструментом на плече, увязанным в головной женский платок. Как же все обрадовались, как загалдели при виде его, предлагая за столом почётное место. А он неспешно, солидно явился, как на работу. Выпростав из платка гармонь-кормилицу, отстегнул тележку с колёсами и привычно, легко вскарабкался на стул. Как всегда, левой рукой он брался за сиденье стула, правой — за высокую спинку и подтягивал своё тело на сиденье. За столом, сидя рядом с людьми здоровыми, Михаил чувствовал себя хорошо. Растопырив обрубки ног, закинув на плечо лямку гармошки, умащивал на груди свою любимую тальянку. Сперва взял два-три несмелых аккорда. Раздались первые необычные, праздничные звуки. Взлетели над головами, как птицы. А умелые пальцы начали бегать по кнопкам вверх-вниз, вверх-вниз живо и весело. Открыть праздник он решил своей любимой фронтовой песней. И он запел своим красивым, глубоким голосом:

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Эта песня была как бы о нём, его собственной, родной. Это он смотрел на горячее пламя в печи, на дрова, которые плакали его слезами.

Ты теперь далеко-далеко,
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.

— Ну, что ты, Михаил, разводишь тут слёзы-печаль? — возмутилась Зина. — У меня всё-таки свадьба. Давай что-то повеселее.

И он заиграл разудалую, военную, тоже любимую:

По Берлинской мостовой
Кони шли на водопой.
Шли, потряхивая гривой, кони-дончаки.
Распевает верховой:
“Эх, ребята, не впервой
Нам поить коней казачьих из чужой реки”.
Казаки, казаки, едут, едут по Берлину
Наши казаки.

И вот тогда свадебный вечер стал расцветать, разгораться. Все подхватывали пение гармониста. За суровые годы войны так соскучились, истосковались по веселью, по музыке, празднику. И закричали, глядя на молодых: “Горько! Горько!” И разливали самогоночку и портвейн по стаканам и стопкам. И в первую очередь, конечно же, гармонисту. И он опрокидывал их, не закусывая…

А жених оказался совсем не ахти. Прямо скажем, паренёк тщедушный, рябой, с мелкими рыжими волосами. И где она только его такого вообще подцепила? Но Зина глядела на него так преданно, такими влюблёнными глазами. Ведь других-то в округе не сыщешь…

Он жил рядом с Останкино на Ярославке, с матерью в деревенском доме, окна со ставнями. На фронт его не взяли из-за какого-то внутреннего недуга. Дали “белый билет”. И он работал неподалёку на оборонно-промышленном

комплексе "Калибр". Работал отлично на заводе, поставлявшем боеприпасы для армии. Невзрачный, лядащий, он стоял бригадиром у ленты транспортёра, подающего снаряды в соседний цех. Там на стене висел плакат "Всё для фронта! Всё для победы!" А из-за невысокого роста даже ящик подставлял под ноги. Несмотря на это, его красивый фотопортрет висел на Доске почёта среди других ударников, передовиков социалистического труда.

Но здесь, на собственной свадьбе, он казался как бы удивлённым всем этим шумным многолюдьем и суетой. Неужели всё это для меня?

И с любовью, с восторгом смотрел на свою большую невесту Зину. Неужели теперь это его жена, его женщина?

Михаил пел и играл всё, что помнил. Песни про берёзу-рябину, про деревню и город, про бои и победу. И вся свадьба, весь дом дружно, радостно подхватывал и пел с ним вместе. На разные голоса. Он был свой среди своих. А за этими песнями перед ним вставали, мелькали, как в немом кино, кадры его собственной жизни в губернии Архангела Михаила, где он родился в деревенской избе, где рос в советской стране. Видел мать-отца, примерных колхозников. Это и спасло их от раскулачивания, от высылки в Сибирь. И всегда Михаил видел себя в работе, в любой. И в доме, и в поле. Как и потом на тракторах в МТС. Он так изучил и полюбил трактор, что мог вслепую его собрать-разобрать. Как и потом на фронте мог вслепую собрать-разобрать и автомат, и винтовку...

Потом были похороны его отца-матери. А потом вдруг пришло официальное приглашение и в МТС, и в сельсовет — по лимиту ехать в Москву, строить некую сельхозвыставку. Даже деньги давали подъёмные и не малые. И Михаил решился. Тогда его любопытства и оптимизма хватило бы на троих. И пристроив к соседям свою дворовую Жучку и распрощавшись со всеми не без печали, он, романтик, ринулся в неизвестное, как в прорубь, как из огня — в полымя. Но, в сущности, столицы он так и не увидел. В каком-то пригородном Останкине сразу пришлось класть кирпичи, строить красавец павильон "Нечерноземье". И там же в общежитии, в общаге он приметил девушку. Тоже лимитчицу, сибирячку. И такую пригожую, такую ладную Клаву-Клавочку, что сразу пришлась ему по душе. И два одиночества очень быстро сошлись. И задохнулись, обнявшись жадно и нежно. И поженились. Помнится, он всё покупал ей в подарок одеколоны. Треугольные пузырьки. "Красный мак" и "Кармен". На этикетке смеялась страстная испанка с чёрным локоном-завитком на щеке. А вскоре (бывают же чудеса!) начальство ВСХВ выделило им на Третьей Останкинской улице в бараке для строителей выставки отдельную комнатёнку. (За выселением кого-то куда-то...) Но счастье молодых оказалось недолгим. Однажды из всех репродукторов прозвучал голос Молотова, и началась Великая Отечественная война с фашистской Германией...

Зинкина свадьба была в разгаре, шумела, галдела. И то и дело за столами кричали "Горько!.. Горько!.." Бутылки и графинчики кланялись, не уставая. Елось, лилось, пилось. И молодожёны целовались, уже не вставая. Полногрудая Зина наваливалась на жениха так, что за её широкой спиной его становилось не видно. И под звуки неутомимой гармоники Михаила гости свадьбы, молодые и старые, и даже подростки, стали выскакивать, вылезать из-за столов и танцевать.

На окошке два цветочка: голубой и синенький.
О любви моей не знают, только я да миленький.

Танцевали не только в комнате, но и в коридоре. Справа и слева от комнаты молодых. Плясали, топотали, стучали в пол башмаками. Наступая друг на друга и отступая.

Гитлер вздумал угоститься —
Чаю тульского напиться.
Зря, дурак, позарился —
Кипятком ошпарился.

И Михаил, продолжая играть, мысленно плясал вместе с ними. И дробно топотал в половицы. Он всегда — и во сне, и наяву — представлял себя прежним, с ногами, и не в кромешном бою, и не калекой, а в тиши на зелёном лугу, у своей деревни. Стройным юношей, идущим босиком по берегу реки, по росистой, как шёлк, траве. И даже ощущал её прохладу и свежесть. А порой видел себя в начищенных сапогах за рычагами в кабине трактора. Где-то на родной МТС.

И подавляя усталость, на кураже играл, наяривал на старой своей гармошке. Конечно, ему бы в руки сейчас такой чудо-баян, как у лейтенанта Егорова с широкими лямками по плечам. И звучный, и с узором из перламутра. Да где ж его взять? А главное, на какие деньги, на что? Не на жёнину ведь получку?

И он играл, наяривал на гармошке, он просто жёг, и сам с удовольствием пел-подпевал. И вокруг все громко, нестройно пели-орали на все голоса. И по всей Третьей Останкинской улице знали — это первый барак гуляет, свадьба.

И тут неожиданно и невпопад кто-то пропел в коридоре частушку:

Эх, огурчики да помидорчики!
Сталин Кирова убил да в коридорчике.

Но она проскочила как бы никем не замеченной. Да и позже никто ни на кого не донёс. Обошлось.

А когда охрипший Михаил на время переставал играть и клал усталые руки на гармошку, его заменял патефон, который заводили, покрутив ручку, ставили на крутящийся диск пластинки, то одну, то другую. И песни великих солистов времени врезались в разноголосицу свадьбы. Над столом воспарял зычный голос Руслановой.

Клава очень любила все эти народные, русские песни. А он любил Клаву. Её походку, и стать, и голос. И очень боялся её потерять. Особенно по возвращении из госпиталя. Ах, как он ждал и как боялся этой первой встречи! Примет — не примет? На вокзале. У всех на виду. Клава, узнав его издали, сперва замерла на мгновение и вдруг кинулась к нему безногому, упала перед ним на колени. А он, задохнувшись, сильными руками обхватил её родное тело и жадно, накрепко прижал к груди. И так они одним целым стояли, замерев и закрыв глаза. Голова к голове. И он ощутил сладостный запах желанной женщины. Почувствовал её целиком. Свою долгожданную Клаву. И все, кто стоял вокруг, глядя на эту пронзительную сцену, отводили глаза в сторону.

А к полуночи радость всё ещё не унималась. Всем хотелось ещё попеть, погулять. Бутылки то и дело кланялись, самогон и красное вино лилось по стаканам, звенело стекло. То и дело подносили и гармонисту. Праздник пылал в полную силу. И неважно, что за неимением кавалеров, под гармонь танцевали Шерочка с Машерочкой. Всё равно всем было весело от души.

Я кукарача, я кукарача,
Мне ли быть иной?
Я не заплачу, нет, не заплачу,
Всё равно ты будешь мой!

К утру свадьба, наконец, обессилела и угасла. “Горько!” — закричало Михаил на прощанье. Но никто его не услышал. Всем было уже не до молодожёнов и их поцелуев. Да и сами молодые куда-то исчезли. Видимо, как им и полагается в такой день. Ночь за окнами таяла. Просыпался рассвет. И шумные подвыпившие хозяйки уже разбирали, разносили грязную пустую посуду по своим комнатам. Со столов стягивали испачканные, залитые вином скатерти-простыни. Помогая друг другу, тащили в кухню и по комнатам свои столы.

И пьяненькому уставшему Михаилу, вчерашнему вояке, вдруг отчаянно захотелось завершить этот праздник ударно, в радость. Такой песней, где всё

звучало бы победно. И имя вождя звало бы вперёд. И явь совпадала с мечтой. Именно эту песню он любил за силу и оптимизм. С ней шли на смерть и побеждали фашиста. И Михаил напоследок растянул меха, словно вздохнул, и громко запел, почти закричал на весь коридор:

Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!
Из сотен тысяч батарей
За слёзы наших матерей,
За нашу Родину — огонь! Огонь!

Над Останкино занимался морозный рассвет. Небо над Шереметьевским парком уже голубело. И в этой тиши пьяненький Михаил радостно катил к себе домой. Катил неровно, криво по тропе мимо ряда соседних спящих бараков. Он даже не вспомнил про свою армейскую шапку-ушанку, которую забыл на свадьбе. Ехал в лихо расстёгнутом ватнике с гармошкою на плече, отталкиваясь руками об утоптанный снег.

Он лихо пел про того, кто отдал приказ артиллеристам, а они бы и жизнь свою отдали за него, только прикажи.

Дядь-Миша ехал и пел, и лишь самую малость боялся свалиться в кювет, в канаву. Потом поди, попробуй вылези из сугроба. Да, сейчас культи его ног болели. Да, уставшие пальцы слушались плохо. В таких случаях дома жена грела ему на керосинке два ведра воды. И он, сняв кожаные чехлы, опускал обрубки ног в воду. И чувствовал, как постепенно боль отступает.

И в этих же вёдрах и ещё в тазу, что висел в коридоре у них над дверью, жена обычно мыла и его, предварительно закрыв дверь на задвижку. Как он любил эти минуты купанья! Тело благодарно помнило её руки, нежные, тёплые. А глаза — прядку её мокрых волос, упавших на милое лицо. Вместо мыла, которое было дорого, в ход тогда пускалась простая зола из печки, серая после сгоревших дров. Впрочем, щелочной, зольной водой в те годы стиралась и мылась беднота всей страны.

Сейчас у него на душе было несказанно радостно и светло. Праздник народа удался! И это он, вчерашний простой вояка, горестный инвалид, подарил людям, измученным годами войны, этот праздник.

Дома в тёмной комнате свет зажигать не стал, но понял: Клава не спит.

— Явился не запылился! — раздался с кровати её голос. — Напился всё-таки?

Он молчал. Раздевшись, отстегнув тележку и стащив чехлы с больных ног, двинулся было к белеющей в темноте высокой кровати. Он и правда понимал, что перебрал. Можно было, конечно, и стул подтащить и вскарабкаться. Но Михаил почему-то стал тянуть руки, стараясь схватить край одеяла.

— Фу, а перегаром-то как несёт! Вонища-то на весь дом.

А он всё двигался, всё прыгал вдоль койки туда-сюда, всё старался взобраться, подтянуть к себе одеяло.

— Ну, Клань... Кланя... Это всё-таки свадьба. У людей праздник, а не поминки, — оправдывался он. — Вот курить-то я бросил, как ты хотела.

— Совести у тебя нет, Михаил, вот что. Ты же обещал мне не пить.

Он уже подтянул к себе край одеяла.

— Ну, и с чем тебя отпустили оттуда, добытчик? С едой или с деньгами?

И тут он осёкся и, вздохнув, опустил руки.

— Клань... Ну, это же праздник души. А ты всё про деньги... Зинка обещала: "Приходи, — говорит, — в парикмахерскую в понедельник. Расплачусь".

И Клава буркнула:

— Вот и мы с тобой поговорим в понедельник... — И, выдернув у него край одеяла, отвернулась к стенке.

В понедельник, когда Михаил появился в парикмахерской, там почти никого не было. На вопрос о деньгах Зинаида ему огорчённо сказала:

— Да, понимаешь, нечем мне платить тебе за игру. Нечем. Всё на выпивку истратила. — И помолчав, вдруг обрадованно добавила: — Давай лучше я тебе сделаю перманент? Ну, завью тебя. Завивку сделаю на целые шесть месяцев. Называется "перманент".

Он молча соображал.

— Ты что, думаешь, мой перманент не стоит твоей гармошки?.. Да кто другой за мою завивку десять таких гармошек изотрёт. Давай залезай на этот вот стул. — Она грудью смело надвинулась на него. По-деловому цепкими пальцами взяла за волосы. — Смотри, какой у тебя волос-то крепкий, богатый. У моего-то рыжего волос пожиже будет. А у тебя кудри и под шапкой продержатся аж до весны... И всё бесплатно.

На прядки его волос она живо стала крутить бигуди. А затем, опустив ниже по стене блестящий колпак "Нефертити", придвинула к его голове. Громко добавила:

— Ты у меня прямо как фараон будешь. Клавка твоя за такой перманент сто раз "спасибо" мне скажет. Такой раскрасавчик в доме появится...

И тут, услышав про Клавку, Михаил сдался.

— Ну, вот и всё. Смотри, красота-то какая! — сказала, наконец, Зинаида, глядя на него в зеркало. — Топай к жене. — И подала забытую на свадьбе его армейскую ушанку.

Дома Михаил, победно улыбаясь, сорвал с головы эту шапку. И подняв, высоко держал над собой. Но Клавдия, увидев его голову, всю мелким бесом, окаменела. Молча уставилась на него, неузнаваемого. Потом вдруг захохотала. Как-то неестественно громко, болезненно. И опять замерла на минуту. И опять засмеялась уже тише, кривя и кусая губу. А потом вдруг со слезами повалилась на койку, лицом в подушку. И горько, горько завыла:

— Господи-и-и-и!.. Ну, за что мне такое?.. За что мне всё это? Ой, мамочка-мама!.. За что?

Он молча пополз на своих культышках к комоду, достал ножницы. И не спеша, вслепую стал остригать свою шевелюру. Прядь за прядью весь перманент, шестимесячную свою красоту. И бросать эти кудри на пол вокруг себя. При этом жёстко, упрямо шепча:

— Ничего-ничего. Всё уладится, перемелется. Мужик я всё-таки или нет? Ладно. Я ещё докажу. Всем докажу, что Михаил Разумов — гвардии сержант артиллерии — ещё не списан, не выброшен. Ещё на что-то способен, чего-то стоит.

Собираясь на север, Михаил решил добавить деньжат на дорогу. Взял с комода тяжёлого глиняного кота с розовым бантом на груди, уже почти до горла полного монет. Но разбивать его пожалел, выбил дно, повредив лишь кончик хвоста. Мелочь звонкой горкой высыпалась на стол. Но, ещё не начиная считать, дядь-Миша позвал меня.

— На тебе, Нюрочка, зверушку. На память. Она ж тебе нравилась.

И я, не веря своему счастью, взяла в руки бесценную, пустую копилку и поцеловала в холодный глиняный нос.

И отправился дядь-Миша на родину подзаработать, как-нибудь подхалтурить. Для своей Клавы добыть хоть что-то на пропитание. Мужик он, в конце концов, или не мужик? И ведь, правда, мужик, раздобыл-таки коечто. И через месяц, наконец, возвращался в Москву с изрядной ляжкой солёной конины в рюкзаке за спиной. И ещё со шматом сала, увязанным в тряпицу. Теперь им с женой хватит еды на долгую зиму.

С вокзала на Каланчёвке он ехал трамваем. А в Останкино от трамвайной остановки радостно катил в ватнике, в шапке на искромсанных, не отросших ещё волосах, к дому на своей тележке. Представлял, как тихо откроет дверь и воскликнет: "Кланя! А вот и я!" Или: "Кланя! Вот я и дома! Вернулся!" Но ещё издали увидел — в их окне света нет. Значит, его дорогая жёнушка ещё не пришла с работы. Ничего, это даже кстати, значит, у него есть время приготовиться к встрече. Однако, отперев своим ключом дверь, он сразу понял: тут что-то не так. Радио почему-то молчало. Цветок герани на подоконнике стоял сухим. Клавиной обувки на полу не видно. В шкафу, в шифоньере, на плечиках висела только его одёжа. Рубашки, пи-

джак и бесценная армейская гимнастёрка с медалями "За отвагу" и погонами сержанта с тремя поперечными лычками. Под одеждой внизу одиноко темнела гармонь-кормилица. Возле комода в углу не оказалось Божьей иконки со шторкой. А на комоде возле пустых пузырьков из-под одеколона он увидел записку. В сумерках с трудом, недоумённо прочёл несколько слов, написанных карандашом: "Я уехала к маме навсегда. Не ищи меня. Я устала. Клавдия".

Он долго неподвижно сидел на полу, привалясь спиной к краю аккуратно застеленной койки. Так плохо ему давно не было. За окном уже стемнело, слышалось, как за стенами привычно и безучастно живёт барак. Где-то плакал ребёнок, кто-то в кухне гремел посудой. А он всё сидел и сидел не шевелясь, не в силах двинуться с места, не зная, что делать. Стиснув зубы, со всей мочи сжал кулаки. Да так, что побелели пальцы. И, шаркая по половицам, пополз к двери.

По морозным улицам Останкино Михаил упрямо ездил в поисках своих друзей. По улицам, переулкам и тупикам: Хованская, Сельхозпроезд, Шереметьевский тупик, — где, как он знал, обитали его приятели-инвалиды. Дома всё разные. И полудеревенские избы, и финские домики, и двухэтажные дачки богатеньких москвичей. Ведь зелёное Останкино было когда-то местом сугубо дачным, куда из центра города ходили даже конки о четырёх конях в упряжи, даже линейки. А теперь в этих прежде нарядных объёмных дачах жила голытьба, лимитчики из глубинки и бедный посадский люд. И по всем адресам, куда Михаил являлся, ему отвечали разное и по-разному. В одном месте в форточку крикнули:

— Да пошёл ты отсюда со своими калеками! Не знаем мы ничего и знать не хотим!

А в другом месте, приоткрыв дверь, старушка запричитала:

— Да уж нету касатика нашего, нет кормильца. Забрали прямо из дома. Под белы ручки. Спаси его Господи. — И слёзно всхлипнула: — Без него теперь хоть помирай.

А где-то Михаила и слушать не стали. В спину ему зло закричали:

— Да милиция всех дружков твоих, пьяниц, наконец, зачистила. Всех забрали. Спасибо, Сталин дал приказ, чтоб не позорить страну-победительницу.

А одна хозяйка, отводя глаза, заплакала:

— А наш Витя-слепой замёрз где-то в Малаховке возле платформы. Его из вагона какая-то тварь выбросила. Царство ему небесное.

А потом он вдруг услышал:

— А ты что, разве не знаешь? Их всех вместе в какой-то лагерь отправили. И ты не лезь на рожон. Отсиделся где-то, живой остался и радуйся.

А в другом месте ладная молодуха сразу же зарыдала:

— Ой, да не рви ты мне душу! Не рви… Чую, угробят их там, всех угробят.

Михаил, слушал всё это, не веря своим ушам, оторопело, недоумённо. Потом выругался:

— Ну, что за недоумки?.. Что за уроды? Какую-то чушь несут и несут.

И решил твёрдо, спокойно, без паники отправиться на Хованскую к лейтенанту Егорову. Всё-таки выяснить истину. Тот правду знает, и мужик трезвый, надёжный. Тот всё разъяснит, всё по местам расставит.

Было почти темно. Безветренно и морозно. На полудеревенской Хованской улице, упиравшейся в роскошь чугунной ограды сельхозвыставки, над домами столбом стояли дымы. И по этой пустой улице, постукивая колёсами, катил вдоль оградок Михаил. Уже из последних сил. Он замёрз, от долгих скитаний его натруженные культи болели, а стёртые в кровь ладони боли уже не чувствовали.

На Хованской дом командира Егорова был последним. Расписные ставни не закрыты, внутри теплился огонёк, и дым поднимался над крышей. Михаил с трудом просунулся в калитку и подкатил к крыльцу. Помедлив, постучал о ступеньки своим деревянным "утюгом". Свет сразу погас, но дверь долго не открывали. Постучал ещё. Наконец, позвякав задвижками и замками, несмело вышла сухая старушка. Из-за её спины выглядывал любопытный

ребёнок. Она прикрыла дверь, чтобы не выпускать тепло. А на вопрос Михаила, озираясь по сторонам, скрипуче ответила:

— А ты, милок, что? Ничего что ль не слышал? Арестовали моего сыночка на какой-то Таганской площади. Их всех там арестовали. Они там сходку устроили в защиту таких вот калек. Туда даже конную милицию вызывали… Всех, всех разогнали. — Помолчала, сдерживая слёзы. — Позабирали кого где. И у нас тут в Останкино, и по всей Москве. — Она не спешила, видно ей очень хотелось поговорить о сыне. А Михаил замер и онемело слушал. — А куда потом их девали, не знаю. Бабы на рынке гуторили, вагоны на север куда-то угнали. С глаз долой. На остров какой-то. Валаам вроде какой-то. — Голос старухи стих до шёпота. — А дочке сказали в милиции, что навсегда. Приказали, чтоб даже не появлялась, не клянчила, а то саму заберут. Это мол, сам Сталин приказ такой дал. Город очистить. — Стоя на крыльце, старуха смотрела на него слезящимися глазами. — А ты, мил, сбежал что ль откуда? Аль прятался где?

Михаил оторопело молчал. Сердце в шоке прямо зашлось. А мать Егорова, постояв, вздохнула:

— Может, милок, купишь его баян? Он с фронта привёз. И поиграл-то всего с годок. Почти что новый.

Но Михаил уже не слышал её. Молча ловко развернулся вместе с тележкой и покатил прочь к калитке. И дальше, дальше по улице. Катил, и в воспалённом его мозгу билась лишь одна мысль: “Всё… Вот и всё. Вот и кончились мои хлопоты на земле…”

А старуха не уходила. И мелко перекрестив его в спину, не мигая смотрела ему, неуклюже-квадратному, вслед мокрыми от слёз глазами. И ребёнок выглядывал из-за её спины.

Возвращаясь с гулянья, я развесёлая и румяная увидела его на крыльце. Спросила:

— А ты далеко собрался, дядь-Миш?

Он негромко ответил:

— К друзьям.

Я простодушно сказала:

— Давай я тебя провожу. Мама ещё на работе.

— Проводи, — согласился он. — Только недалеко. До поворота.

— Могу и дальше. Да самого пруда.

И мы пошли. Рядом. Старый и малый. Одного роста. В сторону Шереметьевского дворца и храма Животворящей Троицы. По утоптанной снежной дороге. Я, повязанная поверх короткой шубейки маминым шерстяным платком и в валенках, недавно подшитых дядь-Мишей, вышагивала чинно и даже с гордостью, что провожаю своего друга. Было уже темно. И он ехал рядом, скрипя колёсиками, отталкиваясь о тропу руками. В ночи мы направлялись к пруду. Вровень друг с другом по скользской дорожке, как по планете. И под луной этот короткий наш путь в одну трамвайную остановку был словно освящён Божией благодатью…

А над нами, в ночном небе, как бы повторяя их земной путь, лежал путь Млечный, широкий и необъятный. Это звёздное небо, эта великая “книга между двух книг”. А ещё выше — уже непостижимый Покой Добра, Чистоты и Любви.

И оттуда, сверху, наверное, виделись внизу на белом фоне две малые тёмные точки.

Вот мы оба остановились.

— Ну что, Нюрочка? Что, доченька? — сказал он, впервые назвав меня так. — Проводила меня и спасибо. Тебе это зачтётся. — И, подумав, повторил: — Зачтётся… А пока беги домой. А мне к друзьям надо.

Его глубокие глаза, как никогда серьёзно, смотрели на меня.

— Дальше я уже сам.

Я послушно кивнула и легко побежала обратно. Но скоро остановилась и оглянулась. Мой друг дядь-Миша двигался почему-то не в сторону жилья, дворца и храма. А скользил прямо вниз под уклон берега к пруду. И дальше по дощатым мосткам, ведущим на глубину к проруби, где днём хозяйки

обычно полоскали бельё. И я услышала всплеск и глухой удар тележки о воду. Увидела, как он, замерев недвижно, погружается в черноту проруби. И пошёл под воду. Канул. И вода уже сомкнулась над его головой.

Я стояла, окаменев. А на маслянисто-живой поверхности закачался крест Божий — отраженье купольного креста стоящего рядом храма Животворящей Троицы. И это золотое сиянье креста всё качалось и качалось на чёрной воде. И я со страхом рванулась, бросилась к людям, к дому. Бежала изо всех сил, задыхаясь, с побелевшим лицом. Оскальзываясь, падала и поднималась, и бежала опять. В духоту тёплой кухни влетела в беспамятстве и, задохнувшись, замерла посередине. Затем махнула рукой в сторону пруда и лишь успела сказать:

— Там... Там... На пруду... Дядь-Миша...

Мои коленки ослабли, и я мешком повалилась на пол. Женщины кинулись ко мне:

— Господи, Нюся! Девочка!.. Да что с тобой?!

Развязывали на мне платок, стаскивали шубейку.

— К себе её отнеси, — говорила одна другой. — Её мать ещё на работе...

И, словно опомнившись, загалдели:

— А что с Мишей-то? С Михаилом-то что? Где он?

И, перебивая друг друга, засуетились:

— Что с ним-то? На пруду, что ли? Зачем? — Всполошились и побежали...

А через год я пошла в первый класс. И перестала уже заикаться. И постепенно в бараке, в доме номер шесть по 3-й Останкинской улице всё улеглось, и вроде даже забылось.

В опустевшую комнатку Михаила и Клавы жилконтора ВСХВ поселила многодетных беженцев. Воистину, свято место не бывает пусто. Семью погорельцев из Белоруссии. Их дом и всё их село фашист сжёг дотла. Мало кому удалось выжить. Убежать, скрыться в лесах. А тут им с детьми в Останкино даже комнатку дали. Крышу над головой. Вот уж счастье-то!

И наш барак номер 6, словно Ноев ковчег, где каждой твари по паре, плыл по волнам времени всё дальше и дальше в будущее. Через толщу времён.

ЕЛЕНА ДЕДИНА

АЛМАЗОМ ПО СТЕКЛУ...

* * *

О век железный, атомный, безумный,
Где правит балом homo неразумный!
Привычный слух ничем не испугать:
Ты приучил нас к мерзостям и пыткам.
Как многое ты нам даёшь с избытком!
Как многого нам стало не хватать!

* * *

И на Марсе будут яблони цвести.
И на груше будут яблони цвести.
Не узнаем сада, где проснёмся...
Не боимся мы — изобрести.
Нет бы прежде темя поскрести!
Натворим, а после — ужаснёмся.

Может, и опомнится народ,
Опьянённый лозунгом "Вперёд!",

ДЕДИНА Елена Ивановна родилась в Мордовии. Поэт, журналист, член Союза журналистов России. Печаталась в газете "Литературная Россия", журналах "Странник", "Центр и периферия", "Мокша", альманахах, антологиях и др. Много лет сотрудничала с журналом "Саранские епархиальные ведомости". Лауреат регионального конкурса "Рождественская звезда" в номинации "Поэзия" и "Проза", лауреат литературно-публицистического российского конкурса "Национальное возрождение Руси". Автор трёх стихотворных сборников. Живёт в Саранске. В "Нашем современнике" публикуется впервые.

Не узнавши сада, где очнулся...
Он восплачет, что утерян сад,
Но не знает лозунга "Назад!"
Прежде знали:
блудный сын — вернулся.

* * *

Вещей — изобилье, учёных — излишек,
На всё есть ответ.
Лицеев полно и кудрявых мальчишек,
А Пушкина — нет.

Увы, не для Пушкина нынешний климат
И рыночный шум.
Зачем он здесь нужен?
Его не воспримет
Технический ум.

Тревожен о нынешнем времени очерк —
Мир странно поблек.
Становится ярче технический почерк,
Тускней человек.

* * *

Замри!
Послушай шёпот ветерка.
Ты видишь? Клонит ветку жук тяжёлый,
В траву упал стеклянно-гладкий жёлудь,
И сморщилась от холода река.

Замри!
Взвесь на ладони тёплый колос —
Пусть отдохнёт от тяжестей рука.
Не раздави ползущего жука
И летней тишины послушай голос.

В ней сонный стук дождя по мокрой крыше,
И шёпот трав в её садах разлит.
Издалека и еле-еле слышно
Седая вечность с нами говорит.

Замри!
Послушай глас её во мгле!
Но слишком шумно стало на Земле...

МИР СТЕКЛА

Кто обучался ремеслу,
Тот понимает сразу:
Алмазом пишут по стеклу,
Не пишут по алмазу.

Стекло порой блестит огнём
И на алмаз похоже,
Но помни главное о нём —
Удар держать не может.

Духовным зреньем посмотри,
Ведь это свыше мера:
Алмазной жилою внутри
Нас пронизала вера.

А крепок ли духовный лад
Без твёрдой обороны?
Не извести б алмазный клад
На кольца и кулоны!

Ведь наползает, словно мгла,
На мир алмаза — мир стекла,
Мир сытости, измены,
Обмана и подмены.

ОЛЕСЯ ЯНГОЛ

ЗАРАЗА ТАКАЯ

РАССКАЗ

Петухи поют. Навозом пахнет. Бревенчатые стены сарая, прогретые за день солнцем, засыревшие за ночь, дышат едва уловимой плесенью. Куры черкают по утоптанной тропке, тёплые со сна. Из кухонной пристройки для живности раздаётся блаженное "хрю". За буйством и кучерявостью сада поле уклоном идёт к реке. Вдалеке слышится "му-у-у". Рыжую дед уже отвёл пастись. Он кашляет хрипло и густо. Гнутая папироска в пальцах. Тяжеловат немного, но крепок ещё. Идёт во двор, кашлем сам с собой разговаривает. Кашель у него говорливый, но всё по делу. "Хркхы-кхы-хрм". Сейчас это означает: "Поправлю-ка забор у вишни. Совсем покосился".

Из летней кухни шкворчание. Бабка яишню жарит.

— Дед, ты бы майку сменил. Уж неделю таскаешь.

— Хркх-гм-гм.

Что означает: "Дотаскаю уж до вечера. Видишь, работы сколько".

Алёнка просыпается в половине девятого. Сама ещё одеться не умеет. В трусиках, маечке, как есть, бежит через двор, к бабушке на кухню. Молча распахивает дверь и стоит на пороге: я пришла, я проснулась.

— Проснулся, бобочек мой!

Бабушка начинает суетиться. Огонь пригасила, Аленку на руки взяла.

— Идем-ка, глазки умоем, платьице наденем.

ЯНГОЛ Олеся Владимировна родилась в Туле в 1973 году. Окончила художественную школу им. В. Д. Поленова. Как свободный художник работает в жанре станковой живописи, а также книжным оформителем. Публиковалась в журналах "Приокские зори", "Дальний Восток", "Бийский вестник", "Волга XXI век", "Север" и многих других. Член редколлегии тульского журнала "Приокские зори". С 2012 года пишет в соавторстве с писателем Виталием Ковалёвым. Живёт в латвийской Юрмале.

Целует Алёнку в заспанные глазки. Алёнка щурится, сонно ещё улыбается, трёт кулачком глазки, доверчиво обняв бабушку за шею. У колодца свежо, даже прохладно. Это потому, что тут вода живёт, — Аленка уже знает, дед рассказывал.

На край колодца прыгает маленький рыже-белый котёнок. Алёнка тянет ручки к нему.

— Погоди, погоди, дай-ка умою. — Бабушка крепко держит Алёнку, плескает горстью ей в личико.

Алёнка отпузыривается, пытается увернуться.

— Ну, ну. Вот, чистенькая, свеженькая теперь. Где там колготочки наши?

Бабушка несёт Алёнку в дом. Стеклянная веранда вся солнцем пронизана. Много интересных вещей на веранде. Алёнка ещё не всё исследовала. Вон за голубой шторкой дедова кровать. Иногда он тут после обеда храпит. Когда дед храпит, Алёнка его боится и на веранду не ходит. А сейчас деда нету.

Давно Алёнка на шкафу верёвку приметила. Надо сначала табуретку на кровать поставить, забраться и со шкафа верёвку палкой смахнуть. Палка короткая, до верёвки не дотянуться. Алёнка пошатнулась на стуле, но удержалась, слезла на кровать, на пол спрыгнула. В коморе палка была большая, вспоминает она. Но в комору страшно одной идти. Там дверь огромная, тяжёлая, и темно и пахнет. А верёвка призывно свисает с верхотуры, и достать непременно нужно.

— Где там бобочек мой? Иди-ка завтрикать! — зовёт бабушка.

Алёнка смотрит на верёвку: "Ничего, я до тебя доберусь!" — обещает она и бежит во двор.

Дед за столом уже ложкой гремит, хрымкает.

— Хрым-кх-хрым. Ну, зёлик-козёлик, пожрёмси?

— Что ты слова-то такие ребёнку говоришь!

— А что ж тут такого? Слово-то, оно что? Главное, как произнести.

— Философ прямо.

— Эх, бабка... Хрым-кррр. На-ка, зёлик, моей ложкой кушай. Моя из алюминию. Лёгенькая. А эти, мельхиор чистый. В руке не удержишь.

Дед ложку свою облизывает, Алёнке протягивает. Алёнка на него смотрит насупившись. Молчит.

— Удумал чего! Помой сначала, — говорит бабка.

— А что жа мыть-то, авось не чужие.

Алёнка позавтракала. К кроликам сбегала. Они прямо за летней кухней, у кукурузы. Клеток много. Одна на другой. Алёнке нравится дверцы раскрывать, протягивать руку и кролика гладить. Кролик поначалу глазами пугается, а потом не пугается. Задними лапками переберёт и смотрит на Алёнку: "Выпусти меня на травку!" Больших кролей Алёнка ещё не поднимет. Тяжёлые. А деток смело вытаскивает за уши и на травку пускает. Пусть гуляют. А бабушка уже из кухни бежит.

— Ой, убегут, Алёнка!

Бабушка кроликов собирает и обратно в клетки.

Алёнка про верёвку вспомнила. На веранду поспешила. А верёвки-то нету! "Кхр-хм!" — раздаётся из мастерской. Понятно, дед взял! Бежит в мастерскую. Дед уже верёвку накручивает. Схватила Алёнка за конец и тянет упрямо, и на деда не мигая глядит исподлобья — моя! "Ить! Чего? Зачема тебе?"

Дед не отпускает, Алёнка не отпускает. Упрямо тянут каждый в свою сторону.

— Ить, зараза такая глазастая! Бабк, ты смотри какая упёртая!

Дед строит злые глаза. Когда он так делает, Алёнка разреветься может. Боится. Страшно. А дед знает это, вот и пользуется, пока бабка не видит. У Алёнки вся упёртость пропала, зрачки увлажнились. Если дед сейчас ещё и кхрымкнет, она враз убежит. А верёвка нужна. Собрала Алёнка всю смелость, деду с силой на большой палец ноги как наступит.

— Зараза такая! — кричит дед.

— Да что опять?! — Бабка с полотенцем из кухни выбегает. Дед, согнувшись, за палец держится:

— Молоток уронил.

Алёнка из-за дерева глядит на деда с бабкой. Верёвка у неё в руках. С порожек слышится: "Мяу!" Ага! Что, если рыжего верёвкой обвязать и в колодец спустить, как оттуда будет "мяу" слышно? Алёнка направляется к порожкам. Рыжий поиграть рад. Бежит за верёвкой, что тянет Алёнка по земле. У колодца он смекнул неладное. Присел и, как только Алёнкина рука коснулась его рыжей спинки, сиганул в кусты.

Алёнка подтащила к колодцу детский стульчик. Но и со стульчика, чтобы в колодец заглянуть, подтянуться надо. В колодце вода тёмная, гулкая. Если громко шепнуть, шёпот ещё долго слышно будет. Но только он страшный становится. Алёнка делает: "У-у-гу!" — и, соскочив со стульчика, бежит во двор, на солнышко, подальше от прохладной и таинственной тени.

К вечеру, после обеденного сна дед обычно гитару берёт. У старой груши за столом струны перебирает. Бабка иной раз просит спеть что-то из любимого. Дед откашляется, дым от сигаретки втянет, глаза в дыму прищурит и поёт. Иногда Алёнке нравится послушать, а иногда убегает на задки к кукурузе и сбивает початки, потому что у деда "дурацкая песня".

Дед поёт-поёт и закашляется: "Хррр-кхрым-хра-хра!"

— Ох, бросал бы курить, старый барабан!

Бабка из дому пшикалку приносит. Дед пшикнет в рот, посопит ещё чуток и затихает. Смеётся:

— Последнюю радость бросать? Не дождёсси!

А у Алёнки уже план есть. Вечером, как дед уснёт, проберётся к нему на веранду — если, конечно, он храпеть не будет — и утащит сигареты. На заднем дворе на кучу распотрошит.

— Зараза такая! Всю пачку распотрошила! Бабк! Что ты с нею будешь делать! — раздаётся поутру.

— Докуришься, докуришься! Дохтур ужо вона, ругается.

— Кхрррыыым! Хрк-хрк!

Бывают дни тихие, спокойные. Тепло, жары нет. И небо в прозрачной серой дымке. И дождик время от времени сонный. И Алёнка, словно погода, тихая. В глазах тень лесная прячется. Бродит по двору. То курам посыплет, то кролей навестит. А бывает, к деду потянет в мастерскую. В мастерской всё интересно. И запах Алёнке нравится, и стол длинный, усыпанный инструментом всяким, стружками. На стенах полки с жестянками. А в жестянках шурупчики, гайки. Дед иногда снимет с полки, даст перебрать.

— Вона, смотри. Эти вот с полукруглой головкой. Ты их в коробочку ссыпай. А вот эти, с потайной, в баночку.

Алёнка перебирает. Старается. Потом пальчики железом пахнут и серой пылью присыпаны. Для Алёнки шурупы, как человечки, потому что дед сказал, что у них головки.

А ещё любит Алёнка смотреть, как дед из дерева режет. У Алёнки ладошка маленькая — прохладная и тёплая одновременно. Лежит доверчиво на дедовом колене. Стружки из-под резца завиваются, как локоны у куклы. Алёнка заворожённо смотрит на вырезанные фрукты, овощи. Яблоки пузатые, груши длинные и кривые. А ещё тыква есть. Тыкву бабушка уже раскрасила. А дед потом лаком покрыл. Она уже давно на полке в комнате стоит и блестит, когда солнце выглядывает.

— Ну, зёлик-козёлик, скучаешь? Кхрым-кх-кх.

У Алёнки взгляд неподвижен. Ждёт, когда из дедовых рук выйдет новая груша. Ей сейчас нескучно. Она сейчас вся в волшебстве дедовом. Спокойно сегодня. Слышно, как капли дождя шлёпаются в бочку с водой.

Вечерами в дождливые дни можно и дома побыть. Игрушек здесь нет. Алёнка свои из города не взяла. Но тут всякого интересного полно. Дедовы деревянные фрукты-овощи, а у бабушки в серванте за стеклом много всякого блестит. Тоже можно достать — только не расколи, пальчики порежешь. Алёнка осторожно вытаскивает фарфоровые фигурки. Вот Емеля со щукой в руке. А ещё тётенька в полосатой красно-чёрной юбке. Она шатается из

стороны в сторону, как колокольчик. А на самом верху серванта — большая фигурка красавицы Алёнушки. Сидит, пригорюнившись, склонившись над озером, и за братиком своим горюет. Это бабушка рассказывала. Алёнушку брать нельзя — высоко.

В избе пол кривой. Дерево когда-то на крышу повалило, пол и повело. Чтобы телевизор включить, в гору идти надо. Бабка вздыхает.

— Ничего, бабка, зато физкультура.

— Мне физкультуры за день хватает. А тут и вечером ещё на гору лезть.

— А чего ты его выключаешь-то! Он же ж современный. Вон у всех соседей включён в розетку, только пульт нажать.

— Да что мне соседи! Вещь-то не новеет. Сохранней, когда выключено. И железке отдых нужон.

— Не новеет… Ну, бегай, бегай в горочку. Говорю ж — физкультурка. Хрым-кх-кх-хр.

Дед бывает смешной. И в такие минуты Алёнка даже не боится, когда он хрымкает. Но чаще всего Алёнке хочется что-нибудь устроить эдакое. И не потому, что она деда не любит. Да она и сама объяснить не может… хочется, и всё.

— Бабк, что она у нас всё молчит-то? Уж пятый год пошёл.

— Заговорит, когда надо. Да и сейчас, если нужно, всё скажет. А ты-то, сам рассказывал, в детстве до пяти лет немтырём бегал.

— Ну, я-то… Чего мы, голопузия немытая. С нами и поговорить некому было. Мамка с папкой в поле. А тут тебе и телевизер, и я вон под боком кхекаю. Сказку на ночь скажу. А всё молчит… Себе на уме, зараза такая.

— Вот что ты её так прозвал-то!

— Дык я ж любя зёлика моего, козёлика.

— Это я знаю да Алёнка. А соседи что могут подумать?

— Ить соседи твои! Бабки языкатые.

— Вот любишь ты всем прозвища-то давать, дурень старый.

— Хркхе, кхе,кхе… Бабк, где там моя пшикалка-то?

— Ой, щас, щас, дед. На трюме лежит.

Всё чаще деду пшикалка нужна.

Алёнка глаза напрягает, и сама вся напрягается от какой-то неясной мысли. Дед страшный, только когда кхекает или храпит. А так с ним интересно. Она больше за ним бегает, чем за бабушкой.

Днём, после сна одеялко откинула, испарина на лобике волосы кучеряшками скрутила. За окном листья сирени с солнечными лучами перемигиваются. Даже в глазах рябит.

Алёнка слышит голос бабушки. Не такой. Так бабушка никогда ещё не говорила. Чуть выше живота сжалось что-то и через комок в горле к глазам подступает. Страшно сделалось. Чего деда-то не слышно?

Выбежала Алёнка из комнаты, через тёмный предбанник, тяжёлую дверь с размаху, со страху, с силой и на веранду. Дед у лавочки лежит, и лицо синее. А у Алёнки страх пропал, знает, что делать надо.

Бабушкин голос за кроличьими клетками, там только телефон связь берёт. “Алё, алё, “скорая”!” И вот бабушка уже плачет на коленях рядом с дедом. А он своей рукой слабо её за руку.

Где же эта пшикалка? Алёнка вспоминает, как дед ходит. Он рано просыпается, раньше, чем Алёнка. Она не знает, как он там, в раннем ходит, а потом, днём все дорожки его знает. У забора, колодец, сарай, куры, поросёнок, за калитку. Нет нигде. Все кусты облазила.

— Долго-то как, — слышит она бабушкин отяжелевший голос. И ещё быстрее соображать начинает. Утром-то куда он ходит?

Может, к реке? Через огород, туалет, вниз, по картофельному полю, кукурузному. Там всегда пар идёт по утрам. Там река. Но Алёнка там ещё ни разу не была. Далеко, и кукуруза высоченная, а в ней звенит и стрекочет.

А сейчас побежала, глаза зажмурила, кулачки сжала. К реке бежит. И вот она, река. Тёплая, блестит и нестрашная. Плеск тихий. Спокойно. Ива плакучая в воде ветки полощет. Лодка лежит перевёрнутая. Удочки

дедовы, сетка. Вон, вон пшикалка, у самой сетки валяется! Видать, из кармана выпала, а дед не заметил. Алёнка схватила, бежит обратно. А там уже гудит что-то громкое и пронзительно.

И деда у лавочки нету.

Через двор, через вишни, к забору. Там старая калитка в тени, проводком подвязана. Алёнка знает, что досочку можно откинуть, и ты на улице. Гудит мотор. Машина большая с красным крестом тарахтит. Бабушкин голос и голоса чужие.

— Деда! — Алёнка изо всех сил крикнула, продираясь сквозь калитку.

Дверь в машине железная закатывается уже. Увидели Алёнку. Бабушка на руки схватила. А дедовы ноги уже из машины торчат.

Алёнка к деду руки тянет, пшикалка в кулачке зажата.

— Зёлик ты мой, козёлик. Зараза такая любимая. Хрм-хр-хр…

ЕЛЕНА АЖНАКИНА

ХОДОК

РАССКАЗ

— Я буду жить сто лет… — удивлённо пробормотала бабка, глазами хищной птицы впиваясь в просвет окна старого деревенского дома.

Стук калитки заставил её вплотную прильнуть к запылённому стеклу в ветхой оконной раме, чтобы получше разглядеть входящего во двор мужа. Она давно поджидала своего старика, но увидеть его с какой-то странной обновкой в руке явно не предполагала. Поспешно застегнув пуговицу на засаленной кацавейке, прикрыла морщинистой рукой рот и ошарашенно забурчала в маслянистую ладонь:

— Батюшки, вернулся! Это что ему всучили-то? В руках-то что? Ну, всё, теперь точно дом спалят, как есть спалят! Куда полез, жить, что ли, расхотелось, — причитала бабка, обращаясь к серому коту, безмятежно сидевшему тут же на подоконнике в окружении пахучей рассады томатов. В отсутствии человечьего вожака кот чувствовал себя полноправным хозяином в доме, поэтому в диалог с челядью не вступил и лишь настороженно прищурился в ответ на бабкины причитания. Затем грациозно спрыгнул с подоконника и осторожной кошачьей поступью направился к входной двери.

— Смотри, Лёлик, живой! Явился — не запылился, — продолжала она своё бабье дело, по-прежнему разговаривая с котом.

Кот в это время уткнулся пушистой мордой в жирную щёлку не до конца прикрытой уличной двери. Оттуда по-прежнему тянуло спёртой мартовской хмарью, в которой всё отчётливей и напористей угадывался знакомый до самых кончиков отмороженных ушей родной дух вернувшегося хозяина.

АЖНАКИНА Елена Николаевна родилась в 1978 году в Пензе. Закончила Московский государственный университет культуры и искусств. Организатор культурно-массовых мероприятий. Живет в Одинцово Московской области.

— Корми теперь дурака старого. Ой, Лёлик, дед нас по миру пустит. — Бабка, охая, заковыляла от окна к холодильнику, вытащила оттуда эмалированную кастрюлю со вчерашними щами и поставила на плиту разогреваться. — Когда его ещё ждали-то… Тоже мне, герой выискался!

Герой в это время усердно сражался с перекосившейся за зиму калиткой, которая никак не хотела закрываться. Пока он пытался её обуздать и накинуть сверху аркан из ржавой проволоки, на ветру растерянно колыхался хилый бумажный пакетик с кислотной надписью: "Я буду жить сто лет!" Именно его и заприметила бабка в левой руке деда и почуяла неладное. Что-то чужое, насмешливое и лживое прокралось в дом стариков вместе с этой наглой рекламной фразой и, как сорняк, принялось расползаться по всему селу.

Облик деда всецело гармонировал с лихорадочно трепыхавшимся на ветру пакетом: огромные мужицкие кисти рук непрерывно дрожали, но не от холода, даже в самую жгучую стужу дед варежки не признавал. Седые лохматые баки виновато топорщились из-под замусоленной кепки. Бледный и подавленный, он всё-таки сумел плотно захлопнуть калитку и накинуть на неё бессменный обруч. Прихрамывая и беззвучно шлёпая губами (он всегда разговаривал сам с собой), зашагал по знакомой тропинке, думая бог весть о чём до самого порога.

Входная дверь широко распахнулась, впуская в дом вместе с клёклой сыростью могучую фигуру состарившегося мужика. Кот высоким прыжком отскочил от двери и, задрав хвост свечкой, волчком завертелся возле грязных чоботов хозяина. А бабка, резавшая в это время хлеб, вместо приветствия тут же громогласно разразилась:

— С калиткой справиться не можешь, а вон куда попёрся! — резко взмахнула вверх зажатым в кулаке кухонным ножом, острое лезвие которого безжалостно вонзилось в воздухе в то место, из которого, по её мнению, вернулся муж. — Как только тебя там такого приняли, — осуждающе покачала головой, намекая на его неопрятный вид. — Садись обедать.

Кричала она не зря: дед несколько лет назад почти совсем оглох. Частенько ворчливая бабка ругала его почём зря, зная, что всё равно он не слышит. И сейчас продолжала разговаривать не с мужем, а скорее с котом:

— Говорила ему, надо сначала уши пробить, а уж потом на поклон ехать за тридевять земель! Вон Мурма́нский сколько лет не слышал, а враз уши в больнице пробили, всё слышит теперь. Вот только глаза не сделали… — медленно тормозя свой напор, призадумалась.

А ведь и правда, почему глаза не сделали? Какое-то время она продолжала размышлять про чудесно обретшего слух соседа и городских врачей: стоит ли им доверять, если только полработы Мурма́нскому справили. Глаза-то видят по-прежнему плохо!

Сосед ещё в восьмидесятые переехал к ним в село из Мурманска. Сам он объяснял, что причиной переезда стало "несоответствие климатического расположения города и слабости здоровья". С тех пор к нему прочно приклеилась эта уличная фамилия с названием северного города. И действительно, совсем недавно Мурма́нский уехал в город глухой, а вернулся со здоровыми ушами, чем потом долго хвастался и вызывал изумление односельчан, поверивших скорее в чудо, нежели в нашу медицину. Никто из них, и даже сам счастливый обладатель острого слуха, не догадывался, что долгую глухоту излечили обычным промыванием слуховых проходов. С тех пор бабка навязчиво советовала своему тугоухому горемыке съездить в город и пробить уши.

— Что тебе там сказали-то? — обращаясь к мужу, поставила на стол тарелку с горячими щами.

— А-а-а? — отозвался тот, вытирая руки затёртым вафельным полотенцем ещё советского производства.

— "А-а-а", вот тебе и "а-а-а", — передразнила старика и привычно громко повторила. — Что тебе там сказали-то, ходок?

Дед неторопливо отодвинул стул, присел на самый краешек, понуро махнул огромной ладонью, показывая, что затеял гиблое дело, и принялся за щи.

— Ой, спалят, ну, точно спалят! Как же жить теперича будем, — протяжно завыла старуха и принялась накладывать рыбные котлетки серому любимцу.

— Иди ешь, дурак! — рявкнула в сторону кота. — Ой, пропадём ни за что ни про что-о-о! — опять картинно заголосила бабка.

Кот, не обратив внимания на лакомство, продолжал вдохновенно мурлыкать и бодать мохнатым лбом ногу хозяина, успокаивая и поддерживая пропащего. Пропадал дед не первый раз. Это была его вторая ходка.

Невероятное стариковское хождение началось три года назад в небольшом селе, после безрадостных событий, речь о которых пойдёт далее.

Деду стукнуло восемьдесят. Словно пытаясь обмануть время, он с раннего утра привычно обходил все дворы и выспрашивал себе работу. Кому сарай, кому крыльцо починить, кому летний душ справить, кому сено перекидать; кого в нарды обыграть, а кому и "погоны навесить" в излюбленной карточной игре. В нём ещё крепко держалась та скрытая мужицкая сила, которая питала его от самых корней русского крестьянства. Частенько любил говорить: "Без дела я помру". Деньги за работу не брал, соседи расплачивались с плотником свежеснесёнными яйцами или козьим молоком. Дед обладал редким для его возраста качеством — ребячьей неусидчивостью и упорной жадностью к физическому труду.

Да и нрав у деда выдался под стать: раскидистый, с огромной темпераментной кроной, которая неразборчиво укрывала в своих густолиственных ветвях и спелые плоды с твёрдой скорлупой, и гнилые пустотелы. По каким-то, только ему ведомым причинам дома хозяин мастерить ничего не желал, и жена частенько сама сбивала развалившиеся табуретки.

А ещё дед слыл на всю округу заядлым и удачливым рыбаком. Будучи крепким и здоровым мужиком, излазил все окрестные реки и озёра, рыбачил азартно, со вкусом. Частенько другие рыбаки, кургузо задремавшие в лодке, вздрагивали на рассвете от его раскатистого низкочастотного гласа. Над всем Щучьим озером эхом гудело и обволакивало водную гладь: "Эге-ге-ге! Вот это пасть!!! А-ащ! Гляди! Гляди! Самого чёрта зубастого тащу!!!". Рыбаки завидовали улову старика, приговаривая: "Опять один всю рыбу выловил". Излишки дед раздавал односельчанам, чем беспрестанно злил свою бережливую жену. И даже на трухлявом деревянном частоколе у него висели черепа особо знатных щучьих особей, сказочно устремляя побеждённые хищные челюсти ввысь. На вопросы, зачем он их тут развесил, бабка живо отвечала интересующимся: "А чтоб вот такие любопытные не сглазили". Деда спрашивать об этом никто не решался.

Село, в котором дед с бабкой прожили всю жизнь, стоит на берегу Мокши, которая своим названием обязана древнему мордовскому племени мокша. Издревле на её берегах селился этот сильный и свободолюбивый народ. В 1535 году сюда пришли русские, соорудили деревянную крепость со сторожевыми башнями, насыпали земляной вал, обнесли его глубоким рвом. Поселение нарекли Мóкшинск и обозначили его как границу Государства Российского.

Несколько веков подряд Мокша щедро делилась с живущими на её берегах поселенцами своими несметными богатствами. В реке совсем ещё недавно кишели налимы, щуки, судаки и всякая рыбья всячина. Водились даже широкопалые раки. Перловицы томно лежали на песчаном мелководье, разинув перламутровые рты, и увлечённо заглатывали прозрачную водицу. Они наивно радовались лучистому свету, игравшему в чехарду на зеркальной глади реки. Упитанные бобры в заводях строили уютные илистые хатки.

Песчаные пляжи не успевали зарастать редкой мать-и-мачехой, поскольку их обильно облепляли загорелые розовощёкие ребятишки. А перегревшиеся в летний полдень коровы призывно мычали и вожделенно хлебали воду на переправе.

Всё изменилось не в одночасье. Река чахла и зарастала жгучим борщевиком с той же скоростью, с какой дряхлела и разваливалась очистная станция в районе. В это же время в округе, как на дрожжах, стало подниматься частное предпринимательство. Недальновидные дельцы ничего иного не

придумали, как сбрасывать все отходы в реку: вода ведь не пожалуется, вода всё стерпит, всё сдюжит и всё вынесет.

И заклокотала, забурлила, понеслась по руслу скверна — не остановить. Река сначала обомлела от такой человеческой наглости и совсем обмелела. Потом отгородилась от людей непролазным бурьяном — близко никого подпускать не пожелала. Живность тоже в стороне не осталась. Первыми исчезли перловицы и раки, потом рыба покрупней. До последнего держалась неприхотливая плотва, но и она поплыла вверх пузом, когда конфетная фабрика тайно слила свои отбросы. И всё-таки нужно признать креативный подход находчивых фабрикантов: отходы благоухали пищевым ароматизатором, а вода в реке окрасилась в приторно-алый цвет. Всплывшая мелкая рыбёшка из последних сил пыталась перевернуться и забиться в обмелевшие омуты, переждать там очередную смуту, отчаянно била хвостом и плавниками, но раз за разом обречённо всплывала кверху брюхом. Кровавая вода медленно уносила последнюю бултыхавшуюся в ней жизнь.

А уж когда спустили канализацию, Мокше совсем невмоготу сделалось. В узкой полоске мутной жидкости стало не узнать некогда полноводную чистую реку. Хозяйничает в ней теперь нечто с безумным зловонным запахом, близко никого живого к реке не подпускает. Пузырится вспененная зелёная гадость, клочьями пристаёт к корягам и кустам. И лишь течение, слабо пульсируя в одичавшем русле, указывает на то, что теплится ещё последняя жизнь, сохраняется слабая надежда реки на то, что человек опомнится и встанет на её защиту. А пока плывёт зло — бессовестно, безнаказанно плывёт. А люди стоят на берегу и смотрят на эту мерзость, почёсывая затылки. И вот уже кто-то не стоит и не чешет затылок, а несёт, везёт под берег свои отходы: батарейки, пластиковые бутылки… Плюх пакет в этакую могильную помойную яму.

А некоторые жгут этот мусор прямо на своих участках. Почти каждую ночь село обволакивает едкая и вредоносная пелена гари. Только зря потом удивляются, откуда у них всякие нехорошие болячки берутся. И что характерно, жгут одни и те же! Три дома намедни спалили, не успокоились, всё жгут и жгут. Встанут глубокой ночью, чтобы их выследить и оштрафовать не смогли, и то в одном конце села, то в другом полыхают зловещие купальские кострища. Видно, тяга к большому огню осталась у них в крови ещё со времён язычества, иначе и не объяснишь. Уж как ни проста в собственной силе природа, а человек в своей глупости всё ж сильнее оказался.

Старик ещё ребёнком слышал от своей бабки Ефросиньи одну пророческую притчу. В этом пророчестве (по утверждению самой Ефросиньи, прочитанном в священных книгах) говорится о великой засухе, которая воцарится на всей земле. Вся пресная вода, реки и озёра уйдут под землю, золото будет валяться под ногами, и никто не посмотрит на него. Вода станет дороже золота, и начнётся нескончаемая война за ресурсы. Тогда ему казалось, что это бабкины сказки, а сейчас стало жутко от того, что пророчество сбывается.

В мёртвой реке рыбу не поудить, вот и решили рыбаки бороться. Сошлись по старинке на заросшей площади перед развалившимся клубом, построенным какими-то горе-умельцами на крутом берегу. Склон реки со временем осыпался, а этот послевоенный исполин, казалось, застрял на самом краю времени. Днём, стыдясь своей обветшалости, застенчиво прятался в приречных зарослях, а ночью одиноко позировал перед вспышками фар проезжающих мимо машин. Он изо всех сил пытался удержаться на берегу уцелевшими могучими колоннами, щербатым каменным телом сиротливо нависая над обрывом неизбежности.

На собрание рыбаки предусмотрительно захватили с собой косы. Собирались вместе они редко, лишь в особых случаях, а площадь перед клубом расчищали ещё реже.

Мужики покалякали, покалякали и принялись медленно косить проросшую сквозь каменные плиты траву, лениво перекрикиваясь друг с другом:

— Нас всего-то горстка, прихлопнут и нету… А там деньги, власть.

— На танки с голыми руками не пойдёшь, не сорок первый…

— Худо-бедно живём, а ну, как в отместку сожгут нас эти бандиты за то, что бизнес их поганый вскроем, что делать-то будем?

Испугались мужики, испугались за семью, за детей, за внуков. Слишком силы неравные. Хотя на дворе давно уже не девяностые, малиновые пиджаки изжили, но страх всё равно прочно укоренился в деревенском сознании. Подноготная страха порой бывает непредсказуема и необъяснима. Покончив с покосом, сходка понуро разбрелась по домам.

Наш рыбак вернулся с собрания, погружённый в мрачную задумчивость, будто сам на крючок попался. Будто вытянули из него что-то стоящее, ценное. Словно душу его выудили и бросили плыть по этой мёртвой реке кверху брюхом, догонять свою кончину. Беспомощность и отчаянье скрутили рыболовной леской и давят, давят. Самому хоть в реку — и дело с концом, так в ней столько воды осталось, что и утопиться не хватит.

Дед запил. Который день валялся на драном диване и что-то бессвязно бормотал беззубым ртом, громко стонал, временами отвесно матерился. В такую хмельную пору бабка старалась уйти из дому, всегда безошибочно возвращаясь в тот момент, когда муж свешивал ногу с лежанки в поисках горячительной добавки. Но заранее знала, что остановить стихийное бедствие у неё не получится, и вновь удалялась в наблюдательный пункт по соседству. И только кот преданно сидел рядом и с некоторой угрюмостью следил за своим хозяином, как бы осуждая дурную странность происходящего.

Все эти дни дед не просто пил, а вынашивал новое дело. Так уж повелось на Руси, что ни одно важное решение не обходится без выпивки. Дед истошно думал о будущем человечества, но почему-то постоянно проваливался в прошлое. Он вспоминал свою долгую жизнь. Непомерное алкогольное цунами подхватило его и на этот раз вынесло где-то на побережье самого раннего детства. В младенчестве с ним приключилась вот какая история.

В самый разгар жатвы, когда всё семейство трудилось в поле на благо колхоза-орденоносца, его, малыша, оставили дома с нянькой. Нянькой звали шестнадцатилетнюю девицу Манюшку, приходившуюся родной тёткой нашему годовалому бутузу. Полуденная июльская духота вынудила няньку сесть на широкую дубовую лавку у настежь открытого окна, откуда в дом мельком заглядывал освежающий ветерок. Малыш сидел тут же рядом на лавке и увлечённо грыз жёсткий ржаной сухарь. Манюшка лущила горох. Пронзительно по-девичьи даже не напевала, а играючи рассказывала потешку. Голосом сначала подбрасывала её вверх, а в самом конце ловила озорницу за хвост, при этом шутливо раскачиваясь из стороны в сторону. Над всем заулком кружилась и замирала на высоте заливистая девичья трель.

Поехали, поехали
В лес за орехами!
По кочкам, по кочкам,
По маленьким лесочкам!
Ехали, ехали,
В ямку — бух!

Мальчик серьёзно и заворожённо следил за ней. Особенно ему нравилось, когда она звонко щёлкала языком в конце песенки, и тогда он счастливо улыбался, выставляя напоказ два нижних зуба, и каждый раз молча тянул к няньке свои пухлые ручонки с зажатым в кулачке обмусоленным сухариком. Она бы с удовольствием проделала этот потешный трюк с падением в ямку, посадив его на колени, но руки были заняты работой, которую нужно выполнить к приходу старших с поля.

Вдруг на слове “бух” на улице поднялся страшный ветер. Нагло, по-воровски влетел в открытое окно, переполошил белые накрахмаленные занавески, раскидал по полу выпотрошенные стручки гороха, обдал напоследок песком растерявшихся ребятишек и сквозняком вылетел в проём неприкрытой входной двери. Несмазанные петли заунывно заскрипели, кондовая сосновая дверь увесисто распахнулись во всю ширь и несколько раз с нетерпимым дребезгом дробно ударились о пустые металлические вёдра. Небо

тут же подхватило упреждающее громыханье и разразилось убийственным уханьем прямо над макушкой дома. Обомлевшая Манюшка бойко вскочила с лавки и потянулась закрывать метавшиеся в бешеной агонии ставни. И в этот самый миг ослепляющая сила с диким грохотом вонзилась в зияющую брешь окна, наповал поразила девицу и, словно за ненадобностью, отшвырнула орущего малыша под лавку возле входной двери. Соломенный скат крыши яростно вспыхнул. Злобно шипя и потрескивая сухими прутьями, пламя ядовито расползалось по всей кровле. Редкие капли дождя, прорывающиеся сквозь лучи палящего солнца, не смогли помешать разгоравшейся беде. Очень скоро прибежал сосед и вынес из дома сначала целого и невредимого испуганного бутуза, а потом и его няньку. Манюшку отливали колодезной водой, закапывали в землю, но куда там… Прибывший фельдшер в справке указал, что девица погибла в результате смертельного удара молнии. Дом успели потушить, только крыша и сгорела. А люди, рассказывая потом в окрестных селах об этом не таком уж и редком случае, всегда в конце скорбно приговаривали: "И тучка-то маленькая и скорая была…"

Старик долго размышлял, для чего всесильная природа в самые гибельные моменты его судьбы всегда сохраняла ему жизнь. И тогда, и потом — в десять лет, когда с мальчишками играл в индейцев на замёрзшей реке, наш Чингачгук провалился в запорошённую, незаметную глазу полынью. Но вынырнул, сумел ухватиться руками за спасительную кромку проруби. Тяжеленная, разбухшая от воды фуфайка мёртвой хваткой дрянной старухи свирепо вцепилась в него и тащила под лёд вниз по течению. А помочь-то некому, все ребята в испуге разбежались по домам, рядом с ним остался только восьмилетний брат Витька-дурачок с санками. Стоит возле проруби, глаза вытаращил, ничего не понимает. Валенки сорок пятого размера смотрят в разные стороны у самого носа утопающего, а что толку от такой войлочной близости. Вот они, тёплые, родные, пахнущие мокрой шерстью домашних овечек, совсем рядом, а он навсегда уходит от них под лёд замороженной рыбой. Уже вдрызг окоченевший, еле уговорил братишку санки подать. Одеревенелыми руками из последних сил вцепился в полозья санок и процедил сквозь зубы застывшими губами: "Таш-ши…" Витька выудил полуживого, обледеневшего брата, но на удивление, тот даже не заболел. Ледяная вода лишь закалила его и отпустила на волю.

И вот теперь дед ясно осознал, что пришло время отдать долг, расплатиться за счастливо прожитые годы. Природа безразлична к любым существующим человеческим законам, но сейчас она просила о помощи.

Словно очнувшись от зимней спячки, старик после запоя оклемался на девятое утро. Бабка зашлась в ругани и приготовилась к очередному отражению штурма буфета: взяла ухват, подбоченилась и заняла круговую оборону. Ухват давно стоял без дела, в селе топили газом, печка белела без надобности. Лишь изредка, унылым морозным вечерком старики растапливали печь и, заворожённо глядя на лихо отстреливающие поленья, думали каждый о своём. А этой рогатиной на палке бабка подпирала дверь и берегла для спокойствия. Страх остался ещё с начала девяностых, когда по сёлам шастали бандиты и цыгане, тогда и наших стариков обокрали. Святыню увели похитрому: сказали, берут на реставрацию старинную икону в позолоченном окладе, а вернули картинку на дощечке, да ещё денег немало взяли за её почин. Заметили, правда, не сразу, лет через пять после злополучной реставрации, когда выдавали дочь замуж. Сняли с божницы благословить молодых и ахнули! Подивились хитрости и наглости похитителей, погоревали и водрузили икону на прежнее место. А ухват с тех пор в углу прижился. Дочь, приезжая из города, первое время убирала его во двор, выговаривая родителям: "Никаких перемен в вашем древнем чугунке! Ещё лет через двадцать приеду, а этот артефакт так и будет в том же углу стоять!".

И вот стоит бабка с ухватом у буфета, и ведь не для острастки стоит (нет в этом буфете никаких горячительных бутылок), а ради того, чтобы муж с похмелья ненароком хрусталь не побил. А муж, на удивление, неловко шатаясь, мимо неё прошлёпал и босой потянулся на выход. "Ну, — думает бабка, — на дворе припрятал". А старик вдруг громоздко застрял

в проёме двери, подперев косяк широко расставленными руками, поймал равновесие и, не оборачиваясь, приказным тоном шандарахнул:

— Баню топи! Рубаху чистую давай! В Москву поеду!

— Всё! Допился… — бабка обескураженно опустила своё нехитрое оружие.

В Москве он бывал ещё в молодости, в начале 60-х, проездом по случаю окончания срока службы в армии. Ранним утром пришёл к Мавзолею. Немного постоял в одиночестве в морозливом атриуме Красной площади и решил одним глазком взглянуть на Царь-пушку.

Вернувшись обратно к Мавзолею, обнаружил плотную очередь, уходившую в Александровский сад. Понял, что попал впросак, и расстроенно побрёл к метро. Неожиданно отчётливо услышал своё имя и обернулся на голос. Звала подруга младшей сестры, которая приехала в Москву на экскурсию. Она заметила его почти перед самым входом в Мавзолей и предложила пойти вместе с ними. Так дед ещё в молодости осознал, что Москва — это город, в котором первый может легко стать последним и последний первым.

И вот теперь наш ходок сидит в приёмной Министерства природопользования и ждёт приглашения в кабинет. Пригласили. Приятный молодой человек в костюме с иголочки услужливо изготовился записывать обращение: растопыренные пальцы парящим коршуном застыли над клавиатурой, ещё мгновенье, и они сорвутся в крутое пике. Старик застеснялся своих мамонтоподобных неказистых чоботов и смущённо подобрал ноги под стул, трясущейся рукой аккуратно пригладил косматые баки и заговорил. Чиновник шустро застучал по клавишам. Время от времени ему приходилось громко вскрикивать, уточняя подробности у глуховатого деда. И каждый раз его коллега за соседним столом карикатурно таращила глаза, приподнимала возмущенно брови и выпячивала вперёд болезненно опухшие губы, всем видом показывая, что ей мешают работать.

Жалоба излагалась глуховатым заявителем в чрезмерном хаотичном волнении, под воздействием которого жизненно-важная проблема проделала некий метафорический фокус. Воплощаясь в слова, она искусно превращалась в мыслях старика в потерянную детскую пустышку. А солидная обстановка кабинета и вовсе сужала её до микроскопических размеров по сравнению с архиважными государственными делами. Старик почувствовал себя виноватым за то, что отвлекает работников от настоящих серьёзных дел. Вся его многотрудная и эпохальная миссия, не выдержав конкуренции с заботами бурлящего мегаполиса, свернулась калачиком где-то внутри и представлялась сейчас лишь нелепыми бабкиными сказками из прошлого века. В какой-то момент наш ходок хотел даже дезертировать, чтобы не опозориться со своей речушкой. Велика ли беда: канализация и отбросы текут в реку. Куда ж их девать, в космос, что ли, запустить? Засомневался дед в своей дремучести, крепко засомневался. Но тут в памяти всплыла искалеченная река, до першения в горле стало жаль сироту — и он передумал бежать. Решил, раз уж приехал (да ещё почти всю пенсию на дорогу потратил), нужно идти до конца.

Чиновник бодро щёлкнул, ставя финальную точку, и затребовал паспорт. Такого выверта от понятливого и внимательного молодого человека дед никак не ожидал. Он надеялся отделаться анонимным обращением.

— Мил человек, может, без пачпорта как-нибудь обойдёмся? — нарочно коверкая обличающее слово, вопрошающе обратился он к чиновнику. — Пишите, что всё село обращается.

— Нельзя. Без паспортных данных не имеем права принимать, закон такой.

— Запиши ты, сынок, мол, село такое-то, река такая-то и дай делу ход! Я-то тебе зачем? Нельзя меня писать. Я-то что, я не боюсь. У меня дочь, внуки в городе, понимаешь?

— У вас что там? Девяностые, что ли? Мафия? Понятно, — засмеялся чиновник, — разберёмся. Но без паспорта не могу. Либо документ даёте, либо обращение аннулируем.

— А-а, была не была — пиши меня! — старик протянул свой паспорт.

Дед вернулся домой и стал напряжённо ждать. И вот зимой, в самую стужу, когда даже воробьи боятся вылететь из-под насиженной застрехи, в село пожаловала комиссия. Прямо к дому стариков подкатила дорогая иномарка, из которой вывалились три папки и одна фотокамера. Взяли оторопевшего деда под белые рученьки и, забыв надеть на него головной убор, двинулись шеститочечным караваном в сторону реки по тропинке, проторённой с известной целью. Шестой точкой в хвосте семенила бабка; охая и причитая, она пыталась догнать мужа и передать ему енотовую ушанку. Протоптанная дорожка вскоре закончилась небольшими кучками мусора, замаскированными белоснежными шапками. Стараясь дальше идти след в след и при этом всё равно глубоко проваливаясь, процессия кое-как пробралась к реке. Глядь, а на реке лёд стоит, да ещё снегом в полтора метра заваленный. Покрутились в сугробах, замёрзли, сделали пару фотографий и уехали.

Позже на имя деда пришло письмо. Чиновник в костюме с иголочки, как и обещал, во всём разобрался и отписал, что нарушений на реке не выявлено.

— Всё шито-крыто у них, — прошептал старик, разочарованно вкладывая письмо в небрежно разорванный конверт. И опять запил.

Мурма́нский, впрочем, как и многие жители села, теперь старался обходить стороной дом с мистическими черепами щук на заборе. Соседи боялись, как бы не перекинулась и на них зараза ответственности за неудачное обращение. Ждали мести. Но мести, на удивление сельчан, не последовало. Даже наоборот, местные чиновники первое время льстиво улыбались и приветствовали старика, когда тот по базарным дням выбирался в районный центр и ненароком сталкивался там с кем-то из начальства.

— Приветствую, как там Москва, стоит? — чуть ли не кланяясь, шкодливо посмеивались они над дедом.

— Здорово были! Нормалёк! — Когда дед плохо слышал или не хотел слышать, о чём его спрашивают, всегда отвечал одно и то же.

Не успев отряхнуться от палых листьев, пришла уже третья весна после его первой ходки. Река оттаяла, и опять залихватски помчалось по ней удобрение и прочая рук человеческих химия. Все уже забыли, что когда-то здесь была настоящая живая река, а не мусорная протока. Но только не дед. Старик попался с крепостцой, эдакий самобытный пень, выкорчевать который значило бы развороти́ть в округе всю землю. За последние годы он ещё глубже укоренился в ней и уже чувствовал себя недвижимым архаичным слоем земли. Чувствовал, как на него наслаиваются и давят новые и новые пласты. И через век-другой кто-то копнет поосновательней и, глядя на спрессованные обломки его времени, презрительно скажет своим внукам: “Вот в этом столетии как раз и жили те глупцы, которые уничтожили природу”.

Вскоре случилась его вторая ходка. Москва колосилась всё та же. Набитые лоснящимися чиновниками офисы, как лопающиеся соты мёдом, всё те же. Вот только старик сильно сдал за последние годы, почти совсем оглох. Дряхлый и хромой, в жалкой потрёпанной куртке и в отвисших на коленях штанах, он вышел на тропу войны, заранее зная, что будет повержен. Дед и не догадывался, что в этот момент его душа поравнялась с великим духом последнего из могикан, которым он безумно мечтал стать когда-то в далёком детстве.

Текст повторять не пришлось, нашли прошлое обращение. Старик смиренно протянул паспорт. Видя дрожащие руки и отрешённый взгляд заявителя, чиновники кинулись его подбадривать:

— Не переживайте вы так — рано или поздно разберутся, всё наладится. Лучше берегите свои нервы, что ж вы себя так изводите. Здоровье-то дороже! — как ребёнка, успокаивали деда в приёмной всё тот же молодой человек и его коллега с пухлыми губами.

И тут молчавший дед словно опомнился и заторопился жить:

— Здоровье? О каком таком здоровье речь ведёте, мил человек? Вот вы что на обед сегодня кушать будете, позвольте вас спросить?

— Ничего особенного… Ну, предположим, индейку с рисом, кофе, — недоумённо протянул чиновник, пытаясь провернуть в уме, к чему клонит дед.

Ко всему прочему, старик растормошил дремавший аппетит, под ложечкой у молодого человека призывно засосало. Он метко бросил взгляд на висевшие на стене часы: обед скоро закончится, а он вынужден выслушивать старика, возомнившего себя спасителем всея воды.

Глухой дед, точно прочитав по губам адресованный ему ответ, обрадованно затарахтел:

— Во-о! Индюшку! А ты знашь, что воробьи, которые клюют отходы от ихних кормов, раздуваются не меньше, чем эта твоя индюшка, и кожа на них лопается, ток перья в разны стороны разлетаются! Во как!

— Ну, это фейк какой-то, — натянуто улыбнулись молодые люди, устало думая о том, как бы поскорее остановить это представление, вежливо выставить заявителя за дверь и рвануть в кафешку.

— Это, мож, и фекс-пекс твой, — дед и не думал останавливаться, он только-только набирал скорость, — но брака на птицеферме у них много: без глаз, с двумя головами выводятся — мутанты, одним словом. Вот тебе и фокус-покус! — продолжал гнавший напролом дед. — С природой, мил человек, шутки плохи! Ты можешь делать с ней всё что угодно: хошь реки вспять поворачивай, хошь острова из мусора в море-океанах выкладывай, хошь из бабы мужика делай, — издевайся как хошь над ней, родимой! Но помните, робятишки! Однажды ей это надоест. Она встанет, стукнет кулаком по своему вселенскому столу и наведёт у вас здесь свой порядок. С природой нужно ладить! Э-э! Да что с вас взять… — обречённо махнул рукой побледневший старик и побрёл к выходу.

Деда проводили молча. Несколькими минутами позже в кафе молодой человек всё-таки не смог съесть заказанную индейку. Как только он попробовал первый кусок любимого диетического мяса, тут же брезгливо его выплюнул, мысленно упрекнув себя за глупую сентиментальность. Вдогонку хлёстко обругал дотошного старикана, испортившего ему аппетит, расплатился, взял со стола свежесваренный кофе в термостакане и вышел. Сделав глоток бодрящего напитка, чиновник решил взять дело старика под свой контроль.

Дымящийся кофейный стакан с крышечкой — настоящий памятник поколению этой эпохи. Да-да, простой бумажный стаканчик с напитком, наделяющий своего обладателя особой магической силой. Что поделаешь, время, в котором мы бежим по улице с одноразовым стаканом в руке, — время упаковки. Модная и притягательная обёртка повсюду, начиная от рекламных билбордов с неодушевлёнными, но зрелищными блокбастерами, заканчивая wow-эффектом в пластической хирургии. Природная человеческая суть не только не важна, но и постыдна. Главное — яркая упаковка. Ещё бы! В ней так легко спрятать любую пустоту.

На выходе из здания нашему ходоку вручили крафтовый пакет с рекламными буклетами программы долголетия, с характерной кричащей надписью: “Я буду жить сто лет!”. С ним-то он и приехал домой в начале нашего повествования.

Что-то чужое, опасное и лживое поселилось в доме стариков вместе с этой бесполезной вещью и запустило обратный отсчёт времени.

И всё-таки дед разворошил осиное гнездо. А в том гнезде сидел сам Воняев. Всем Воняевым — Воняев! Не человек — пережиток мафии! Прокуратура заинтересовалась им с особым колоритом: с должности сняли ярко, показательно поместили под арест и завели уголовное дело. Очистную станцию и фабрику оштрафовали, кусты и борщевики на берегах проредили. По всему району возле водоёмов понатыкали таблички “Водоохранная зона”. Добротные такие таблички поставили, дорогостоящие. Одну даже перед самым домом деда водрузили. Видно, для того, чтобы утром просыпался, смотрел в окно и не забывал про зону, которая светит Воняеву по его милости. Старик ждал расправы.

Расправа пришла, откуда не ждали: на очистную станцию по результатам проверки и выявленных в ходе неё нарушений контролирующими органами был наложен огромный штраф. Ремонтировать станцию стало совсем не на что. Очистные сооружения окончательно пришли в негодность, и река разбухла из-за стекающих в неё сточных вод. Эта беда привела за собой дру-

гую: любимый кот Лёлик приполз домой с глубокой рваной отметиной от пневматической пули в самом центре лба. Бабка пыталась выходить раненого: возила к ветеринару, поила лекарствами по часам, вычищала из ушей сухую запёкшуюся кровь. Кот попался дуболобый, поэтому умер не сразу, а лишь через месяц мучений. Пытался благодарно мурлыкать в ответ на поглаживания хозяина. Вдруг вздрогнул и затих навсегда. Кота похоронили в палисаднике под махровой сиренью.

Оружия в округе не водилось с послевоенных времён. Тогда почти в каждом доме висело на стене ружьё или хоронился в сарае обрез, замотанный в истлевшее тряпьё. Но поток эпохи унёс с собой весь наследный арсенал далеко за пределы села, оно кануло на дно в каких-то неизвестных реках, и в здешних краях стало редкой и опасной диковиной. Хотя на соседнем порядке жил один охотник, но и он пневматического оружия отродясь не видел.

Ко всему прочему в районе начались перебои с водой, а немного погодя её и вовсе отключили. Проблемы объяснили поломкой насоса на глубине скважины и невозможностью починки. Село совсем обезводело: колодцы давно засыпали за ненадобностью, ручьи пересохли, а реку отравили. Великая сушь, выпущенная дедом из проклятого пакета с язвительной надписью, стихийно вырвалась наружу и начала разрушать всё живое.

Спустя несколько лет осады дедовский бастион всё-таки пал. Человек, в сущности, очень хрупкое создание, если его внутренний резервуар иссыхает, то оболочка рано или поздно рассыпается, превращаясь в песок. И не такие крепости рушились от затяжной засухи глупости, алчности и жестокости.

Поздним вечером, не дожидаясь кромешной тьмы, старик не спеша нагрузил скрипящую тележку разносортным мусором и повёз под берег. Вёз он её так бережно и скорбно, будто провожал кого-то в последний путь.

— Собрались они жить сто лет, как же — ждите! До пенсии не дотянете с такой экологией! — как всегда шлёпая губами и ухабисто вышагивая, старик катил свой катафалк по протоптанной дорожке в глубокую речную могилу.

Захудалый дождик сыпался с неба инакомыслящей помохой, которая старательно разъедала жизнеутверждающую надпись на размокшем пакете, притаившемся на вершине мусорной кучи. Дождь цепко хватался за колья осиротевшей изгороди, с которой старик предусмотрительно содрал все щучьи головы. К утру пагубная морось сулила бездарно разбавить палитру живой зелени оттенком увядшей желчи. Глухая ночь едким облаком накрыла всё село.

А очистные сооружения потом всё-таки отремонтировали и берег реки расчистили. Сами жители и расчистили. Жаль только, дед этого не увидел. Река, конечно, стала не такой полноводной, как прежде, и раки в ней не водятся, но нет-нет, да промелькнёт рыбёшка, собака напьётся вдоволь. Даже окунуться можно в жаркую пору, только найти, где поглубже. Вовремя успели спасти реку. Вообще, в жизни главное жить по-человечески — не опоздать.

МАРИНА ВОЛКОВА

ЗАМИРАЮТ СЛОВА НА ГУБАХ...

РУКИ

Всё меняется быстро. Всё громче ушедших речь
Слышу в шорохе трав. И сегодня — не до игры.
Жаль, что поздно приходит желание уберечь,
А по юности мы безрассудны и так храбры:

Дела нет до несчастий чужих и чужих атак,
“На слабо” можно в русской рулетке взвести курок,
Но сегодня сжимается сердце, а не кулак.
Видно, новый какой-то настал, заповедный срок.

И куда приведёт нас в финале тропинки нить,
Мне не ведомо больше, и ты меня не зови.
Я умею стрелять, а хотела б уметь лечить.
Эти руки — не для удобства, а для любви.

* * *

Всё это было. Было, и не раз,
Нам что ни век — то времена лихие.
Такой теперь настал особый час,
Когда тебя вперёд несёт стихия.

ВОЛКОВА Марина Георгиевна родилась в Санкт-Петербурге в 1981 году. По образованию юрист. Работала в МВД следователем. В настоящее время ведёт авторский проект “Виват, Петербург!” в творческой мастерской “Нордвест-СПб”. Победитель конкурсов “Национальное возрождение Руси”, “Золотая строфа”, “Велесово слово”, “Северная звезда”. Автор книги “Веру храня в Рассвет”. Живёт в Санкт-Петербурге.

Рождаешь в муках новую страну,
Какую — вряд ли нам увидеть сразу.
Я никогда тебя не прокляну,
Ты — выше тех, кто отдаёт приказы.

* * *

Затуманился сизый закат, обернулся в росу.
Белой ночи крыло чуть коснулось горячего лба.
Тлеют искры, что вечность уже на ладонях несу,
Тают тихие сны, замирают слова на губах.

Не сомкнуть больше рук, вряд ли вместе когда-то споём.
Эта рана рекою горящей меж нас пролегла.
Если б вера моя пролилась животворным дождём,
Если б нежность моя хоть кого-нибудь здесь сберегла...

Холодеет ладонь, не прогнать эту странную стынь,
Видно, слишком тонка здесь спрядённая Макошью нить.
А в полях в этот год ещё горше созреет полынь,
И теперь до конца эту горечь полынную пить.

ЗИМНЕЕ НЕБО

Зимнее небо, солнца слепящий щит —
Русской душе привольно в такой мороз.
Где-то под сердцем северный ветер спит,
Травы во сне в хрусталинках ранних рос.
Он бы бежал босым по густым лугам
Да обнимал крылом нежных яблонь цвет...
В белом безмолвье древнего леса храм,
И до весны ещё не один рассвет.

Мне б научиться всё принимать без бурь,
Только с любовью, что этот мир хранит.
Небо над снежным бором строит лазурь,
Словно весной, а воздух — звенит, звенит...
Мы потерялись в спорах, пустых боях.
Ложны идеи, и воевать — к чему?
Красный снегирь на тонких сидит ветвях.
Всё позабудь на миг, улыбнись ему —

Это ведь мир с тобой говорит. Он прост,
Если смотреть в него, как задумал Бог.
Зимушка дарит рекам хрустальный мост,
Скатерти стелет по колеям дорог.
Белым и ровным будет теперь наш путь,
Будем, как прежде, верить в свою звезду.
Ты про меня, пожалуйста, не забудь,
Я ведь так долго, нежно и верно жду.

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

ЛЮБОВЬ И НАДЕЖДА

РАССКАЗ

Поезд втянулся под своды вокзала и словно наткнулся на преграду — дёрнулся и остановился, затих. Особенно нетерпеливые пассажиры столпились в узком коридоре вагона. В окна заглядывали встречающие. Денис не спешил, подождал, пока схлынет толпа, легко подхватил дорожную сумку, вышел на перрон, осмотрелся. Под ногами калининградская земля, по которой ему предстоит топать не один год. Как сложатся обстоятельства? Как встретят в отряде? Неизвестность не пугала, но волнения добавляла. Стальное кружево арок вверху заканчивалось переплётами застеклённых рам. Внутри вокзал походил на музей, разве что пояснительные таблички на экспонатах отсутствовали. Высота стен, мраморные плиты пола, фонтан и огромная многоярусная люстра в центральном зале впечатляли. Он выгодно отличался от многих вокзалов в России, грязных и неухоженных. Действительно, настоящая визитная карточка города. Привокзальная площадь солидных размеров, призванная открыть панораму, была испохаблена нелепым зданием супермаркета, по форме напоминавшим расползшийся пирог. На остановке, смирно опустив уши-штанги, стоял троллейбус. Свободных мест осталось немного, и Денис пристроился рядом с девушкой, недалеко от входной двери. Троллейбус тронулся неохотно, рывками, заскрипел натруженным, изношенным телом, осторожно продвигался по загруженной дороге. Денис отправил несколько сообщений — известил родных и друзей

ЛЕБЕДЕВ Александр Владимирович родился в городе Коломна Московской области в 1945 году. Более тридцати лет прослужил на Военно-морском флоте. Капитан 1-го ранга в отставке, кандидат исторических наук, доцент Балтийского Военно-морского института. Стихи и рассказы печатались в сборниках "Антология калининградского рассказа", "Балтийский флот", в журналах "Балтика", "Параллели", во флотских газетах и журналах. Живёт в Калининграде.

о прибытии в Калининград — и начал с любопытством глазеть по сторонам, поворачивал голову, наклонялся в разные стороны. Девушка искоса наблюдала за ним и с иронией произнесла:

— Молодой человек, вам что-то мешает? Что вы крутитесь, будто на шиле сидите! Не стесняйтесь, если нужно, я уступлю место у окна.

Смутить Дениса в принципе очень сложно. Прямота, с которой он обычно излагал свои мысли, действовала на собеседника в большинстве своём безотказно, правда, последствия иногда оказывались нежелательными.

— Уважаемая незнакомка, я впервые в вашем прекрасном городе и не в силах сдержать эмоции. Если причиняю вам неудобства, то прошу великодушно извинить. Кстати, родители дали мне имя Денис.

— Надежда, — коротко представилась девушка.

Дальше продолжать разговор она не желала. На очередной остановке кондуктор объявила, что впереди крупная авария и проезд затруднён. Денис сверил по телефону дальнейший маршрут: предстояло пройти около двух километров и пересесть на автобус.

— Не суетитесь, заблудиться сложно. Мне до площади Победы, присоединяйтесь.

Денис посмотрел на попутчицу. Надежда глаз не отвела, не смутилась, разглядывала его с вызовом и интересом. Оба остались довольны первым впечатлением.

"Почему бы не прогуляться с красивой, бойкой девушкой", — подумал Денис.

"Парень-то ничего, рослый, с юмором", — заметила Надежда.

Молодёжь общительна, контактна, легка на подъём. С шутками, подначками незаметно дошли до площади.

— Прощай, юноша, пути наши расходятся и пересекутся ли в будущем — неизвестно, — с лукавой улыбкой произнесла Надежда и протянула руку для прощания.

Денис задержал её ладошку в своей, накрыл второй:

— Вы мой талисман и гид и обязаны сопровождать мою персону на прогулках по городу и его окрестностям.

Надежда не возражала. Они обменялись телефонами и договорились встретиться, предварительно созвонившись.

На новом месте Дениса закрутило, завертело в водовороте забот, не продохнуть. Приходил в общежитие, падал в койку и отключался до утра. О Надежде вспоминать и думать было некогда. И она особо не скучала. Денис выгодно отличался от знакомых ребят, и всё-таки круг друзей, подруг, с которыми общалась, её вполне устраивал.

Через месяц Денис в основном освоился. Пора передохнуть. Осталось выяснить, с кем и куда пойти? Сослуживцы — народ в большинстве семейный. С проблемой могла бы справиться Надежда. Предложение встретиться она восприняла без восторга, Денис почувствовал это, но после недолгих уговоров согласилась.

Денис увидел её издалека и, по профессиональной привычке, остановился понаблюдать за объектом. Фигурка ладная, одета со вкусом, черты лица правильные, пропорциональные. В общем, по мнению древних греков, "золотое сечение". Мужчины заглядывались, некоторые пытались без успеха заговорить. Надежда умело с улыбкой "отбривала" желающих пообщаться, что явно доставляло ей удовольствие.

— Опаздываете, юноша. Я ценю в людях обязательность и пунктуальность. Вы такими качествами, увы, не обладаете.

Слова были произнесены с иронией, без злости и назидания и не показались Денису обидными. Скорее игра, чем серьёзные выводы.

— Ошибаетесь, девушка Надя. Прибыл своевременно, однако оказался не способен преодолеть искушение полюбоваться вами. Не дано мне ваять, не то бы запечатлел ваш образ в камне для потомков, на века, чтобы и они могли насладиться красотой.

— Вы склоны говорить длинно и вычурно, что является признаком или большого ума, или длинного языка.

— Выбирайте подходящий вариант самостоятельно. Давайте махнём на море. Погода лётная, чего в городе киснуть. И перейдём на ты.

— Денежки у кавалера имеются, чтобы девушку развлечь?

— Наскребём, я думаю.

— Тогда не возражаю. При одном условии — на такси. Другой вид транспорта не признаю.

— На такси хватит, на самолёт пришлось бы занимать, — заверил Денис.

Погуляли они славно. От приличной суммы почти ничего не осталось — едва на обратную дорогу хватило. Деньги нужны для того, чтобы их тратить. Разочаровало то, что девица откровенно старалась раскрутить его на полную катушку. На прощание Надежда заметила:

— Тест ты прошёл успешно. Терпеть не могу скряг. Обещаю впредь вести себя скромнее. Идёт?

— Мы люди подневольные, наше дело приказы выполнять, — отозвался Денис.

Слово своё Надежда сдержала. Она точно знала, чего хочет и что необходимо сделать, чтобы добиться желаемого. Её целеустремлённости не грех позавидовать.

"Умная красивая девушка, всё при ней. Теплоты, сердечности явно не хватает. Глаза холодные, расчётливые", — размышлял Денис. Он сознавал: Надежда имеет на него определённые виды. Она не раз заявляла: "Я хочу серьёзных отношений с парнем, который способен обеспечить мне комфортное существование".

— Что значит комфортное? И что значит существовать? — спросил Денис, — Надо жить, любить, а не существовать.

— Большинство парней непрактичны, и ты тоже, зато надёжен. Сколько ты зарабатываешь? Одно дело за девушку в клубе, ресторане заплатить, другое — семью содержать.

Денис назвал сумму. Она усмехнулась:

— Неплохо, но особо не разгуляешься.

— Зависит от вашего аппетита. И хватит о грустном. Есть дела посерьёзнее. Мишка, сослуживец, в командировке, а жена его беременная в больницу попала. Надо навестить. Не знаю, с какого бока подойти, что принести, о чём говорить. Поможешь?

— Денис, пойми меня правильно, я не сестра милосердия, чтобы помогать первым встречным. На мою поддержку могут рассчитывать самые близкие люди. Остальные мне неинтересны. Каждый отвечает за себя. Знакомая твоя должна была крепко подумать, прежде чем детей заводить.

— Я, стало быть, к разряду "остальных" отношусь?

— Пока да. Но есть реальная перспектива. Не обижайся. Жизнь штука серьёзная.

— О жизни и её устройстве ты пока знаешь немного, тем не менее позицию свою обозначила чётко. Спасибо за урок.

Денис планов в отношении Надежды не строил и на большее, чем приятное знакомство, не рассчитывал. Когда она объявила, что ей необходимо на каникулы уехать к родственникам, особенно не расстроился. Договорились быть на связи. На службе вышла очередная запарка, потом ненадолго Чечня. По возвращении он несколько раз безуспешно пытался связаться с Надеждой. Надо восполнить упущенное, в городе почти год, а кроме ночных клубов, ресторанов и кафе, нигде не побывал. Денис составил себе культурную программу.

В очередной выходной он оказался в картинной галерее. Народу немного. Денис сразу заметил Надежду. Хотел подойти и засомневался, что-то не совпадало. Разум утверждал: она, разве что немного изменила причёску; чувства, не давая внятного объяснения, сопротивлялись: "другая, но родственная тебе душа". Надежда стояла у картины откровенно эротического содержания. Не просто стояла, испытывала настоящее потрясение от увиденного. И, вероятно, находилась не в зале, а парила вместе с обнявшейся парочкой над острыми скалами или представляла себя вместо девушки в объятьях

молодого человека с крыльями за спиной, который чем-то сразу не понравился Денису. Он доверился разуму и дотронулся до плеча девушки. Та вздрогнула, будто очнулась.

— Здравствуй, пропащая. Не ожидал тебя здесь встретить и не подозревал, что у тебя столь широкий круг интересов. — Денис был рад и удивлён одновременно.

Девушка странно на него посмотрела:

— Ты обознался. Мы незнакомы.

— Хватит разыгрывать, Надежда Батьковна. С памятью у тебя полный порядок. Надеюсь, телефон прежний?

— Телефон прежний, но я не Надежда.

— Нетрудно проверить.

Денис позвонил. Абонент по-прежнему недоступен.

— Я взгляну на номер.

Денис показал.

— Так я и думала. Перепутал с моей сестрой, которую действительно зовут Надя. Она скоро вернётся, и вы обязательно увидитесь. Прощай, молодой человек.

Денис уловил, что отличает сестру от Надежды, — полное отсутствие кокетства, стремления понравиться, ровное уважительное отношение к собеседнику и чувство собственного достоинства. Действительно родственная душа.

— Не торопись, успеем попрощаться. Надежда водила по кафе и ресторанам, ты, насколько я понял, увлечена другим. Расскажи о картине, её создателе. Стыдно признаться я, Денис Неверов, полный профан.

— Боюсь, что не оправдаю твои надежды, Денис. Я не искусствовед и живописью увлечена не больше, чем другими видами искусства. Имею самые общие представления, в том числе и о творчестве французского художника Вильяма Бугро. Просто от этой картины невозможно оторваться. Она понятна и профессионалам, и любителям.

— Спасибо, что согласилась. Мы незаметно, очень элегантно приступили к культурному просвещению. Осталось выяснить имя просветителя.

— Зовут меня Люба. Ты умеешь уговаривать, прямо дар божий.

— Что есть, то есть, при всей моей скромности, не буду отрицать очевидное, — Денис широко развёл руками, — прикажи, и я немедленно вознесусь на небеса.

— Нельзя юморить по любому поводу. В юморе нужна мера, иначе и до пошлости недалеко. Адольф Вильям Бугро — французский живописец XIX века, автор картин на мифологические, аллегорические и библейские сюжеты. Бугро написал более восьмисот картин. Его работы отличают идеализирование красоты человеческого тела, сентиментальность и стремление к почти фотографической точности. Образ Купидона и Психеи принадлежит к числу излюбленных мотивов Бугро, ярким примером которого и является "Похищение Психеи". Картина хранится в частной коллекции. Та, что перед нами, копия.

Денис вытаращил глаза, замотал головой:

— Сложновато для моего восприятия. Но можно продолжить.

— Картина написана на основе мифа, согласно которому у одного царя были три красавицы дочери. Самая красивая из них — младшая, Психея. Слава о её красоте прошла по всей Земле, и многие приезжали в город, где жила Психея, чтобы полюбоваться ею. Ей стали воздавать почести, забыв Венеру Олимпийскую. Та оскорбилась и задумала погубить соперницу. Позвав своего сына Эрота, она показала ему красавицу и велела ему вселить в неё любовь к самому отверженному, безобразному из мужчины. Психея чувствовала себя очень несчастной оттого, что никто не искал её руки. Ведь любая душа, любой человек желает любить и быть любимым. Я закончила. Вопросы.

— Пока один. Позволь находиться рядом с тобой если не до конца дней своих, то хотя бы сегодня.

— Снова попытка юмора.

— Просто влюбился.

— В кого? Поделись секретом.

— В девушку по имени Любовь.

— Любвеобильный, непостоянный, несерьёзный юноша, к тому же болтун. Пора бы уяснить, что есть слова, с которыми надо обращаться очень осторожно. Прими мои соболезнования.

— Подожди, Люба, выслушай. Я встречался с Надеждой, твоей сестрой. Она мне нравилась. Внешне вы поразительно похожи, по существу же между вами огромная разница. Я сразу понял. Да что говорить, ты сама отлично знаешь. Несколько минут мы с тобой пообщались, а, кажется, вечность прошла. Впервые я подобные слова произношу и за них отвечаю. Уверен, в выборе не ошибся. Просто мне повезло сегодня, крупно повезло, незаслуженно, удача улыбнулась, судьба. Извини, волнуюсь. По-моему, ты обладаешь способностью сопереживать, сочувствовать. Ты ведь Любовь, вот и поверь, душой поверь и прими.

И Люба приняла. Вопреки разуму. Сердце забилось, предчувствуя, что случайная встреча подарит большую любовь и приведёт к трагедии. Сомнения одолевали её. Парень открытый, искренний. С ним вместе шагать — большое счастье. Имеет ли она право давать волю возникшему чувству? Ведь расставание неизбежно. Придётся по живому резать. Осчастливить на несколько дней и сделать несчастным на годы. Лучше сразу объясниться, тогда, у Дениса будет выбор. Вряд ли, свой выбор он уже сделал, от своего не отступит, и её объяснения не помогут. Вдруг эти светлые, солнечные дни останутся у него в памяти и будут поддержкой в трудные времена? Мысли мелькали, будто посторонние, не её. Обоих подхватил стремительный поток, спеленал и понёс в неизвестное. Они и предположить не могли, что вскоре произойдут события, которые разведут их в разные стороны.

Свободное время Денис проводил с Любой и не переставал изумляться, насколько она отличается от сестры. О чём только ни говорили, где только ни побывали, и каждый раз расставались долго, будто больше и увидеться не придётся. Говорят, влюблённые глупеют. Неправда, просто они возвращаются в детство, где нет серьёзных проблем, где люди добры и незлопамятны, мир уютен и тесен и нет места печали.

Люба рассказала Денису красивую легенду о красной нити судьбы. В Китае и Восточной Азии верят, что у мужчины и женщины, которым предназначено быть вместе, на щиколотках появляется невидимая красная нить, связывающая их. Для неё не являются преградой ни обстоятельства, ни расстояния. По прошествии времени нить начинает сокращаться до тех пор, пока двое не встретятся.

Ниточка, соединившая их, становилась прочней, надёжней и короче. Они сближались, притягивались к друг другу, подобно двум планетам, траектории которых пересеклись. Сила взаимного притяжения оказалась столь велика, что, казалось, способна преодолеть любое препятствие, кроме одного.

Люба пригласила Дениса посетить храм во имя мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии в Багратионовске. Денис сначала не соглашался, к религии он относился прохладно.

— Поедем, потом благодарить будешь, я ведь тебя не в православие обращать собираюсь, призываю прикоснуться к красоте, и духовной и материальной. Храм миром строили, не по приказу, по сердечному велению, от того он особо притягательный, домашний. В нём душевно и спокойно, уходить не хочется, — пояснила Люба.

— Не в честь ли вас церковь назвали? — неудачно пошутил Денис.

— Не угадал. Те сёстры во втором веке жили.

— Чем же отличились?

— Твёрдостью в веру христианскую. За неё и смерть приняли не колеблясь. Старшей, Вере, двенадцать лет было, Надежде — десять, Любови — девять. Сегодня отказаться от своих убеждений, от друзей и причины серьёзной не надо, порой плохого настроения достаточно. Ну что, убедила?

— Разумеется. Против твоих доводов не устоишь. Когда тронемся в путь?

— Через неделю православные будут отмечать день великомучениц, и мы присоединимся, если не возражаешь.

По настоянию Любы в Багратионовск они приехали рано утром. Храм был виден издалека, белоснежный, увенчанный пятью золочёными куполами. Тесно прижавшись к храму, стояла колоколенка, похожая на девицу в кружевном сарафане. Чистый, долго не тающий звук колоколов накрывал стекавшийся к храму народ невидимым покрывалом и создавал ощущение единого причастия и торжественности. Внутри церковь не расписана, белёные стены покрывали многочисленные иконы. Среди них мироточащая икона Богородицы "Скоропослушница". После службы погуляли по парку. Красиво и необычно. Извилистые дорожки, кусты роз, вазы с цветами, фонтаны, зелень самых разнообразных оттенков, обилие незнакомых растений, непривычно ухоженные газоны и свежая белизна построек. Много статуй, щедро, по-русски широко, с размахом. И истово молящихся, и задумчивых, и игривых.

Возвращались под вечер, уставшие, молчали, каждый размышлял о своём. Эта поездка сблизила их ещё больше. Они уселись на скамейку перед Любиным домом.

— Прошу выслушай, мою исповедь, — промолвила Люба, голос её дрогнул.

— У моих родителей долго не было детей. Они мечтали хотя бы об одном. На свет появилась тройня, девочки. Назвали нас, долгожданных, Вера, Надежда и Любовь. Вера родилась слабенькой и умерла через неделю. Надежда в пятнадцать лет перенесла тяжёлое инфекционное заболевание. У неё отказали обе почки. Папа и мама метались в поисках выхода, не хотели и думать, чтобы я стала донором, слишком рискованно. Я настояла. Операция прошла удачно. До недавнего времени мы обе были практически здоровы. Но беда и меня достала. Предстоит серьёзное и длительное лечение. Врачи положительный результат не гарантируют. Я не паникую, стараюсь не потерять интереса к жизни, и ты мне очень помог. В детстве отец часто читал нам мифы древней Греции. Повзрослев, я особенно заинтересовалась судьбой Психеи, в греческой мифологии олицетворение души, дыхания. Мечтала, что меня похитит прекрасный принц и унесёт в своё царство. К сожалению, чудес не бывает, и первая любовь часто не приносит счастья. С ней живут, о ней помнят — не больше. Не хочу вешать на других свои проблемы. Нам надо расстаться, необходимо. Лучший вариант для нас обоих. Тебе стоит вернуться к Надежде. Мне кажется, она любит тебя. Надеюсь, она станет хорошей женой. Её практичность для семейной жизни важней и надёжней моего романтизма.

Люба с трудом подбирала слова, выталкивала их, избавляясь от чего-то неприятного, чужеродного, находящегося внутри. Хотелось произносить другие — ласковые, нежные. Сознание того, что она сама, своими руками убивает возникшее чувство, обессилило её. Сначала перешла на шёпот, потом замолчала, едва сдерживая подступающие слёзы.

Вначале Денис попытался обратить её слова в шутку:

— Правдиво, почти по Станиславскому. Тем не менее убедительности недостаёт. Не верю.

— Денис, дорогой, помнишь, первую встречу? Ты просил, чтобы я тебе поверила. Поверь и мне. Другого выхода нет, по крайней мере, я не вижу.

— Ты хоть понимаешь, о чём говоришь? Кто дал тебе право делать выбор за меня? Ты поступаешь жестоко, предлагаешь выкинуть нашу любовь и взамен для утешения заняться сестрой? Выход есть всегда, не бывает тупиковых ситуаций. Вдвоём легче справиться. И ты, и я, оба будем потом винить себя за то, что расстались.

Обида переполняла Дениса. Обида на Любу, которая с лёгкостью обрывает связывающие их нити. Причины для него казались надуманными. Сомнения охватили и Любу, доводы уже не казались ей убедительными и единственно правильными. Наверное, надо действительно больше доверять тому, кого любишь. И вновь робкая надежда посетила её. Она прильнула к Денису:

— Предлагай, мой верный рыцарь, начнём выбираться из темноты безнадёжности на свет Божий.

Денис почувствовал перемену в настроении Любы и крепче обнял её:

— Предлагаю действовать по вновь утверждённому плану. Я сопровождаю тебя в больницу. Беседую с доктором. Убываю. Ты еженедельно докладываешь обстановку. Я возвращаюсь, забираю тебя и отвожу в загс.

— Согласна, позволь одно маленькое уточнение. Я звоню тебе лишь один раз и сообщаю о дне выписки из больницы.

Слова Дениса не успокоили, а растревожили Любу, не дали ответ на вопрос, правильно ли она поступает, дав себя уговорить. Денис, довольный тем, что Люба изменила своё мнение, не раздумывая, согласился. Он не заметил лазейку, которую оставила себе девушка в случае неблагоприятного исхода.

Лечащий доктор, доброжелательный, смешливый, ироничный, заявил, что невеста к бракосочетанию будет выглядеть королевой и свадебную машину следует подогнать прямо к парадному входу в клинику. Люба и Денис расстались с надеждой на скорую встречу…

Операция по ликвидации террористов, в которой участвовал Денис, завершилась успешно, бандиты были уничтожены. Денису не повезло. Осколками мины посекло фаланги и сухожилия правой ступни. Местные эскулапы упустили шанс спасти ногу. В центральном госпитале травматологи развели руками: необходима ампутация передней части ступни. Денис упёрся: лучше в могилу, чем стать калекой. Согласиться на операцию упросила его мать. Не стал её расстраивать, уступил и внутренне успокоился, смирился. Одна неувязка. Люба. Он и мысли не допускал, что предстанет перед любимой инвалидом, и одновременно почти не сомневался, что Люба примет его любого. Из-за любви или милосердия примет — большой вопрос. Не стоит обременять её. На нём свет клином не сошёлся, наверняка встретит ещё достойного человека, который сделает её счастливой. Смущало, что сам задумал поступить так же, как предлагала она. Убедил себя: слабый пол нуждается в поддержке, у него будущее в тумане. И чтобы избежать соблазна возвращаться в прошлое, вынул из телефона сим-карту и выкинул её в урну. Конечно, номер телефона Любы он помнил.

На повторном консилиуме начальник отделения предложил другой вариант. Риск большой, предстоит несколько операций, в случае неудачи — ампутация до колена, в случае успеха — длительное лечение, не исключена последующая небольшая хромота. Денис, не задумываясь, согласился. Рисковать он привык и верил в удачу. Ему повезло.

Присматривала за ним симпатичная молоденькая медсестра. Звали её Оксана. Настоящая сестра милосердия. Большеглазая, остроносенькая, юркая, расторопная, смешливая, сострадательная, умело делала перевязки, выполняла необходимые процедуры, и с милым украинским акцентом, смягчая твёрдый звук “г” на “х”. Мать Дениса сразу нашла с девушкой общий язык и, уезжая, шепнула сыну: “Присмотрись. Лучшей жены не найдёшь”. Откровенность, наивность, жизнелюбие Оксаны помогли Денису выкарабкаться из глубокой депрессии, в которой он пребывал. Когда он рассказывал о себе, Оксана всплёскивала руками, ахала, охала, казалось, вот-вот расплачется. Она настойчиво уговаривала его позвонить Любе. Но убедить не смогла.

— Не хочу и не могу портить ей жизнь. Кому нужен калека…

— До чего ты дурной, Денис. Настоящего мужика за версту видно. Для женщины остальное значение не имеет: руки, ноги, внешность, рост, вес. Ты настоящий.

— Тогда выходи за меня замуж.

— Я бы с великой радостью, да любишь ты не меня. И ту, другую, век помнить будешь.

— Нечестно обманывать больных и увечных. Небось, хлопцы табунами за тобой ходят, а ты перебираешь. Смотри, в девках останешься, — пошутил Денис. Он не был готов к серьёзному разговору.

Оксана вспыхнула, покраснела и с вызовом ответила:

— В советах не нуждаюсь и о своём будущем сама побеспокоюсь. Если нет просьб и вопросов, я пойду.

“Действительно, простота хуже воровства. И шутки у тебя солдафонские, совсем одичал. Прежде чем громкие заявления делать, определись, сориентируйся на местности”, — сокрушался Денис.

Оксана продолжала добросовестно и заботливо ухаживать за Денисом. Она охотно делилась госпитальными новостями, передавала приветы от общих знакомых. И хотя оба по-прежнему симпатизировали друг другу, былой теплоты в отношениях не стало. Через неделю Дениса отправили в санаторий на реабилитацию. Они попрощались без заверений и обещаний, осталась между ними недосказанность, неопределённость.

Между тем Люба прошла курс лечения. Попытки связаться с любимым по телефону, поделиться радостью оказались неудачными. "Неужели я больше не увижу Дениса, не услышу его голос, не обниму... Нечего плакаться, ты получила, что хотела. Настойчиво убеждала в необходимости расстаться. Видимо, он последовал твоему совету. Навязываться не буду. Не в моём характере".

Контрольное обследование показало хорошие результаты. Доктор, довольный, улыбающийся, сообщил Любе:

— Ну что, молодая и красивая, я свою работу выполнил на пять, дело за тобой. Смело выходи замуж. Где твой кавалер?

Шутку оборвал, увидев, что отвернулась к стенке обычно неунывающая пациентка:

— Не огорчайся, значит, не судьба, значит, не твоя половинка. Парень, видно, незрячий, если редкой красоты бриллиант не заметил, пропустил. Готовься к выписке. Увидимся через год. Я и раньше готов встретиться, да не от меня зависит.

"Действительно, стоит ли горевать? Твой ли это герой, Люба? Знакомы-то чуть больше двух месяцев. Обыкновенный парень, грамотёшки явно не хватает, в искусстве, литературе не разбирается. Зациклен на службе. Что ещё умеет? Да ничего. Не переборщила с негативом? Ведь есть за что и похвалить. Честный, порядочный, добрый, открытый, надёжный. Прилично набирается. Тем он и приглянулся. Не морочь себе голову. Сердце не обманешь и себя не заставишь первой шаг навстречу сделать. Захочет, найдёт. Что гадать, всё в руках Божьих. Отложим выяснения на потом, других проблем хватает. Пора домой, к родителям, сестрёнке. Здоровье поправила, возьмусь за учёбу, работу. Планов громадьё, надо реализовывать".

И в санатории, и в отпуске Денис усиленно разрабатывал ступню. По мнению врачей, динамика была положительная. Сустав стал более подвижным, хромота малозаметной. Военно-врачебная комиссия признала его годным к службе с ограничениями. Денис повеселел и часто подумывал о том, чтобы позвонить Любе. Решился, набрал номер, абонент был недоступен. Не помогли и повторные звонки. "Скорее всего, сменила сим-карту. Не захотела общаться. Девушка гордая, навязываться не станет. Выходит, с двух сторон ниточку оборвали. Своими руками, эгоизмом своим. Может, и к лучшему. Что было, то было. Надо думать о будущем", — подбадривал он себя и вместе с тем понимал, что Любу он никогда не забудет. И действительно, думал и вспоминал о ней ежедневно.

Денис возвратился в Калининград, ставший родным городом, прогулялся по центру, посидел в обновлённом скверике у драмтеатра, вспомнил детство и съел два мороженых, эскимо на палочке. Ноги сами привели его к Любиному дому. Дверь открыла Надежда:

— Возвращение блудного сына? Явление Христа народу? Вот уж кого не ждали.

— Мне не до шуток. Где Люба? Что с ней?

— Сестра в шоколаде. Долечится, продолжит учёбу и вряд ли вернётся в Калининград. Между прочим, доктор её настойчиво обхаживает, и не без успеха.

— Врёшь ты и не краснеешь. Дай телефон или адрес.

— Сказать — не знаю, не поверишь. Не велела, особенно тебе.

— Тогда я у родителей узнаю.

— Не получится, одни мы с сестрой остались.

Глаза обычно сдержанной Надежды повлажнели, и Денис почувствовал, что она не лжёт.

До рассвета бродил по тем местам, где когда-то гуляли с Любой, и почти физически ощущал её присутствие, слышал её голос, смех, спорил и доказывал

ошибочность их действий. Собрался ехать в больницу, возможно, там застанет Любу или поговорит с доктором, разберётся, но вспоминал слова Нади, и гордыня не позволяла выполнить задуманное. Он сам себя не узнавал: по жизни решительный, настойчивый, раскис, заблудился, метался от одной крайности к другой. И убеждался, что ничего не изменишь. Остаётся одно — смириться, принять случившееся как данность.

Положенный отпуск по болезни не использовал, вышел на службу. Встретили его в отряде с пониманием, душевно, тактично. Не нагружали, дали возможность постепенно набирать форму. Денис упорно доказывал, что он в полном порядке, в снисхождении не нуждается. И "доказал". После марш-броска с полной выкладкой ступня распухла, покраснела, ныла каждая косточка. Самолечение не помогло. Денис позвонил лечащему врачу, получил строгое предупреждение за легкомысленное поведение и настоятельную рекомендацию срочно госпитализироваться. Ампутации избежать не удалось, хирурги смогли сохранить часть ступни. После операции он оказался в той же палате. Оксана находилась в отгуле, встреча откладывалась. Денис лежал в койке и размышлял над советом матери. Не сбылись мечты о высокой, беззаветной любви. Значит, не судьба. Супругой Оксана, без сомнений, станет верной, преданной, хозяйкой заботливой. В остальном стерпится-слюбится. Большинство семей без любви обходятся и счастливыми себя считают, живут и радуются. Вправе ли в его положении рассчитывать на большее?

Они увиделись на следующий день. Оксана сама навестила Дениса. По глазам видно, что рада встрече и старается скрыть эту радость за дежурными вопросами о здоровье, самочувствии, настроении, за излишним вниманием к порядку в палате. Денис с улыбкой наблюдал за девушкой, а потом взял её за руку:

— Присядь, не суетись, надо объясниться.

Оксана вспыхнула, зарделась:

— В прошлый раз вроде бы обо всём переговорили.

— О главном не договорились.

— О чём, если не секрет?

— О нашей будущей совместной жизни.

— Счастливой жизни без любви не бывает.

— И любовь, и заботу, и внимание я тебе обещаю.

— Тогда и я не подведу.

Свадьбу сыграли в Калининграде, скромную, нешумную. Невесту представлять было некому. Со стороны жениха — мать и друзья-товарищи по службе.

Однажды Денис задумал показать Оксане картину "Похищение Психеи". Зачем, почему, он и сам себе ответить не мог. Может быть, подсознательно тянуло его вновь оказаться на том месте, где в первый раз встретился с Любой? Может быть, хотел посмотреть, какое впечатление окажет картина на Оксану? Неизвестно. В зале ни души, лишь у картины, задумавшись, стояла женщина, и это была Люба. Денис рванулся в её сторону и потянул за собой Оксану. Она потеряла равновесие и, чтобы удержаться, обхватила Дениса.

— Что случилось? — прошептала она, взглянула на мужа, затем на женщину и выдохнула: — Она?

У Дениса перехватило горло. Он молча кивнул.

Люба обернулась. Глаза широко распахнулись, неуверенная улыбка тронула её лицо и быстро погасла, сменилась растерянностью. Руки нервно теребили шейный платок.

— Здравствуй, Люба, замечательно выглядишь, — наконец, произнёс Денис.

— Ты тоже в хорошей форме. Извини, я тороплюсь.

Люба быстро застучала каблуками и выбежала из зала.

— Что теперь с нами будет? — погасшим голосом, с тревогой спросила Оксана.

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

АЛЕКСАНДР ПОШЕХОНОВ

“ЧУТЬ РАССВЕЛО...”

Памяти Виктора Лапшина

Чуть рассвело, а я уж из избы:
Лес наводнили первые грибы,
Поскрипывает ладная корзина.
Нагнёшься — докучают комары,
Резвятся, лезут в уши до поры,
До ветром продуваемой резины.

А на пригорках млеют сосняки,
Блестит вдали излучина реки,
Зовёт в нагретых водах искупаться.
Набрав грибов, стремлю туда свой шаг.
А комариный гуд стоит в ушах.
Но хочется и петь, и улыбаться!

“ПРОКАЛИЛИСЬ КИРПИЧИ...”

Прокалились кирпичи.
Отдаёт тепло печурка,
Каждою сгоревшей чуркой
Откликается в ночи.

За окном моим — ни зги.
Издалёка луч фонарный,
Словно маячок пожарный,
Тлеет в мареве пурги.

К у́тру заметёт пути,
Заровняет все дороги...
Буду вспоминать о Боге —
Больше некуда идти!

г. Череповец, Вологодская обл.

ОЛЬГА КОЗЛОВЦЕВА

ГОРОД НАД ХУПТОЙ-РЕКОЙ

Город мой затихает,
Льётся свет фонарей.
Слышишь, Хупта вздыхает
О судьбине своей?
По старинному Ряжску
Протекает она,

Под болотистой ряской
Замирает волна.
С грустью вымолвит кто-то,
Постояв на мосту:
— Не река, а болото —
Камыши на версту.
Раньше бегали дети
На цветущем лугу,
А сейчас стонет ветер
На пустом берегу.
Было время, поэты
Любовались рекой —
Наша Хупта воспета
Стихотворной строкой.
А теперь ни словечка
Не напишут о ней.
Гибнет бедная речка
На глазах у людей.

* * *

Мост над железной дорогой
Юность напомнил мою.
Я задержусь ненадолго,
Молча на нём постою.

Сердцу всё так же отрадно
Слышать гудки поездов.
Сколько на мост и обратно
Сделано было шагов!

— Это в полжизни длиною, —
Кто-то тихонько сказал,
Словно считал их со мною
Наш опустевший вокзал.

Поезд со свистом промчится,
Ветром попутным гоним.
Хочется вольною птицей
Мне улететь вслед за ним.

В поисках истины маюсь,
В жизни одна суета —
То ли на мост поднимаюсь,
То ли спускаюсь с моста.

г. Ряжск
Рязанская обл.

ВЛАДИМИР КУЧЕ́РЬ

СИНИЦА

Была ты веселей, восторженней, моложе,
Об этом вновь поёт за окнами метель.
Ты вспоминаешь дни, которые похожи
На светлые дома, в каких живём теперь.

Минувшее всем жаль, грядущее дороже,
И потому порой так хочется рискнуть,
Чтоб выразить себя до неуёмной дрожи
И доказать свою непризрачную суть.

Но благороден риск, когда он откровенен,
Когда над суетой распахнуты сердца.
Проклюнется любовь в счастливое мгновенье,
Похожая ещё на слабого птенца.

Не в клетке золотой, а рядом поселится
Вскормлённая тобой, окрепнувшая, но
Не лебедем взлетит, а постучит синицей
В морозный тихий день в заветное окно.

Ты распахни его без громких восклицаний —
В соединенье рек синица так мала...
И опадёт с души печаль воспоминаний
Во славу добрых дней и позднего тепла.

г. Москва

СТАНИСЛАВ ЮРЧЕНКО

* * *

Широкое травное поле.
Река под горою.
Колодец замшелый, где парад тритонов играет.
Картошка в золе.
Дикий лук.
Ощущенье покоя.
И чистое, синее небо до самого края.

Краюха подсохшего хлеба вкусна и душиста,
а сердце от вида раздолья и счастья трепещет.
На солнечном склоне лежит и мечтает мальчишка
про то, что когда-то случится, и прочие вещи,
про мамины руки, которые помнит с рожденья,
про папину лётную куртку — в ней можно согреться.

...Опять возвращается памятью, как наважденье,
ко мне босоногое лето и светлое детство.

СРЕТЕНСК

Я помню заборы, покрытые пылью,
и вкус огурца, принесённого с грядки.
Тогда коноплю втихаря не курили,
хотя её произрастало в достатке.

Ещё вспоминаю затон и рыбалку
с добычей, которой не стыдно, поверьте,
а рядом на стуле красуется фотомодель,
невинная жертва обычной полётной отсрочки.

Улыбка у фотомодели не сходит с лица:
так много мужчин бородатых в отчаянном виде,
и вряд ли найдёшь среди этих ребят пошлеца,
который девчонку лучистую чем-то обидит.

Она в обстановке такой остаётся собой,
сестра тридесятых колен Василисы Премудрой.
А первый пилот, получив наконец-то отбой,
отправится спать с сумасшедшей надеждой на утро.

И станет им сниться под утро: настала весна
а талые воды привычно сменились цветеньем.
Их встреча случайная будет к нулю сведена,
но, впрочем, чего не свершается Божьим веленьем.

Печоры торосы не могут собой заслонить
крепчающий ветер, и в этом — какая-то драма.
Пурга за стеной, как песец, продолжает скулить,
и дома привычно грустит в одиночестве мама.

* * *

Третий день не смолкает журчанье в лотках
да дурацкие мысли, что жизнь коротка,
состоянье неясной тревоги,
ожиданье от жизни ударов, когда
клочья пены и мусор выносит вода
из кювета на кромку дороги.

Как томительно тянется время, и нет
к переменам приятным надёжных примет,
впереди — беспросветно и серо.
Лишь мечтаю, что вновь заалеет восток,
и любой, даже самый нелепый намёк,
торопясь, принимаю на веру.

Дождь внезапно закончится и окоём
над лесами и хлябями вспыхнет огнём.
И, как будто знакомый прохожий,
отпечатав на мокром асфальте следы,
отражается радугой в каплях воды
летний день, ни на что не похожий.

ХМАО Югра

АННА МАСЛОВА

МАМА

РАССКАЗ

Таня проснулась до будильника, сразу глянула на часы — полседьмого, можно ещё чуть-чуть поспать. Но сна не было — кружились мысли. Так, главное не забыть букет. Платье поглажено, брюки с рубашкой тоже, мой сиреневый костюм готов. Анечка идёт в первый класс. Её маленькая девочка теперь школьница. Она даже в садик не ходила, а сегодня отправится в плаванье — в это незнакомое, чужое для неё школьное море.

Она же такая домашняя, как она сможет там без меня? Когда она успела так вырасти? Я будто не успеваю за ней. Ведь кажется, только-только она первый раз встала на ножки и прошла по коврику в гостиной — сразу весь наискосок пересекла, а потом плюхнулась на попу. Пошла! А по вечерам, после наших игр она расставляла все свои игрушечки — каждую на место, аккуратненько, я налюбоваться не могла. Когда из этой малышки в жёлтых ползунках получился почти взрослый человек?

Она посмотрела на спящую рядом дочку. Та посапывала, положив ладошку под румяную щёку.

— Большая моя девочка… моя маленькая, — прошептала Таня. — Господи, спаси и сохрани её, пусть в школе у неё всё сложится благополучно, интересно! Пусть она учится хорошо, — помолилась она про себя.

— Кролечка, пора вставать, — погладила по кудрявым волосам дочку, пощекотала за ухом. Та недовольно заворчала, потянулась.

МАСЛОВА Анна Андреевна родилась в 1989 году в Москве. Окончила Российский православный университет, аспирантуру МГППУ. Работала психологом в московской частной школе “Кладезь” Москвы. В настоящее время ведёт психологический блог, работает с детьми, подростками и семьями в рамках индивидуальных консультаций. Живёт в Калуге.

Прозвище дочки родилось благодаря их любимой книжке “Винни-Пух”, они читали её вслух всей семьёй. Муж называл Таню Кроликом — потому что очень деловая, а Аня стала Крольчонком.

Кролечка села на кровати, протирая глаза.

— А? Уже? А мне снилось, как я в Нарнии гуляю с Настей… через наш шкаф попали… — сонно пробормотала она.

— Да? Ну, надо же. — Таня обняла тёплую спросонья дочку. Моя Заюшка… Вот как её отпустить в новый, чужой мир? — Хорошо, а теперь давай, побыстрее вставай, умывайся, а я кашу пошла варить. Пора собираться. Ты помнишь, куда мы сегодня идём?

— Ой, точно! В школу! — Аня радостно вскочила, а Таня по-деловому влезла в цветастый халат, крепко подвязалась поясом и пошла на кухню. В голове завертелась песенка “Учат в школе, учат в школе, учат в школе”, в этом ритме она принялась варить овсянку.

— Андрюш, ну, ты долго лежать будешь? Скоро вылетать пора! — она заглянула к мужу.

— Да-да, миленький, конечно. Доброе утро, кстати. — Он неторопливо поднялся, обнял её.

— Некогда обниматься, — отстранилась она, но потом пригладила его бороду, чмокнула в щёку, улыбнулась. — Доброе утро! Тебе чаю заварить?

— Да нет, Танечка, я сам.

Да, для мужа это святое — целый ритуал, состоящий из неспешных шагов. “Чай надо заваривать медленно, иначе не получится, — говорил он. — И главный еврейский секрет — не жалеть заварки”. А она так не может, вечно спешит переделать кучу дел, чтобы и порядок был, и чисто, и еда готова, и все накормлены… Бежит-бежит, но всё равно не успевает. Вот Аня почти выросла, а она как будто и не наигралась, не набылась с нею вдоволь.

— Анечка, всё готово. Иди ешь, а потом одеваться. Не торопись, каша горячая. — Она заботливо поставила тарелку на стол. Аня уселась, но, судя по хитрым глазам и довольной улыбке, мысли её витали где-то далеко от каши.

— Ну, как ты, готова в школу? — Таня пристроилась напротив, взяла себе бутерброд. Но тут же спохватилась и крикнула:

— Андрюш, ты чай заваришь или нет?

— Да, сейчас, миленький, — ответил он с кухни. А Аня помешала ложкой в тарелке и задумчиво произнесла:

— Не знаю, но думаю, что готова. Я давно мечтала про школу! — заиграла смешная ямочка на щеке. — Так интересно… и страшновато. Но мы с Настей договорились вместе сесть.

Да, хорошо, когда есть подружка, — они с Аней вместе ходили в воскресную школу, играли в спектаклях. Настя забавная, артистичная, но немного привирает — придумывает разные небылицы о себе. Аня, наивная, верит, потом пересказывает ей, а Таня не знает, смеяться или плакать.

Вошёл муж с двумя чайниками. Таня засуетилась:

— Давай, ставь сюда, нет, лучше сразу налей мне… Кролька, а ты чего сыр не ешь? Давай я тебе бутербродик сделаю. А чаю налить? Налей ей чаю, Андрюш. Давай, сливочек добавлю?

— Мама-кошка, ну, что ты всё своего котёнка облизываешь? — улыбнулся Андрей, погладив Таню по плечу. — Она сама большая уже, справится.

— Ну, а как же, ведь это мой любимый котёночек! — виновато засмеялась Таня.

— Я не котёнок и не маленькая, — заявила Аня, — Я вообще-то уже школьник!

— Ты жуй давай, школьник, а то опоздаешь, — усмехнулся папа.

“Да, она уже большая… Когда же я привыкну к этому? А может, для меня она так и останется всегда маленькой?” — подумала Таня.

— Не верти головой, а то на боку получится! Ну вот, петух вышел, он нам тут не нужен, — она заплетает Анины тёмные волосы, чувствует их

жестковатость. “Говорят, волосы — как характер. У меня они совсем мягкими стали. А какие в детстве были косы — длинные, толстые! Мама заплетала их и напевала: “Пёрышки у птички, у Тани две косички...”. До десятого класса я ходила с ними, а потом обрезала, решила стать модной”. До сих пор косы хранятся в шкафу, иногда она достаёт их и вспоминает...

— Ну, прям мои... мои волосы когда-то, — вздохнула она вслух, закалывая Анин завиток.

— Не твои, а мои, — Аня мотнула головой.

— Не вертись! Сегодня должна быть идеальная причёска! — она завязала резинкой кудрявистый хвостик косы, а на макушку ровно посередине заколола пышный белый бант.

— Не криво? Погоди, дай переколю! Ну, куда побежала?! — она устремилась вдогонку за Аней, которая понеслась к зеркалу. Вид у дочки стал праздничным, хитрая улыбка расплылась по лицу, когда она глянула на своё отражение.

— Так, всё, теперь мне надо на себя что-нибудь набросать, хоть на человека стать похожей, — Таня открыла косметичку и начала похлопывать по щекам пальцами, нанося крем, торопливыми штрихами подводить глаза. Пробежала по лицу пуховкой от пудры, вздохнула: “Ох, опять эти синяки под глазами! Почему же я не сплю нормально?”

— Танечка, ну, что? Красивая, красивая! — поддразнил её Андрей. Он подошёл в серой наглаженной рубашке и брюках, причёсанный, только чёрная борода топорщилась, не желая подчиняться.

Таня усмехнулась:

— Да уж покрасивее тебя, — эти фразочки были из их настольной книжки про Незнайку. Андрей погладил её по волосам.

— Осторожно, не выдери последние! — испугалась Таня.

— Да всё у тебя с ними хорошо, не переживай! И костюм мой любимый — сиреневый, ты в нём похожа на учительницу — такую стройную, серьёзную.

Да, костюм этот она тоже любила, её единственный выходной — с белой блузкой, искусственными бусами-жемчужинами, пиджак и юбка цвета нежной фиалки.

— Мам, положи к себе мою Пушинку! — подбежала Аня, протянула белую игрушечную собачку. — Она пойдёт со мной в школу!

“Ой, зачем? С игрушкой? Над ней же будут смеяться”, — заволновалась Таня. Но посмотрела на улыбающуюся Аню и всё же засунула в сумку собачонку.

— Так, давайте, берите букет с балкона и обувайтесь, я сейчас. Фотоаппарат не забудьте! И надо Ане ветровку обязательно надеть — уже не лето.

— Организатор ты наш любимый, — улыбнулся Андрей.

— Ну что, готовы? Всё взяли, ничего не забыли? Пойдёмте. Господи, благослови! — перекрестилась Таня.

Они вышли во двор — Аня несла жемчужного цвета розы с веточками чего-то, похожего на зелёный укроп. Огромный букет, чуть ли не с неё размером. Таня вдохнула утренний воздух — в нём будто перемешались лето и осень. Лето с его беззаботностью, беспечными жаркими днями, когда можно собирать спелую малину с куста, класть в рот и наслаждаться сладкими зёрнышками, хрустящими на зубах, сидеть в тени парка и вязать крючком кофту, пока Аня играет — собирает листики или бегает, ловя ракеткой бабочек...

И осень — с прохладным воздухом, инеем на траве — как сединой в волосах — напоминанием о зиме. С новыми обязанностями и ответственностью — школой, уроками. Как будто встретились детство и взрослость, молодость и старость. И лето уже не вернёшь...

“Теперь я — мама школьницы, первоклассницы. Как же так?” — эта мысль полностью не умещалась в ней.

— Не холодно? Застегнись, может? — она взяла горячую руку Ани. — Ну что, где будем фотографироваться? — оглянулась вокруг. Прямо через дорогу от их подъезда начинался лесок, летом они собирали там малину и бегали по утрам на зарядку.

— Да давайте здесь, на фоне нашего леса, — Андрей вытащил из футляра старенький фотоаппарат. — Кролька, становись на дорожку, сюда, улыбайся. Букет чуть повыше, вот так! Отлично, смотри в это окошко, приготовься, сейчас вылетит птичка, — он щёлкнул.

— А теперь ты, Танечка!

Ей совсем не хотелось фотографироваться — она получалась похожа на черепашку Тортиллу в больших очках. Но Андрей подтолкнул Таню.

— Да всё у тебя хорошо, не переживай.

И она встала чуть сзади Ани, а та подняла букет и выглядывала из-за него, как будто играла в прятки.

— Ладно, пора идти, а то опоздаем, уже десять минут девятого! — Таня взяла за руку Аню, крепко сжала её ладошку. "Держать бы её вот так, быть рядом… А впрочем, нет. Иначе что ж, всю жизнь вести её за руку? Нет, ей нужно и самой. Но страшно, вдруг она свернёт не туда? Надо постепенно ослаблять свою руку. Скоро уже не возьмёшь её так просто, не обнимешь, она и так уже ёжиком бывает. А хочется обнять, уткнуться в пушистые волосы, поиграть с маленькой кудряшкой, вьющейся за ухом", — она вздохнула.

Солнце подмигивало сквозь ещё зелёные листья деревьев, желтоватые кое-где пряди берёз добавляли золотистого света в это утро. Таня глянула на дочку, вышагивающую с букетом, в белоснежных колготках, красных лакированных туфельках, улыбнулась: "А всё-таки здорово, празднично сегодня!"

— Анечка, ты там будь умницей, слушайся Надежду Александровну, подойди в классе, подари ей букет. И внимательно всё запоминай, с Настей не болтай на уроке, — серьезно сказала она.

— Да не переживай, Танечка, она разберётся, — сказал Андрей.

Они вошли на школьный двор, попали в водоворот нарядных ребят с бантами, букетами. У кого-то в руках были шарики. Таня не выпускала Анину руку, нашла первый "В" класс, встала рядом.

— Мам, ну, я сама уже. — Аня освободила руку, нерешительно подошла к первоклассникам, увидела Настю, лицо озарилось улыбкой. "Ну, всё, встретились подружки, я больше не нужна!" — подумала Таня.

Учительница Надежда Александровна в тёмно-синем строгом платье оживлённо улыбалась, оглядывала своих новых учеников. "Теперь она — вторая мама для Ани, как говорится. Ну, что ж, надеюсь, не зря мы её выбрали, она опытный учитель, мудрая, справедливая. И добрая". — Таня смотрела, как на лице учительницы от улыбки появлялись лучики морщинок вокруг глаз, успокаивала себя, но сердце сжималось.

Синий шарик, отделившись от толпы, полетел в вышину, в небо. Видимо, его не удержала детская рука. Он стремился ввысь, подхваченный ветром, а Таня глядела на него — как он удаляется, становится синей точкой и тает в небесах. Почему-то навернулись слёзы. "Не улетай!" — хотелось крикнуть ему.

Поздравления директора разносились над всеми, а перед глазами Тани поплыли кадры, будто она сама вдруг снова стала Танечкой Ивановой. "Как же так? Ведь совсем недавно я стояла с букетом сиреневых астр, в белом переднике и с двумя тугими косичками. И такая толпа детей была вокруг, и праздничный марш звучал, директор нашей школы что-то говорил, а я мечтала поскорее пройти в класс, сесть за парту и получить букварь. Так хотелось почувствовать себя взрослой, с букварём. А потом — и с октябрятской звёздочкой…"

Торжественная часть завершалась, все двинулись в школу дружными рядами. Аня обернулась, кивнула на прощанье и ушла со своим классом, а Таня осталась стоять, выглядывая из-за голов остальных родителей. Зазвучала песня "Школьные годы чудесные… Как они быстро летят, их не воротишь назад… Школьные годы…".

— Танечка, пойдём? — Андрей взял её за руку. — Давай выберемся из толпы?

Они отошли подальше от шумных нарядных ребят, родителей.

У Тани слёзы стояли в глазах. “Время, почему ты летишь со скоростью поезда, и только пейзажи и станции мелькают за окном? А тогда, в детстве, каждый день казался большим, необъятным…”

Вспомнилось, как во втором классе они сделали стенгазету “Охота на учителей” — сами придумали, так красиво нарисовали карикатуры, всю душу вложили… И потом их ругали все, классная руководительница кричала: “Даже Таня Иванова, моя отличница! Как же ты могла!” — И было страшно стыдно.

А в пятом классе сбежали с подружкой и двумя мальчишками с последнего урока и пошли собирать сирень. И Валерка Костин подарил Тане целую охапку, а потом молча проводил до дома и убежал.

А в девятом она организовывала арбузники — дружные посиделки всем классом с песнями, стихами, и в начале вечера разрезали арбуз, обвязывая веревочкой, чтобы он стоял будто целый. В середине праздника верёвочку убирали и — та-дам! — рассыпаются алые дольки, все их подхватывают, хохочут, хрустят спелой мякотью, по рукам течёт сладкий сок. Читают стихи, играют в фанты… Смеющиеся лица, песни под гитару…

Слёзы потекли по щекам, она, как ребёнок, уткнулась в плечо Андрея.

— Ну что ты, моя хорошая? Ну-ну, что случилось? — Он ласково обнял ее.

— Почему… почему жизнь прошла так быстро? — всхлипнула она.

— Миленький ты мой… — Он взял её маленькую руку, почти детскую, в свою — большую. — Жизнь наша временная, быстротечная, ты же знаешь. Она всего лишь пар, являющийся на мгновение и исчезающий. Важно, какие плоды мы принесём… А впереди нас ждёт вечность. — Его голос звучал тихо и мудро. — Но ты не огорчайся, жизнь-то ведь ещё не прошла. Поживём ещё, даст Бог. Да и Кролька вон теперь… Мы вместе с ней всё пройдём, как заново!

— Это да, — грустно сказала Таня, сняв очки и утирая платочком слёзы. — Просто жалко… — Она не договорила.

На школьный двор вместе с остальными ребятами вылетела смеющаяся Аня с букварём, на платье приколота бумажная ромашка.

— Пошли скорее встречать, а то испугается, потеряет нас, — заторопилась Таня. — У меня глаза не красные?

— Чуть-чуть, но это незаметно, всё хорошо. — Андрей взял её за руку. “Что бы я без него делала!” — благодарно подумала Таня.

— Мама, папа! Смотрите! — закричала Аня, протягивая им букварь, скороговоркой выпалила:

— А ещё там такая девушка красивая была, кудрявая десятиклассница, и парень, и они раздавали нам цветки, а потом Надежда Александровна, ой, то есть я подарила ей букет, и нам дали буквари, и сказали… — она остановилась отдышаться.

Таня погладила её по голове, поправила бант, обняла.

— Ты моя хорошая! Здорово! Ну что, давайте сфотографируемся и пойдём гулять?

День разогревался, солнышко по-летнему припекало, Тане захотелось снять босоножки на каблуках, учительский костюм, переодеть удобные туфли и уйти в лес всей семьёй.

И вот они топают к дому, Аня щебечет про школу, про Надежду Александровну, а Таня улыбается. Да, похоже, они и вправду заново переживут всё.

— А давайте купим большой арбуз? — предложила она. — А ещё я испеку кое-что! А сейчас пойдём гулять.

— Ура, давайте! Только гулять пойдём в детский городок, я хочу на корабль! — заявила Аня.

Они шли втроём по солнечной дорожке, вокруг сосны устремляли ввысь свои мохнатые головы, дорожка под ногами была усыпана хвоинками.

— Чувствуете, какой аромат? Нагретая смола и солнце! Это очень полезно, фитонциды, давайте дышите как следует! — И Таня начала сама

глубоко вдыхать, как будто хотела набрать про запас этого янтарного целебного воздуха.

— А смотрите, рябинка уже покраснела, вон какие грозди, видите? — Таня указала на нарядное деревце.

Они вернулись домой.

— Так, ладно, вы разберитесь с арбузом, помойте его как следует, а я пошла переодеваться, готовить обед и печь шарлотку, — распорядилась Таня.

Она замешивала тесто, аккуратно растирая комочки муки, и думала: "Да, сегодня Ане вручили букварь, скоро выдадут новые прописи. Вот так же и мне, да и всем нам дана книга с чистыми страницами — жизнь. А что я пишу в ней? — она отвлеклась, услышав смех Ани, перебор гитарных струн, голос Андрея. — А что я уже написала в своей книге? — продолжила мысль Таня. — Добрые ли это слова, или я порчу листы, пишу ерунду, пропускаю страницы? А ведь они перелистываются день за днём, и неизвестно, когда завершится последняя глава…"

Она выложила тесто в круглую форму, сверху — аккуратные ломтики яблок, посыпала корицей с сахаром.

"Господи, помоги мне написать хорошую, непустую, светлую книгу! И пусть книги моих близких не будут испорчены моим почерком, пусть и в них я напишу о чём-то добром!"

Тесто тонкими дорожками укрывало яблоки, и как обычно, его оказалось чуть меньше, не хватило на всю шапочку для пирога. Таня разровняла его ложкой, улыбнулась. "Да, пусть жизнь течёт быстро, я не могу этого изменить… Но в каждом дне я в силах сделать что-то для других. Чтобы их жизнь стала немножко светлее"…

…Мама, моя хорошая. Как же так? Как это случилось, что тебя больше нет… Я не успела договорить с тобой, и уже ничего не изменишь. Не получится больше пройтись под руку по парку, шурша листьями. И я не смогу взять трубку со словами: "Да, мам, привет, пока не могу говорить, перезвоню через полчаса. А я дописала новый рассказ про тебя!"

Всё это осталось там, в прошлом — и номер телефона, и твоя последняя СМС — на память.

И я проваливаюсь куда-то в разлом между прошлым и настоящим. Выкарабкиваюсь, иду по кромке этого ущелья, решаю текущие дела, улыбаюсь дочке. И снова потихоньку плачу.

Я верю, что душа жива и всё слышит, и пишу тебе сейчас, чтобы выразить то, что не успела, недосказала. Почему мне казалось, что ты будешь всегда? Ты говорила: "Меня может скоро не стать", — а я относилась к этому легкомысленно и не ценила твою заботу, как будто это само собой.

Я вспоминала недавно, глядя на фотографии, наше солнечное первое сентября 1997 года, тебя — такую молодую, красивую, с вьющимися волосами, в сиреневом костюме, похожую на элегантную учительницу. Тогда, в детстве, ты была для меня самой красивой, и я не понимала, почему ты себе не нравилась.

Почему же ты не давала себе отдыхать, жила последние несколько лет в тревогах? Это истощило тебя и не дало сил справиться с болезнью, ты не смогла дышать… Вот бы тебе туда, в больницу, прямо в лёгкие — того янтарного воздуха из нашего соснового леса…

Почему же ты побоялась сделать прививку от ковида? Если бы не это, ты бы сейчас жила! Приезжала бы к нам в Калугу, гуляла с Сонюшкой, любовалась, как ветер гуляет на наших бескрайних полях, как солнце садится за лес.

Я так мечтала, что ты приедешь из шумной Москвы к нам, в нашу тишину… И ты приехала… но иначе: мы похоронили тебя здесь, на калужской земле, и ветер качает макушки сосен над твоей могилой.

Мне трудно в это поверить, это можно принять только по кусочкам, не всё сразу. И потихоньку нащупывать, что я беру в свою жизнь от тебя.

Ведь ты продолжаешь жить во мне.

Когда обнимаю дочку и беру под крылышко в тёплый вязаный платок, сажаю на колени и качаю — как ты меня в детстве.

Когда пеку бисквит, аккуратно растираю комочки муки в тесте, выкладываю ромашкой яблоки и посыпаю корицей.

Смотрю в зеркало и вижу этот серьёзный учительский взгляд, сквозь который проглядывает весёлая жизнерадостная девочка — как ты.

Или вдруг встаю руки в боки и командую: "Значит, так, давайте-ка решим!" — хочу всех организовать, составить чёткий план, всё проконтролировать.

Столько разного живёт во мне — твоего. Тёплого, любимого, родного. И того, что я не принимала, осуждала — хочется завершить это на себе. А любимое и родное — приумножить, передать дочке, выразить в своих рассказах. Чтобы ты продолжала жить через нас.

Как семечко, которое сажают в землю, — и оно прорастает, приносит плод.

Я недавно думала: в чём можно измерить плоды твоей жизни?

Может быть, это написанные книги — те добрые сказки, которые ты создала в последний год жизни — для внуков. Тёплые слова поддержки и тихое сочувственное молчание, когда взгляд и улыбка выражают всю твою любящую душу. Яблочный пирог, испечённый для близких. Дружный вечер с арбузом и песнями под гитару. Маленькая натруженная рука, которая с любовью сжимает и направляет горячую детскую ладошку…

Как измерять плоды жизни человека?

Я верю — там, в вечности, мы поймём это. Узнаем, что правда имело ценность, а что было шелухой.

Верю, что наша разлука не навсегда — иначе всё бессмысленно. Бессмысленно, как холодное тело без души.

А пока я буду продолжать жить и творить с любовью и заботой, как это делала ты.

Мама, спасибо тебе. До встречи. Твоя Кролька.

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

О ПРОБЛЕМАХ ЖИЗНИ И ВЫЖИВАНИЯ

1988 год – разгар перестройки, уже свободно ходит валюта, нищают бюджетники, растёт преступность, один из новых бизнесменов заплатил партийные взносы в сумме 90 тысяч тогдашних рублей. Однако всё это называлось временными трудностями, и вот-вот должно наступить время, когда непонятно откуда должен появиться "социализм с человеческим лицом". А появиться он должен благодаря тому, что все перестроечные новшества пока ещё не касались основ развитого социализма, государства, а точнее, его основания – безопасности. И вдруг... в главном идеологическом органе партии – журнале "Коммунист" – появляется статья Владимира Рубанова под названием "Демократия и безопасность страны".

Это был первый камень, брошенный в систему обеспечения безопасности СССР, которая создавалась отнюдь не разработкой концепций и теорий, а методом проб и ошибок, при постепенном отходе от реализации идей мировой революции к построению многонационального государства, формально ориентированного на большевистские, а фактически – на собственные цивилизационные ценности.

Разрушение указанных основ предполагало переход к некоей иной системе обеспечения безопасности, в фундаменте которой лежали так называемые национальные интересы, а сама безопасность называлась национальной.

И с этого момента все бывшие республики Советского Союза взяли на вооружение концепцию национальной безопасности, в том числе и Россия. Правда, она мгновенно обожглась – вспыхнули в регионе Средней Азии и Кавказа межнациональные "конфликты – и стала изобретать иные названия, то "общенациональная", то "стратегическая".

Элиты союзных республик были более однозначны, им импонировало прилагательное "национальная". Хотя nation в североамериканской традиции никогда не имело национальной окраски или этнического значения и переводилось как согражданство.

В то время, интуитивно почувствовав фальшь данного подхода, я не мог логически аргументировать моё внутреннее несогласие с ним и занялся исследованием сферы общественных отношений, которую условно можно было назвать методологией обеспечения безопасности социальных систем.

В чём же была новизна того подхода, который на "ура" приняли элиты тогда ещё союзных республик? По мнению тех, кто внедрял этот подход, ес-

---

ТРАХИМЁНОК Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, автор 46 книг, издававшихся в Минске, Москве и Санкт-Петербурге. Член Союзов писателей России и Беларуси.

ли есть нация, – а согласно Конституции, ею являлся советский народ, – то необходимо обеспечить благополучие её интересов, то есть безопасность.

Сама по себе идея о необходимости защиты интересов нации или национальных интересов выглядела вполне логично, если не учитывать того, что общество в современном государстве делится на социум и элитные слои, интересы которых могут быть диаметрально противоположны.

Но в США, где родилась идея национальной безопасности, ситуация была ещё более парадоксальной. Дело в том, что государственная машина США формально защищает интересы американского народа, но на деле осуществляет политику некоего частного коммерческого органа под названием Федеральная резервная система. Кто управляет этой системой, можно только предполагать. ФРС можно условно обозначить как мозжечок финансового мозга планеты, иначе – мировой финансовой закулисы. А для того чтобы мозг мог решать поставленные задачи, ему необходимо тело, и таким телом в разные исторические периоды становилось то или иное государство, где мозг сосредотачивал финансовые активы. Это были Карфаген и Рим во времена Античности, Венеция и Генуя – в Средние века. В двадцатом веке это место по достоинству заняли США. И осуществляют эту миссию не только с вселенским размахом, но и с неким вызовом превосходства над всеми иными субъектами международной политики.

Каждый президент США в первые годы своего президентства излагает нации своё ви́дение проблем и перспектив отношения США со всем остальным миром в виде документа, который носит название Стратегии национальной безопасности США.

Начиная с Буша-младшего, основной идеей таких стратегий стал тезис: “Америка находится в состоянии войны”.

Данная фраза предполагала и предполагает неограниченный диапазон средств реализации данной стратегии. А указанные средства призваны обеспечить безопасность американцев в условиях “видоизменившихся вызовов и угроз нового тысячелетия”.

К главным угрозам стратегии последних десятилетий относят терроризм и распространение опасных видов вооружений.

В качестве основ, на которых должна базироваться современная стратегия национальной безопасности США, выбраны:

– защита свободы, справедливости и достоинства людей в различных регионах мира;

– исторически обусловленное мировое лидерство США в растущем сообществе демократических государств, противостоящих современным глобальным угрозам.

Своеобразно сформулирована и главная цель государственной политики США в области обеспечения национальной безопасности: “создание мирового устройства, предполагающего наличие совокупности демократических, “хорошо управляемых” (well-governed) государств, отвечающих интересам их граждан и ответственных перед мировым сообществом, что является лучшим путём обеспечения безопасности американского народа”.

Ситуация, по мнению экспертов, напоминает годы “холодной” войны. С той разницей, что у США появилась новая угроза тоталитарной идеологии, базирующейся не на светской философии, а на извращении “одной из мировых религий” (в первоисточнике – “proud religion” – гордая религия).

Существо и содержание новой тоталитарной идеологии в стратегиях не конкретизировано. И сюда может подпасть всё, что не соответствует представлениям США о мироустройстве вообще и отдельных обществ, в частности.

В стратегиях всегда есть разделы, посвящённые борьбе за свободу и права человека. Свобода и борьба по её внедрению в “несвободные” общества – конёк государств, принадлежащих к цивилизациям Выгоды.

Как правило, в стратегиях делается общий вывод о необходимости глобального продвижения демократии для защиты американской нации и её национальных ценностей с целью покончить в мировом масштабе международными усилиями с тиранией. А также перечисляются страны, народы которых, по мнению авторов указанных документов, в первую очередь, знакомы с данным явлением: КНДР, Иран, Сирия, Куба, Беларусь, Бирма и Зимбабве.

По отношению к России стратегии занимали сдержанную позицию, с одной стороны, выражая готовность США тесно взаимодействовать с Россией по

ряду стратегических вопросов, представляющих взаимный интерес, и обсуждать вопросы, в которых эти интересы расходятся, одновременно объясняя причины этого, к коим относили географическое положение и мощь, а также возможность оказывать влияние на регионы, входящие в сферу жизненно важных интересов США, то есть на Ближний Восток, Южную и Центральную Азию, а также Восточную Азию. И, разумеется, выражалось сожаление об "уменьшении" приверженности России к "демократическим" свободам и институтам. Указывалось, что попытки прервать демократическое развитие будут препятствовать строительству отношений с США, странами Европы и ближнего зарубежья.

Итак, все постсоветские государства в рамках общей моды на вестернизацию, а точнее – в рамках внешнего концептуального управления взяли на вооружение доктрину национальной безопасности, в основе которой лежали их интересы.

Мы настолько привыкли к этому понятию, что считаем его русским. И заглянув в современные справочники, можем найти самое общее определение интересов, как осознанных и оформленных потребностей. Однако у него иностранные корни, и если смотреть глубже и вспомнить А. Шишкова, который не столько боролся с иностранщиной, сколько требовал, чтобы все иностранные слова переводились на русский, то перевод этот весьма прост. Интерес – это корысть. Отсюда выражение "сфера интересов" означает сферу корысти. И всё некорыстное из неё выпадает, в нашем случае – не является объектом обеспечения безопасности.

Сегодня этому не стоит удивляться, ведь основу того общества, которое создавалось на смену социализму, составляла корысть, и она же была центральным ориентиром его идеологии.

Хотя само общество официально на уровне закона наличие любой идеологии отрицало. Но парадокс заключался в том, что, не будучи прописанной нормативно, она существовала фактически в качестве либерально-буржуазной, поскольку государственно-образованное общество не может существовать без определённой идеологии.

Трудно понять, почему это не воспринималось правящими элитами или, как модно их называть, "истеблишментом". Возможно виной всему господство в течение почти семидесяти двух лет марксистско-ленинской теории, фундамент которой составлял материализм, хотя и диалектический, что на второй-третий планы отодвигало в государственном строительстве духовные основы.

И хотя так называемый цивилизационный подход с его значимыми адептами на Западе и в России существовал с конца девятнадцатого века, российским истеблишментом он никогда не рассматривался в качестве основы для практического государственного строительства. Объяснялось это вышеуказанной причиной, а также тем, что формационный подход всегда выглядел предпочтительней с позиций логики и простоты, чем некая трудноуловимая духовность.

И тем не менее цивилизационный подход более адекватно иллюстрирует процессы выживания большинства человеческих сообществ на Земле, тогда как формационный более чётко отражает процессы у той части человечества, главной ценностью которой является корысть.

Кстати о выживании. В девяностые годы только ленивый не нападал на термин "выживание". Хватит выживать, говорили, в частности, младореформаторы, нужно жить. Но всё дело в том, что всё человеческое существование – это процесс выживания и преодоления вызовов со стороны пространства, климата, цивилизационных соседей и пр. И в том, в какой момент мы оцениваем это состояние. Если у нас достаточный ресурс и запас прочности – такой период называется жизнью, в условиях истонченного ресурса – выживанием.

Наиболее известные адепты данного подхода А. Тойнби, О. Шпенглер, Н. Данилевский описали и создали классификацию локальных цивилизаций на Земле, положив в её основу нематериальные признаки. Это главное отличие от подхода формационного. Тойнби, в частности, описал более двух десятков локальных цивилизаций, из которых на Земле осталось всего восемь.

Куда же исчезли остальные? Они не улетели на Луну и не провалились под Землю. Они не выдержали цивилизационной конкуренции и стали ресурсом для других цивилизаций.

Причём Тойнби принадлежит заслуга ответа на вопрос: кто же сумел выжить в цивилизационной конкуренции на Земле и кто же выбыл из этой цивилизационной гонки?

Выигравших отличало:

– умение приспособиться к пространственно-климатической среде обитания;

– умение частично приспособить, преобразовать среду обитания для своих нужд;

– способность создавать идеологические конструкции выживания, которые чаще всего имеют форму конфессий, реже – философских учений.

И ещё одна особенность этого процесса зафиксирована в шутливой форме: что русскому хорошо, то немцу – смерть. Таким образом, закреплено правило, согласно которому перенос принципов выживания одной системы в другую разрушителен для последней.

Итак, существующие, а точнее – выжившие в геополитической борьбе цивилизации продолжают межцивилизационное взаимодействие, которое включает в себя, с одной стороны, содействие, с другой – противодействие друг другу.

Следует отметить, что современные классификации локальных цивилизаций не выдерживают критики, потому что составлены с нарушением правил формальной логики.

Мы постоянно сталкиваемся с такими определениями цивилизаций, как североамериканская, западноевропейская, мусульманская, славяно-православная, конфуцианская и так далее.

В формальной логике такая ошибка называется делением по разным основаниям. Но когда кто-то делит фильмы на отечественные, иностранные и скучные, эта ошибка фиксируется и понимается сразу. А когда мы видим, что в классификацию локальных цивилизаций положены разные признаки: этническая и конфессиональная принадлежность, географическое положение и пр. – это почему-то не вызывает протеста.

Если мы исправим эту ошибку и приведём все локальные цивилизации к одному знаменателю, например, к высшим ценностям или даже квинтэссенциям этих ценностей, то получим всего три группы цивилизаций.

Цивилизации Выгоды или Прибыли,

Цивилизации Долга

И цивилизация Правды.

Здесь стоит отметить ещё одну особенность: цивилизационные ценности трудно уловимы в спокойные инерционные периоды развития. Но стоит оппонентам начать их переоценивать, посягать на них или подменять – это мгновенно вызывает реакцию сопротивления. Причём чем выше пассионарность той части человеческого сообщества, ценности которого переоцениваются, тем активнее сопротивление.

Цивилизации Выгоды, по классификации геополитиков, – талассократические. К ним могут быть отнесены в современной трактовке западноевропейская, североамериканская и их анклавы.

Цивилизации Долга, к коим те же геополитики относят теллурократические цивилизации (мусульманские, конфуцианские, индуистские), среди которых можно выделить весьма специфическую, – Россию, которой в большей степени подходит название цивилизации Правды или Справедливости.

Пять лет назад, в столетие Октябрьской революции много копий было сломано в суждениях о её причинах. И все почему-то говорили о том, что народ хотел более комфортной жизни, поскольку западнее были примеры благополучного буржуазного бытия. Ничего подобного – революцию поддержало большинство населения России, потому что ждало от неё не сытого бытия западноевропейских рантье, а более справедливого в соответствии с цивилизационными традициями жизнеустройства.

В каждой цивилизационной группе при всей её специфике социальное регулирование может определяться законом и традицией. Причём закон, как правило, регулирует отношения, которые поддаются фиксации и имеют стоимостные критерии, всё остальное относится к традиции. Здесь следует отметить, что в цивилизациях Выгоды доминирует правовые регуляторы, а во всех остальных – традиционные.

Совершённая Петром Первым идеологическая диверсия – продление Европы до Урала, а также переход с летоисчисления со дня Сотворения мира в Звёздном Храме на хронологию от Рождества Христова – отодвинули традиционные принципы организации жизни на данном пространстве на второй план. А выдвинули в социальном регулировании на первый план закон, который защищал, прежде всего, не столько способы выживания, сколько (по Марксу) интересы господствующих классов.

Я хорошо помню, что в восьмидесятые годы прошлого века многие экономисты Советского Союза, особенно молодая поросль, не просто иронически относились к социалистической экономике в силу активного вмешательства государства в рыночные отношения, а просто не называли её экономикой. Главный тезис младореформаторов того времени: "На смену нежизнеспособной экономике социализма должен придти эффективный частный собственник".

Всё это не просто провозглашалось, но и аргументировалось теориями, идущими от Адама Смита. И никто не обращал внимания, что эти концепции более соответствовали процессам, которые происходили в так называемых талассократических (морских) государствах, тогда как для теллурократических (континентальных) государств более подходила теория Фридриха Листа, суть которой в том, что в континентальных государствах в частных руках могут находиться только структуры среднего и мелкого бизнеса, тогда как основные системообразующие отрасли должны всегда находиться в собственности и управлении государством. Причём в экстремальных ситуациях под контроль государства может подпадать и средний бизнес, а что касается мелкого, то он находится и должен находиться вне сферы государственного управления.

Степень участия государства в экономических отношениях в данном случае объяснялась тем, что в соответствующих неблагоприятных климатических условиях многие сферы человеческой деятельности являются нерентабельными и не представляют интереса для частного бизнеса. Отсюда необходимость перераспределения ресурса в те области, которые не дают прибыли, но необходимы для существования общества и государства.

Кстати, это является и основой для формирования конфигурации гражданского общества в теллурократических государствах.

Теперь несколько слов о традиционном регулировании общественных отношениях.

С 2012 года мне приходилось участвовать в работе Конгресса юристов Евразии в Екатеринбурге в качестве сопредседателя экспертной группы "Государство. Право. Безопасность". В ходе работы данной группы много внимания уделялось проблемам, а точнее – побочным последствиям цифровизации, иммунизации, генетической паспортизации, ментальных войн и пр.

Следует заметить, что и раньше многие аспекты безопасности российского общества обсуждались в рамках деятельности данной группы, однако выводы докладчиков сводились к выявлению проблем безопасности и предложениям запретить ту или иную деятельность как являющуюся угрозой безопасности России, то есть к обычной для правового регулирования юрисдикционной, охранительной функции, задача которой – устранить чуждые или приносящие вред обществу отношения.

Алгоритм охранительной функции права вполне понятен – вытеснить или смикшировать. А чем заменить? Следует отметить, что юристы настолько привыкли к дуальной логике правового регулирования, что не воспринимаем ничего альтернативного.

Когда-то в молодости я услышал одну из притч о Ходже Насреддине, которого назначили кади.

В сознании многих россиян Насреддин – это герой анекдотов, не более. На самом же деле он дервиш и иллюстратор так называемого суфийского мировоззрения. Так вот, в той притче Насреддин судит каретника и владельца кареты. Владелец кареты поясняет:

– Вчера попросил каретника сделать новое колесо, заплатил за это деньги, но когда поехал, то колесо развалилось, поэтому каретник должен изготовить мне новое колесо и уплатить неустойку.

– Да, – сказал Насреддин, – в этом споре прав ты.

– Выслушай и меня, – сказал каретник. – Вчера я действительно сделал этому человеку колесо и получил за это плату, но он поехал в карете в горы, а в горы на каретах не ездят, и колесо у него развалилось. В этом споре прав я.

– Да, – сказал Насреддин, – в этом споре прав ты.

– Ходжа, – заметил секретарь кади, – в споре не могут быть правы обе стороны.

– Верно, – сказал Ходжа, – и ты прав тоже.

Аналогичные принципы разрешения споров существует не только у суфиев. И в истории России есть подобные примеры. Речь идёт о так называемой северной традиции выживания, сформировавшейся в суровых пространственных условиях Севера.

На протяжении последних лет об этом с докладами на Конгрессе выступали, в частности, Г. Чеурин и Е. Семаков. Самое удивительное, что в регулировании споров в рамках указанной выше традиции используется не привычная для юристов двоичность, а троичность.

В подтверждение своих выводов Г. Чеурин, в частности, приводит отражение данного принципа в государственной символике Руси в допетровские времена. Это трёхглавые орлы, которые нет-нет да и встречаются в металлическом литье тех времён.

Адепты данного подхода в качества символа создали русскую Богиню Правосудия Православу. В отличие от Фемиды, меч у неё в ножнах, повязка на глазах отсутствует, а в руке не две, а три чаши.

Парадокс заключается в том, что использование в разрешении споров так называемой третьей чаши, обладатель которой не является защитником одной из спорящих сторон, даёт совершенно неожиданный эффект – эффект возникновения качественно нового решения, которое устраивает обе спорящие стороны.

Таким образом, следует отметить, что традиционное регулирование не исчезло, оно затаилось в определённых социальных нишах и всегда пробивает дорогу в первые ряды социального регулирования в критические моменты для выживания общества и государства.

Почти весь XVIII век, лишившись своей истории, дворянские отроки обучались английскими, немецкими, но в большей степени французскими гувернёрами. И основными предметами были западноевропейская история и французский язык. Отсюда поклонение всему французскому, в том числе военному кумиру дворянской молодёжи конца XVIII – начала XIX века Наполеону.

Однако война 1812 года расставила всё на свои места. У истории нет сослагательного наклонения, но если предположить, что канцлером при Александре Первом мог стать Карамзин, ход войны, а возможно, и результат мог быть иным. Но Провидение поставило на этот пост вице-адмирала А. Шишкова, известного блюстителя русского языка, воззвания которого способствовали тому, что война из войны армий перешла на уровень войны народной, страшнее которой для захватчиков и оккупантов не бывает ничего.

Удивительно, что заслуги А.Шишкова в той войне нивелировались не столько замалчиванием его роли, сколько переводом оценки его деятельности в иную ипостась. Оппоненты не нашли ничего другого, чтобы оставить его в русской истории как ниспровергателя новаций в русском языке. Он так и остался в школьных и вузовских учебниках как чиновник при императоре, призывавший называть калоши мокроступами.

На самом же деле он, как и Г. Державин, призывал лишь переводить на русский употребляемые иностранные слова, чтобы не терялся смысл сказанного. Что очень важно особенно в системе обеспечения безопасности, так как неверно обозначенная угроза не вызывает необходимой в данном случае ответной реакции.

В середине XIX века к России тихой сапой подкрадывается капитализм. В начале второй его половины происходит эпохальное событие – отмена крепостного права, – что выдаётся за некий альтруистический порыв правящего класса. И уж никто не смотрит на то, что двумя годами позже в США так же отменяется рабство, которое в Америке признавалось незыблемым, так как, согласно решению Верховного суда США, освобождение рабов посягало на другую фундаментальную основу американского общества – институт частной собственности.

Отмена крепостной зависимости и рабства были нужны капиталу. Формирующемуся мировому рынку был необходим приток свободной наёмной рабочей силы. И создать его можно было только отменой крепостного права в России и рабства в США.

Последовавший после этого рывок в развитии капиталистических отношений это подтвердил. Капитал, будучи международным явлением, диктовал участникам мирового рынка свои правила игры, отодвигая на второй-третий планы традиционные социальные регуляторы в странах-участницах. Отсюда становятся понятными попытки разрушить коллективистские формы хозяйствования в России. Частным вариантом этого процесса являлись попытки Столыпина разрушить крестьянскую общину.

В России становление капитализма отличалось своей спецификой. Доминирующее положение в сфере предпринимательства стали занимать не дворяне, а так называемые капиталистые крестьяне, в основном выходцы из старообрядцев. Первое их поколение часто совместно с наёмными рабочими лично участвовало в создании капитала и мало чем отличалось от последних, второе поколение выглядело уже респектабельными промышленниками, а третье – финансировало будущую революцию.

Чуть иначе выглядел финансовый капитал. На первый взгляд, он находился в руках российского еврейства, однако уже с самого начала формировался как часть мировой финансовой закулисы.

Однако усложнение общественных отношений в сфере капитала требовало исполнения обязательств в отношениях контрагентов, что отчасти также нашло выход в традиционном регулировании в рамках деловых отношений. Это были как писаные, так и неписаные правила поведения, не относящиеся к праву.

В основе их лежал принцип "...прибыль превыше всего, но Честь – выше прибыли". И не только выше прибыли. Ведь служилый люд знал: "душа – Богу, сердце – даме, жизнь – государю, честь – никому".

Вот тут бы и вспомнить, почему в русской традиции Честь была выше жизни?

Вот как объясняет это один из адептов русской традиции Г. Чеурин – участник Полярной экспедиции 1982-1983 годов на собачьих упряжках от Узлена до Мурманска: "Всё очень просто: мы живём на Севере, путешествуем много, тщательно готовимся... но в реальной экстремальной ситуации всё, заранее подготовленное, – не работает.

Причём путешествие на природу для русича – это же не тяжкое испытание. Скорее, радость. Наиболее тяжелы путешествия в мир людей. Людей с иным взглядом на жизнь...

Пережившие "лихие девяностые" могут подтвердить, что никакие бизнес-тренинги не давали ответа на насущные вопросы организации своего дела. Даже собственный вчерашний опыт оказывался бесполезным, конкуренты были не глупее... Приходилось "смекалкой солдатской" только и спасаться...

Да, не способный к творчеству – не способен выжить на Севере. Не придумал – умер, уже через несколько часов.

Жёстко, но справедливо. Это на Севере несколько часов решают всё, потому – не удивляйтесь – на первый план выходит уровень нравственности, а на Юге грех может "пролонгироваться" и отразиться в следующем поколении (закон кармы)...

Более того, ситуация, которая с вами может приключиться, вообще из разряда "впервые в истории", и без творческих способностей человек элементарно погружается в панику. И "самурайский вариант" в нашей традиции недопустим – дома ждут. А вот "сотворил" и спасся..."

Таким образом, Честь как вершина нравственности определяется автором вышеуказанных рассуждений как способность к творчеству и высший фактор культуры, потому что культура в методологии обеспечения безопасности – основа выживания человека и человечества.

В художественной литературе это видно наиболее отчётливо.

В Беларуси в первое воскресение сентября проводится День письменности, в рамках которого традиционно планируется круглый стол. В прошлом году он был посвящён проблемам справедливости и её отражению в художественных произведениях.

Во время дискуссии было много определений понятия справедливости. Мне как учёному, читающему курс лекций по теории права, каждый год с первой лекции приходится сравнивать такие понятия, как "право", "правда", "справедливость", "праведность", и находить один корень в них. Но на самом деле это весьма поверхностный взгляд на проблему.

Истинное значение справедливости, смысл его раскрывается иначе. Это сложное слово состоит из двух понятий: справы, то есть дела, и веды, то есть ведических правил, которые служили основой выживания во времена, предшествующие современным идеологиям и конфессиям.

Фактически это жизнь. Правда и Справедливость являются ключевыми цивилизационными ценностями. Это интуитивно понимают все. Но стоит только попытаться определить их с позиций научной методологии или просто формальной логики, суть их мгновенно ускользает.

И только писателям через образы, сюжеты, поступки персонажей удаётся это сделать. Но только в том случае, если и писатели, и читатели имеют один культурно-генетический код.

Вот как выглядит название текста об истории женщины в разных системах цивилизационных ценностей.

"История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж".

"История Молль Фландерс, которая родилась в Ньюгетской тюрьме, была содержанкой, воровкой, ссыльной, а под конец жизни разбогатела..."

Разумеется, при обсуждении воплощения справедливости в художественных произведениях обсуждался и вопрос о доведении книжной продукции до читателя.

В своё время очерки Джека Лондона с Юкона пользовались бешеным успехом.

В литературоведении советского периода этот, безусловно, талантливый очеркист значиться "певцом Севера и мужества". Описанная им "золотая лихорадка" и то, как крутые американские парни, искатели приключений, пришли на Аляску в поисках золота и освоили её, "промыли" мозги всему миру. И весь мир считает, что именно так и было. Хотя Аляска была уже освоена более ста лет.

На самом же деле произведения Джека Лондона (а это был прямой заказ компании, которая организовала "золотую лихорадку") имели прагматическую цель: привлечь участников и значительно нажиться не только на продаже участков, но и на содержании инфраструктуры добычи золота – посёлков старателей, оказании услуг им и так далее. Достаточно сказать, что созданная компанией конная полиция не пропускала в зону добычи золота людей, имевших при себе менее 400 американских долларов. Сумма по тем временам огромная.

Чуть позже Джек Лондон написал повесть "Джон Ячменное Зерно". Книга эта разошлась миллионными тиражами. В США, в стране, где никто шага не сделает бесплатно, на чьи-то деньги стали возникать общества борьбы за трезвость. Многие писатели включились в эту кампанию и довели градус общественного мнения и сознания до выводов: "Нация вырождается", "Ещё немного и американцам конец", "Так жить нельзя". Сравните с аналогичной кампанией в СССР в 1985 году. Это "движение" привело к принятию "сухого закона". Впоследствии это было признано ошибкой государственного управления.

И дело было не только в том, что огромные средства от нелегальной торговли спиртным пошли мимо государственного бюджета и не участвовали в решении социальных проблем. И даже не в том, что на этом нажились бутлегеры. Никто не обратил внимания, что закон разорил мелких и средних производителей ячменя и пшеницы, их производство было за бесценок скуплено несколькими крупными банками, которые после отмены "сухого закона" стали монополистами в данной сфере.

Трудно говорить о том, как расплатились заказчики с писателем, сыгравшим не последнюю роль в этих акциях. Но его смерть от передозировки наркотиков – лучшая иллюстрация вербальных отношений писателя с бизнесом.

Однако с этим не всё так просто. Джек Лондон действительно выполнял заказ частных фирм, но опирался он на те же качества, которые проявляются у человека в экстремальных ситуациях, о которых, в частности, писал Г. Чеурин. И поэтому он близок русскому читателю так же, как и американскому, поскольку среди описанного им есть и такой ориентир, как справедливость.

За сто пятьдесят последних лет наше цивилизационное пространство второй раз вбрасывалось в капитализм. И второй раз диссонанс разнонаправленных цивилизационных ценностей привёл к потере социального управления.

В рамках информационно-психологических войн наиболее опасной формой разрушающей основы выживания является подмена цивилизационных ценностей. Например, ценностей цивилизации Справедливости на ценности цивилизации Выгоды.

Представителям цивилизации Правды объективно легче найти общий язык с представителями цивилизаций Долга.

Книги, сюжеты которых основаны на принципах справедливости, должны быть основой школьных программ. Нужно вернуться к принципам массовой советской школы как единого процесса, где каждого ребёнка учили высшим базовым ценностям культуры и литературы. Конечно, не каждый может усвоить их в полном объёме, но давать их нужно всем.

Сюда же относится и усиление гуманитарного компонента в технических вузах.

В последующие годы мы должны отказаться от американского формата обеспечения безопасности, положив в его основу цивилизационные ценности, сформировавшиеся под влиянием наших пространственно-климатических и исторических условий.

В процессе противодействия традиционных государств транснациональным корпорациям у России исторически место лидера для объединения вокруг себя представителей цивилизаций, не ориентированных на Выгоду. Этому объективно способствует огромная территория и многонациональное население как своеобразная база для образования различных вариантов выживания в случаях возникновения неординарных вызовов природы и истории.

Минск, 2022

АЛЕСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ПОДВОДЯ ИТОГИ – 2022

2022 год войдёт в историю России как год знаковый, рубежный. Причём на этот раз речь идёт одновременно как о международной, так и о внутренней повестке дня, поскольку 24 февраля изменило положение нашей страны сразу в обеих этих сферах. Эти изменения я расцениваю в общем как положительные, дарящие оптимизм. Попробую объяснить, почему.

Мир и война

С тех пор, как у нашей страны радикально изменился весь строй и поменялись политические векторы, прошло тридцать лет. За этот срок выявились и предельно вызрели все противоречия, заложенные в ходе ломки советского и утверждения нового, буржуазно-демократического строя.

При этом внешний мир тоже пережил радикальную трансформацию и тоже преисполнился назревшими противоречиями, что, конечно же, отражается и на положении в нём России. В основном речь идёт о стремительном взлёте и падении США как мирового гегемона, "последнего суверена", как именовал их Збигнев Бжезинский. Сегодня мир наблюдает начало агонии этой сверхдержавы, которую, с одной стороны, вытесняет с пьедестала Китай (при активной поддержке России), а с другой – лихорадит и трясёт первыми конвульсиями назревающая гражданская война, вызванная глубоким расколом общества как по социальным, так и по расово-этническим граням. В правление предыдущего президента – Трампа – Америка была достаточно разумна, чтобы продекларировать самоустранение с поста гегемона и мирового жандарма, что свидетельствовало о трезвом понимании ситуации. В правление Байдена состоялся временный триумф реваншистов, но это лишь поверхностный эффект, не могущий скрыть истинную тенденцию. Сверхдержава пошатнулась, и это сотрясение чутко уловили политические сейсмографы всего мира, а прежде всего – стран Запада, её сателлитов поневоле.

Необъявленная война, которую США повели против России в расчёте ослабить тылы Китая и подорвать его позиции в мире, на деле служит катализатором экономических и политических противоречий в самих Штатах. Россия представляет для Штатов угрозу не сама по себе (поскольку до ядерной войны с нею дело, скорее всего, не дойдёт), а как "чёрная дыра", поглощающая энергию и ресурсы Америки, ничего не давая взамен. Расчёт, что Россия рухнет и позволит в очередной раз себя ограбить и раздеть до нитки, чтобы продлить существование дряхлеющего Запада, явно не сработал. Да, нам трудно, но мы живём, активно перестраиваемся и намерены выстоять и победить. В связи с чем сознание бессилия, нервируя американский истеблишмент и усугубляя раскол во всём американском обществе, подрывает основы *Pax Americana*.

Что же, каковы итоги 2022 года для России в свете сказанного?

Во-первых, мы смело шагнули навстречу своей судьбе.

Ещё в 1990-е годы наиболее прозорливым политологам было очевидно, что мечта Запада — разорвать Россию, покончить с ней навсегда и раздербанить её наследие. После Мюнхенской речи Путина всем стало ясно, что этот замысел полностью разоблачён нашим руководством и осуществить его легко и незаметно не удастся. Но Россия принципиально не шла на обострение отношений с Западом, наивно надеясь, что конфликт "рассосётся". Мы продолжали играть в "партнёрство" и тогда, когда уже всем было видно, к чему дело идёт.

Между тем противник наращивал угрозу, продвигая НАТО всё ближе к нашим границам, разжигая конфликты по их периметру, готовя Украину на роль тарана в грядущей атаке на Россию, организуя майданный переворот. В 2014 году мы ответили на это воссоединением с Крымом и восстанием Донбасса. Наши ошеломительные победы под Иловайском и Дебальцево навсегда вписаны в историю русской воинской славы. Судьба Мариуполя висела на волоске, в тот момент русские войска могли взять этот ключевой город Приазовья без большого труда.

Но затем произошло что-то, чего мы толком не знаем. Победоносная русская армия была остановлена, и результаты её подвига, как не раз бывало в русской истории, оказались отправлены в чулан руками политиков и дипломатов. Наступило целое восьмилетие, в ходе которого украинские позиции усиливались. Как можно понять, это было во многом связано с необоснованными надеждами Кремля на то, что украинские националисты, захватившие власть, образумятся и вспомнят о русско-украинском братстве и единстве. Отсутствие у руководства России элементарных представлений о том, что такое этногенез, этнократия, национальное государство, сказалось роковым образом. За эту чудовищную этнополитическую безграмотность и просчёт нам приходится сегодня дорого платить.

Время работало в целом против нас; решимость Запада покончить с Россией руками украинцев возрастала. Тотальная бандеризация и дерусификация накрыла всю Украину от Львова до Харькова, превратив в русофобов даже этнически русскую молодёжь. Готовность украинцев воевать против русских, их оснащённость и слаженность, их боевая выучка также росли в ходе АТО. К февралю 2022 года на Донбассе сосредоточилась группировка ВСУ до 150 тысяч человек, вооружённых до зубов. Украинский официоз открыто грозил подавлением Донбасса и захватом Крыма. А мы всё мямлили что-то про Минские соглашения...

Конечно, мы тоже не теряли времени даром, проводили учения, наращивали боевую мощь, создавали новые виды оружия. Создали ракету "Сармат", сразу осадившую натовцев. Если бы в 2014 году Запад решился вмешаться в русско-украинскую войну силами НАТО, нам было бы труднее его сдерживать, чем сегодня. Да и экономика наша могла бы не выдержать. Кроме того, за эти восемь лет на Донбассе сложился мощный военный корпус на базе ополчения. Сегодня он стал нашим ударным кулаком.

Однако в целом выжидательная позиция была для нас — этого не скрыть — вынужденной, она отзывалась в русской душе чувством обидного бессилия, попранной справедливости. "Мы долго молча отступали, досадно было, боя ждали..." Но в феврале 2022 года мы, наконец, нашли в себе силы ответить на вызов эпохи. Мы поступили достойно, вернули себе самоуважение. И теперь не можем отступить, не выполнив предназначения. Это главный итог года.

Во-вторых, произошла глубокая, фронтальная, хочется верить, необратимая расстыковка России с Западом, чего я ждал тридцать лет, как манны небесной. Никакой единой Европы от Лиссабона до Владивостока больше ожидать не следует. Дело в том, что за XX век внутренняя сущность Запада радикально изменилась, он предал сам себя и вывернулся наизнанку, как перчатка. Чёрное стало там белым, белое — чёрным, все идеалы прошлого преданы и растоптаны, о былые знамена белого христианского человечества сегодня вытирают ноги едва ли не все прочие этносы мира. Лично мне вполне очевидно, что народы Запада на наших глазах вымирают и вырождаются, сдавая свои территории, своих женщин, свои сокровища, идеалы и устои, блистательное наследие своих предков народам, палец о палец не ударившим, чтобы создать

всю эту роскошь и богатство, в том числе духовное. Для меня вполне ясно и понятно, что этот сияющий огнями "Титаник" не сегодня-завтра пойдёт ко дну, втягивая в свою воронку сателлитов, и первейшая задача России – максимально далеко отгрести от этого обречённого плавсредства. Я не завидую тем, кто купил себе билет на этот лайнер, и откровенно рад, что наша страна сознательно начала дрейфовать от него в сторону, разрывая идейные, морально-политические связи с Западом. Тем самым у России появился шанс выжить и стать надеждой и оплотом для нормальных людей всего мира, сохранивших верность традиционным ценностям. А это, как мы знаем, дорогого стоит. Таков второй, самый долгожданный и долгосрочный по своим последствиям итог, который наконец-то сбылся.

В-третьих, мы расстались со многими иллюзиями, мешавшими нам нормально жить и нормально воевать. Мы, очень хочется верить, прозрели.

Мы долго обманывали себя сами, продолжая считать украинцев единым народом с русскими, народом-братом, в то время как сами они давным-давно уже так не считают, поскольку по большей части трансформировались в бандеровцев, особенно молодёжь. Упорство и ожесточённость, с которыми воюют украинцы против "клятых москалей", "оккупантов", их мотивированность, агрессивные установки украинской пропаганды свидетельствуют об этом однозначно. Как и непрекращающиеся теракты на освобождённых территориях, деятельность там не только ДРГ ВСУ, но и партизан, включая несовершеннолетних. Как и воссоздание батальона "Азов", в который вновь вступили отпущенные нами (по простоте душевной?) пленные "азовцы" из Мариуполя. Мы тешили себя надеждой, что-де идейный морок рассеется над Украиной и всё будет по-прежнему, экономика всё вернёт на свои места. Но всё дело в том, что этнополитические проблемы в принципе не решаются политэкономическими средствами, и мы начинаем это понимать. Это прозрение очень важно.

Мы долго позволяли Западу водить себя за нос, морочить нам голову Минскими соглашениями. Признание Меркель на сей счёт очень полезно, оно не оставляет почвы для двойной оценки этих соглашений: перед нами чудовищный провал российской дипломатии, показывающий, чего стоила наша прекраснодушная внешняя политика в отношении западных "партнёров". Точно таким же обманом в сочетании с самообманом выглядит так называемая зерновая сделка, в результате которой Украина получила немалые средства на оплату поставок новейшего оружия и организовала атаку морских дронов на Черноморский флот, а Россию опять обвели вокруг пальца. Не менее того глубоко ошибочными кажутся неравноценные обмены пленными (особенно с участием Медведчука), когда выпущенные под честное слово "азовцы" потом оказались против нас на фронте с оружием в составе нового батальона "Азов".

Мы долго питали необоснованные иллюзии также в отношении некоторых бывших республик СССР и членов ОДКБ (например, Казахстана), стран бывшего Варшавского договора, да и более отдалённых друзей и деловых партнёров в мире. Война и санкционный режим, введённый Западом, многих заставили проявить себя, открыть свою подлинную сущность и своё отношение к России. Мы познали на опыте, кто нам истинный друг, кто только прикидывался им, а кто питает к нам враждебные чувства. И теперь этого уже не забыть. Помимо всего прочего, важнейшим фактором следует считать пророссийскую позицию Китая, поскольку она ярко показывает, как основное противостояние эпохи (между КНР и США), так и место России в этом противостоянии (рядом с КНР). Наступившая последняя определённость в международных отношениях, проявленная войной, – очень полезная вещь. Лишь бы этот урок не забылся...

Мы увидали, наконец, в лицо практически всю нашу пятую колонну, всех фрондёров с вечной фигой в кармане, всех злопыхателей, идейных врагов России и русского народа. Хотя, по правде говоря, думаю, что значительная их часть затаилась и выжидает своего часа, сидя под маской верноподданности. Но всё же в России произошёл процесс массового самоочищения – пролог для массовой люстрации, которая должна наступить ещё до нашей победы в войне, а уж после – и подавно. Мы узнали, кто есть кто рядом с нами, и не забудем этого впредь.

Вот какие главные позитивные итоги вижу я в уходящем году. Но важно ведь не то, что вижу и понимаю я, а то, видит ли и понимает ли всё это Кремль?

О чем сигнализирует Кремль

Путин, как мне кажется, вполне прозрел и усвоил все эти уроки. Об этом говорит простой факт: он признал – публично и широковещательно – свои ошибки.

Главное – на встрече с матерями воюющих на Украине бойцов он сказал, что мы ошиблись, понадеявшись в 2014 году на мирное урегулирование вопроса, вместо того чтобы тогда же провести СВО и решить проблему своевременно и радикально. Я никогда не думал, что Путин выговорит эти слова. А он нашёл в себе мужество это сделать. Вот его признание: "Что касается 2014 года. Задним числом мы все умные, конечно, но исходили из того, что, может быть, удастся договориться, и Луганск, Донецк как-то в рамках договоренностей – Минских договоренностей, о которых Вы наверняка знаете, – всё-таки смогут как-то воссоединиться с Украиной. Мы искренне к этому шли. Но мы же не чувствовали до конца настроение людей, до конца невозможно было понять, что там происходит... Но теперь, наверное, стало очевидным, что это воссоединение (с Россией. – **А. С.**) должно было бы произойти раньше. Может быть, и не было бы столько потерь и среди мирных граждан, не было бы столько погибших детей под обстрелами и так далее". Что ж, избавление от такой иллюзии, на мой взгляд, очень важный рубеж. Сам-то я писал ещё в 2014 году, что мы зря не прошли железным маршем от Харькова до Тирасполя, поскольку всё равно это придётся делать позже, только с неизмеримо большими затратами и потерями. Но сегодня Путин сам дошёл до этого признания. Мы лишний раз убедились, как опасны доверчивость, прекраснодушие и донкихотство в политике...

Путин не раз признал уже и то, что начало спецоперации было спланировано стратегически ошибочно, что противник был оценён совершенно неверно во всех отношениях (и прежде всего, в идейно-политическом, ментальном), что наши иллюзии по его поводу оказались разбиты. Это дорого нам обошлось. Но сегодня розовые очки нашего руководства, будем надеяться, сняты навсегда. Не хотелось бы после победы оказаться в плену старых иллюзий о "едином" или "братском" народе.

Путин не раз отозвался также о лукавстве западных "партнёров", использовавших Минские соглашения для укрепления обороноспособности Украины. Важно, чтобы впредь российская дипломатия вообще не верила в искренность западных коллег и не спешила открыть им вновь свои объятия, чтобы получить в очередной раз нож в спину. Вообще, хорошо бы Кремлю понять, что путь договоров – не наш путь, ибо нам нужна полная и безоговорочная капитуляция Украины, больше ничего. Любое отступление от этой цели, любой договор вместо неё обернётся нашим поражением. Увы, такова отечественная традиция: мы слишком часто теряли в дипломатических коридорах наши победы, добытые кровью русских воинов. Пора с этим покончить.

Путин прошёлся и по тем, кто сбежал из страны, и по тем, кто критикует цели и задачи СВО, по пятой колонне. Мы долго терпели либеральную гниль в нашем организме, пришло время выжигать её калёным железом. Путин прямо назвал опасным пребывание в России граждан, делающих здесь деньги, но при этом отрекающихся от патриотизма. Мы давно ждали этих слов. Видимо, пришло время их сказать.

Наконец, важным симптомом прозрения Путина в отношении этнического характера войны являются его слова: "Никто не хочет объединения русского народа. Разобщение – пожалуйста, это с удовольствием, будут кромсать и дальше. Но объединения и усиления никто не хочет – кроме нас, а мы будем это делать и сделаем". А ведь понимать именно этнический характер текущей войны – архиважно. До сих пор вопрос о воссоединении русского народа, оказавшегося в разделённом положении, публично не ставился. И в этом была большая стратегическая ошибка Кремля. Поскольку, если бы в ГД РФ был своевременно принят наш проект закона "О разделённом положении лезгинского, осетинского и русского народов и их праве на воссоединение", то сегодня у СВО была бы великолепная, международно признанная

юридическая база, да и с мотивацией нашей армии и всего населения было бы проще.

Осознание президентом главных проблем СВО и признание столь существенных ошибок крайне важно, поскольку это равнозначно извлечению уроков. А Путин умеет учиться, я в этом не раз убеждался.

Одно из подтверждений тому — недавняя речь президента на коллегии Министерства обороны, которую эксперты уже именно так и оценили: работа над ошибками. Реформирование наших вооружённых сил и ВПК намечено именно в том направлении, которое диктует ход событий на фронте. Таким же извлечением урока мне видится создание де-факто коллегиального органа, руководящего проведением СВО. У Сталина, как известно, был ГКО, который работал без устали, вникая во все тонкости войны. Наконец, указом президента создана рабочая группа из представителей Федерального Собрания и журналистов, которую возглавил первый вице-спикер Совета Федерации Андрей Турчак и которая будет осуществлять постоянный мониторинг вопросов, связанных с СВО, чтобы ежемесячно докладывать президенту о её ходе.

Личный опыт — лучший учитель. Мы знаем, что Путин упорен в достижении далёких целей. Ушедший 2022 год многому научил не только всех нас, но и его, Президента России. Поэтому я смотрю в 2023 год с осторожным оптимизмом. И верю: враг будет разбит, Победа будет за нами.

Промежуточные достижения

Иногда приходится слышать о том, что Россия-де ничего не добилась в ходе СВО, а если чего и добилась, то сдала обратно. И вообще, дескать, война уже проиграна, потому что блицкриг не состоялся, а воевать вдолгую мы не приспособлены, да и ресурсов нет. Харьков не взят, Херсон, Изюм, Красный Лиман сданы, плацдарм для наступления на Николаев и Одессу потерян, украинцы бьют по Белгородской, Курской и Брянской мирным областям, их беспилотники долетают до Саратова и Рязани, чего доброго, и до Кремля долетят. И тому подобных рассуждений в интернете можно найти немало. А хуже всего — ряд высокопоставленных лиц начал поговаривать о готовности к договору с Украиной, что для нас было бы равнозначно поражению и капитуляции. А это значит, что в верхах есть влиятельные силы, убеждённые, что мы уже проиграли и надо быстренько договариваться о мире. Когда я слышу, например, от сотрудника Совета Безопасности и зампредседателя Совета по внешней и оборонной политике Сергея Караганова рассуждения о том, что скоро всё закончится и после войны Украина будет снова дружественной и братской страной, я недоумеваю.

Я совсем по-другому оцениваю результаты СВО.

Безусловно, начиная кампанию, главнокомандование неверно оценило исходные обстоятельства, позволило себе увлечься необоснованными надеждами. Это печальный факт, и мы за это расплачиваемся.

Тем не менее первоначальный удар был такой силы и неожиданности, что техническая база противника оказалась довольно быстро разгромлена, за счёт чего возникло наше абсолютное превосходство в воздухе и на воде. В результате чего состоялся ряд важных достижений:

— в Крым пришла вода, заработал Северо-Крымский канал, перекрытый в 2014 году;

— пал Мариуполь, и всё Азовское море стало нашим внутренним озером;

— противник был вынужден оставить Луганскую область, очистить её целиком;

— весь Донбасс, а также Херсонская и Запорожская области официально стали частью России, и теперь любая атака на эти регионы теоретически является атакой на Россию. Референдум в этих четырёх областях показал, что не всё так однозначно на Юго-Востоке Украины, что здесь господствуют скрытые пророссийские настроения, которые только и ждут возможности легально проявиться. Это придаёт осмысленность и целесообразность продолжению кампании до отвоевания по крайней мере Харькова, Николаева и Одессы, а возможно, и других областей ближе к центру Украины. (В идеале речь должна идти о капитуляции Киева.) А также обязывает нас до конца освободить от киевского режима Донецкую, Херсонскую и Запорожскую области, поскольку всё это — уже Россия;

– на мой взгляд, самостоятельное значение имеет то гомерическое количество вражеской живой силы и техники, включая поставленную Западом, которое мы привели в негодность за десять месяцев спецоперации. Без западных поставок оружия Украина давно бы сдалась на милость победителя. Но и так наступление ВСУ, по всей видимости, захлебнулось, выдохлось, его волны одна за другой разбиваются о наши позиции. Украинцы не из железа сделаны. Судя по заявлениям украинской стороны, в том числе от самого Залужного, уклонение от воинской повинности, отказ выполнять приказы командования и дезертирство приняли в ВСУ угрожающие размеры. Настолько, что требуют чрезвычайных мер, на которых настаивает командование. А это важный симптом, ведь количество таких случаев неизбежно перерастёт в качество. Нужна, как говорится, последняя соломинка, чтобы сломать спину верблюда. И тогда фронт вновь покатится на Тирасполь и Киев;

– возможно, роль такой соломинки рано или поздно сыграет разгром украинской инфраструктуры, успешно начатый генералом Суровикиным. Но, во-первых, как говорили предки, "не начавший блажен, но скончавый". А во-вторых, думаю, без уничтожения всех транспортных артерий, связывающих Украину с Европой, тут всё равно не обойтись. Лукавые возражения, что-де нам же и придётся потом всё восстанавливать, несостоятельны: с какой стати? Восстанавливать будет Украина сама, вернее, то, что от неё останется. А мы, конечно, поможем ей, но не задарма, а так, чтобы навсегда превратить в свою данницу и в корне экономически задавить всякую возможность повторения Майдана и его последствий.

Понятно, что перечисленные достижения носят промежуточный характер, ограничиваться ими нельзя, иначе можно всё потерять. Теперь главное – не останавливать спецоперацию до полной и безоговорочной капитуляции противника. Потому что, не сменив режим в Киеве и не разделив Украину по меньшей мере на три части, мы не достигнем целей СВО и не обеспечим безопасность нашей России.

Судьба мира решится не только на Украине, но и на Тайване

Среди важнейших итогов уходящего года – переход России и Китая на взаиморасчёты в национальной валюте вместо долларов. Это сигнал, показывающий всему миру, насколько всё серьёзно обстоит с нашей совместной атакой на ещё вчера всесильного гегемона. Лиха беда начало: постепенный отказ от доллара как единой всемирной валюты повлечёт за собой крах всей американской экономики, чей гигантский внешний долг покрывается только за счёт долларовой эмиссии. Между тем, по последним известиям, безудержная работа машин, печатающих доллары, уже привела к небывалому росту инфляции в самой Америке. К тому же, вопреки расчётам американских стратегов, антироссийские санкции рикошетом ударили по "зелёной" валюте, поскольку Россия обязала всех покупателей энергоресурсов расплачиваться с нею в рублях, соответственно уронив значение доллара.

Я ни в коей мере не экономист и упомянул о вышесказанном только для того, чтобы подчеркнуть тесную спайку России с Китаем в общем противостоянии с Америкой, которое назрело. Подчеркнуть важность совместной антиамериканской борьбы. Она должна окончиться нашей общей победой, потому что это будет соответствовать законам истории, согласно которым ни один народ не может занимать позицию глобального лидера вечно. Война за мировое господство идёт испокон веку, не прекращаясь ни на минуту, но исполнители главной роли меняются время от времени с железной необходимостью. Англосаксонская (можно и шире: западная) цивилизация явно выдохлась, подошла к завершению, ей нечего больше предложить миру, а то, что она предлагает в виде "западных ценностей", миром отторгается. А вот китайская цивилизация столь же явно идёт на подъём, служит примером для многих и многих (в этом плане симптоматичен зондирующий визит Шольца в Пекин, к восходящему лидеру мира). В данной связи особое судьбоносное значение приобретает съезд компартии Китая, закончившийся в октябре триумфально для китайского вождя Си Цзиньпина. Он полностью подавил внутрипартийную оппозицию в китайских правящих кругах и сосредоточил в своих руках необъятную власть. Он лидер, прежде всего, китайских силовиков, настроенных антиамерикански. Он неоднократно подтвердил верность китайско-российскому союзу. Он однозначно

высказался о необходимости распространить власть континентального Китая на Тайвань. Всё это значит одно: война за Тайвань стоит на пороге нашего мира, и это будет, прежде всего, война Китая с Западом, с Америкой, такая же, какую Россия ведёт на Украине. И начнётся она, скорее всего, в недалёком будущем, возможно уже в 2023 году. Потому что именно сейчас, когда съезд КПК окончился так, как он окончился, внутриполитические риски для Си Цзиньпина минимальны. А это значит, что для Запада и США вскоре откроется второй фронт. Смогут ли они воевать на два фронта, если даже на одном, украинском, им не удаётся победить? Пойдут ли они на развязывание войны с Китаем или уклонятся от этого?

Пока что всё говорит о том, что у потерявших связь с действительностью демократов США господствуют воинственные настроения. В сентябре прошлого года комиссия сената по международным отношениям одобрила законопроект о политике в отношении Тайваня. Это не что иное, как дипломатическая оплеуха Пекину, демонстративный отход от политики "единого Китая", которую США декларировали 50 лет кряду. По сути, Америка подтвердила готовность поддержать независимость Тайваня вооружённым путём. Что ж, недаром говорят, что если боги хотят кого-то наказать, то лишают его разума. Для России, конечно, это было бы оптимальным развитием событий, и чем раньше, тем лучше.

Впрочем, на Западе не случайно стали поговаривать о мире и втихаря склонять Зеленского принять некоторые условия Москвы, на что он не так давно пожаловался публично. Видимо, американские стратеги тоже предчувствуют войну на Тихом океане и торопятся покончить с войной на Украине, чтобы развязать себе руки. Я надеюсь, что в Кремле всё это видят, понимают и не позволят в очередной раз манипулировать Россией. Наша стойкость и готовность до конца стоять за правду против укронацизма, бандеровщины и русофобии очень нужны как нам самим, так и нашему союзнику Китаю – ради победы над общим противником, Западом.

Забегая вперёд

Одним из итогов минувшего года мне представляется негласный старт президентской кампании 2024 года. Есть как минимум две персоны из высших слоёв российского истеблишмента, два политических тяжеловеса, которые уже начали свой предвыборный марафон: это Дмитрий Медведев и Дмитрий Рогозин.

Что касается меня лично, я бы предпочёл, чтобы Путин остался президентом на новый срок, а отмеченные выше старты в таком контексте стали бы фальстартами. Ради стабильности в стране. Но уверенности в том, что Путин останется, у меня нет, поскольку нагрузки, физические и психологические, у него сегодня чрезвычайно велики. И хотя он по-прежнему великолепно держится и демонстрирует ясный ум, сильную волю и умение держать удар, но я вполне представляю себе, что 70-летний президент может попросту устать и захотеть на отдых.

А вот сможет ли он уйти на покой, выпустить из рук бразды управления Россией, лишиться прерогатив высшей власти? Хорошо было Дэн Сяопину, который переуступил некоторые из своих полномочий в условиях относительной стабильности Китая, когда над страной не нависала внешняя угроза, а экономика шла на подъём... Но выпустить кормило из рук во время шторма – это очень опасно как для всего корабля, так и для кормчего. Об этом громко напоминает судьба Сербии и её президента Слободана Милошевича, чей личный трагический крах случился именно в результате его невыборов в условиях проигранной войны. Поэтому я понимаю: решение Путина насчёт нового президентского срока всецело зависит от исхода русско-украинской войны, и времени на размышления не так уж много, меньше года, если считать, что президентская кампания стартует осенью 2023 года.

Исходя из сказанного, я также понимаю: Путину необходимо победно – и только победно! – завершить войну не позже, как к концу весны следующего года. Времени очень мало, потребуется эффектный форсаж, вероятность коего не слишком велика. Это один вариант. Второй – напротив, длить войну до самых выборов, подбадривая население России небольшими, но постоянными победами, с расчётом на то, что электорат не станет менять коней на

переправе, в преддверии большой Победы. В этом втором случае выборы становятся пустой формальностью, и тем, кто сегодня много о себе понимает, придётся сдержать амбиции. Опасность тут только одна: за целый год электорат тоже может устать от войны; элементарно лопнет терпение, захочется всего и сразу, как это бывает у русских. Ну, тогда всем беда.

Но допустим, весной мы дожмём Киев и вынудим его подписать мир на наших условиях. Триумф, цветы, слёзы восторга... И президент говорит нам: всё, друзья, я выполнил до конца свой долг, сделал всё, что мог, теперь хочу отдохнуть (допустим, пересесть в кресло председателя Совета Безопасности с сохранением полного контроля над силовым блоком, как тот же Дэн Сяопин). И вот осенью стартует президентский марафон...

Я пока воздержусь от анализа возможностей и перспектив названных мною гипотетических кандидатов в этой гонке лидеров, отложу это на следующий год, ближе к делу. Скажу только, что сам очевидный факт их появления на нашем политическом поле весьма симптоматичен. Потому что такие персонажи не поднимают свои тела из высоких кресел просто так: больно ставки высоки. А это значит, что нас ждут в 2023 году волнующие политические события, к которым нас подвёл истекший 2022 год.

Резюме

Вот так мне видятся основные итоги. В целом позитивные.

Как убедился читатель, вызовы и угрозы, стоящие перед Россией, взялись не из ниоткуда, во многом они порождены крушением СССР, партократической системы и советского строя, распадом социалистического лагеря, исчерпанностью западной цивилизации и другими причинами глобального характера. Просто они обострились, обнажились сильнее обычного из-за ряда глобальных же обстоятельств. Так что в целом нам не привыкать, мы шли к 2022 году тридцать лет, ведомые силой вещей, логикой истории.

Как нас ни укладывают раз за разом ликом в грязь, а мы каждый раз снова поднимаемся, да с улыбкой. Жизнестойкость российских граждан просто потрясающа. Это упорство в стремлении к победе над любыми обстоятельствами даёт мне уверенность, что и из нынешней ситуации мы выйдем победителями.

Лишь бы не остановиться на полдороге, не предать самих себя.

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

ЕЩЁ РАЗ ПРО ПАТРИОТИЗМ

Беседа с депутатом Государственной Думы всех созывов Анатолием Николаевичем Грешневиковым

А. Г.: Валерий Николаевич, когда мы с тобой были народными депутатами РСФСР, находясь в одной фракции “Россия”, и защищали страну от разрушительных и грабительских реформ Ельцина-Гайдара-Чубайса, то нас называли красно-коричневыми, антисемитами и фашистами. Слово “патриот” было ругательным. Тот наш парламент расстреляли из танков. Сегодня быть патриотом, наоборот, – модно и престижно. А ты можешь отличить патриота от непатриота? Какой смысл ты вкладываешь в понятие “патриотизм”? Тогда почему в период военного противостояния России и Запада, России и США молодые ребята – и их ни много ни мало – 700 тысяч, – любящие, как они говорят, свою страну, сбежали за границу – в Казахстан, Киргизию, Грузию? Многие эксперты считают, что это не трусость, не страх перед смертью, а нечто более опасное – нежелание защищать Россию, решившую отказаться от колониальной западной зависимости в области экономики и культуры, от идеологии общества потребления и вставшую на путь защиты традиционных ценностей. Чем ты объясняешь столь громадную и опасную статистику предательских поступков?

В. Х.: Это их выбор, и жалеть таких не стоит. Они, даже живя в России, не связывали свою судьбу с судьбой Отечества. Бог им судья! Убежали туда, где, как им кажется, безопаснее: в Казахстан, Грузию, Армению, Турцию, Израиль. Поживём – увидим, что с ними будет дальше. Достаточно заглянуть в недавнее прошлое и посмотреть, а где же те, кто не сходил с экранов телевизоров в девяностые, “святые” годы”, кто вещал, как тогда шутили, из любого включённого “чайника”: бурбулисы, немцовы, шахраи, шейнисы, красавченки, носовы, ковалёвы, варовы и иже с ними? Откуда они взялись и куда подевались? Следует напомнить, что и они были не засланные “казачки”, а родились и жили рядом с нами, ходили в те же школы, и у нас с ними были одни и те же учителя. Позже я не раз задавал себе вопрос: как произошло, что Дмитрий Волкогонов, бывший главным замполитом Советской армии, стал одним из разрушителей армии и Советского государства? Откуда, из какого угла выползли директор ФСБ России Бакатин, министр иностранных дел Козырев? Даже у нас среди иркутских депутатов, точно по команде из кремлёвского зала, во время восьмого съезда народных депутатов за Ельциным

по-собачьи выбежали бывший начальник Братскгэсстроя Анатолий Закопырин, журналист "Комсомольской правды" Игорь Широбоков, водитель, или, как его называли, депутат из рабочих Геннадий Алексеев, и даже сорвался человек "от сохи" – представитель Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, директор совхоза "Баяндаевский" Павел Имедоев. До сих пор жалею, что председательствующий на съезде Руслан Хасбулатов не поставил на голосование вопрос о лишении "бегунов" депутатских полномочий. "Бес попутал!" – позже скажет он. Сколько же таких бесов бегало за Ельциным? Уж кто-кто, но именно Руслан Имранович, или, как его за глаза называли, "юродствующий хам", после избрания его Председателем Верховного Совета на съезде с редкостным умением и рвением начал расчищать дорогу к единоличной власти бывшего Свердловского обкомовского секретаря. Голосами этих людей, их стараниями Ельцин стал для страны управляемой гирей, при помощи которой были разрушены скрепы государства. Прозрение пришло позже, когда страну начали заливать и заваливать дешёвым зарубежным "Роялем", который производился в Гамбурге, и собачьей тушёнкой, называя всё это гуманитарной помощью. Раньше мы поставляли продовольствие слабым развивающим странам Латинской Америки и Африки, теперь Германия присылала своим бывшим победителям залежалую тушёнку и технический спирт, от которого смертность в России за один год возросла более чем в шесть раз. Пейте и закусывайте, славяне! По всей стране начали останавливаться заводы и фабрики, а из страны начали самолётами вывозить до этого неприкосновенный золотой запас. На самом высоком уровне всерьёз заговорили, что Японии надо отдать Курилы и заключить с нею "мирный" договор. Именно тогда начали предавать всех наших союзников и друзей по всему миру. Это стало сигналом для сепаратистов и националистов. Именно тогда подняли голову бандеровцы на Украине и националисты в Прибалтике. Дело-то было сделано! И чего сегодня бросать камни в Ельцина – его подняли на своём горбу нашими руками. После короткой отсидки в следственном изоляторе "Лефортово" Руслан Имранович Хасбулатов наконец-то прозрел и в своих записках начал стыдливо признавать свои заблуждения. Что ж, камерная тишина иногда помогает приходить к здравым рассуждениям. Это позже и рядовые избиратели, стыдливо пряча глаза, как защитную мантру, начнут, оправдываясь, восклицать: "А мы за Ельцина не голосовали!" Голосовали, чего уж там! Почему я возвращаюсь в те ныне далёкие девяностые годы? Не только потому, что был свидетелем и участником тех событий. Сегодня ответы на многие вопросы надо искать там и понимать, что произошло с нашими, как мы иногда говорим, украинскими братьями. И с каким коварным врагом мы, ослабленные и неподготовленные, схлестнулись в ожесточённой схватке. Признаюсь, в 90-е годы было ощущение падающей стены...

Став депутатом Верховного Совета и очутившись в Москве, я начал присматриваться к своим коллегам-депутатам и с некоторым удивлением увидел эйфорию тех, кто ещё вчера стоял за станками, сидел за штурвалами самолётов. Им тогда казалось, что наконец-то исполнилось то, о чём они и мечтать не смели, не понимая и не ощущая, что они всего лишь живые "винтики", которым отведена определённая роль – выстроить управляемую, подчинённую заокеанским хозяевам власть в России. Как иногда говорят: "Не хочешь – заставим, не умеешь – научим или купим". После первой же сессии, во время летних каникул, группа либерально настроенных депутатов была приглашена в Соединённые Штаты, где с ними была проведена определённая работа и проведены встречи, в том числе даже с бывшим президентом Джимми Картером. Такие контакты продолжались и в Москве, когда того же Илью Константинова и Михаила Астафьева приглашали на беседы в американское посольство, поскольку со временем они вошли в оппозиционный Ельцину Фронт Национального спасения России. Это позже, после расстрела Белого Дома по призыву творческой интеллигенции "Раздави гадину" была открыта охота на ведьм с указанием конкретных миллионов за поимку наиболее известных оппозиционных лидеров. Когда того же Илью Константинова схватили на улице и затащили в машину, полицейский начал, не стесняясь задержанного, прикидывать, что он купит на объявленную награду за поимку "государственного преступника":

– Возьму холодильник, телевизор и видак, – загибая пальцы, начал перечислять он.

В этом мире всё имеет свою цену. Американцы, приглашая либерального Илью Константинова и его товарищей поглядеть Америку, выдали приличные чаевые. Что ж, когда к ногам упала такая страна, пачка долларов – это ж мелочёвка. Вон сегодня на Украину банкноты, как и бомбы, завозят грузовыми самолётами. Деньги – всего-то лишь отпечатанная бумага! Дают, когда нужно твоё согласие, и дадут другим, чтобы заткнуть рот.

Сегодня первыми уехали те, для кого Россия – не Отечество, а место, где можно было заработать, а потом уехать в ту же Америку или Израиль.

Туда ещё с начала семидесятых годов шёл основной поток бывших наших соотечественников. Почему-то на ум приходит шутливая песня Владимира Высоцкого:

Мишка — врач, он вдруг затих:
В Израиле бездна их,
Там гинекологов одних —
Как собак нерезаных;
Нет зубным врачам пути,
Потому что слишком много просятся.
А где на всех зубов найти?
Значит — безработица!

Мишка мой кричит: "К чертям!
Виза — или ванная!
Едем, Коля, — море там
Израилеванное!.."

Говорят, какое время, такие и песни. Например, бывшему детдомовцу, замечательному русскому поэту Николаю Рубцову виделось другое:

Я весь в мазуте, весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте!

Печально пела радиола,
Звала к любви, в закат, в уют...
На камни пламенного мола
Матросы вышли из кают.

Они с родными целовались.
Вздувал рубахи мокрый норд.
Суда гудели, надрывались,
Матросов требуя на борт.

И вот опять — святое дело!
Опять аврал, горяч и груб,
И шкерщик встал у рыбодела,
И встал матрос-головоруб...

Мы всю треску сдадим народу,
Мы план сумеем перекрыть.
Мы терпим подлую погоду,
Мы продолжаем плыть и плыть.

Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал,
Чтоб для отважных вечно — море,
А для уставших — свой причал...

Действительно, в те застойные годы страна и люди начали уставать. От очередей в магазинах, от вранья тогдашней власти. Вообще людям всегда нужны перемена мест, смена впечатлений. А тут, куда ни глянешь, везде и всюду одно и то же. С экранов, шмакая дряблыми губами, то и дело вещали

усохшие старики. Даже молодые партийные и комсомольские работники уже и сами не верили в то, что им предлагали говорить и делать. Накопилась критическая масса перерожденцев, которые с охотой рванули бы на Запад, в другую, как им казалось, райскую жизнь. Но и эта прослойка была неоднородной, у большинства побудительным мотивом стало вполне естественное стремление жить лучше, ходить в джинсах, майках, пуховиках и кофточках, жевать заморскую жвачку, которая освежает дыхание, не стоять в магазинах за продуктами и водкой, смотреть ту видеопродукцию, которую до поры до времени прятали и прикрывали фиговым листком, ограничениями для детей и людей с расстроенной психикой, (впрочем, эти ограничения никто и не собирался соблюдать). Исподволь подводили к мысли: всё, что ни делалось за последние семьдесят лет, на фоне сытой жизни в "свободном мире" плохо, мерзко, и от этого надо побыстрее освобождаться, считая, что крутить гайки и возиться в тракторной смазке – дело тех, кто большего и не достоин. Я вспоминаю, что одним из любимых занятий моих коллег-лётчиков гражданской авиации было сравнение зарплат командира корабля американского "Боинга" с тем, что получаем мы. Цифры были явно не в нашу пользу. Все другие льготы, которые предоставляло государство, – бесплатную форменную спецодежду, бесплатные санаторные путёвки, бесплатный перелёт, почти бесплатные ясли и детские сады, бесплатное образование, бесплатные занятия спортом, копеечный проезд в общественном транспорте – не брались в расчёт. Всё покрывала итоговая сумма наших американских и европейских коллег. Родителей почти не волновало, куда ходят и что смотрят их дети. А следовало бы! Там и сям стали появляться полуподпольные видеоцентры, где за плату можно было смотреть то, от чего у понимающих людей волосы вставали дыбом, по всей стране срабатывал горбачёвский посыл: всё разрешено, что не запрещено! Зарубежной, в основном американской кинопродукции была открыта "зелёная улица". Возразить или противопоставить иную точку зрения, защитить свой дом, своих детей от хлынувшего потока низкопробной информации стало невозможно, тем более что телевизор и "видак" становились повседневной реальностью в каждом доме, а формированием и подачей телевизионных программ занимались те, кто ненавидел всё русское или советское. "Совок" – стало самым ходовым словом, чтобы отвратить от всего, на чём держалось сознание людей. Это потом диссидент Александр Зиновьев скажет, что целились в коммунизм, а попали в Россию. Быть патриотом, по словам тех же англичан, – это же есть "последнее прибежище негодяев". Негодяи, в понимании обывателя, – это, конечно же, партийные боссы, имеющие продуктовые пайки и наборы, хорошую зарплату, которую они всё время для себя поднимают, ездят на чёрных "Волгах", содержат молодых любовниц и так далее. Надо жить здесь и сейчас, а лучше всего – в Испании или Англии. Ну, на худой конец, в Израиле. Но до поры до времени они были расчётливы и бзделоваты, им нужен был тот, кто грохнет по столу кулаком и всё перевернёт к чёртовой матери. Как это ни странно звучит, такого нашел Лигачёв в Свердловском обкоме партии – амбициозного, расчётливого, но, как и все партийные боссы, бзделоватого: вспомнить хотя бы случай, когда по приказу министра обороны Язова в 91-м году в Москву начали входить танки; пьяный Ельцин собирался уже рвануть в американское посольство. Так вот, такого расчётливого и управляемого нашли. Который был способен не только стакан опрокинуть, но под хмельком опрокинуть всё, что попадёт под руку. Кстати, уже подмечено: трусливые чаще всего, когда им угрожает опасность, бывают самыми жестокими людьми. Те же, кто поставил на Ельцина, мыслили шире, они подключили информационный ресурс и начали рисовать человека, болеющего и страдающего за народ. Пишущая и снимающая – надо сказать, не без таланта – журналистская братия типа Миши Полторанина облепила его, как породистого пса, и стала сопровождать во всех передвижениях и поездках. И случилось неожиданное: под патриотические возгласы и народные шествия всенародно любимый опрокинул не только словоохотливого, похожего на дворнягу Генсека, но и стоящую за ним трухлявую систему, в которой, собственно, и взросли они вместе. Зачем искать палача на стороне, он всегда найдётся рядом...

Вообще определять, кто – патриот, а кто – негодяй – занятие пустое. Патриотизм – не панацея от тех бед и проблем, которые есть в России. Чаще всего за этим словом удобно прятаться хамелеону: сегодня он патриот,

а завтра, как бабочка-капустница, объев свежую зелень, перелетит на другое растение и сделает это с открытым ртом, так, что даже не успеешь глазом моргнуть. Такое уже бывало. Был Тушинский вор, была Марина Мнишек, потом выныривали помельче: Власов, Пеньковский, тот же Бакатин. И всё же за всю тысячелетнюю историю государства Российского не было человека, который бы, стоя на трибуне американского конгресса, капитулировал перед ненавистниками русского народа, не поперхнувшись брякнув на весь мир: "Господи! Благослови Америку!" Вот так в слепом царстве оказался пьяный поводырь.

Патриотизм – это, прежде всего, совестливость. Это когда думаешь не только о себе, но и о тех, кто рядом, с кем придётся жить дальше и не думать о том, что ты бы мог сделать, но не сделал. Лично мне больше нравятся слова "сын Отечества".

А. Г.: Для Белова и Распутина важную роль в творчестве сыграла глубокая философская идеологема Достоевского, которую они последовательно исповедовали: "По-моему, порядок в земле и из земли, и это везде, во всём человечестве, – писал Фёдор Михайлович. – Весь порядок в каждой стране – политический, гражданский, всякий – всегда связан с почвой и характером землевладения в стране". Так как тебе повезло и дружить, и общаться с Беловым и Распутиным, скажи, что они считали главным и ценностным в обустройстве России в соответствии с русским социальным идеалом, какую загадку русской души несли герои их книг?!

В. Х.: Фёдор Михайлович Достоевский в своей юбилейной речи, посвящённой Александру Сергеевичу Пушкину, сделал попытку не только обозначить суть проблемы существования западников и славянофилов, возникшей в России, но и попытаться найти точки, которые, по его мнению, могли примирить или хотя бы снизить градус полемики и разглядеть возможность мирного сосуществования двух течений в политической жизни Отечества. Достоевский писал:

"Ибо что же тут делать: в интеллигенции и в Европе лишь правда, а потому хоть у вас и восемьдесят миллионов народу (чем вы, кажется, хвастаетесь), но все эти миллионы должны, прежде всего, послужить этой европейской правде, так как другой нет и не может быть. Количеством же миллионов нас не испугаете. Вот всегдашний наш вывод, только теперь уж во всей наготе, и мы остаёмся при нём. Не можем же мы, приняв ваш вывод, толковать вместе с вами, например, о таких странных вещах, как le Pravoslavie и какое-то будто бы особое значение его. Надеемся, что вы от нас хотя этого-то не потребуете, особенно теперь, когда последнее слово Европы и европейской науки в общем выводе есть атеизм, просвещённый и гуманный, а мы не можем же не идти за Европой".

Опыт отъезда за бугор наших соотечественников начался не вчера. Кто хотел, тот уезжал или убегал ранее, как это сделал соратник Ивана Грозного князь Андрей Курбский, позже воевавший в составе польских отрядов против русских. Затем Александр Герцен, автор "Колокола", который, по мнению Ленина, разбудил Россию. Тот, отъехав в Туманный Альбион, начал исходить слюной во время Крымской войны, не только обвиняя собственное Отечество, но фактически став на сторону его врагов. А что, сейчас таких стало меньше? Анна Ахматова сразу же после исхода Белой армии из Крыма написала такие строки:

Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля ...

"Бегунам" всегда казалось: на Западе они будут приняты, обласканы (свои же!) и, конечно же, будут равными, поскольку они не чета вымаливающим копейки марокканцам, афганцам, ливийцам, они приехали не с пустыми руками, у многих в России было своё дело и даже наёмные работники. Но оказалось, что нужны-то они были в России, когда бегали за "навальными" и иже с ним по Болотным и другим площадям. А в Америках, как в песне:

“Деньги есть – Уфа гуляем, денег нет – Чишма сидим!” Нет денег, так даже в самом распрекрасном, почти русском Брайтон-бич вставайте в очередь мыть посуду. “Деньги есть – Нью-Йорк гуляем, денег нет – в трубу летим!”

“Для чего слеп плачет, что зги не видать, – усмехаясь говорил про таких Василий Иванович Белов и дополнял: – Пролитое полно не живёт”.

А. Г.: Валерий Николаевич, врагов мы знаем в лицо. А кто нынче наши союзники?

В. Х.: Александр III говорил, что у России есть два союзника: её армия и флот. Я бы добавил, ещё есть русский учитель и русский язык. Русский язык, русская история стали той объединяющей силой, которая сделала Россию великой. И сделал это русский учитель.

Как пишет учитель истории, писатель Наталья Георгиевна Петрова, “после конституционного безумия 90-х началась реформа образования. Сегодня она закончена, потому что достигла своих целей: наше образование скопировало чужое или чуждое, и у нас сейчас ровно та ситуация, которая была 100 лет назад, когда внедрили популярный в начале XX века американский метод проектов и тестирование вместо устных экзаменов. В 20-е годы в Советской России тоже отвергли традиции русской школы вместе с предметами, учебниками, уроками, экзаменами, отметками и учителями; их заменили “шкрабы – школьные работники. Кстати, такой предмет, как история, тоже отменили. И что же? Прошло десять лет, началась индустриализация, потребовались специалисты, а не люди, осведомлённые о чём-то в общих чертах. И тогда всё вернули в прежнее русло: и предметы, и уроки, и учебники, и историю, и даже учителей с отметками и экзаменами. И это были те же учителя, которые до 1917 года преподавали в гимназиях и училищах. Правда, в новых программах отменили латынь и греческий, логику, Закон Божий, два иностранных языка, а остальное сохранили. Вместо нововведений, взятых из опыта американской школы для фермеров, вернулись к своей национальной школе, у которой есть проверенные опытом традиции. И выпускники этих советских школ выиграли войну”.

Только в нынешней России учитель ныне не воспитатель для родителей и детей, как это бывало ранее, не истина в последней инстанции, а фигура, зависимая от всех и вся. Он – призванный оказывать услуги наёмный работник, который не любит свою работу, у наёмного любви к хозяевам нет и быть не может. Тот, кто провёл школьную реформу в современной России, знал истинное предназначение русского учителя.

От рождения и до своей кончины мы живём в системе исторических, географических, временных, психологических, экономических, социальных координат. Ещё в лётном училище нас учили: для того чтобы правильно ориентироваться, чтобы попасть в нужное время в нужное место, необходимы карты, у нас в авиации такими стали полётные карты. Сидишь за штурвалом и, сличая карту с местностью, отмечаешь, где находится самолёт в данную минуту. То же самое происходит и в жизни. Сравнивая прочитанный текст рассказа или повести с реальной жизнью, ты отмечаешь про себя: всё ли так происходило или бывало в жизни. Не знали мы только одного. Этот эффект сличения, сличения так называемой правды с истиной, уже давно используют специалисты по информационным войнам. Для того чтобы заманить людей так называемой напечатанной “правдой”, воздействовать на психику человека, была придумана система так называемых ложных маяков. Задача была одна – заманить, исказить, увести от истинного, заданного курса, сделать человеческий мозг податливым и управляемым. Таких управляемых вели и продолжают вести куда надо, – например, сегодня это делается при помощи гаджетов, социальных сетей – и берут в полон не только отдельно взятого человека, но и целые государства. Спросите, как отличить ложное от истинного? Что может быть мерилом или правилом в подобной войне? Личный и не только личный опыт. Тщательная и выверенная подготовка, знание психологии, медицины, собственной истории и, конечно же, особенностей воздействия печатного слова наших врагов на психику человека. Как уберечься и распознать подвох? Задай хоть один раз себе вопрос: кому выгодно, чтоб ты замолчал и убрался с дороги или двинулся туда, куда тебя хотят завести. Особенно когда тебя уговаривают и заглядывают в глаза... Кстати, мелькающая

на экранах реклама и клиповая подача – это один из элементов психологической массовой обработки населения...

С нашей стороны надо не ждать и не вскармливать негодяев, которые на весь мир начинают кричать, что будут стрелять в своих недавних товарищей и им всё равно, что останется от России, от русского мира – обломки или ядерный пепел...

А. Г.: Героями твоей книги "Мы же русские!" являются истинно русские писатели – Белов, Распутин, Астафьев, Вампилов и т. д. Можешь ли ты назвать кого-нибудь из современных писателей, равных Белову и Распутину, Абрамову и Вампилову, Солоухину и Залыгину?

В. Х.: Василий Иванович Белов, Валентин Григорьевич Распутин, Виктор Петрович Астафьев?! Мне действительно в течение длительного времени пришлось общаться с ними. Зачем математически пытаться подогнать или уравнять одних с другими? Они были разными и по характеру, и по темпераменту, и по жизненному опыту. И внешне они были разными. Объединяло их одно: они с детства знали, что такое крестьянский труд. И писали об этом точно, выверенно и не скрывая своей любви к родной земле. Я не раз заставал Распутина в рабочей одежде, кирзовых сапогах и фуфайке, когда он копал огород, сажал картошку, огурцы, помидоры, морковь, свёклу у себя на даче. Видел и руки Василия Ивановича, крупные, привыкшие к топору, с сухими мозолями и жёстким рукопожатием. В разговорах, если собеседник пытался навязать ему свою волю, он сразу же, без оглядки, не расшаркиваясь перед собеседником, бросался в спор, из- под седых нависающих бровей глаза его начинали сверкать; ну, ни дать ни взять – бульдог, который от своего не отступит и будет трепать, насколько хватит сил. Доверял он больше всего своему уму и сердцу. Да, он не привык проигрывать спор, уверовав, что его мнение правильное и окончательное. А дальше твоё дело – согласишься ты с ним или отступишь. Авторитет среди читателей у него был огромным. Особенно любили его в Вологде. Любили за прямоту, за умение сказать в глаза тем, кому было не принято говорить то, что существует на самом деле. Рассказывали один случай. Однажды, ещё в советское время, во время поездки в Грузию на торжественном приёме по случаю отъезда делегации он попросил слово и, сравнив условия жизни в Вологодской области, где природные условия гораздо суровее грузинских, сравнив цены на зелень, яблоки, мандарины, фрукты, добавил, что его землякам при сильных морозах нужны дополнительные расходы на зимнюю одежду. И, заглянув в подготовленную бумажку, сравнил бюджеты Вологодской области и Грузии и указал, что цифры для его Вологодчины в разы меньше, чем для южной республики. Принимающие хозяева с холодным любопытством смотрели на заикающегося русского мужичка, но на ту травлю, которую они много позже учинили Виктору Астафьеву после "Ловли пескарей в Грузии", не решились, сказав, что готовы сброситься и помочь конкретно Василию Ивановичу пережить холодную зиму. Поднимать крик и выносить сор на люди им было не с руки, момент ещё не созрел. Это в конце восьмидесятых во время писательского съезда грузинские писатели набросились на Астафьева, и уже Распутину пришлось выходить на трибуну и защищать собрата по перу. Кстати, после расстрела Белого дома, когда по указанию мэра столицы Лужкова в московской квартире Распутина отключили свет и телефон, Астафьев, к которому в Овсянку приезжали Горбачёв и Ельцин, и пальцем не пошевелил, чтобы сказать своё слово в поддержку и защиту собрата по перу. Распутина в Иркутске уважали, но его замкнутость заставляла людей держаться от него как бы на расстоянии. Да и сам он в объятия читателей не бросался. Иного, как бы тогда сказали, производственного опыта у Распутина не было, писательство было для него единственной профессией. Наибольшую известность ему принесли очерки против поворота северных рек, чтобы напоить водой среднеазиатские республики, и защита озера Байкал. Надо вспомнить, что после окончания университета он недолгое время работал на иркутском телевидении, откуда за материал о невинно осуждённом писателе – иркутянине Поликарпе Петрове – Распутина уволили, и он уехал работать в молодёжную красноярскую газету.

В начале девяностых годов среди патриотов был очень популярен "Литературный Иркутск", который Распутин предложил возглавить известной молодой

писательнице Валентине Васильевне Сидоренко. Сам Валентин стоял у неё как бы за спиной, по возможности искал средства на финансирование газеты, советовал, подыскивал интересные статьи и очерки. Но сам держался в тени.

В своей литературной работе Распутин был похож на крестьянина: тщательно, как зерна, отбирал слова, взвешивая их на невидимых весах. Как он сам вспоминал, в период учёбы в иркутском университете он стеснялся своей одежды, своего безденежья и деревенского языка, но потом понял, что ангарский говор односельчан и есть та кладовая, которую дал ему Господь, и её надо открывать для читателей, а не держать на запоре. Характеры своих героев он пропускал через свою душу, пытаясь не только разглядеть их, но и для проявления характеров столкнуть друг с другом, при этом наделяя каждого только им присущими словами и речевыми интонациями. Иногда даже получалось с перехлёстом; были и такие, кто говорил: и где это он находит таких женщин, которые говорят и рассуждают, как преподаватели филологического факультета, начиняя свою речь забытыми словами и наречиями, которых сегодня и по отдалённым деревням трудно сыскать? Но потом притихли, когда другие критики и филологи начали ставить Распутина на одну доску с Достоевским. Иркутянка Галина Витальевна Афанасьева-Медведева – сама преподаватель, доктор филологических наук, ставшая лауреатом Государственной премии, – когда-то опьянённая и очарованная ангарским говором героев Валентина Григорьевича Распутина, всю свою молодую энергию и жизнь положила на то, чтобы собрать всё многообразие народных говоров Восточной Сибири и поместить под обложку "Словаря народного слова в рассказах и повестях Валентина Распутина". Хочу привести небольшой отрывок из предисловия Валентина Курбатова к этой книге:

"Вот! Человек как будто на минуту выходит из порядка жизни и смущённо останавливается посреди чужой речи; как хорошо, как ясно и вместе с тем "ново", будто слух сполоснули: "В ком чё есть, то и будет. И хошь руки ты б его, хошь испечалься об нём – он своё возьмёт. Никакой правью не поправишь". И как непривычны эти вдруг услышанные и становящиеся отдельными слова "говоря, елань, завозня, дивля"... Да и не они даже, а само течение речи, где эти "чё, ить, ажли" естественны, как дыхание. Никаких других слов не сыщешь, потому что тогда суть сказанного потеряет народную правду. Тут открой на любом месте, и тут же весь там – в середине жизни, – и колыбельная память, хоть ты и родился на другом и в другой среде, унесёт тебя в горький свет закатывающейся жизни. И мы ведь ещё вчера не останавливались в чтении и не думали о словаре. Вот поэтому мы узнали и полюбили "деревенщиков", что они возвратили нас в полноту дома и Родины, чтобы мы ещё могли наглядеться и ухватиться душой, чтобы не потерять себя в исчужа завезённой новой реальности.

Теперь вот поневоле думается, что в "Деньгах для Марии", в "Последнем сроке", в "Прощании с Матёрой" он и сам торопился нажиться той любовью и светом, оплакать, обвыть её, как учила старуха Анна. Сегодня Галину Витальевну знают и уважают все, кто любит и ценит русское слово, русскую речь. Её книги – настоящая кладовая и, не побоюсь этого слова, памятник не только Валентину Распутину, но и кладовая для тех, кто придёт ему на смену".

По моим ощущениям и наблюдениям, Распутин, как это было принято говорить, в своих рассказах и повестях не раскрывал человека, а как бы ждал, когда он раскроется сам. Есть писатели, которые из кожи вон лезут, чтобы быть на виду, в центре всеобщего внимания, высказываясь по любому поводу и без повода. Про таких говорят: "Мели, Емеля, – твоя неделя". Распутин в жизни был не особенно словоохотлив, чаще всего он помалкивал. Лучше всего его можно было разглядеть в написанном или напечатанном слове. Если он его поставил, то оно будет стоять крепко и на своём месте. И не постесняется убрать или исправить, если оно вызывает сомнение.

Конечно же, он не мог оставаться в стороне от того, что происходило в России. Когда начались выборы в Верховный Совет СССР, выдвигать свою кандидатуру не стал, но, как и Василий Иванович Белов, от предложения пойти по списку не отказался и прямиком угодил в депутаты, а после и в помощники Горбачёва, наивно полагая, что можно напрямую повлиять на принимаемые решения.

Кстати, в те годы многие российские депутаты решились пройти через это горнило, считая, что они известны и любимы в народе. Быть избранным

депутатом стало почётно, это ещё одна реальная возможность проверить свою популярность на ярмарке тщеславия. Но оказалось, что такие надежды оказались не совсем верными. Для многих этот тест оказался холодным душем. Я помню, как иркутские писатели после криков и скандала на своём собрании выдвинули кандидатом в депутаты главного редактора "Литературного Иркутска" Валентину Васильевну Сидоренко, которую поддерживал Валентин Распутин. В финале, в результате тайного рейтингового голосования Валентина Васильевна набрала наибольшее число голосов и обошла секретаря Иркутской писательской организации поэта Ростислава Филиппова. Но Валентина Васильевна, добившись своей маленькой победы, идти и добиваться расположения своих будущих избирателей не стала, заявив, что вообще-то много званых, да мало избранных и что она будет заниматься тем, что сегодня нужнее всего, – она займётся газетой. Побеждать своих мы научились, но для чего же тогда был весь этот сыр-бор?

Сегодня, оглядываясь назад, я думаю, возможно, она оказалась права. Меня выдвинули коллеги-авиаторы от объединённого авиаотряда. Тогда я ещё не знал, какой тяжёлый и изнурительный многомесячный зимний марафон предстоит пройти. Двенадцать крепких и сильных соперников по одному округу, люди известные, имеющие деловую репутацию, работавшие секретарями горкомов и обкомовских структур, обладающие партийным, административным и финансовым ресурсом и жизненным опытом. Ранние утренние поездки в переполненных трамваях и автобусах, встречи в гаражах, школах, на планёрках в поликлиниках, швейных мастерских, в цехах заводов и в магазинах, в казармах перед отбоем и даже в церковных приходах. А после была поездка в Монголию, где к нашему округу был приписаны воинские части ограниченного воинского контингента. Там в Суланхэрэ, на границе с Китаем, приехавших кандидатов чуть было не расстрелял солдат-азербайджанец, решивший отомстить за события в Баку, но его, к счастью, успели перехватить прямо у порога солдатского клуба, куда он бежал с автоматом в руках. Вспоминая то время, хотелось бы отметить: страна работала, люди верили и надеялись, что жизнь развернётся в нужную и правильную сторону. Кстати, я видел, что люди доверяли лётной форме и тем книгам, которые я успел написать и издать. Так что шанс у каждого из писателей был...

Запомнилось, сразу же после писательского собрания, ко мне подошёл Валентин Григорьевич, к тому времени уже ставший союзным депутатом, начал говорить: "А ты, Валера, не боишься, что однажды к тебе в квартиру постучится цыганка, а за нею куча ребятишек и скажет, пока ты не добьёшься ей квартиры, она поживёт у тебя?" Я с некоторым удивлением глянул на него. Позже, уже после расстрела "Белого дома" он на моем дне рождения сам вспомнил и объяснил тот эпизод:

"*В своё время Фёдор Тютчев написал стихи:*

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

– Я думал, что в этом поэтическом преувеличении есть какая-то неправда, – продолжил Распутин: – *Ну, какое может быть блаженство в минуты страшные и роковые! В эти страшные дни и минуты наши враги кажут по телевизору горящий Белый дом, бегущих по улицам людей, солдат в касках и стреляющие по окнам российского парламента русские танки. А ведь в доме наши соотечественники, живые люди, народные депутаты, персонал. И это не сон, это у нас, на российском телевидении, вещает американский канал CNN. Но уже сегодня, спустя некоторое время я могу сказать: прав был поэт. Это были минуты, когда сидящие там депутаты смогли показать себя, свой характер, свою силу, своё человеческое достоинство. Здесь я могу назвать фамилии Сергея Бабурина, Анатолия Грешневикова, Виктора Михайловича Спирина, Владимира Подлужного, Леонида Ясенкова, Валентина Редькина, Владимира Вершинина. Мне приятно, что они почти все сибиряки и Валерины друзья. Мне хотелось бы напомнить один случай. В начале девяностых годов, когда я узнал, что Валера выдвигается в депутаты, я при встрече сказал:*

“Зачем тебе это? Одно дело, когда тебя впрягают, но зачем добровольно лезть в эту упряжку? Живёт себе человек за милу душу, летает, пишет книги, издаёт их, и добавил: “А ты не боишься, что однажды к тебе в квартиру постучится цыганка, а за нею куча ребятишек и скажет, пока ты не добьёшься ей квартиры, она поживёт у тебя”. Я думал, напугаю! А только позже до меня дошло: надо же такое сказануть – напугать лётчика! То, что довелось испытать российским депутатам, Валериным друзьям, сегодня трудно представить. Это была судьба совсем иного рода, и начинаешь думать: да, поэт был прав, что блажен тот человек, кто посетил наш мир в минуты роковые, и начинаешь понимать: вы нас гнёте? Ничего, мы выстоим и пойдём дальше, уйдём в глухую оборону и, как Москва ушла от Наполеона, так и Россия уйдёт от Ельцина и от тех, кто сегодня рядом с ним управлял Россией. Вернее, думал, что управляет...”

А. Г.: Валерий Николаевич, на одной из встреч, на иркутском телевидении Василию Ивановичу Белову был задан вопрос: “Зачем России нужны храмы, можно, наверное, сохранять духовность и без них?”

В. Х.: Было такое. У меня даже сохранилась запись той беседы, на которой они были на иркутском телевидении с Валентином Григорьевичем Распутиным. “Русский – значит православный, – говорил Белов. – Русский народ и духовность – неразделимы! Трагическое разделение русского человека и, как следствие, разделение русского народа произошло, когда случился церковный раскол. И после начало дробиться наше духовное сознание. У нас в Вологде был митрополит святитель Игнатий, который встречался в Александром Сергеевичем Пушкиным. Он говорил, что корень нашей духовности один. И противник у нас один – это атеизм. Это неверие в Бога нашего и Спасителя. Я уверен, что нельзя возродить духовность без храма. Я у себя в деревне Тимонихе решил возродить храм. Жителей в когда-то богатой и населённой деревне почти не осталось. Но в голове засела и не давала покоя одна мысль, что воскресение единого нашего дома, тела нашего, невозможно без восстановления церквей и приходов. Но для этого нужен первый шаг. Недаром у нас говорят: почин дороже дела. Осмотрел заброшенную церковь, прикинул, что могу сделать один и кого потом попрошу на подмогу, взял лом, топор, пилу и, перекрестившись, принялся за работу. Ещё никогда не работал я с такой охотой, точно Господь мне сам помогал. Кой-где заменил оклад, починил крышу, сделал крест. Он оказался тяжёлым, его я вырубил из лиственницы. Но поскольку помощников, кроме Господа Бога, поблизости не оказалось, решил при помощи верёвок поднять крест на купол. Было это после дождя, а я торопился закончить работу. И, поскользнувшись, сорвался! Но Господь и здесь помог, уберёг меня: ободрав руки в кровь, я сумел зацепиться и спуститься на землю. Крест я всё же установил, когда подсохло. Поглядел на него издали: стоит крепко, на своём месте. В душе шевельнулось доброе и хорошее чувство: вот стоит начать – и всё получится. Отвечая на заданный вопрос, могу сказать: надо соединить культуру светскую и духовную. Начать со “Слова о полку Игореве” и “Слова о Законе и Благодати” митрополита Илариона и потихоньку двигаться дальше...

А. Г.: Многие герои твоих книг – “Приют для списанных пилотов”, “Опекун”, “Колыбель быстрокрылых орлов” “Гагарин. Колумб вселенной”, спектаклей “Сербская девойка”, “Святитель Иннокентий”, “Стюардесса” и других – это носители подлинно русских характерных ценностей и национальной гордости. Когда я писал предисловие к твоей книге “Добролёт”, я назвал тебя русским Экзюпери. Ты не только выдающийся русский писатель, но и прекрасный лётчик, пилот первого класса, командир корабля. Поделись своими размышлениями, какой полёт в твоей судьбе был самым запоминающимся и какую свою книгу ты бы советовал школьникам прочесть в первую очередь?!

В. Х.: Какую книгу прочитать? Скорее всего, детскую, “Истории таёжного аэродрома”. Ещё, пожалуй, “Гагарин. Колумб вселенной”. Какой полёт мне больше всего запомнился? Наверное, первый и последний. А так их были тысячи, и каждый был не похож на предыдущий. Что мне дала авиация? Она дала мне профессию, работу, возможность посмотреть на нашу планету

сверху. Подарила незабываемые впечатления и возможность общаться с разными людьми. У тех, кто сидел со мной в кабине были, свои взгляды на нашу работу. Запомнилась одна и та же реплика штурмана, когда после рейса на бодайбинские прииски, он, подводя итог, задавал как бы сам себе один и тот же вопрос: "Может ли наша зарплата компенсировать затраченное время?" В то время один рабочий лётный день стоил примерно двадцать рублей. Полетавший в Авиаэкспорте и знавший, сколько получают лётчики в зарубежных авиакомпаниях, он мрачно вопрошал, кто же там у Господа работает бухгалтером?

По его мнению, та зарплата, которую он получает за полёты, несправедлива и мала.

– Ты что, и там бы хотел получать? – смеялся я, кивнув головой в потолок кабины. – Туда тебя на работу не брали, а туда, – я перевёл взгляд на пол, – с собой ничего не возьмёшь! Ежедневная качественная наша работа – это пульсирующая кровь в артериях большого организма, имя которому – государство, укрепление его обороноспособности. Так говорил мой первый командир отряда Васильев Василий Васильевич, который сам прошёл войну и летал к партизанам.

– Может, пусть этим занимаются те, кто носит военную форму и кого в том числе и мы содержим?

– Наполеон говорил: "Кто не кормит свою, тот будет кормить чужую армию!"

– Я хотел сказать: не в коня овёс!"

В авиации "штурмов" считали белой костью. Каково же было моё удивление, когда после развала страны и гражданской авиации мой подался в торговлю, стал рубить мясо на рынке. И всякий раз при встрече подчёркивал, что получает в несколько раз больше, чем за полёты. После его слов мне становилось не по себе. В наше время многие мои сверстники мечтали попасть в авиацию и так же, как и я, про себя молили об этом Бога. И он такую возможность предоставил. Но не всем, и в том была Его воля. А что – могло ли быть по-иному? Оказывается, могло!

"Есть как бы два времени, два пространства. Одно – историческое, календарное, другое – неисчислимое, – говорил Александр Блок в своей статье "Крушение гуманизма". – Только первое время и первое пространство неизменно присутствует в цивилизованном сознании; во втором мы живём лишь тогда, когда чувствуем свою близость к природе..."

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слёзы первые любви!
Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...

Поэт был прав: каждый в жизни несёт свой крест. "Самолёт – не цель, он всего лишь орудие. Такое же орудие, как плуг", – писал Экзюпери. И мы, взяв в руки этот плуг, принялись пахать воздушную целину. Поначалу мир из кабины самолёта показался мне огромным, но, попривыкнув и после освоив уже другие, более современные самолёты, я увидел, что наша планета мала, её, при взгляде сверху, как глобус, можно было при желании обнять руками. И самолёт стал для меня и для моих пассажиров, как удав, который заглотил, но обещал выпустить. Спустя тридцать лет он это сделал, выпустил меня, поседевшего, но целого, с отметиной в лётной книжке – 15 тысяч часов налёта, а это – я прикинул чуть позже – больше двух лет, которые я провёл в воздухе. Одной заботой стало меньше, одной слезой человеческая река стала мелей. Что я потерял и что в итоге приобрёл? Провёл огромное количество времени между небом и землёй, подвешенный как бы на невидимой верёвке. И где моя жизнь неслышно, как страница за страницей, перелистывалась час за часом, день за днём. Да, я пытался на чистых листах бумаги фиксировать то, что видел и ощущал. Работающая пила лопастей, звук моторов пытались перемолоть весь встававший на пути самолёта воздух и всё небо, обрывки моих дум и мыслей. Сегодня, когда многое позади, я думаю, что эта работа была нужна не только мне. В мой самолёт входили и выходили люди – и то

было движение из одного состояния в другое. Всё живое должно и обязано двигаться и перемещаться. Я пытался понять, зачем и для чего это движение, зачем люди на Земле сегодня ...Значение идеи пути определено Александром Блоком как сознание особого движения, позволяющего вместить в образы мгновенных переживаний всю историю мира, его прошлое и будущее, ведь именно путь должен быть средством постижения сущности мира как его гармонизация. Сегодня, когда другие сидят в кабинах самолётов, я еду в метро и вижу своих бывших пассажиров, которые сидят, уткнувшись уже не в газеты и книги, а в гаджеты. Да, это они – уже московские, а не сибирские. Я размышляю: зачем эта стадная привычка? И что там они видят и читают? Желание остановить время, отвлечься, глядя на мелькающие лики, свои или своих близких? Круг этот постоянен, и это не что иное, как бесконечная погоня глядеть в лицо своей надвигающей старости. После очередной остановки они прячут свои гаджеты в карман и выходят, а им на смену вскакивают в вагон другие, быстрыми глазами ищут свободное место и с полным правом плюхаются на него, чтобы хоть и на короткое время – от остановки до остановки – сказать себе: "Жизнь удалась!" Как по команде, и у них в руках появляются всё те же гаджеты, чтоб знать, что будет завтра или через день. Самая читающая страна стала самой разглядывающей себя державой. Привычно и как-то горько смотреть на одну и ту же картину. Хочется думать, что я ошибаюсь. Не прав медведь, что корову съел, не права и корова, что в лес забрела.

А. Г.: Если верить Василию Белову, автору великой книги "Лад", он, отвечая на мой вопрос, когда возродим русскую деревню, ответил: деревню уже не возродить... Так на чём должны вырасти Беловы и Распутины, если той деревни, которая взрастила их, уже нет и, видимо, не будет?!

В. Х.: Думаю, Василий Иванович был прав; ту деревню, в которой он родился и жил, не возродишь. Деревня будет, но она уже будет другая. Давай вспомним небольшое стихотворение Николая Иванова:

Никогда
Ничего не вернуть,
Как на солнце не вытравить пятна,
И, в обратный отправившись путь,
Всё равно не вернёшься обратно.
Эта истина очень проста,
И она, точно смерть, непреложна.
Можно в те же вернуться места,
Но вернуться назад
Невозможно...

Распутин тоже говорил об исчезновении той деревни, которую он любил и знал. Но остановить письмом, словом можно того, кто способен читать и мыслить самостоятельно, и делать из этого правильные выводы. А писать и читать люди будут. Только о чём? Недавно на конференции "Молодость. Творчество. Современность", проходившей на Байкале, один из обсуждаемых начинающих писателей, кстати, уже ставший руководителем творческого объединения "Неоклассический синдром", рассказывая о своём творчестве и о себе, заявил, что русская культура и деревенская проза обречены, она как более слабая должна поглотиться западной культурой, а деревенская ныне уже почти исчезла. Да и была ли она? И сделал оговорку: "Ну, возможно специальная военная операция на какое-то время и задержит процесс поглощения русской цивилизации, но в конечном итоге она обречена". Я спросил его, кого он знает из представителей деревенской прозы? Да, западных писателей, на кого он равняется и кому подражает, он назвал сразу же и охотно.

– Да чего их вспоминать! – поморщившись, сказал он про "деревенщиков". – Писали про трактора, гайки, про деревенских пьяниц и чудаков.

– И это всё?! – спросил я. Ответом мне было молчание.

Выходит, ложные маяки есть, их творцы стараются воздействовать на сидящих рядом, отыскивая единомышленников, и считают, что только они достойны первых премий и всевозможных вознаграждений. И взращивают их не

где-нибудь, а в родном моём городе. А разговоры о всечеловеческих ценностях, о которых кричали, как они считали, непризнанные в конце восьмидесятых годов, захлопывая двери в наш общий Союз писателей и создавая свои союзы, как были, так и остаются ширмой, чтобы диктовать свои взгляды и, не стесняясь, выказывать свои аппетиты. "Воздай им по делам их, по злым поступкам их; по делам рук их воздай им, отдай им заслуженное ими. За то, что они невнимательны к действиям Господа и к делу рук Его, Он разрушит их и не созиждет их". В прошедшем году в Иркутске под крышей библиотеки Молчанова-Сибирского проходила конференция КНИГАМАРТ. На неё были приглашены в основном лауреаты премий "Книга года", где одним из главных идеологов является оппозиционно настроенный к нынешней российской власти Дмитрий Быков, который после начала спецоперации одним из первых рванул за бугор. То есть были приглашены его последователи. Думаю, совсем не случайно на эту конференцию была приглашена со своим неприкрытым интересом к нетрадиционной сексуальной ориентации выросшая в Усть-Илимске Оксана Васякина.

"Женское тело у Васякиной показано в противостоянии мужскому, мужчина воспринимается как организатор и контролёр социальной среды. Но он поражён, как писала когда-то Александра Коллонтай, эмоциональной атрофией, "любовной импотенцией", в отличие от импотенции физиологической; в пределе "любовной импотенции" такое овеществление женщины, как изнасилование. В поэзии Оксаны Васякиной реакцией женщины иногда становится ответное насилие, разрушение мужского тела. Но поскольку трёхмерного тела, как ни крутись, в двухмерные строчки не уместить, это вербальное насилие против вербального тела..." – так писали о творчестве Васякиной критики, они считали, что это "сообразуется с современным культурно-устойчивым образом Сибири". Главным лауреатом конференции стал Дмитрий Данилов с книгой "Саша, привет!", о которой в аннотации говориться, что редко бывают книги, которые ещё до чтения вызывают такой восторг. Здесь всё понятно: если есть бюджетные деньги, то обязательно их надо дать "с восторгом", не раздумывая и даже не читая. Многое тайное и прикрытое ширмой сегодня становится явным.

Ведь этих авторов сюда, в Иркутск, на эту конференцию, кто-то пригласил... Хочется спросить, а куда смотрело Министерство культуры области? Понятно, они не читали книги приглашённых. Да и не прочтёшь всего! Главное для чиновников – запланировать и провести, а там – хоть не рассветай. Но могли бы поинтересоваться мнением иркутских писателей. Или их мнение уже не в счёт? В последние годы многие мероприятия проходят в Иркутске как бы под прикрытием имён Валентина Распутина и Александра Вампилова. Сегодня их уже нет, возразить или поправить что-то они уже не в состоянии. Но под их именами к нам в Сибирь приезжает и пускает корни "пехота" Дмитрия Быкова, Улицкой, Акунина, которые не скрывали и не скрывают, что презирают или ненавидят Россию. И прилетают они за казённые деньги и выступают под крышами сибирских библиотек, чтобы показать: мы успешны и востребованы. Чтобы стать примером для тех, кто мечтает о карьере профессионального литератора. Для таких существует одна ценность – это собственное "я", деньги, изданные книги. Похоже, что мы для них – край непуганых идиотов, наша участь – молчать и принимать всё как неизбежную реальность. А вот премии они будут брать – зачем же летать впустую, а если им не дадут, начнут лаять и кричать на всю округу.

Почему-то мне вспомнился вопрос Василия Ивановича Белова после того, как мы во время поездки в охваченную войной Югославию летом 1995 года в городе Брчко проскочили под обстрелом Пасаввинский коридор и оставили позади себя взрывы снарядов и ощущение близкой смерти, которая была от нас в нескольких шагах. Повернувшись к Распутину, Василий Иванович неожиданно спросил: "Валя! Как ты думаешь, нас ещё долго будут читать?" Этот вопрос он, видимо, не раз задавал себе. Писательство стало делом всей его жизни. Не предполагал тогда Василий Иванович, что просмотр и чтение гаджетов станут главным занятием или развлечением самого читающего народа в мире. Может, для того чтобы закрыться ими, как шторой, и не видеть окружающий мир, не уступить старику или старушке место...

"Чего хвалить не умеешь, того не суди. Не делай добра, ругать не будут. Правда светлее солнца. Шуту в дружбе не верь. В слепом царстве – слепой

король. В дороге и отец сыну товарищ. Добро того бить, кто плачет. Ключ сильнее замка. Не бойся истца, бойся судьи. Не по летам бьют, а по ребрам. Убыток уму прибыток...”

Эти пословицы я выписал из книги Василия Ивановича Белова “Лад”.

“Стихия народной жизни необъятна и ни в чём не соизмерима, – писал Василий Иванович. – Постичь её до конца никому не удавалась, и, будем надеяться, никогда не удастся”.

Тогда мне пришло в голову, что так же не удастся разгадать свойства человеческой тупости, глупости и равнодушия к тому, что было до тебя, на чьём фундаменте ты хочешь построить своё и хочешь, чтоб оно стояло как можно дольше.

Разношёрстность, неоднородность и завистливость, неумение слушать другого присутствуют в среде людей, занимающихся вопросами русской идеи. Если к этому добавить определение Александра Сергеевича Пушкина, что мы ленивы и нелюбопытны, нам некогда читать друг друга, мы можем лишь жёстко и безапелляционно судить, рядить и насмехаться.

А. Г.: Ещё лет десять назад Валентин Распутин назвал нашу страну колонией, определил и признаки её – чужая экономика, чужая архитектура, чужие песни, чужая еда и т. д. Никто тогда не опроверг его выступление на Всемирном русском соборе. Никто в правительстве и не думал избавляться от колониальной зависимости ни в самолётостроении, ни в семеноводстве, ни в станкостроении. Результат – армия по-сердюковски развалена, станкостроение по-чубайсовски уничтожено, нет ни своих самолётов, ни тракторов. Зато много разговоров об импортозамещении. Есть ли, на твой взгляд, в России сила, способная услышать Распутина, избавиться от колониального пресмыкания перед Западом и вывести Россию на свой самобытный путь развития? На кого ты возлагаешь надежды? Без национально мыслящей элиты не будет никакого развития. Но откуда они возьмутся, если власть в руках русофобов, скрытых и нескрытых? И дело не в том, что такой западник, как руководитель “Сбера”, Греф заявил: “Уход иностранных компаний из России – один из самых негативных факторов для нашей экономики”. Дело в других неизлечимых бедах – зайдите в любой ресторан, там, как правило, играет не русская музыка, а иностранная. Включи телевизор, и там не увидишь ни русских писателей, ни художников. Мы с тобой недавно были на 90-летии замечательного поэта, редактора ведущего патриотического журнала “Наш современник”, равного которому по следованию национальным традициям сегодня нет, большого подвижника русского мира Станислава Куняева. Да, Путин прислал теплую телеграмму Куняеву. Был ещё высокий орден от Патриарха РПЦ Кирилла. Но прекрасный творческий концерт юбиляра прошёл не в Кремлевском Дворце съездов, и на экранах телевидения его не показали. Что касается орденов государственных, то их дают таким смехачам, как Хазанов. У государственника Куняева нет ни одного ордена “За заслуги перед Отечеством”, хотя я хлопотал перед Министерством культуры о награждении, а Хазанов – аж полный кавалер этого высокого ордена. Ну, и как при такой политике зародится национально мыслящее поколение?!

В. Х.: Да Куняев в этих орденах и не нуждается! Всему своё время. Он уже получил всё, что необходимо поэту, писателю в России. Это признание и любовь читателей, возможность заниматься своим любимым делом.

А. Г.: Настоящий русский патриот Александр Михайлов, он же народный артист, постоянно выступающий на Донецкой земле, где идёт война с неонацизмом и бандеровщиной, возлагает надежды на молодых солдат и офицеров. 7 декабря в газете “Аргументы недели” он обнародовал свою позицию: “Они вернутся с фронта и принесут нам новую культуру. Новых поэтов, писателей, композиторов. Это не Новороссия, это новая Россия. И когда с войны вернутся сегодняшние парни, они сметут всё наносное, всю пену, заполонившую театр и кинематограф. Дай Бог нам до этого дожить”. Как ты думаешь, а доживём ли? Я не верю, так как вижу, что на местах среди губернаторов, в Министерстве культуры, в правительстве страны сидят чиновники с мышлением космополитов и западников. И когда молодые герои вернутся с победой, то первое, что они услышат: “Мы вас туда не посылали...”. Развей мои сомнения!

В. Х.: Он прав, они вернутся! И вернутся с Победой! И это будут другие люди и уже другая страна. Я уверен, мы до этого доживём. В 1993-м нам казалось, что уже никогда не будет той России, которую мы знали и любили. Но прошло время, долгих тридцать лет, пена, правда, ещё не вся схлынула, часть затаилась, часть сбежала. Но воздух становится чище, и появилась Надежда и уверенность. Давай вспомним стихи Николая Гумилёва:

...Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.
Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьётся в груди моей.
И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

А. Г.: Валерий Николаевич, одну из своих последних книг ты назвал "Мы же русские!". А кто, по-твоему, может называться русским? Назови главное качество русского человека, отличающее нас от других людей, и качество, отличающее других от нас?

В. Х.: Это те люди, которые живут в России, любят Россию и готовы отдать свою жизнь за Россию.

А. Г.: В нашем Союзе писателей тысячи членов Союза, но все ли они русские по духу, по подвижническим делам? Что для тебя означает понятие "русский писатель"? Обязывает ли это обозначение к чему-либо?!

В. Х.: Прежде всего, это совестливый человек.

А. Г.: В этой же книге у тебя прозвучала интересная и весьма интригующая мысль: "Если спорить, то с Василием Беловым, если молчать, то с Валентином Распутиным". Вопрос простой: о чём ты спорил с Беловым и зачем молчал с Распутиным? Второй вопрос в продолжение этой темы... Не ощущаешь ли ты себя одиноким, потеряв таких собеседников? Можешь ли ты с кем-то поспорить, как с Беловым, и помолчать, как с Распутиным?

В. Х.: Со многими близкими, да и не только близкими мне писателями у меня бывают хорошие и дельные разговоры. И молчим, когда надо. И спорим. Например, с тобой, когда встречаемся или когда я приезжал к тебе в Борисоглебск. Сошлюсь опять-таки на Василия Ивановича Белова: "Не люби потаковщика, люби встришника".

А. Г.: Как ты понимаешь свою миссию почвенничества?!

В. Х.: У меня такой миссии нет. Я даже не знаю, что это такое.

А. Г.: Я долгое время переписывался с писателем и литературным критиком Валентином Курбатовым. После ухода из жизни Валентина Распутина он писал мне, что остался совсем одиноким, общаться не с кем... Он называл Белова, Астафьева, Распутина последними русскими писателями. Не сразу я понял, какой смысл он вкладывал в понятие "последние". Лишь с прочтением его книги переписки с Распутиным "Каждый день сначала" пришло осознание, что с уходом из литературного и политического пространства деревенской литературы и её идеологов – Распутина, Белова, Абрамова – больше таких писателей не будет, они последние. Цитирую Курбатова: "Забвение торопится отнести ещё вчера всеобщую для русского сознания "деревенскую" литературу к почтенной истории, уже ничего не определяющей в нынешнем миропонимании. Они и сами, "деревенщики"-то, чувствовали закат ("Последний

поклон", "Последний срок", "Прощание с Матёрой"), но всей любовью и памятью ещё надеялись удержать лучшее в человеке: долгую землю и высокое небо... Валентин Григорьевич и тут был последним". Трудно не согласиться, что с уходом Белова и Распутина подобных писателей не будет, ещё больнее осознавать, что с их уходом мы теряем "деревенскую" литературу с "долгой землёй и высоким небом". Но трагедия в другом, в том, что они последние русские писатели. Конечно, писать о деревне кто-то будет, но это будет не литература Белова и Распутина, а значит, Курбатов прав – они последние, и последние потому, что русские. В чём ты видишь русскость "деревенской" прозы Белова и Распутина? Что для тебя значат "долгая земля и высокое небо"? Чем чревата для России потеря не только Белова и Распутина, но и той деревенской литературы, которая удерживала лучшее в человеке – "долгую землю и высокое небо"?!

В. Х.: Анатолий Николаевич! Давайте не будем пессимистами. Последние – это не для России. Будут, но уже другие. Были Толстой, Шолохов, Белов, Распутин. Каждый из них по-своему отразил эпоху, в которой они жили и оставили не только свои книги, но и передали тем, кто придёт им вслед, как и за что можно любить и отстаивать своё Отечество, родной язык и родную землю. А по поводу утверждения Валентина Курбатова, что, мол, стало не с кем поговорить... Это же чистая гордыня. Для него и Распутин и Астафьев были людьми, на которых он как критик делал себе имя. Бывало, даже говорил не только за себя, но и за них, где просили, а где бы можно было и помолчать.

А. Г.: Возрождение русской нации в настоящее время – это не только вопрос демографии и сбережения народа, а вопрос выработки национальной идеологии, переоценка ценностей, избавление от преклонения перед Западом, создание русских школ, взращивание национально ориентированной элиты. Однако, чтобы всего этого добиться, нужны лидеры, пассионарии, подвижники с глубоким национальным самосознанием. Это понимают и те последние русские мыслители и подвижники, которые в меньшинстве и книги которых мало кто читает, но эти книги, увы, с теми же названиями, как у Белова и Распутина – у замечательного писателя Владимира Крупина "Последний бастион святости", у историка Натальи Нарочницкой "Русский рубеж", у православного писателя и издателя Александра Крутова "Трудно быть русским", у поэта Станислава Куняева "Сквозь слёзы на глазах...", у писателя Михаила Чванова "Мы – русские?" и т. д. Есть ли у тебя рецепт возрождения России как великой империи, как русской цивилизации? Согласись, что Россия может выжить, только если будет великой и сильной, а таковой она может быть только при сохранении и развитии русской идентичности, культуры, традиций, веры?!

В. Х.: Анатолий Николаевич, в самом вашем вопросе есть ответ. Я не врач, и рецептов у меня нет. Но если обратиться к истории России, то можно отметить одну закономерность. Когда власть и народ были едины, мы были непобедимы.

АННА ЖУЧКОВА

О РУССКОЙ МОДЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Природа — это единственное, что я могу вам обещать, и это единственное надёжное обещание[1].

П. Хандке

Казахстан сегодня выбирает путь в будущее. В связи с этим кандидат исторических наук, социолог Есет Есенгараев обратился ко мне с вопросом: в чём преимущество российской модели развития перед западной и почему вы считаете Россию главным стартапером современного мира, если Россия "так и не смогла догнать страны Запада, а сегодня не только не развивается, но и стремительно деградирует"?

Данный текст – ответ на этот вопрос. Но написан он не как монологическая статья, а в формате диалога, "разноречия", если воспользоваться термином М. Бахтина. О русской и западной моделях мира говорят Ф. Достоевский и В. Розанов, Ф. Джеймисон и Г. Бейтсон, М. Фуко и А. Тойнби, В. Путин и С. Лавров, профессора ВШЭ и декан экономического факультета МГУ. Слово предоставляется также и Е. Есенгараеву, который вводит в текст, помимо русской и западной модели, третий концепт – иллюзорный образ западной модели, сформированный пропагандой и глубоко укоренившийся. С него и начнём.

В интервью информационно-аналитическому порталу Казахстана "Информбюро" Есенгараев объясняет, откуда взялась жестокость, которую проявил "очень миролюбивый, спокойный и не любящий насилия" казахский народ в начале 2022 года. По мнению эксперта, дело в том, что казахский народ не прошёл тот путь демократии, который прошли западные страны.

...Сегодня в Европе митинги происходят в основном мирно, но к этому удалось прийти за последние 2-3 столетия <...> Там, как мы знаем, были социально-экономические столкновения, войны, обусловленные политическими и религиозными причинами, было и многое другое, но им удалось это пройти, и там уже плюралистический мир, в котором нет одного центра, диктующего правила игры. Они могут взаимодействовать на основе принципов плюрализма. А такие взаимодействия являются очень сложными, основанными на несравненно более сложном знании и на более сложном типе человека[2].

Казахам, по мысли Есенгараева, только предстоит пройти этот путь и "*создать современные нарративы и дискурсы, а также основанные на них практики*"[3]. Его призыв к казахскому народу звучит так: надо отказаться от

иерархического мышления, в котором "*мы жили веками, потому что это нормальное состояние человечества*"[4], и изо всех сил стремиться в высшую западную лигу, к обществу "*более сложного типа*".

Странно, что Есенгараев видит сложное устройство там, где западные авторитеты, например, Ф. Джеймисон, видят ровно противоположное: "*существенную гомогенизацию социального пространства и опыта, которые ныне единообразно модернизированы и механизированы*"[5]. При этом неверно говорить, что западное общество лишено иерархического мышления. Оно наличествует, причём вполне определённое: страны первого мира – и все остальные. Так, в октябре 2022 года верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель сравнил Европу с садом, а весь остальной мир – с джунглями: "*Европа – это сад. Мы построили сад: всё работает, это наилучшая из когда-либо созданных человеком комбинаций политической свободы, экономического процветания и социального сплочения <...> Остальной мир, большая часть других стран мира – это джунгли...*"[6].

Это не случайная оговорка Борреля. О том, что Европа "*представляет мир как то, что может и должно быть её экономическим доменом*", в 1979 году писал М. Фуко:

Европа, как мне представляется, предстала в собственных глазах как то, что должно завладеть миром как бесконечным рынком <...> Однако это, <...> очевидно, предполагает различие по природе и статусу между Европой и остальным миром[7].

Как видим, "различие по природе и статусу", действительно, присутствует. Джеймисон пишет об иностранцах так:

Поскольку из третьего мира их выдавливают проводимые там <в Америке> антитеррористические акции, а из второго мира – выманивает наша медиапропаганда, будущие иммигранты (либо в духовном смысле, либо во вполне материальном), не понимая, как мало они здесь нужны, идут за бредовым представлением о пресуществлении, в котором желанным оказывается, подобно ландшафту, сам мир товаров в целом[8].

М. Фуко, верно определив вектор западной модели развития, ошибся в определении гегемона. Им стали США. А Европа вместе со всем остальным миром попала в положение "экономического домена". "*Вашингтон <...> разогнал цены на энергоносители для стран Европы, организовал войну на Украине, взорвал "Северные потоки", заставил ввести потолок цен на нефть из России. Вот промышленники и побежали из Старого света в Новый, то есть в США*"[9].

Всего через несколько лет после выхода лекций о биополитике Фуко, Джеймисон уже констатирует "*американское военное и экономическое господство во всём мире*"[10]. Военное, заметим, на первом месте. Потому забавно читать высказывания комментаторов Е. Есенгараева: "*Ах да, США. Но разве они с помощью насилия стали единственным полюсом?*" Да, с помощью насилия. Д. А. Лукас в исследовании 2015 года утверждает, что ВС США несут прямую ответственность за гибель после Второй мировой войны "*от 20 до 30 миллионов человек в войнах и конфликтах, разбросанных по всему миру. Практически все части мира стали объектом вмешательства США*"[11]. Сегодня эти цифры выросли. (Для сравнения, в ходе Первой мировой войны погибло 15 миллионов человек.)

Анализируя состояние американского общества, Джеймисон говорит прямо: модель развития США – это модель военной и финансовой гегемонии. "*Сегодня озабоченность национальной или правительственной репутацией обычно опосредуется опасениями, связанными с американским финансированием, если только вообще не выясняется, что выгоднее сдаться США*"[12]. В отличие от русской модели, это стопроцентно колониальная политика, которая "*становится всё более бесстыдной в своём стремлении к успеху*"[13]. "Свободный рынок" – давно устаревшее понятие: современные рыночные отношения построены на интересах производителя, а не потребителя.

Политику США Джеймисон определяет как "*политический страх консенсуса, <...> оправданный нежеланием групп, выработавших определённое чувство гордости за свою собственную идентичность, чтобы им диктовали другие группы*"[14]. Он простраивает в общих чертах структуру национального менталитета, и автопортрет современного американского общества даёт мало шансов надеяться, что систему "однополярного мира" можно было бы изменить изну-

три: "*Чем больше других людей мы признаём, пусть даже чисто рационально, тем более неустойчивым и шатким становится статус нашего собственного, доселе уникального и "несравнимого" сознания или "самости" <...> благодаря все большему числу других, мы, на самом деле, симпатизируем [им] всё меньше и меньше*"[15]. Джеймисон также не выказывает надежд на возможное изменение этого положения дел изнутри, но говорит об ощущении скорого краха: "*Появляется предчувствие неминуемого краха всех наших внутренних концептуальных механизмов защиты и особенно рационализации привилегий и едва ли не природных формаций нарциссизма и эгоизма (подобных удивительным кристаллическим структурам или коралловым наростам, складывавшимся тысячелетиями)*"[16].

Одним из симптомов страха Другого на Западе стала гендерная проблема. Вместо того чтобы, вступая во взаимоотношения с противоположным полом, страдать от разности, непонимания и через страдания приходить к пониманию и расширению картины мира, держащийся за "самость" человек предпочитает сужать картину мира, ища для партнёрства гендерно похожего человека. Но с похожестью получается туго, люди все разные... Вот и мечутся, отыскивая какую-то десятую, двадцатую гендерную идентичность, чтобы а) совпасть в ней наконец с кем-то похожим и б) доказать свою уникальность. Да, противоречиво. И эти противоречия становятся всё глубже. "*В настоящее время гендеров насчитывают около 60, но определить точное/ окончательное их число не представляется возможным ввиду непрерывного роста числа гендерных конструктов*"[17]. Прогнозируется, что чем дальше, тем больше будет количество сексуальных контактов между людьми и андроидами – в 2017 году в Барселоне уже открылся первый европейский бордель с силиконовыми куклами. А "*в начале 2020 года в Канаде из уст президента Федерации женщин Квебека (FFQ10) Габриель Бушар (трангсгендерной женщины) прозвучал призыв запретить сексуальные отношения между мужчинами и женщинами "из-за их жестокости*"[18].

З. Бауман писал: "*Играть короткие игры – значит избегать долговременных обязательств. Отвергать любую "фиксацию". Не привязываться к месту. Не присягать на постоянство и верность ничему и никому. Не контролировать будущее и ни в коем случае не закладывать его. <...> Политическая неполноценность постмодерновых индивидов имеет ту же причину, что и моральная. <...> Без особых преувеличений можно сказать, что широкая публика видит долг постмодернового гражданина в ведении приятной жизни. <...> Стюарт Холл так резюмировал суть сложившейся ситуации и того, на что можно, а на что нельзя надеяться в будущем: "Сегодня у нас нет альтернативных средств, к которым прибегали достигшие зрелости люди для освобождения от традиционалистских форм жизни и мышления, и мы по-прежнему легко и свободно перекладываем ответственность на других. В этом смысле у нас нет концепции демократического гражданина*"[19].

Вот мы и подошли к предельно краткой формулировке нынешней модели западного общества – страх Другого, вызванный желанием сохранить "самость" и комфорт, и стремление держать этого Другого подальше, строя при этом на его угнетении своё благополучие. Хотя вряд ли это можно назвать благополучием: "*оборотная сторона этой < глобальной американской> культуры – это кровь, пытки, смерть и страх*"[20].

Конечно, такая модель западного общества сформировалась не в последние годы. Глобализация – процесс, уходящий корнями в колонизацию, начавшуюся с XVI века. "*В XV веке Европа не доминирует, её значимость вовсе не велика. Но к концу XIX века вся Африка поделена между европейскими странами, кроме Эфиопии. Вот карта земной поверхности, на которой воевали английские солдаты. Мы видим, как мало тех белых пятен, где не ступала нога томми*"[21].

На первом этапе колонизация – это захват территорий и военное господство, на втором – господство экономическое, на третьем, "постколониальном", – финансовое управление (при сохранении и экономического, и, как видим, военного доминирования). При постколониализме государства лишь внешне выглядят экономически и политически самостоятельными, но их "*экономическая самостоятельность регламентируется вовлечённостью национальных корпораций в систему международных транснациональных корпораций, тем самым обеспечивая прибыль этим самым транснациональным корпораци-*

ям"[22]. Про военное участие США (и Европы) в регулировании жизни своих "колоний" говорить не приходится – и так всё на виду.

Е. Есенгараев, создавая лубочную картинку прекраснозападного мира, тем не менее, комментируя события в Казахстане в январе 2022 года, отмечает: "*Там были подготовленные люди, которые мирное шествие превратили в целенаправленные погромы с использованием оружия, нападений и так далее*"[23]. Какая интересная деталь! В очередной раз демонстрирующая западный стиль геополитической работы...

Если бы Есенгараев внимательнее относился к своим же словам, моя помощь в развенчании иллюзорной картинки западного "демократического" общества ему бы не потребовалась. Помните тезис, что западная модель основана на сложных взаимодействиях и формирует новый тип человека? Однако в том же интервью Есенгараева читаем:

Мы видели, какой всплеск был в США два года назад. Казалось бы, благополучная, образованная страна, но при этом там произошёл такой всплеск насилия <...> Сейчас там происходит эскалация деструктивных, самых примитивно левацких идей, которые очень деструктивны для общества.

То есть социолог сам разрушает созданную иллюзию и далее сообщает, что казахское общество привела к текущему неустойчивому состоянию не советская власть и вообще, в первую очередь, не власть, а прозападная направленность культурных элит.

В нашем обществе именно мышление и моральные нормы очень сильно испорчены. Здесь не вина только власти, здесь вина прежде всего тех, кто отвечает за создание смыслов и моральных ценностей.

Именно так. Стремясь к иллюзорной "демократии" западной модели, своими же руками разрушают этическое и культурное единство народа. Чем же так привлекательна западная модель? Есенгараев говорит об этом так: "*Первое – образование; второе – наука; третье – технологии; четвёртое – экономика; и пятое, а это главное – её институты*". Что ж, обсудим pro et contra в сравнении с русской моделью.

В "Изборнике" Святослава 1073 года представлен перевод всех греческих литературоведческих терминов: аллегория – инословше, метафора – пр?водъ, метонимия – отъименше, ономатопея – именотворше, эллипсис – нестатъкъ, синекдоха – съприьатше и т. д. То есть на Руси в XI веке существовали точные славянские термины для обозначения всех основных понятий поэтики. Р. Якобсон: "*Ни одна из западноевропейских национальных литератур не может похвастаться ничем подобным*"[24]. В том же веке жила легендарная Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого и королева французская, чьи способности казались европейцам чрезмерными, для женщины неподобающими... Но славянские женщины продолжали удивлять. Первая в мире женщина – профессор математики – Софья Ковалевская. Первая в мире женщина – преподавательница Сорбонны, член Парижской медицинской академии и нобелевский лауреат, причём дважды, – уроженка Российской империи Мария Саломея Склодовская, известная как Мари Кюри. Отец её, директор гимназии, окончил Санкт-Петербургский университет, был в курсе последних достижений в физике, химии и математике, знал русский, латынь и греческий, говорил на французском, немецком и английском, писал стихи и переводил. "*Так воспитаньем, слава Богу, у нас немудрено блеснуть*..." Ну, а про всеобщее бесплатное и фундаментальное советское образование даже и начинать не стоит. Не случайно его целенаправленно убивали: в школах – американской разработкой, ЕГЭ, в вузах – Болонской системой. А ведь, возможно, только благодаря учителям в 1990-е годы Россия и осталась самой собой.

Но вернёмся на Запад. Что же произошло в Европе XV-XVI веков, что позволило ей позже распространить своё влияние на весь мир? Научный скачок, который дал ей значительное превосходство в технологиях и вооружении. Это значит, что речь идёт о возникновении науки именно западного типа, которая отказалась от идеи Бога и попытки понять целесообразность мироздания и сосредоточилась на рациональных задачах и конкретных целях.

Наука неевропейского типа стояла на двух китах: познание природы ради увеличения эффективности взаимодействия с ней и овладение сакральными знаниями. Так, астрономия помогала финикийцам в мореплавании, геометрия (=землемерие) нужна была египтянам для измерения земли, календарная система славян – для сельского хозяйства. (Например, дождевой календарь

на ромашковском кувшине, согласно современным с/х исследованиям, отражает оптимальные сроки периодов дождей, необходимых яровым посевам.) Сакральные же знания обеспечивали контур обратной связи между природой и человеком, обучая последнего не только брать, но и давать.

Но европейская наука вытеснила за скобки сначала Бога, затем сакральность знания, а потом и саму природу как глобальную систему. "*Постмодернизм – то, что вы получаете, когда <...> с природой наконец-то покончено*"[25]. Этот умозрительный подход привёл нас в эру симулякров, когда человек всю жизнь занят зарабатыванием денег ради покупки "картинок" – брендовой одежды, престижной машины, мебели в интернете, друзей в соцсетях. Легко продавать картинку. Так Казахстану сейчас продают отказ от истории, Традиции и идентичности – ради иллюзии свободного рынка и демократии.

То, что сегодня "*79% разработок в области научных исследований и опытно-конструкторских разработок – это коллективный Запад*"[26], – следствие не образовательной, а политико-экономической модели, о которой мы говорили выше и которая предполагает неравноценный колонизаторский обмен, условно говоря, золота на стеклянные бусы. Но отток мозгов в страны первого мира и сосредоточение там научных разработок имеет место быть лишь до тех пор, пока сохраняется эта модель. Стоило ей в 2022 году пошатнуться, как степень "значимости" стран на мировой арене начала колебаться, ибо выяснилось, что без электрического чайника жить можно, а вот без природных ресурсов и продуктов питания – нет.

Западная модель так долго и последовательно выносила природу за скобки человеческого существования, что в итоге отменила не только природу, но и самого человека. Технологический путь развития – это путь модификации окружающей среды, подстраивания её под материальные нужды и человечий комфорт. Но в этом случае теряется вторая дуга системной связи – не меняется, не развивается человек. Возьмите любые отношения – если мы будем строить их, наседая на партнёра, они быстро сойдут на нет. Любовь – это тепло, которое возникает из работы души. Так же и в отношениях с природой – изменчивая, непредсказуемая, она задаёт нам задачи, а мы развиваем себя, подстраиваясь под её ритмы. "*Лестница природы такова: минералы отдают свет; растения вдыхают свет и отдают кислород; люди дышат кислородом и излучают из себя любовь...*"[27] (М. Волошин). Но европейская модель не предполагает изменения и развития самого человека – только изменение окружающей среды ради достижения рациональных целей. Это аллегорически описал британо-американский антрополог, философ, кибернетик Г. Бейтсон в легенде о том, как люди изгнали Бога из Сада:

Некогда был Сад. В нём обитали многие сотни видов (вероятно, это было в субтропиках), жившие среди плодородия и равновесия на обильных почвах и т. д. В этом саду были два антропоида, которые были умнее остальных животных.

На одном из деревьев был плод. Он был очень высоко, и две обезьяны не могли его достать. Тогда они начали думать. Вот это была ошибка. Они начали думать о цели.

Вскоре обезьяна мужского пола, которую звали Адам, пошла и принесла пустой ящик. Она положила его под дерево, встала на него, но по-прежнему не смогла дотянуться до плода. Тогда она принесла ещё один ящик и положила его на первый. Затем она забралась на два ящика и наконец достала яблоко.

Адам и Ева почти опьянели от возбуждения. Вот способ делать дела: составь план, сделай A, B, C – и получишь D.

И они освоили специальность "делать дела по плану". В результате они изгнали из Сада как концепцию его совокупной системной природы, так и концепцию своей собственной системной природы.

После того как они изгнали Бога из Сада, они серьёзно занялись своим целенаправленным бизнесом, и очень скоро верхний слой почвы исчез. Далее, когда некоторые виды растений стали "сорняками", а некоторые животные стали "паразитами", Адам обнаружил, что садоводство – это очень тяжёлая работа. Ему приходилось добывать хлеб в поте лица своего, и он сказал: "Господь есть Бог ревнитель и мститель. Мне нельзя было есть это яблоко".

Более того, после изгнания Бога из Сада в отношениях Адама и Евы произошли качественные изменения. Секс и воспроизведение стали приводить Еву в негодование. Когда бы эти базовые феномены ни вторгались в её но-

вый целенаправленный образ жизни, ей приходилось вспоминать о той большей жизни, которую они выпихнули из Сада. Поэтому Ева стала с возмущением относиться к сексу и воспроизведению, а когда дело дошло до разрешения от бремени, она нашла этот процесс очень болезненным. Она говорила, что и это тоже было из-за мстительной природы Бога. Она даже слышала, как Голос сказал: "В болезни будешь рождать детей", – и ещё: "К мужу твоему влечение твоё, и он будет господствовать над тобою".

Бейтсон видел, к чему ведёт западный мир эта жадная и неразумная целенаправленность. Одним из первых он стал говорить о необходимости возврата к системному пониманию мира.

С одной стороны, мы имеем системную природу индивидуального человеческого существа, системную природу культуры, в которой он живёт, системную природу биологической и экологической системы вокруг него; с другой – мы имеем этот курьёзный вывих в системной природе индивидуального человека, из-за которого сознание почти по необходимости слепо к системной природе самого человека. Целенаправленное сознание извлекает из совокупного разума такие последовательности, которые не имеют петлевой структуры, характерной для всей системной структуры. Если вы следуете диктату сознательного "здравого смысла", вы с успехом становитесь жадным и немудрым <...> системы наказывают те виды, которые настолько немудры, что начинают враждовать со своей экологией. Если хотите, можете назвать системные силы "Богом"[28].

Нельзя сказать, что отдельные представители западного общества не старались что-то исправить. "*Осознав то, что нельзя полностью разрывать с гуманистическими традициями, некоторые представители постмодернистской философии обращаются к религиозной проблематике. <...> Как отмечает Б.-А. Леви, "никогда мы не были столь мало свободны, как с того времени, когда мы более не верим". Приблизительно в том же русле рассуждает и христианский философ постмодернистского толка П. Козловски. <...> Он считает, что анархистско-деконструктивистский постмодернизм должен трансформироваться в "постмодерный эссенциализм", который вберёт в себя из античного и современного наследия всё то, что может быть воспринято в качестве примера, эталона"*[29].

В десятые годы XXI века о необходимости возврата к системному пониманию мира заговорили метамодернисты. Их концепция строится на принципе взаимодействия – осцилляции между противоположностями – и движении вперёд. Но ранее Бейтсона и метамодернистов об этом писал М. Бахтин. Бахтинский принцип диалога (или разноречия) позволяет уйти от "однополярности" к признанию разности (что является необходимым условием развития).

Западная модель оперирует двумя логиками: борьба бинарных оппозиций и гегелевский синтез. Но обе они не ведут к развитию. В первом случае одна из двух оппозиций признаётся истинной по принципу 1:0: белое лучше чёрного, верх ценностнее низа, мужчина умнее женщины и т. д. Во втором – синтез снимает оппозицию в слиянии противоположностей, в котором они теряют свою суть, – и мы снова приходим к цифре 1. К одному-единственному "я", вокруг которого "крутится вселенная".

Это и есть программа (нео)либерализма, высшего достижения западной "демократии". "*Неолиберальная доктрина на Западе (а затем и по всему миру) провалилась, если, разумеется, не считать пресловутого 1 процента населения. <...> К числу главных её результатов можно отнести поразительные уровни доходов и финансовое неравенство, а также катастрофическое количество исчерпанных месторождений и выброшенного мусора"*[30]. "*Неолиберальная идеология финансового влияния, напрямую обеспечивающего политическую власть <...> к демократическому, гражданскому обществу имеет такое же отношение, как паразит к своему хозяину*"[31].

В. Путин: "*Россия выступает за пересмотр принципов работы мировой финансовой системы. Нынешняя мировая финансовая система позволяла "золотому миллиарду" на планете жить за чужой счёт*"[32].

Сегодня западные учёные всё чаще признают, что, несмотря на рост технологий, европоцентричная цивилизация "*слишком медленно развивалась – ментально, культурно и эмоционально*"[33]. И надо искать выход в иной модели развития.

Ханзи Фрейнахт (Д. Гёрц и Э. Э. Фриис):

У нас нет культурной сферы для понимания нашего времени, нет всеобъемлющего нарратива, который соответствовал бы новому экономическому и технологическому миропорядку. Нам как всемирному человечеству не хватает соответствующего ценностного мема. И мы демонстрируем поведение, которое нерационально или попросту разрушительно в текущих системных обстоятельствах. Иными словами, нам не хватает культурного, психологического и поведенческого развития <...> На кону неимоверное количество человеческого и животного страдания, если мы не сможем активно и целенаправленно создать условия, способствующие личностному росту, возникновению новых поведений и нового культурного понимания. <...> чтобы решить огромные и сложные проблемы мировой системы, мы должны научиться смотреть внутрь себя – в наши эмоциональные жизни, в самую природу наших личных отношений с собой, друг с другом и с нашим местом во вселенной. И мы должны сделать это не в качестве индивидуального поиска смысла, а рассматривая это как политический в своей основе вопрос, который затрагивает всех членов общества[34].

В своё время Бейтсон, обозначив основную проблему западной цивилизации – целенаправленность, – предложил и решение этой проблемы – смирение, то есть умение жить в гармонии с миром:

...Существует смирение. Я предлагаю его <...> как термин научной философии <...> Высокомерная научная философия устарела. Её место заняло открытие, что человек – только часть большей системы, а часть никогда не может контролировать целое[35].

Концепт "смирения", предложенный Бейтсоном, плавно переводит нас к обсуждению русской модели, для которой смирение, то есть умение жить с-миром, всегда было ключевым понятием. С-мирение как понимание системной природы бытия – доминанта русского менталитета. Об этом думали Пушкин и Достоевский, Соловьёв и религиозные философы. Это и основная черта героя русской волшебной сказки, который (которая) знает язык птиц и зверей, понимает природные силы и находится с ними во взаимодействии. Почему Иванушка в русской сказке – дурачок? Именно потому, что, в отличие от старших "умных" братьев, свободен от узкой целенаправленности.

Природа занимает важнейшее место в русской цивилизационной модели. О взаимодействии человека и природы, о русском космизме у нас говорят не только художники, но и учёные:

В. И. Вернадский <писал> о невозможности свободного развития человечества вне согласованности его деятельности с законами функционирования биосферы. Последователь Вернадского Тимофеев-Ресовский Н. В. сформулировал концепцию регуляции окружающей среды биотой – сообществом всех живых организмов. Окончательно идеи Вернадского и Тимофеева-Ресовского были обоснованы и сформулированы в 1995 году в виде стройной научной теории биотической регуляции доктором физ.-мат. наук В. Г. Горшковым <...>

Материализованная в биоте (всё сообщество растений и живых организмов: на 99% – микроорганизмов и грибов) жизнь строит окружающую среду и управляет ею в интересах самой биоты, обеспечивая динамическую устойчивость окружающей среды, включая поддержание пригодной для жизни среднегодовой температуры около 15?С на поверхности планеты. Причём это биотическое управление устойчивостью в биосфере уже сотни миллионов лет осуществляется подобно сверхбыстрому суперкомпьютеру, где потоки информации движутся со скоростями примерно 1х1036 бит/сек (на двадцать порядков выше того, чем располагает цивилизация). То есть это свидетельство того, что между цивилизацией и биосферой лежит непреодолимая информационная пропасть. Поэтому все предпринимаемые человеком усилия по т. н. "управлению окружающей средой" (environment management) выглядят по меньшей мере сомнительными[36].

Ещё одним базовым свойством русской модели является принятие Другого. Об этом очень убедительно говорит Достоевский в речи о Пушкине. Позволим себе большую цитату, ибо она содержит и пророчество.

Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению. <...> в факте этом и велико<е> утешени<е> для нас в нашем будущем, великая и, может быть, величайшая надежда наша <...> русская душа, гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого едине-

ния, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия.

Утверждать же, что нищая и неурядная земля наша не может заключать в себе столь высокие стремления, пока не сделается экономически и гражданственно подобною Западу, – есть уже просто нелепость. Основные нравственные сокровища духа, в основной сущности своей по крайней мере, не зависят от экономической силы. Наша нищая неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек. Все восемьдесят миллионов её населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде и не может быть, а стало быть, уже по сему одному нельзя сказать, что наша земля неурядна, даже в строгом смысле нельзя сказать, что и нищая.

Напротив, в Европе, в этой Европе, где накоплено столько богатств, всё гражданское основание всех европейских наций – всё подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки веков, а взамен наступит нечто неслыханно новое, ни на что прежнее не похожее. И все богатства, накопленные Европой, не спасут её от падения, ибо "в один миг исчезнет и богатство". Между тем на этот, именно на этот подкопанный и заражённый их гражданский строй и указывают народу нашему как на идеал, к которому он должен стремиться. <...>

Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиться национально, своей органической силой, а непременно обезличенно, лакейски подражая Европе? Да куда же девать тогда русский-то организм?

Понимают ли эти господа, что такое организм? А ещё толкуют о естественных науках![37]

Организм, о котором говорит Достоевский, – любимая русской философией и критикой XIX века метафора гармоничного устройства мира: в человеческом теле каждый орган не похож на другой – ни по функциям, ни по строению, – но только все органы вместе дают организму жизнь. Русская модель развития предлагает такое же уважение к разности и такую же общую созидательную деятельность на планетарном уровне. Русская модель развития предполагает уважение ко всем странам Земли и взаимовыгодное сотрудничество, которое обеспечит качественный скачок уровня жизни и мышления, и освоение космоса, и многое другое – важное и интересное.

Русская модель мира даёт надежду, что многополярный планетарный коллектив будет действительно создан.

С. Лавров:

БРИКС – структура нового типа, основанная не на принципе "ведущий – ведомый", не когда один сказал, а остальные взяли под козырёк, как сейчас в НАТО[38].

Коллективному Западу <...> пора играть по-честному, не по шулерским правилам, а на основе международного права. Чем раньше все осознают безальтернативность объективных исторических процессов формирования многополярного мира на основе уважения фундаментального для Устава ООН и всего миропорядка принципа суверенного равенства государств, тем лучше. Если же члены западного альянса не умеют жить согласно этому принципу, не готовы выстраивать подлинно универсальную архитектуру равной безопасности и сотрудничества, то пусть оставят всех остальных в покое, пусть прекратят насильно загонять в свой лагерь угрозами и шантажом тех, кто хочет жить своим умом, пусть на деле признают за самостоятельными, уважающими себя странами право на свободу выбора. Это и есть демократия – на деле, а не разыгранная на криво сколоченных политических подмостках[39].

Об этом же писал С. Хантингтон в книге "Столкновение цивилизаций" (1996):

...Стержневые страны должны воздерживаться от вмешательства в конфликты, происходящие в других цивилизациях. Несомненно, с этой истиной некоторым государствам, в особенности США, будет трудно смириться. Это правило воздержания, когда стержневые страны воздерживаются от вмешательства в конфликты в других цивилизациях, является первым необходимым условием сохранения мира в полицивилизационном, ***многополюсном*** *мире. <...> Западу будет не так-то просто принять и эти правила, и мир, где цивилизации будут обладать большим равноправием*[40].

Вместе с тем нельзя забывать, что современная модель колониализма предполагает влияние не только финансовое, экономическое и военное, но в первую очередь культурное. И "*если борьба с классическим колониализмом сводилась, прежде всего, к достижению политической независимости "заморских территорий", то сегодня речь идёт об обретении независимости духовно-интеллектуальной*"[41].

С. Хантингтон писал, что доминирующим фактором мировой политики станет столкновение цивилизаций. Так оно и происходит сегодня. Сбылись предсказания О. Шпенглера и К. Леонтьева, что Запад, отказавшийся от интереса к Другому, перейдёт к гомогенности и стагнации, а пассионарием нового эона станет русско-сибирская культура. А. Тойнби говорил об удивительной способности русских "*обращать западные души в свою, незападную "веру*"[42]. Об этом же писал и В. Розанов:

Русские имеют свойство отдаваться беззаветно чужим влияниям... именно, вот как невеста и жена – мужу... Но чем эта "отдача" беззаветнее, чище, бескорыстнее, тем таинственным образом она сильнее действует на того, кому была "отдача". Тут происходит буквально святое взаимокормление; и вот его-то силу не учли историки, считающие, что процесс истории есть соперничество сил и интересов, соперничество властей – и только. <...> Я думаю, отсюда-то именно и вытечет через век, через 1/2 века огромное "нашёптывающее" влияние русских на европейскую культуру в её целом.

Хотя на словах мы и увлекаемся будто бы "идейным миром" Европы... Это только так кажется. Укажите "объевропеившегося русского", который объевропеился бы с пылом к "власти", "захвату", "грабежу", к "grafen" и "haben" как "грабить" и "хапать" <...> Напротив, когда европейцы "отдаются русскому", то отдаются самой сердцевине их, вот этому "нежному женственному началу", т. е. отрекаются от самой сущности европейского начала, вот этого начала гордыни, захвата, господства"[43].

Итак, русская модель цивилизационного развития вместо логики 1:0 предлагает системное взаимодействие, вместо вынесения природы за скобки – внимание и любовь к ней, вместо страха Другого и его подавления – принятие и уважение к различию (для чего надо уметь в первую очередь менять себя).

Западные теоретики вымечтали метамодернизм как "*парадигму, <...> где всё – от человека до самых сложных экологических и микроскопических систем – взаимосвязано*"[44]. То же самое – но со значительно бóльшим практическим и временны́м охватом – предлагает русская модель развития. И, конечно, русская литература. От "Слова о Законе и Благодати" Илариона до современной мифопрозы, которая начиная с 2010-х годов, говорит о системном взаимодействии человека и природы, о том, что без опоры на Традицию и историю нет будущего, о том, что одно Дерево важнее бизнес-центра. Пока западные метамодернисты ищут новые большие нарративы и универсальные истины, в нашей мифопрозе они реализуются.

Россия не "деградирует". И тезис, что в научном плане она не может догнать Запад, тоже ложный.

В России изобретена первая в мире электрическая лампочка, первый космический корабль, первый спутник Земли, первый в мире квантовый генератор, первая в мире АЭС, первый в мире реактивный пассажирский самолёт и первый сверхзвуковой пассажирский самолёт. Н. И. Лобачевский – создатель "неевклидовой геометрии", И. М. Сеченов – создатель эволюционной и других школ физиологии, К. Э. Циолковский – основоположник космонавтики, И. П. Павлов – создатель науки о высшей нервной деятельности, Н. Е. Жуковский – создатель аэродинамики, Е. С. Фёдоров – основоположник кристаллографии, И. И. Мечников – основоположник эволюционной эмбриологии, Б. Б. Голицын – основатель новой науки сейсмологии...

Этот список можно продолжать долго. Но так повелось, что с петровских времён мы действительно смотрим на Запад в поисках нового знания. Не потому, что он просвещённее. А потому, что хорошо рекламируется. Один из примеров. Для лингвистики XX века стало знаковым имя Ф. де Соссюра, а не великого И. А. Бодуэна де Куртенэ, который "*гораздо раньше, нежели его французский современник де Соссюр, <...> понял необходимость анализа всех языковых явлений с точки зрения их роли в языке, их функции*"[45] (Р. Якобсон). Именно

Бодуэн де Куртенэ создал первую в мире теорию фонемы, и затем идеи Казанской лингвистической школы оказали влияние на Соссюра, который состоял с Бодуэном де Куртенэ в переписке. Представители пражского лингвистического кружка не сомневались в "*идейном лидерстве И. А. Бодуэна де Куртенэ*"[46]. Однако "*научная судьба Соссюра оказалась более удачной <...> нет другой такой книги, которая бы упоминалась в трудах языковедов XX века столь часто, как "Курс общей лингвистики*"[47]. Так оно обычно и происходит: русские идеи тихо уходят на Запад, чтобы через некоторое время снизойти к нам *оттуда* в громе, блеске и славе. Наследие Бахтина, которое растащили на штампы, осталось у нас недоисследованным. А ведь модный метамодернизм строится именно на бахтинском принципе диалога и разноречия. То есть сначала идеи Бахтина, как в кривом зеркале, отразились в нашумевшей интертекстуальности Юлии Кристевой, теперь – в концепции метамодернизма.

В общем, пора менять карту реальности, и в первую очередь – свою. Начинать по-настоящему верить в Россию, знать её, изучать, беречь, любить и гордиться ею.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Хандке П. Вечный мир возможен: нобелевская речь Петера Хандке // Горький, 21 декабря 2019.

[2] Есенгараев Е. "Если мы не изменимся, то обязательно всё это повторится". Беседовала И. Севостьянова // Информбюро. Алматы. 20 января 2022 года.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Перевод с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 703.

[6] Цит. по: ТГ "Мария Захарова" от 13 октября 2022 года.

[7] Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко; Перевод с фр. А. В. Дьяков. – СПб: Наука, 2010. С. 77-78.

[8] Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Перевод с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. – С. 679-680.

[9] Баширов М. ТГ "Политджойстик/Politjoystic" от 22 января 2023 года.

[10] Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Перевод с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 91.

[11] Лукас Д. А. США убили более 20 миллионов человек в 37 "странах-жертвах" со времен Второй мировой войны // Global Research, 15 ноября 2015 года (Global Research, 26 декабря 2022 г.).

[12] Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Перевод с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 681.

[13] Там же. С. 677.

[14] Там же. С. 669.

[15] Там же. С. 689.

[16] Там же. С. 689.

[17] Кирилина А. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики, 2021. № 3 (49). С. 114.

[18] Там же. С. 116.

[19] Бауман З. От паломника к туристу / Перевод с англ. О. А. Оберемко // Социологический журнал, 1995. № 4. С. 133–154.

[20] Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Перевод с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 91.

[21] Носов Д. М. Что такое философия? // Философия. Расширенный курс. ВШЭ: Открытое образование.

[22] Соколов А. М. Философия // Открытое образование СПбГУ.

[23] Есенгараев Е. "Если мы не изменимся, то обязательно всё это повторится". Беседовала И. Севостьянова // Информбюро. Алматы. 20 января 2022 года.

[24] Якобсон Р. Формальная школа и современное русское литературоведение. – М.: Языки славянских культур, 2011. С. 16-17.

[25] Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Перевод с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 58.

[26] Аузан А. Связи разорвались, но это не убило экономику. Беседовала М. Божович // Правмир. 22 января 2023.

[27] Волошин М. История моей души. – М.: Аграф, 2000. С. 202.

[28] Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. – М.: Смысл, 2000. 476 с.

[29] Емелин В. Кризис постмодернизма и трансформация идентичности в инфообществе // Интелрос. Credo New, 2014. № 1.

[30] Аккер Р. ван ден, Вермюлен Т. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер. Перевод с англ. В. М. Липки. – М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 55-56.

[31] Хейзер Й. Супергибридность: неодновременность сотворения мифов и многополярный конфликт // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер. Перевод с англ. В. М. Липки. – М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 124-125.

[32] Заявление Владимира Путина на шестом саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (13.10.2022).

[33] Фрейнахт Х. Четыре сферы развития / Пер. Е. Речкалов // Metamodern – Журнал о метамодернизме от 06.06.2020.

[34] Там же.

[35] Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. – М.: Смысл, 2000. 476 с.

[36] Старцев А. А., Соколов А. М. Глобальная конфронтация: Россия в современном мире // Конфликтология, 2016. № 3. С. 92–107.

[37] Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Дневник писателя. 1880. Август.

[38] Лавров С. Пресс-конференция в Эсватини 24 января 2023 года.

[39] Лавров С. Об инсценировках как методе политики Запада // Известия от 18 июля 2022 года.

[40] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Перевод Т. Велимеева. – М.: AST Publishers, 2014.

[41] Соколов А. М. Аксиологические ориентиры глобализации и пределы экспансии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения, 2014 № 4. С. 62–69.

[42] Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории / Перевод с англ. И. Е. Киселевой, М. Ф. Носовой. – М.: Прогресс; СПб: Культура, 1996. С. 208.

[43] Розанов В. В. Возле “Русской идеи” // Русское слово № 165 от 19 июля 1911 года.

[44] Думитреску А. Что такое метамодернизм и зачем беспокоиться? Размышления о метамодернизме как о термине периода и модусе/ Перевод М. Барановой, А. Зубова, М. Елистратовой // Electronic book review от 04.12 2016.

[45] Якобсон Р. Формальная школа и современное русское литературоведение. – М.: Языки славянских культур, 2011. С. 27.

[46] Бугорская Н. В. К вопросу о заимствовании идей в науке о языке. И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. де Соссюр // Филология и человек, 2007. № 2. С. 8.

[47] Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. – М.: Наука, 1975. С. 6.

ТАТЬЯНА НАБАТНИКОВА

ПИСАТЕЛЬСКИЕ РЕЗИДЕНЦИИ — НОВЫЙ ОПЫТ

Вы этого пока ещё не знаете по молодости лет, а я уже знаю: чем ты старше, тем сильнее тянет в родные места.

Я и минувшим летом летала в Новосибирск, у меня там брат, мы сели на машину и поехали на Алтай, на нашу главную родину, где мы с ним выросли в селе Воеводском.

А осенью выпал счастливый случай поехать под Новосибирск ещё раз. Как после разбрасывания камней наступает пора их собирать, так же неизбежно было и собирание писателей, разбежавшихся было в начале 90-х. Теперь собрались в одну Ассоциацию писателей и издателей России. В АСПИР появились новые формы работы, в том числе организовались писательские резиденции.

В советские времена у нас были дома творчества, куда можно было купить путёвку и уединённо поработать там 24 дня в курортных условиях. Потом мы их потеряли. Теперь начинаем восстанавливать эту форму работы в новом виде.

А я как переводчица с немецкого не раз жила в переводческих резиденциях в Германии и Швейцарии. Но там тебе просто дают комнату, денег на месяц – и готовишь себе сам на общей кухне; раз в неделю общий ужин – собраться всем вместе и поболтать за бокалом вина.

У АСПИР пока нет на балансе собственных домов творчества, но уже есть договорённости с отелями в разных городах России. Я попросилась в Бердск: это в двадцати пяти километрах от Новосибирска, но практически это как пригород Новосибирска, почти примыкающий к Академгородку. Мне ли не знать, я в студенчестве занималась велоспортом, и основной трассой наших тренировок было Бердское шоссе. Можно сказать, каждый километр этого шоссе полит собственным потом.

Училась я в НЭТИ, Новосибирский электротехнический, ныне НГТУ, технический университет. А после института мой муж работал на Новосибирской ГЭС, и мы рано получили квартиру, в 1972 году, мне было 24 года. Практически первой покупкой, когда мы въехали в эту квартиру, стала дюралевая лодка “казанка” с мотором “Вихрь”. Водные лыжи были самодельные. И окна квартиры выходили прямо на набережную Обского моря, то есть водохранилища ГЭС.

И теперь я смотрела на ту набережную и на ту ГЭС из Бердска, ровно с другого берега Обского моря, – правда, ширина моря в этом месте 7 километров, можно было видеть только огни. Но я всё равно смотрела и вглядывалась, и благословляла эти места. И вслух говорила: “Толя, ты видишь, я опять здесь, на этом море, которое ты так любил”.

А Толя умер в 1997 году, в свои 50 лет, в должности начальника электроцеха Новосибирской ГЭС. Умер ночью, остановилось сердце, потому что чубайсовская братия к этому времени раздербанила великое создание инженерной мысли – Единую энергосистему СССР, совершенством которой так гордился в том числе и Толя. А мужики не выдерживают, когда рушится дело их жизни. Он тогда был уже не со мной, но это не имеет значения, я оплакиваю его не только как родную душу, но и как жертву тех проклятых 90-х.

До середины ноября море шумело и бушевало под окном моего номера в отеле "Крона", а утром я проснулась в полной тишине: море встало подо льдом. Этот фантастический переход, смену агрегатного состояния хорошо запечатлел профессиональный фотограф (и писатель, конечно) из Ростова-Дону Михаил Малышев, жаль, что не получится показать эти снимки в журнале. У нас там собралась совершенно замечательная группа в 6 человек из разных городов (Абакан, Ярославль, СПб, Москва, Барнаул, Ростов-Дон), вы не поверите, шестеро непьющих и некурящих писателей. В силу того, что у нас было несколько общих выездов – на выступления в библиотеки, на экскурсии, в театр, – у нас в итоге сложилось окопное братство: один за всех и все за одного.

Выступления в библиотеках были совсем не похожи на выступления в Москве. Туда реально приходили люди послушать, поговорить, поспрашивать. В Москве-то на литературные презентации с основном собираются "родные и знакомые кролика". Я не могла понять, в чём дело. Оказывается, так мало стало мест, куда можно людям пойти вечером *бесплатно...* Посидеть в тепле, пережить позитивные эмоции.

Новосибирск – идеальный город в полтора миллиона жителей. Там есть всё, что необходимо столице огромной территории (Западной Сибири), – передовая, прорывная наука (Адемгородок с институтом ядерной физики), культура (кино, драма, опера, балет, академический симфонический оркестр), несколько университетов, промышленность и транспорт. Народ интеллигентный, воспитанный и сдержанный, матом на улице не разговаривает. И даже громко не разговаривает...

Публикация осуществляется при поддержке Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

НАТАЛЬЯ СЫРЦОВА

ВЕТЕР ПРИВОРОТНЫЙ

* * *

Сколько сор из хаты ни мети,
Всё грязца щетинится словесная.
Крест оконный освятил пути
Зимние, Господнии, отвесные.
Выйду я в стозвонный синий мир,
Где гуляют в вечном птичьем лепете
Да ложатся в розовый потир
Снега накрахмаленные лебеди.
Сор вчерашний был, да вышел весь,
Чёрной кошкой боль сбежала в Радонеж.
Бог родился! Ах, какую весть
Мне принёс игумен Сергий, надо же!

* * *

Снег дремучий, меховой
Ходит-бродит, как попало.
Близ Диканьки домовой

СЫРЦОВА Наталья Николаевна родилась в Волгограде. Принимала участие во многих литературных семинарах и Школах писательского мастерства ЮФО. Участник Второй итоговой всероссийской мастерской для начинающих писателей в Москве (АСПИР) 2022 г. Стихи публиковались в журналах "Новый мир", "Москва", "Отчий край", "Московский вестник" и др. Автор нескольких поэтических сборников, изданных в Волгограде и Москве. Лауреат первой литературной премии им. М. К. Агашиной. Член Союза писателей России. Публикация осуществляется при поддержке Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

Ест украденное сало.
Приосанились меха,
Дед доел кусок добротный,
На завалинке стиха
Воет ветер приворотный.
И стоит такая тьма,
Что коли её и пестуй.
Ничего, пройдёт сама,
Как гулящая невеста.
Лишь бы Гоголь не списал
На любовный этот морок
Хуторские голоса
Мужиков, кому за сорок.
Вот и верь теперь ему,
Самовольному бродяге!
Обещал добыть суму,
А принёс одни бумаги.

* * *

Мать по квартире ходит с бадиком,
Святая,
грузная,
моя.
Вот, дожила до заскорузлости,
До Божьего небытия.
Мать по квартире, как по озеру,
Скользит в дырявой лодке дня,
И сквозь пробоину серьёзную
Свет зачинает для меня.
Цветёт метель, и пахнет ладаном
В прихожей, где дымит щиток.
О, Господи, зачем нападали
Снега в наш милый закуток?
Я тоже буду старой, немощной,
Холодной буду, но живой...
И так же с бадиком теперешним
Плыть по квартире снеговой.

* * *

Я сорок лет брожу туда-сюда.
Дороги жизни — кофты шерстяные,
Колючие; сидят на проводах
Два ангела и смотрят вниз,
Родные.
Я задираю голову, они
Не ангелы, а голубь и синица,
Смешали с крыльями мои земные дни,
А ночи с небом — нет теперь границы.
И полилась небесная вода
За шиворот, за пазуху Христову.
Вот так, отец, я отдаю года
Пернатой речи, ангельскому слову.

ИЛЬЯ ВИНОГРАДОВ

ПЛЫВИ, МЕЧТА...

* * *

Сосед улёгся под забор
У дворовой межи.
Он, в общем, пьяница и вор —
Пускай себе лежит.

Он лёг на оголённый лёд,
Хватив с утра лишка.
Не тронь — по матери пошлёт,
Бедовая башка.

Соседи — им не в первый раз —
В домашний свой уют
Идут. И радуется глаз:
Так хорошо идут!

И я иду, закутан в шарф,
Не мёрзну на ветру.

ВИНОГРАДОВ Илья Леонидович родился в Мурманской области. Автор 7 книг стихов и прозы, переводов поэзии с болгарского и норвежского языков. Член Союза писателей России. Председатель Мурманского отделения Союза писателей России. Публиковался в различных региональных и всероссийских журналах и газетах: "Литературная газета", "Север", "Наш современник", изданиях Болгарии. Автор документального фильма "Дружба, отлитая в бронзе". Лауреат многих литературных конкурсов. Руководитель оргкомитета Международного литературного форума-фестиваля "Капитан Грэй". Участник первой и второй итоговых всероссийских мастерских АСПИР. Публикация осуществляется в рамках проекта "Мастерские" Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

Но корчится внутри душа —
Что ей не по нутру?

Как будто — где, не разобрать, —
Погасли фонари:
Не должен человек лежать,
Чего ни говори!

Как будто — кажется ещё —
Ты сам упал во тьму,
И начал рефери отсчёт —
Тебе, а не ему.

* * *

Плыви, мечта, корабликом бумажным,
Житейский обходи водоворот,
Неведомо куда, куда — неважно,
Куда волна весёлая несёт.

Бдит капитан уверенно-плечистый
И зорко зрит в бумажную трубу.
Он сквозь невзгоды к горизонту мчится,
Невзгоды эти он видал в гробу.

В разлив лазури ввек не наглядеться —
Плыви, бумажный, во весь дух над ней!
Я б за тобой... Но в неприступном детстве
Остался флот размокших кораблей.

* * *

День случился солнечный и ласковый,
Не видал сто лет такого дня.
У реки анютиными глазками
Что за Аня смотрит на меня?

Ей поддакивают колокольчики
Колокольчиковым языком,
Знай трезвонят: счастье не закончится,
Знать не знают ни о чём другом;

И тому не придают значения,
И того нисколько им не жаль,
Что необратимо по течению
Уплывает день в седую даль.

* * *

Когда-то солнце не мигая
На землю глянет свысока,
И жизнь покатится иная,
Непререкаемо легка.

Капель по жестяным отливам
Колоколами отзвенит,
Снега сожмутся сиротливо,
Являя неприглядный вид,

И поле, чёрное, как вакса,
Зелёным озарится враз,
И птицы будут разливаться.
Но не про нас, всё не про нас.

Извечных узников метели,
Нас не отпустит снежный дым,
А то, чего мы так хотели,
Другим достанется, другим.

МАРИНА ПЕРОВА

ПО УСТАЛОЙ ВОДЕ

* * *

Выйдешь в снег
и встанешь у порога:
воздух тёпл
и снег — почти вода.
Город потеплел
от встречи с Богом
в это утро
после Рождества.
Я сама
растаяла как будто —
раньше срока,
в центре января,
посреди осевшего сугроба,
под водой
капельного дождя.

ПЕРОВА Марина Андреевна родилась в 1991 году в селе Старые Байдары Курганской области. Магистр философии, кандидат исторических наук, член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Участник множества региональных совещаний молодых писателей, Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, Всероссийской мастерской для начинающих писателей АСПИ (2022). Лауреат VI Международной открытой Южно-уральской литературной премии. Подборка рассказов вошла в шорт-лист Всероссийской литературной премии имени А. И. Казинцева в номинации "Открытие" (2022). Публиковалась в изданиях: "Тобол" (Курган), "Наш современник" (Москва), "Образ" (Кемерово), "Веретено" (Калининград), "Чаша круговая" (Екатеринбург). Автор сборника стихотворений "Небо над Тоболом". Живет и работает в Кургане. Публикация осуществляется при поддержке Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

Трудно верить
в этой круговерти.
Все проходит,
и вода пройдёт.
Завтра обратимся в гололёд —
твердь, не отделённая от вод,
я, не отделённая от тверди.

* * *

Бездомный полумрак аэропорта.
Я выдохлась. Я выдохнула всё:
Москву-реку, обнятую холмами,
И третий Рим, гудящий на холмах.
Он жил во мне провалами метро,
Ветрами беззащитных площадей,
Закованных в булыжник и людей,
Чужих и близких в бедности своей,
И высшего, и никакого сорта.
Я здесь одна, погружена в толпу
Таких же одиноких, чемоданных —
Ещё не там, уже давно не тут.
Табло горит, мерцают города.
Готовятся воздушные Хароны
Везти через воздушный океан
В турецкий рай
И в ледяную стынь —
Смотря какие поданы монеты.
Мои — в Сибирь.
Я жду, когда Москва
Уйдёт совсем из лёгких и из крови.
Мой лодочник корабль приготовил.
Разута и чиста иду на свет,
И всё и все как в полуясном сне,
Где звон церквей и многолюдный гул
Слились с подземным грохотом вагонов.
Я в темноте пересекаю Стикс
И выхожу на леденелый берег.
Мой колокол ещё гудит внутри.
Но воздух стыл и колок, и земля
Берёт своё, и я расту корнями,
В неё расту под окнами у дома
И третий Рим давно уже не помню.

* * *

На грани между сном
И просветлённой явью
Мы встретились опять
На берегу реки.
Ты говорил стихи,
И музыка стиха
Текла над головой
И волнами причала,
Поймавшими огни
От первых фонарей.
От первых фонарей
До первой электрички

Мы будем так стоять,
Вымаливая дождь.
Небесная вода
Сойдёт в земную воду,
Благословляя нас
Крещением одним.
Ты уберёшь с лица,
Умытого до слёз,
Промокнувшую прядь,
А я глаза закрою.
И будет длится ночь,
И станет атлантидой.
Река и город весь,
И мы на берегу.

* * *

Станем сегодня ходить
По усталой воде,
Стылые гребни едва
Задевая ногами.
Кто-то незримый
Неслышно летает над нами,
Приподнимая
Над озером под рукава.
Чайки молчат.
И волна не встречает волну.
Ляжем на дно, а наутро
Проснёмся богами.
Мне уже снится:
По озеру в Капернаум
Входит Христос
И твоими скрипит сапогами.

ИРИНА УШАКОВА

ПРОСВЕТИТЕЛЬ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬ КОНСТАНТИН РАЧИНСКИЙ

“Уходящая раса, спасибо тебе!” – сказала Марина Цветаева о своём отце, основателе и собирателе Музея изобразительных искусств. Но это ведь точно сказано о людях той эпохи, о таких, каким был, предположим, Константин Александрович Рачинский (20.03.1838–30.06.1909 ст. ст.) – физик, первый директор Московского сельскохозяйственного института (нынешней Тимирязевки).

Славянский род Рачинских происходит из польской шляхты. Представители семейной ветви, к которой принадлежали известные деятели просвещения Константин и Сергей Рачинские, с периода Смутного времени перешли в подданство России, владели селом Татево Бельского уезда (ныне Оленинский район Тверской области).

Дед Рачинских Антон Михайлович (1769–1825) был первым командиром и шефом гвардии егерского батальона, позже – обер-полицмейстером Санкт-Петербурга. Отец Александр Антонович (1799–1866) служил в лейб-гвардии Семёновском полку, имел бронзовую медаль на Владимирской ленте, выйдя в отставку и занявшись обустройством родового имения Татево, в разные годы избирался Бельским уездным предводителем дворянства Смоленской губернии. Его супруга Варвара Абрамовна (1810–1891), родная сестра поэта Евгения Баратынского, была великолепно образована и передала детям свои музыкальные и литературные знания и дарования.

Детей в семье Рачинских готовили к занятиям науками. Зимами семья часто жила в городе Юрьеве (Дерпте), основанном в XI веке киевским князем Ярославом Мудрым, а в XIX веке, после открытия Александром I Императорского Дерптского университета ставшем одним из крупных русских культурных центров.

Четверо братьев Рачинских окончили Московский университет. Сергей и Константин – выпускники физико-математического факультета. После его окончания Рачинские уезжали на два года в Германию продолжать обучение каждый по своей специальности.

Сергей Александрович (1833–1902) слушал лекции немецких профессоров Шахта и Шлейдена, а по возвращении в Московский университет защитил магистерскую диссертацию “О движении высших растений”, основал и первым возглавил в Университете кафедру физиологии растений.

Константин, получивший золотую медаль за кандидатское сочинение “Теория колебания струны”, на некоторое время был оставлен на кафедре гото-

виться к профессуре. И вскоре направлен за границу слушать лекции в Гейдельбергском университете. По возвращении из Германии в 1862 году защитил диссертацию для получения степени магистра физики по теме “Об отражении поляризованного света от поверхности прозрачных тел”.

Ещё в 1861 году, будучи адъюнктами (помощниками профессоров), а затем и профессорами, Сергей и Константин Рачинские организовали из средств личного жалования фонд, куда жертвовали по 500 рублей серебром каждый – для отправления за границу совершенствоваться в науках малоимущих студентов. В архиве Рачинских (архив РГАЛИ, фонд 427) хранится несколько прошений студентов физико-математического факультета на имя члена попечительского комитета о бедных студентах экстраординарного профессора С. А. Рачинского о выдаче им единовременных пособий. Так, в 1865-1866 гг. за материальной помощью обращались студенты Фёдор Бовыкин, Виктор Сикульский, Афанасий Вучнович, Владислав Шредерс и многие другие. В 1862 году на средства Рачинских был командирован за границу будущий известный физик Александр Григорьевич Столетов (1839–1896). Как же сегодня нам не хватает таких щедрых благотворителей, таких смелых инициатив, примеров благородства среди юного поколения!

Удивительно, как синхронно шли жизненные пути двух братьев. В 1872 году, после десяти лет преподавания в университете в звании ординарного профессора, Сергей Рачинский вернулся в родовое имение Татево и тридцать лет жизни посвятил устройству школ для крестьянских детей. Константин Рачинский и того раньше, после двух лет преподавания, в 1864 году оставил университетскую кафедру, хотя всё предрекало ему блестящую академическую карьеру. Женившись на Марии Александровне Дараган, Константин Александрович вынужден был переехать в её имение Рубанка Конотопского уезда Черниговской губернии для поправки хозяйственных дел.

“Нечасто русская деревня в качестве местного деятеля приобретала человека такого ума и интеллигентности, какими обладал Константин Александрович”, – позже напишет в некрологе К. Рачинскому его товарищ.

Так что же это были за хозяйственные дела, ради которых профессор оставил университетскую кафедру?.. За тридцать лет, прожитых в этой русской деревне на Черниговщине, Константин Рачинский был почётным мировым судьёй, членом губернской земской управы Конотопского уезда Черниговской губернии, а затем председателем уездной земской управы. В 1881 году участвовал в комиссиях, созывавшихся в Петербурге для выработки питейной и переселенческой реформ, был представителем Черниговского земства при разработке вопроса о всеобщей воинской повинности.

“Кругом себя он наладил своеобразные отношения с местными крестьянами; в течение всей жизни Константина Александровича между ним и соседями продолжались патриархальные отношения, и бывшие крепостные видели в нём действительно попечителя, защитника, помощника при каких-либо бедствиях, судью”, – писал известный русский геодезист Иван Иверонов в своём некрологе Константину Рачинскому.

В 1877 году скончалась супруга Константина Александровича, оставив сына и дочь. Овдовевшего брата поддержала Варвара Александровна Рачинская, переехав на несколько лет к нему из Татева, где она вместе с братом Сергеем занималась устройством школ и лечебницы.

Видимо, на примете и на хорошем счету был учёный Константин Рачинский в научном сообществе Москвы, раз о нём не забыли, и, спустя тридцать лет, в 1894 году министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов пригласил его на должность директора Московского сельскохозяйственного института – нынешней Тимирязевской академии. Константин Александрович переехал в село Петровское-Разумовское, близ Москвы, и десятилетие посвятил руководству институтом, который должен был открыться вместо только что упразднённой Петровской сельскохозяйственной академии. В новом учебном 1894/1895 году приняли 61 студента.

“С именем Константина Александровича Рачинского связываются в Московском сельскохозяйственном институте тёплые воспоминания о первых годах существования института, возродившегося в Петровско-Разумовском после печальных лет постепенного угасания сельскохозяйственной академии”, – писал Иван Иверонов.

За десятилетие заведования институтом стараниями Константина Александровича и часто при его личных материальных пожертвованиях там возникли физическая и бактериологическая лаборатории, специальные лаборатории при кафедрах почвоведения, частного земледелия, общей и частной зоотехники, были расширены и оборудованы две химических лаборатории, зоологический, ботанический и минералогический кабинеты, открыты новые факультеты. При Константине Рачинском возникло и новое отделение при институте – сельскохозяйственно-инженерное, устроенное без предварительной разработки и необходимых на то средств, но единственно трудами Константина Рачинского.

Константин Александрович, взявшись за обустройство института, помимо научной деятельности, вёл хозяйственные дела: при нём была завершена постройка студенческих общежитий на двести мест, с кухней и залой. Директор института способствовал созиданию в студенческой среде дружелюбной обстановки. Много делал для того, чтобы ограждать молодые умы от революционных волнений. Повсюду уже вспыхивали студенческие волнения и антицерковные настроения, а у физика Константина Рачинского студенты пели в церковном хоре.

Пример этих людей консервативного толка, какими были просветители Рачинские, во многом раскрывает картину эпохи, подаёт советы, как сегодня нам выправить российское образование и воспитание, вернуть на былой уровень отечественную культуру.

В 1901-1902 учебном году Советы всех высших учебных заведений под руководством министра народного просвещения П. С. Ванновского (генерал-адъютант, участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.) обсуждали принципы устройства высшей школы в России, и Константин Рачинский как председатель Совета Московского сельскохозяйственного института принимал в этом первостепенное участие.

Продолжал дело отца и его сын Александр Константинович (1867–1930), он занимался обустройством материнского имения на Черниговщине и созданием народных школ в Конотопском уезде, был черниговским губернским предводителем дворянства, членом Государственного Совета Российской Империи, членом Поместного собора 1917–1918 годов и, что самое важное, – помощником министра народного просвещения.

Послереволюционное десятилетие было беспощадным к дворянам-консерваторам. Новая власть подвергла Александра Константиновича гонениям, арестам, он скончался в пути к месту последней ссылки, задохнулся в тесном вагоне...

Каких трудов стоило руководству страны в 1930-е годы найти, собрать, органично встроить в новую политическую систему оставшихся учёных и преподавателей царского времени, чтобы они помогли воспитать будущее поколение военных, медиков, строителей... Победителей в самой страшной в мировой истории войне...

Дочь Константина Рачинского Мария (1865–1900) была одной из первых в России женщин учёных-математиков. Она вышла замуж за сына Л. Н. Толстого – Сергея, но их брак оказался недолгим. Мария Константиновна 35-ти лет скончалась от чахотки, оставив сына. Заботу о внуке взял на себя Константин Александрович, переехав в последние годы жизни в родовое имение Татево. Есть одна замечательная фотография, где Серёжа Толстой, мальчишка лет десяти, стогует сено с крестьянским мальчиком.

Рядом с Тимирязевской академией расположены корпуса здания, где в одной из комнат проживал профессор К. А. Рачинский, можно зайти даже в его кабинет, пройти по лестницам, которые помнят его шаги. Тут же находится и академический парк, где часто встречались и гуляли со своим внуком Лев Толстой и Константин Рачинский, где сохранились и заботливо оберегаются деревья, ими посаженные.

Было и ещё одно предприятие Константина Рачинского, в котором, несомненно, поучаствовал и его брат Сергей. Это устройство школы для окрестных крестьян села Петровское-Разумовское.

И ещё любопытный штрих: ученики Татевской школы, устроенной С. А. Рачинским, получали начальные навыки физики (это в школе, имевшей статус церковно-приходской), проводили метеорологические исследования и отправляли результаты этих исследований в Сельскохозяйственный институт

Константину Рачинскому. Позже Сергей Рачинский был назначен корреспондентом Главной физической обсерватории.

С конца XVIII века несколько поколений Рачинских обустраивали усадебный парк в родовом имении Татево. Трудами учёных Сергея и Константина Рачинских в парке были посажены уникальные деревья и кустарники, поддерживался садово-парковый ансамбль. Этот уголок на границе Тверской и Смоленской областей вполне мог бы стать одним из мест, неотменимо дорогих сердцу русского человека, подобно пушкинскому Михайловскому, блоковскому Шахматову или есенинскому Константинову.

Сегодня нам важно сохранить остатки этого парка – веймутовы сосны, липовые аллеи, – привлекая специалистов, в том числе из Тимирязевской академии. В свою очередь, парк мог бы стать уникальной лабораторией для практики студентов академии.

Трудами Общества по сохранению наследия Рачинских, а именно профессора, гидролога Александра Николаевича Камнева, на биологическом факультете МГУ открыт музей Сергея Александровича Рачинского – основателя кафедры.

Сегодня, в канун 185-летия со дня рождения Константина Рачинского пришло время и в Тимирязевской академии установить памятную доску первому директору этого знаменитого учебного заведения. Тем более что проект доски уже готов, наше прошение на имя нынешнего ректора направлено... Юношеству, как воздух, сегодня необходимо ощущение причастности к истории своей страны, ощущение того, что мы потомки и наследники своих достойных предков.

К 95-летию В. А. Чивилихина

ВЛАДИМИР ЧИВИЛИХИН

ИЗ ДНЕВНИКА

26 апреля 1969 года, суббота. Вчера вернулся из Ростова и Вёшек. Поехали вчетвером – Ганичев, директор издательства "Народна Младеж" Иван Попов, В. Фирсов и я. Мы лишь мечтали попасть к Шолохову и в первый день поехали к Закруткину, в Кочатовскую станицу. На берегу Дона стоит этот дом, хорошо стоит. Сад большой, виноградник, пчельник. Долго обедали с кислым вином, но было и хорошее, ладанное. Прочёл В<италий> А<лександрович> нам главы из новой повести "Матерь", договорились, что отдаст в "Молодую гвардию". Притащили мы ему с берега Дона громадный и тяжёлый якорь с пятиметровой толстой цепью, старик был тронут до слёз. Но мы, если б были трезвые, никогда бы этого не сделали, просто сил бы не хватило. Дал на дорогу канистру вина, тепло попрощались мы с ним, и он пригласил нас ещё к нему приехать.

На следующий день поехали мы в Вёшенскую. Накануне познакомились с сыном Шолохова, тоже Михаилом, и его женой Лялей – очень милая пара. Миша – ихтиолог по образованию, пишет диссертацию философскую на тему "Человек и природа". Миша поехал с нами. Печальный вид имеют этой весной донские степи! Всё вроде в природе так идёт, как шло, – солнце горячее палит, воздух лёгок, дали ясны, жаворонков тьма, они, как цикады, поют в небе, в степной дали и где-то возле уха, невиданные, яростные в своей песенной страсти. Однако душа болит: на всех возвышенностях земля посветлевшая, покоричневевшая – выдута и вымыта почва; <...> *(слово неразборчиво. –* **Е. Ч.***)* русла старых пологих балок, поймы речонок распаханы, даже самый слабый ветерочек несёт клубы пыли, и они не оседают, будто рассеянный дым, коричневы, несутся высоко, метров на двести-триста над землёй вздымают. Но самое страшное и печальное – горы чёрной земли, надутой у дорог, засыпанные ею низины, занесённые по макушку лесополосы придорожные – земля в беде* образца 1969 года. Миллиардные убытки, пересев сплошной, а яровые в этих местах неуродистые, однако самое главное – нет гарантий от непоправимой этой беды на будущее. В этом году было очень мало снега, дули ветра, а почва перепылена, и нет почти лесополос. На перевозе через Дон встретился лесник. Говорит, там, где были полосы, пересевают 20 процентов площадей, где не было – 80 процентов...

Главное в здешнем пейзаже, на мой взгляд, – небо. Земля сжимается под ним – огромным, ясным; редкие облака ослепительной белизны придают ему объёмность, глубину. Просторная земля во все концы расширяет душу, и земля тут велика!

---

* "Земля в беде" – очерк В. Чивилихина, опубликован в 1968 году.

Шолохов болел перед нашим приездом, нога у него <...> *(слово неразборчиво. – **Е. Ч.**)*, и мы вначале думали, что он лежит, рассчитывали на часок-другой и назад. Не вышло. Дом его под зелёной крышей завиднелся с донской матёры. Крутой берег поднимал его высоко в чистое небо. Рядом, слева – купол церкви и ещё какие-то постройки, позднее выяснилось, что там центральная площадь Вёшек с кинотеатром, РК и магазин. Дом двухэтажный, каменный, с чистыми подъездами и подходами, в окружении большого сада. Есть "баз" – староказачий островок с животиной: корова и козы...

Шолохов встретил нас в вестибюле дома и с ходу:

– А я вас уже третий день жду. Думал, в субботу будете.

– Мы ненадолго, часок посидим и поедем...

– Ладно, ладно, это мы посмотрим! Давайте руки мыть и за стол... Как, Володя, живёшь? – вдруг обратился он ко мне.

– Спасибо, что вы меня помните.

– Ну уж! Как твоя язва?

– Откуда вы знаете про мою язву? – удивился я.

– Я даже знаю, что она к тебе притерпелась... Давайте-ка, давайте обедать!

За большим столом могло бы уместиться человек 25, а к нам подсел только Иван Семёнович Погорелов. Шолохов его представил:

– Это Ваня, друг юности, чекист. Приставлен, чтоб за мной следить...

Мы посмеялись, и только потом я оценил по достоинству этот наш смех...

Мне понравилась в Шолохове простота необычайная в обхождении, естественное и простое исполнение обязанностей хозяина хлебосольного, уверенное дирижирование разговором. Стол был по-русски щедро завален едой, и всё так вкусно, я давно не едал ни такого поросёнка, ни огурчиков, ни рыбца, ни холодца. Пили "Карвуазье" и "Мартель", и после первой чарки Михаил Александрович рассказал нам к месту и чисто по-шолоховски первую новеллу.

– Вы, значит, были у Закруткина? Он вас своим кислым вином поил? А я, знаете, с 52-го года не пробовал этого вина. И не очень хочется, сыт. Дело вышло такое. Он говорит мне: "Сейчас угощу". Пошли мы по пчельнику, и он вдруг как пнёт сапогом улей, тот и отвалился. "Что-то будет", – подумал я, но улей оказался пустым, для маскировки, от воров. Взяли мы лопаты и давай осторожно копать, чтоб не дай бог не разбить бутыли. Долго копали, достаём. И какое же отвратительное вино было, я уже 17 лет плююсь... Ну, правда, потом сходили к каким-то монашкам и купили ладанного вина, это было вино!..

Потом разговор касался очень многих тем – больших, острых... Вспоминаю:

– Ты, Володя, считаешь, что ты пишешь остро?

– Не нравится мне это слово. Серьёзно – другое дело.

– Вот-вот. А "остро" – это значит перчить наши трудные дела...

Читал нам длинное письмо молодого писателя Успенского о книге Штеменко, комментировал сам, ждал и прислушивался к нашим комментариям. Успенский вовсю крыл Сталина, обвинял его и во всех репрессиях и в поражениях. Шолохов критиковал книгу тоже, но с одной позиции – за неглубокость, за расчёт на обывателя и всё время поражался, каким образом такой штабист, как он (*Штеменко. – **Е. Ч.***), мог стать начальником генштаба. Чувствовалось, что Шолохов весь горит желанием разобраться в трагической, крупной и противоречивой личности Сталина. И как бы без видимой связи:

– Конечно, если б я Григория Мелехова в конце романа спутал колючей проволокой и расстрелял в степи, бросив на съедение волкам, – руками советской власти, – они б давно мне дали Нобелевскую премию.

Потом:

– С мясом плохо в стране, товарищи. Рассказывают, что народ по тарелкам ложками стучит в столовых рабочих кое-где. Это ещё ничего! А вот если не по тарелкам да не ложками начнут стучать, тогда они, – он кивнул в потолок, – почувствуют.

– Да вы пейте, пейте, это же французский коньяк, лучший. Вы, Володи (ко мне и Фирсову), это ведь, говорят, умеете делать.

– Донесли, – сказал я, что-то действительно слишком закладывающий в последнее время. – Но вот когда мы бросим с Володькой пить совсем – никто не донесёт...

— Лечите, лечите свои язвы... У меня был такой друг когда-то, полковник Качалов, он лихорадкой болел и вечно держал в кармашке порошок. Достанет порошок, развернёт бумажку, выпьет стакан водки, а порошок опять в кармашек.

— Да, непросто было, и тогда думалось. Помню, приехал я в какую-то танковую дивизию. Командир дивизии спит на сене у избы, а кругом развороченная земля, немецкая "рама" висит в небе, дымок над полем боя.

— А где же ваша танковая дивизия? — спрашиваю.

— А вон — последний догорает...

И тут же:

— Ваня, Ваня! Помнишь, как ты в мыле выскочил? Мы ведь с Ваней жили в одном номере "Националя", когда я наезжал в Москву с фронта. В юности он был храбрый, орден Боевого Красного Знамени получил в 17 лет за борьбу с бандитами-казаками, ногу они тогда ему отгрызли, — ласкал он помощника взглядом. — И вот полез он мыться в ванну, только помылился, а я как крикну: "Воздушная тревога!" Он и выскочил весь в мыле.

Иван Семёнович смущённо замигал.

— Да вы ему верьте больше!

— А разве не было этого, Ваня? — язвительно спросил Шолохов.

— Было, выскочил, но зачем? Я ведь был обязан доставлять его при воздушных налётах в метро, а он принципиально не спускался туда. Силой тащить приходилось. А тут я же не мог в ванне сидеть, если бомбят.

— Да бомбёжки-то не было, Ваня! Вспомни, как я смеялся над тобой, мыльным.

— Нет, нет, никуда я вас не отпущу. Я тут власть. Как-то, знаете, Маша приехала, одна из моих братьев и сестёр двоюродных. Первого, Анатолия, в 21 году бандиты Курочкина шашками изрубили на куски, другой, Женька, подорвался в бронепоезде под Ленинградом. Одна Маша осталась, Мария Петровна. Приезжает ко мне и быстро собирается: "Не буду мешать, пиши!" — "Не пущу!" — "Поеду!" — "Не выйдет!" — "Нет, поеду!" — "Ладно, езжай!" Поехала она, а я звоню в милицию: "Взять такую-то машину на перевозе!" Она там туда-сюда, а ей говорят: "Ничего не знаем, приказано вернуть"... Так что и вы никуда не уедете, друзья мои, пока я вас не отпущу.

— Волюнтаризм, Михаил Александрович, — сказал я.

— Вот вы посмотрите окрестности, родник наш, лесок... Чивилихина, должно быть, в лесок тянет... А вечером приходите, посидим, поужинаем...

Подъехало два "газика", и мы с Ив<аном> Семёновичем Погореловым сели в один. Вёшки со стороны степи отбиты от ветров, пыли и песка приличным сосновым лесом. Часть посадок ещё тут дореволюционные, кажется. Надёжная защита. Сейчас ведь это райцентр, 10 тысяч жителей, хорошие дома, полно машин. За лесом всем спокойно.

Километрах в трёх от станицы из склона горы бьёт родник, и не родник, а родничище. Железная труба в 70 см диаметром на треть заполнена могучей струей. От этой вечной струи образовалась речка, она разливается в озера, целую цепь. Вокруг Отрога — так называют родник — ольха высоченная, тополя, дуб стоит поодаль могучий, раскидистый, хватает небо крепкими, ещё без листьев лапами...

Познакомился с Георгием Ивановичем Акольдиным, смотрителем родника, стариком. Он рассказал, что в станицу водопровод протянут, с водой люди. Ю. Гагарин на этом же "газике" приезжал, пил из этого же родника. Вода, петляя по придонским низинам 8 км, вливается в Дон. Разводья в некоторых местах по полкилометра, все в зарослях, полно рыбы. С Мишей помечтали о том, чтоб сесть как-нибудь в лодку и пробиться насквозь, через камыши и древесные завалы к Дону. Акольдин говорит, что, когда не было водопровода, Шолохову возили эту воду на белом жеребце гужевом...

Поехали дальше по песчаной дороге, с юзом и буксованьем, влезли на возвышенность, где в войну стоял наш КП и был большой блиндаж. Красное, пригашенное по краям тучами солнце ушло за горизонт. Пока не затемнело, мы с Погореловым ходили отдельно ото всех, и тот доверительно рассказал мне поразительную историю, которая случилась с ним и Шолоховым в 1938 году.

Иван Семёнович работал тогда в Ростовском НКВД рядовым чекистом. Начальник облуправления НКВД Гречуха и его зам Коган дали ему задание убить Шолохова, взяв расписку о неразглашении тайны. И. С. понял, что ему всё равно смерть, и предупредил Шолохова. Тот на машину и вместе с Погореловым в сторону Сталинграда. Шолохов высадил Погорелова у стога сена, дал кошёлку с едой и сказал: "Жди!" Почти 10 дней Погорелов сидел в стогу, потом за ним приехали двое чекистов и в Москву. Шолохов и Погорелов были приглашены на Политбюро ЦК ВКП(б). Состоялся драматичный разговор – ведь Коган объяснил Погорелову, давая задание, что Шолохов готовит контрреволюционное казачье восстание и ликвидация Шолохова – приказ Сталина и Ежова. На Политбюро были Сталин, Молотов, Каганович, Андреев, Ежов, Гречуха, Коган. У Погорелова не было доказательств, что ему дали такое задание, кроме адреса квартиры в Ростове, написанного рукой Когана, на которой д<олжна> б<ыла> состояться разработка плана по убийству Шолохова. Однако Сталин, видно, всё успел проверить и встал на сторону Погорелова... Гречиха и Коган были расстреляны, а Шолохову обеспечены охрана и безопасность.

Если это всё так, то лишь счастливейшая случайность спасла нам великого писателя. Не дай они задания И. С. Погорелову – убийца был бы тоже уничтожен, и объявление бы гласило, что враги народа, белоказаки расправились с Шолоховым.

– Мих<аил> Александрович, – сказал я. – Мне в этом никогда не разобраться – в том, что было в те годы.

– И мне тоже, – быстро откликнулся он. – Это тайны мадридского двора...

Помню разнобойные его мысли о сегодняшнем дне нашей литературной сумятицы.

– Как это так? Солженицын – явный антисоветчик. Конечно, за эту деятельность не следует его наказывать, но отчислить-то из Союза писателей можно?!

– Мне тут предложили прочесть "Раковый корпус", – сказал я. – А мне не хочется, жаль времени.

– А ничего в нём нет полезного!.. Сказал я в своё время одному: почему бы Вам не пригласить Твардовского, Леонова, Шолохова, Солженицына, Чивилихина и так далее, не посидеть с ними, не узнать, что их волнует?

– Знаете, М. А., всё некогда как-то.

Иван Попов сказал, что Живков встречается каждую неделю с деятелями культуры – за обедом, ужином, в кабинете.

– Этого не может быть! – воскликнул Шолохов.

– Это правда. Я всего полгода директор издательства, а уже трижды был на таких встречах.

– Вот что, Ваня, – сказал Шолохов, – когда приедешь на родину, то узнай там, нельзя ли мне принять ваше подданство...

Мы засмеялись, а Шолохов продолжал:

– Спрашиваю Г. И. В.: "Вы что-нибудь читаете?" Он: "Хотите честно? Ничего не читаю. Некогда".

А я тут взял да рассказал без ссылки на Леонова его притчу – они нас не читают потому, что берегут глаза – крючочек-то маленький, а червячочек-то скользкий. Шолохов засмеялся. Потом он долго читал письмо писателя Успенского: о Сталине, репрессиях среди военных, о разных толкованиях разных операций, это была непечатная рецензия на книгу Штеменко. Шолохов внимательно прислушивался к нашим репликам, потом пожаловался на то, что ему не дают написать правду о войне – не то время, мол.

– Тогда, может, лучше о рыбалке писать? Возьмусь...

– На всех рыб не хватит, – сказал я. <...>

Потом пошёл разнобойный разговор: о белом верблюжонке, что подарили М. А. казахские писатели, – М. А, ездит в те места якобы охотиться, а на самом деле – писать, тут стало трудно; о пони, которого ему подарили в ГДР и который теперь в Московском зоопарке; о детях. "У меня их всё же четверо: одна дочь в Петропавловске-на-Камчатке замужем за пограничником-офицером, сын живёт в Крыму, женат на дочери Югова. Миша – в Ростове, Маша – в Москве. От моря до моря моё семя. А вы? Сколько у тебя детей, Володя?" – обратился он ко мне. "А у нас у всех по одному", – сказал я.

Начался разговор, что русские плохо прибавляют в числе в отличие от закавказцев, среднеазиатов и малых народов России, и это грозит бедами в будущем. Пообещал ему бумагу с подробным материалом на этот счёт; говорили о том, что выдуло землю, заканчивается пересев, секретаря РК по два-три раза в неделю вызывают в область: "Давай мясо". А секретарь РК не может отвечать за опорос, он отвечает за людей, в том числе за тех, что должны отвечать за опорос. Раньше никто с сева не мог сорваться.

Попрощались хорошо до завтра... Булавин только ночью узнал, что это я писал "Землю в беде", они ведь её всю перепечатали в "Красном Доне", районной вёшенской газете.

Утром мы попрощаться зашли, сфотографировались на память.

Шолохов был всё время бодр, весел, в хорошем рабочем настроении, и это очень порадовало.

Вспоминаю отдельные темы.

– Чкалов – это был богатырь! В ЦДРИ, помню, Ставский был, я и Чкалов, ещё кто-то. Валерий заказал 12 бутылок коньяка, выпили и поехали летать. У меня был очень бледный вид, рассказывать не хочется.

– Пытайтесь, пытайтесь защищать природу, Володя. Только я не знаю, выйдет ли чего, попытаться надо.

Написал мне на донском сувенире: "Владимиру Чивилихину, ревнителю сохранения родной природы – с природной любовью".

Утром 25-го меня приняли в казаки. Этот водочный ритуал я выдержал. Теперь буду в другой раз гулять по Дону и гутарить. Хорошо, что Шолохов да Леонов ещё есть у нас.

Публикация Е. В. Чивилихиной

ГЕННАДИЙ АРХИПОВ

ЛИЦА МОИХ ДРУЗЕЙ

Светлой памяти моего друга
Николая Дмитриева посвящается

Глава 1
Два кандидата в филологи

Вдоль нашего общежития и двух корпусов пединститута протянулись аллеи шиповника. Он буквально благоухал, наполняя воздух томительно-сладким ароматом какой-то очень юной, чистой и мечтательной жизни. За учебной территорией простиралось болото, торфяники – довольно унылый и скучный пейзаж. Ослепительно синее июльское небо замыкало панораму этого маленького мира, на время ставшего для всех его обитателей вместилищем невместимых знаний.

Начиналась пора вступительных экзаменов к торжественному зачислению в студенты ОЗПИ*. Предстартовая суета проходила спокойно и быстро: мы распределялись по комнатам, где нам предстояло жить недели три, знакомились, получали необходимые принадлежности у кастелянши и с постелями под мышками устраивались на койко-местах.

Войдя в свой "номер", я увидел сидящего на подоконнике парня с сигаретой в углу, как мне показалось, старчески нечувственного рта и читающего книгу стихов.

– А, сосед! – он протянул мне руку, и мы познакомились без лишних церемоний. В Колином взгляде я уловил сдержанный интерес и готовность разделить со мною кров и абитуриентские будни. Однако пожатие руки было слишком вялым.

– Что читаешь?

– А вот, поэт Есенин, – он сложил корочки книги и, повернувшись, выпустил густую струю дыма в настежь открытое окно. И внимательно посмотрел на меня.

– Тоже литфак?

– Нет, биохим, – раздумчиво произнёс я, и в моём сердце натянулась струнка то ли старого интереса, то ли доброй зависти.

– Ничего, что я надымил?

– Да нет, кури, конечно, – ободрил я его притворно, хотя сам был некурящий и с трудом переносил горько-кислый запах дешёвого табака.

Волею то ли судьбы, то ли случая мы оказались вдвоём на весь период вступительных экзаменов. Мой сосед по комнате оказался вполне покладистым человеком. И так, как два рысака в разных упряжках, мы с ним благополучно

* Орехово-Зуевский педагогический институт.

доскакали до финишной ленточки, за которой смутно просматривалась новая полоса жизни – интеллектуально насыщенная, взрослая, яркая.

Сблизились мы быстро: совместный утренний чай, обед в общежитском буфете, где мы механически жевали холодный винегрет и чуть тёплые бифштексы с макаронами; и ужин, который превращался в своего рода пиршество с крепким чаем, хорошо прояснявшим мозги и поднимавшим настроение; пиршество, изрядно сдобренное разговорами о жизни, о литературе. Уплетая консервы и ватрушки, мы наперебой зубоскалили о нравах и обычаях местной публики, смаковали новости дня и упражнялись в знании учебных предметов: Коля – поэзии, я – естественных наук. Иногда мой сосед весело щурился, и на его немного хмуроватом лице появлялась широкая, крепко стиснутая на щеках улыбка. Он мудро молвил:

– Если вот эту ватрушку разложить на атомы или молекулы, – ну, тебе виднее, как специалисту, – то получится таблица Менделеева. Правильно я говорю?

– Ну, допустим...

– Ну, а если котлету разложить, – тоже таблица?

– Нет, – протестовал я, – другая таблица!

– Неважно, – парировал мой собеседник, – ты послушай: на элементарном уровне – одно и то же. Значит, неважно, что человек ест, в конце концов он получает одни и те же атомы и молекулы.

При этом рябоватое, как бы в оспинах, лицо Коли расплывалось в каком-то мистическом восторге почти научного открытия и излучало изрядные порции интеллектуальной энергии.

– А ты знаешь, что ел Маяковский в Америке? – неожиданно вопрошал он.

– Что? Рябчиков буржуйских?

– Не угадал. Он заказывал московское меню в русском ресторане.

– Откуда ты знаешь? Этого нет в автобиографии.

– Да в биографии много чего нет. А ты знаешь, стихи и есть биография. Самая лучшая биография поэта.

Порой вдруг мой приятель замечал:

– Какая интересная девушка...

– Ты имеешь в виду красивая?

– Ну да, интересная – значит, и красивая.

Я мысленно поднимал руки вверх и произносил:

– Конечно! Но ты смотри, влюбишься тут не вовремя и не поступишь в институт.

– Ну и что! – он засовывал руки в карманы и пророчески произносил: – Институт – не главное.

– А что главное?

– Поэзия. Стихи. Главное – это, – и он с молчаливой сосредоточенностью перстом указывал на книги, в беспорядке грудой лежащие на его учебном столе.

Однажды вечером, после затянувшегося ужина Коля, задумчиво вглядываясь в потемневшее окно, спросил:

– Хочешь, почитаю тебе стихи?

Я уже знал, что он пишет, но ещё ни разу не видел, что и как.

Повернувшись ко мне спиной, он начал монотонным голосом декламировать:

Умер дед без болезней и муки.
Помню, тёплые лили дожди.
В первый раз успокоились руки
И уютно легли на груди.

Умер так незаметно и просто,
Что, бывало, порой невдомёк...
Словно выправил новую косу
Или поле вспахал и прилёг.

Постояв на кладбищенской сыри,
Вытер слёзы, опомнился дом.
Ничего не нарушилось в мире.
Всё проходит своим чередом.

Его манера чтения – тихая, простая, со старческой хрипотцой в горле, удивительно совпадала с содержанием стихотворения. Меня, помню, поразил в тот вечер далеко не детский образ его поэтического мышления, зрелость стихотворной фактуры.

– Ну, как? – он повернулся ко мне лицом.

– Это почти классически звучит, – отвечал я, переводя дух.

– Вот именно – почти... Все пишут почти хорошо, почти талантливо. А вот Есенин, Пушкин или, допустим, Некрасов писали на "хорошо" – без "почти"...

Он задумчиво вздохнул и спросил:

– А ты пишешь стихи?

– Я – нет, но писал когда-то в школе.

– А что? Почитай!

Я на секунду замялся и решил не рисковать:

– Не помню наизусть. Я писал в народном ключе: какие-то баллады, частушки, эпиграммы. Чтобы однокашников повеселить.

Он оживился:

– Это хорошо. – И пояснил: – Хорошо, что в традиции. Сейчас модно другое направление: Евтушенко, Вознесенский, Белла Ахмадуллина... Эстрадная поэзия.

– Так ты – человек немодный?

– Нет, при чём тут... Просто я за традицию, за корни. Хотя... и это нужно – новаторство, поиск формы, образы в духе времени. Но это не главное. – Он явно волновался, его руки искали чего-то вокруг себя, пока не нащупали пачку сигарет в кармане брюк. Он с жадностью затянулся и добавил: – Главное, я думаю, – судьба. И – мастерство.

Прозвучало неожиданно.

Поэзию я воспринимал в основном как искусство высокого, звучащего слова. О судьбе в творческой биографии поэта я не размышлял, тем более – о его родовой основе. Коля первым открыл мне глаза на эту сторону бытия. Он рассказывал о своих родителях, предках, о деревне, в которой вырос, о школе, учителях и наставниках. В его рассказах сквозила любовь к своему, родному, русскому очагу культуры, словесности, всему, на чём он рос, что любил, чем внутренне гордился. Это был человек уже с багажом коренной, национальной поэтической школы, хотя ещё и не вошедший в полную меру человеческого и литературного возраста. Главное – была закваска. Она вызывала брожение его ума, наполняла его чувства светлым и добрым воздухом народной жизни, будоражила художественное воображение. Он не глядел вдаль, за горизонты; его мастерская слова размещалась на окружающем пространстве, вбирая в себя живые образы и звуки мира сего. ("Я от мира сего, / Мне не надо иного. / Я от мира всего / И села небольшого", – писал он позже.)

После очередного экзамена Коля уезжал домой, а мой дом был далеко – в Саратове. Я оставался в полуопустевшем здании общежития и с какой-то тончайшей тоской смотрел на его книги, на его кровать, на его рукописи... Мне его не хватало. Не хватало как человека с зачинкою в душе.

Он приезжал, и для меня начинался маленький праздник дружеского общения – с чтением стихов, прозы, с рассказами о случаях в дороге до Рузы и обратно – с очень слаженного совместного погружения в стихию русского языка и русской литературы. Да, и мне предстояло сдать экзамен по этим двум предметам – в форме сочинения. И это обстоятельство ещё более сближало нас двоих.

Кусты шиповника, дурманящие и днём и ночью, уже отцветали, вместо них завязывались круглые глянцевые розоватые плоды, свидетельствующие о наступлении нового периода жизни на земле; мы тоже готовились к новому этапу жизни – студенческому, втайне надеясь на благополучный исход. Вечерами, ложась в постели, слушали, как восхитительно громко стрекочут цикады в траве за стеной, как надрывают перепонки жители болотного царства, как скребут за стеклом то ли жуки, то ли мыши.

Перед моим сочинением Коля заявил:

– Ты должен хорошо написать. Давай, ни пуха!

Перед сном мы иногда прогуливались по территории студенческого городка, говорили о жизни, об искусстве; бывало, знакомились с компаниями

из двух-трёх абитуриентов. Коля всегда и со всеми был непременно добродушен, прост и немного застенчив. А может, просто задумчив. Но за его застенчивостью скрывался такт, такт человека, правильно воспитанного, но не желающего обнаруживать перед случайными людьми своего воспитания. Он рос в атмосфере трудовой дисциплины своих родителей — сельских учителей. Будучи интеллигентом и филологом во втором поколении, он унаследовал сызмальства суровую, но доброжелательную обстановку учительского дома, трудовой распорядок дня, любовь к книгам и знаниям, притягательный интерес к русской истории, русскому быту, родной речи. Нелёгкая и небогатая жизнь сельских учителей в послевоенные годы давала драгоценный шанс их потомкам — шанс пойти по стопам своих родителей дальше — в новое, возрождаемое всей страной светлое завтра, в новую, мирную, мощно набирающую обороты жизнь.

Мы стояли с ним в старом корпусе после обеда и отыскивали в списках результат моего сочинения.

— Ну, вот, поздравляю: Архипов — "5". Молодец, Гена. А ты переживал...

Он дружески пожал мне руку и произнёс впервые:

— Неплохо бы отметить!

Я возразил:

— Отметим по результату зачисления. Как бы не ошибиться, раньше времени празднуя.

Но Коля был неумолим:

— Можно и сейчас. Всё равно результаты будут хорошие.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю. Зря, что ли, мы с тобой грызли науки?

Вечером бутылка портвейна украсила наш отмеченный трудовыми подвигами стол. Откупоривая заправски бутылку, Коля сделал признание:

— Ты думаешь, я пью?

— Думаю, что бывает...

— Я второй раз в жизни держу вино в руках.

— А первый когда?

— На выпускном в школе. Я дал слово вести трезвую жизнь.

— А зачем тогда хочешь выпить?

Он сочувственно посмотрел на меня, и на его лице обозначилась какая-то тихая боль.

— Понимаешь, деда жалко. Родные постепенно уходят. А мы вот остаёмся... — Он сжал губы и взгляд его обратился внутрь. — Оба деда ушли... А у тебя живы?

— Нет, оба погибли на фронте.

— Вот, посмотри, — он вновь оживился. — мы с тобой на равных. Давай за них выпьем, чтоб им там хорошо было!

— А как же экзамены?

— А чёрт с ними, с экзаменами! Ещё надоест сдавать их четыре года. Давай, Гена, выпьем за своих.

Мы чокнулись. Коля опрокинул стакан одним махом, вытер губы тыльной стороной руки. Глядя на то, как я интеллигентно опорожнял свою посуду, он беззвучно рассмеялся:

— А ты и вправду интеллигент, тебе только очков не хватает для вида.

— Слушай, — перебил я его, — ты стихи почитаешь?

— Свои? Не буду. Хочешь — Есенина Сергея? — он взял со стола его блестящий лаком портрет и продолжил: — Вот, поэт не жалел себя. Потому и прожил мало. Вообще все русские поэты не дожили до сорока.

— Разве все?

— Нет, конечно, но сам посмотри: Пушкин, Лермонтов, декабристы, Кольцов, Есенин, Маяковский...

— Вот ты знаток поэзии "золотого века", Гена, — продолжил он свой диалог. — Как думаешь, Пушкин и Есенин равные как новаторы в искусстве?

— Пушкин — да, конечно, это мы ещё в школе проходили...

— А в чём его новаторство? — перебил он меня и пытливо посмотрел исподлобья.

— Создал новый литературный язык, — без запинки отвечал я.

— Ну, а Есенин?

– Продолжил его дело, я думаю.

– Какое дело, Гена? – его серьёзный взгляд взывал к более точному ответу.

– Да брось ты, Коля, я не литератор, хотя Есенина тоже люблю, и даже песни его знаю.

– Тогда давай петь. Сергея Есенина. – Он приподнял стакан и медленно опустил его на стол. – Ты какие его песни знаешь?

– Ну, "Клён", "Ты жива ещё, моя старушка..."

Я, как мог, затянул протяжно и умилительно первую строчку. Со второй строки вступил мой друг, и вся комната на глазах стала превращаться в бревенчатую рязанскую горницу.

Приблизительно через пятнадцать минут песнопений к нам постучали.

– Нельзя потише?

– Никак нельзя, – строго отвечал мой друг, – это Есенин.

– Ну и что? Люди отдыхают после экзамена.

– Девушка, да вы проходите, присаживайтесь, – Коля поднялся в любезном жесте, – мы с вами чаю попьём...

– Спасибо, мы уже попили.

– Ну, тогда мы будем пить без вас, извините... Девушка, а как вас зовут? Вы с какого факультета? – Коля не унимался. – Заходите к нам на огонёк...

– Я вас прошу: потише. Да у вас и вино на столе...

– Где вы видите вино? Это вода в бутылке. Мы из неё цветы поливаем.

Но цветов у нас, к сожалению, не было видно ни на подоконнике, ни на тумбочках.

– Ну, вы и врать, ребята! – возмутилась соседка по коридору. – Последний раз прошу – потише.

– Девушка, – вступил я в разговор, – Коля – литератор, а я – с биохима; мы очень любим стихи Сергея Есенина. Что плохого, что мы поём его песни?

– Да пойте на здоровье, только спать не мешайте людям, – отрезала прекрасная незнакомка и, уходя, хлопнула дверью.

– Простите, простите, мы больше не будем...

Так неожиданно, в духе прозы, закончился наш первый поэтический вечер в ОЗПИ – строгим выговором от соседей.

Коля был зачислен в студенты раньше меня, ему, как говорили, помогли уже опубликованные в местной газете стихи. Так считалось некоторыми нашими знакомыми, хотя лично я думал иначе, видя в нём истинного филолога и стихотворца.

Мне же помогло поступить на биохим моё сочинение, объявленное лучшим на потоке.

До сентября оставалось чуть больше месяца; лето входило в свой зенит; привычный горизонт институтского городка на глазах расширялся. Стали видны и соседний парк, и автомобильная трасса, тянущаяся за торфяники, и вся южная оконечность города – заброшенно-пустая, с одним магазином, одной столовой – "тринадцатой аудиторией", и двумя десятками однотипных пятиэтажек, сгрудившихся вокруг школы. Такой пейзаж не сулил интересного времяпрепровождения, невольно погружал молодое студенчество в камерную атмосферу учебной жизни. Большой старинный учебный корпус из красного кирпича церковной, как говорили, кладки, с мраморной парадной лестницей и ажурными перилами из чугуна, прекрасным читальным залом и уютной столовой, с полусумрачными аудиториями за высокими дверями и уникальным биологическим музеем, – этот корпус как нельзя лучше олицетворял собой академический характер образования, которое мы чаяли получить в этом институте.

ЭДУАРД АНАШКИН

ЗНАМЕНИЕ И ЗНАМЯ

Заметки на полях книги Василия Козлова “Рядом с Распутиным...”

У каждого из нас свой Распутин. И у читателей, несколько поколений которых взросли на книгах Распутина. В особенности у писателей-земляков, которые имели счастье общаться с Валентином Григорьевичем лично. Под знаком Распутина целая эпоха... нет, не прошла. А если прошла, то снова пришла, потому что не получается сказать в прошлом времени об эпохе, которая сегодня стала злободневной повседневностью. Смотришь на происходящее, и всё чаще приходит на ум великая повесть-пророчество “Живи и помни”. Повесть не просто о предателе – о предательстве. Том самом, похоже, неизбежном явлении человеческой цивилизации, на разных этапах принимавшем различный облик. Сегодня мы с вами наблюдаем, насколько актуально зазвучала книга “Живи и помни”, где Распутин беспощадно, но с такой болью сострадания к людям исследует феномен предательства, книга, что останется актуальной во все времена.

Итак, каждый из нас вправе читать Распутина по-своему, каждый вправе говорить о том, каков “его” Распутин. Уникальность книги современника, земляка, коллеги и друга Распутина Василия Козлова в том, что она написана с двух ракурсов обзора творчества Валентина Григорьевича. С дальнего расстояния художественного осмысления и с близкого расстояния дружеских отношений. “Рядом с Распутиным. Очерки. Статьи. Воспоминания”. Читается настолько на одном дыхании, что, буквально проглатывая страницу за страницей, чётко понимаешь – книгу надо будет непременно перечитать.

“Валентин Распутин был знаменитым писателем и в смысле знамения, и в смысле знамени...”. С этим утверждением Василия Козлова нельзя не согласиться. Как и с другим, приведённым в книге, – мнением Андрея Антипина: “К Распутину прислушивались, даже когда он молчал...”.

Драгоценные свидетельства личных встреч, бесед и впечатления от личности Валентина Распутина обрекают книгу на читательский успех. Тут и воспоминания о молодом авторе, входившем в творческий актив литературного молодёжного объединения в Иркутске, которое называлось ТОМ. Тут и упоминания о знаменитом семинаре-совещании молодых писателей в Чите в далёком 1965 году. Мне посчастливилось быть на этом знаменитом семинаре, где мы, собственно, и познакомились с молодым тогда ещё Валентином Распутиным... Спасибо Василию Козлову, что донёс до читателя не только историю, но и атмосферу вдохновенной приподнятости, которой всегда отмечен приход в литературу значимого писателя...

Это тем более важно, что сам Валентина Григорьевич был скромен до застенчивости и очень не любил говорить о себе. Он говорил о спасении Байкала, о недопустимости поворота северных рек, об уничтожении памятников

русской истории и старины. О себе говорил мало! Его нелюбовь ко всякого рода публичным выступлениям, куда его тем не менее настойчиво и постоянно зазывали жадные до честного писательского слова читатели, и вовсе стала притчей во языцех. Когда после выступления на Братском телевидении в студию звонили слушатели и просили к телефону Распутина, он в ответ на слова благодарности лишь застенчиво отвечал в трубку: "За что спасибо? Да я говорить не умею. Язык, как деревянный".

...Плоть от плоти русской сибирской глубинки, Распутин стал литературным олицетворением всей России, и, конечно, работа поневоле обязывала его почаще бывать в Москве. Об отношении Распутина к первопрестольной нашей столице можно узнать из дневниковых воспоминаний Василия Козлова. Там, где он пишет о том, как Валентин Григорьевич пошёл провожать приехавших в Москву земляков-писателей. Идя по Староконюшенному переулку, где у Валентина Григорьевича была скромно обставленная квартира, он признался: "Неделю ещё выдерживаю (в Москве. – **Э. А.**), а потом тоска, всяческие приглашения выступить утомляют, хорошо хоть иногда к Шафаревичу сходишь, с Кожиновым поговоришь...". Москва, в отличие от Сибири, не была для Распутина почвой, она скорее давала ему атмосферу общения с людьми, близкими ему по чувству неотвязной боли и тревоги за русскую землю и русский народ...

Не единожды Василию Васильевичу Козлову довелось увидеть, что такое понятие "народный писатель" в действии. А оно в том, что по всей огромной нашей стране народ считал Распутина настолько своим, что подходил, чтобы просто пожать руку, взять автограф... Московские вахтёрши помогали найти подъезд, где живёт Распутин, с гордостью добавляя, мол, мы Валентина Григорьевича не только знаем, но и любим. Молоденькие студентки в столичном аэропорту с просьбой дать автограф. Сибирские земляки, здоровающиеся с писателем на улице... Всех и не упомнить! Не только на сцене, которую не очень-то жаловал Распутин, но и в трамвае, на паромной переправе – всюду народ узнавал своего писателя. Отрадно, что очень часто это был совсем юный "народ", опровергающий собою все утверждения о том, что время литературы в России прошло.

Проникнутая дружеским уважением, книга Василия Козлова о Распутине очень живая, потому что напрочь лишена ложного пафоса, потому что показывает нам нашего великого писателя и в моментах сугубо земных, даже забавных. С интересом читается дневниковая запись Козлова о случае, имевшем место во время их совместной с Распутиным творческой командировки в Барнаул. Приехали в Барнаул поздно вечером, и Валентин Григорьевич пригласил Василия Козлов к себе в номер немного подкрепиться после трудного перелёта. С завтрашнего дня им обоим предстоял весьма напряжённый график выступлений и встреч с читателями. Предоставлю слово Василию Васильевичу, учитывая нестандартность ситуации, хотя поведение Распутина в ней считаю образцом поведения не просто настоящего мужчины, но истинного сибиряка. Ужинают Козлов и Распутин в номере Распутина, на столе – нарезанный сыр, копчёное мясо, хлеб. Всё просто, по-сибирски, по-деревенски.

"Звонит телефон. Валентин берёт трубку: "Слушаю. Нет. Не надо, спасибо. Я уже не в том возрасте. Нет, не надо!" – сказал спокойно, без раздражения.

– Вот, стоит только войти в номер, и начинаются звонки. И так везде в последнее время. Помню, случай был, в дверь постучали, открываю. Стоит девушка, симпатичная такая. Предлагает себя. Я пригласил её в номер. Разговорились, оказалось, работать негде, больная мать и дочь на руках. Промышляет этим. Дал ей денег, сколько-то у меня было, немного. Говорю ей, приходите, у меня ещё должны появиться деньги, я вам ещё дам, но не пришла больше...

Снова звонок. Берёт трубку, мягко отнекивается.

– Вася, давай отключим телефон, а то ведь не дадут житья..."

Заметим, что ни слова раздражения и осуждения не звучит в словах Валентина Григорьевича, когда он говорит фактически о "падшей" женщине, что так беспардонно попыталась проникнуть в его номер. Сочувствие, сострадание и желание облегчить непростую женскую участь – вот отношение Распутина в этой непростой ситуации. Иначе и быть не могло. Русские женщины –

молодые, постарше и пожилые – предстают со страниц его книг, как живые. И воспринимаются читателями, как реальные люди, с которыми мы или уже встречались или непременно встретимся.

Василий Козлов открывает нам много граней личности многогранного Распутина. И не может обойти вниманием то его качество, которое во многом и сделало паренька из сибирской глубинки писателем с такой пронзительной болью за уходящую Россию. Это отношение Распутина к памяти ушедших.

"...я обратил внимание, что где бы он (Распутин. – Э. А.) ни бывал – в Барнауле, в Красноярске, в Москве, – обязательно навещал могилы близких ему людей. Как будто прощался, отдавал последний поклон..."

Думаю, что для таланта уровня Распутина в принципе не может быть ушедших в прошлое, умерших людей, ведь они все, однажды став частью его жизни и судьбы, остаются с ним, пока он жив. Ведь в той же "уходящей" Матёре жизни и будущего больше, чем в иных современных мегаполисах...

Негромкая исповедальность и тихая покаянность творчества и судьбы Распутина доходят до читательской души куда быстрее, чем все барабанные призывы и лозунги "жить не по лжи". Валентин Григорьевич, сколько его знаю, а знаю многие десятилетия, ни разу никого не осудил, всегда и во всём начинал с себя и лично себя считал виновным во всём грустном, что происходит вокруг. И это же качество отметил Василий Козлов, рассказывая об одном случае:

"...говорили о том, что лес вывозят в Китай, всё отдаём за бесценок... Валентин (Распутин. – Прим. Э. А.) вдруг выпалил:

– Нас расстреливать надо, если мы пятнадцать лет об одном и том же говорим.

Хотя сам ни слова не сказал, но тем не менее "нас"..."

Узнаем мы и много забавного из книги Козлова, касаемого писательской повседневности.

"Терещенко рассказывал мне: "Валентин Григорьевич подарил в дорогу водку "Калашников", стеклянный сосуд в форме "калаша" и упакован в зелёный армейский камуфляжный чехол, наподобие настоящего. В Москве его в багаж приняли, а во Франции, когда он получал багаж, чуть ли не за террориста приняли, подошли вооружённые спецназовцы и задержали его вместе с "Калашниковым"; если бы не Ястржембский, бывший в группе, вряд ли бы вернули..."

И ещё из забавных писательских приключений:

"20 апреля 2005 года. "Два дня назад Валентин Григорьевич вернулся из Москвы, ехал поездом. Владимир Крупин (по словам Скифа) передал во все писательские организации по пути следования, что едет Распутин... И вот на всех больших станциях днём и ночью делегации писателей поднимались в вагон и приветствовали весёлыми возбуждёнными голосами трезвого Распутина. В Перми встречал, естественно, Анатолий Гребнев. Распутин после этой станции стал сам выходить к встречающим, чтобы не смущать проводниц и пассажиров..."

Удивительный такт и воспитанность по отношению к людям, нежелание обременять своей писательской славой обычных пассажиров поезда. И в то же время понимающее уважительное отношение Валентина Григорьевича к желанию коллег увидеть его. В этом весь Распутин, скромный гений нашей эпохи.

Таким он был и остался в памяти народной – народный классик русской литературы, выразивший самые больные проблемы своего времени в произведениях кристальной чистоты русского языка и русской нравственности, защитник и печальник России, Герой Социалистического Труда, с лёгкой грустинкой признававшийся коллегам: ***"Герой Социалистического Труда. Вы думаете, мне дали Героя за "Матёру", за "Живи и помни", за защиту Байкала и борьбу против поворота северных рек? Нет. Была русская прослойка в ЦК. Егор Кузьмич Лигачев дал мне Героя".***

А вот тут не соглашусь с Валентином Григорьевичем. Не соглашусь! Немало мы знаем героев соцтруда, при этом недоумевая, за какие такие заслуги им присуждено это высокое звание. Не будь Распутин автором "Живи и помни", "Прощания с Матёрой", гениальных очерков о Сибири и так далее,

награда не была бы подкреплена золотым запасом его таланта! Ведь никакая власть не может заставить народы России полюбить творчество писателя любовью, над которой не властно время.

Великолепна эта книга “Рядом с Распутиным” ещё и оформлением. Вкладка с цветными фото показывает нам Валентина Григорьевича с разными людьми – коллегами, читателями, артистами... А с обложки книги на нас внимательно и даже испытующе глядит сам Валентин Григорьевич, сидящий на лестнице старого дома. Лестница не новодельная, но по всему видать – крепкая, ведь сидит на ней писатель уверенно и даже по-хозяйски. И, несмотря на свой цивильный городской костюм, Распутин смотрится на фоне этого деревенского дома вовсе не гостем!

Самарская область

ВАЛЕНТИНА СЕМЁНОВА

ДЛЯ КОГО ПИСАЛ ВАЛЕНТИН РАСПУТИН “СИБИРСКУЮ ЭПОПЕЮ”?

О превратностях издательского и литературного жанра книги “Сибирь, Сибирь...”

Судьбы книг, как и судьбы людей, складываются по-разному. В этом смысле судьба эпопеи “Сибирь, Сибирь...” Валентина Распутина, на первый взгляд, кажется успешной. Трижды она выходила в свет при жизни автора, с доработкой и пополнением глав, к тому же в ярко иллюстрированном, подарочном варианте (Москва, 1991; Иркутск, 2000, 2006). Презентации третьего издания прошли не только в Иркутске, но и в Москве. Но если посмотреть с позиции читателя, то окажется – книга о Сибири всемирно известного писателя XX века стала достоянием немногих поклонников его творчества.

Самый большой тираж – 100 тысяч экземпляров первого издания 1991 года – разошёлся мгновенно. Два последующих, уже в постперестроечное время, вместе составили менее 10 тысяч. Спрос, разумеется, не был удовлетворён, но условия стал диктовать рынок. Поскольку количество цветных фотоиллюстраций увеличивалось с каждым последующим изданием, при маленьких тиражах книга резко подорожала, и далеко не все желающие могли заплатить за неё рыночную цену. К тому же, и это самое главное и парадоксальное, – слово Распутина на фоне перенасыщенности изобразительного ряда несколько отодвинулось на второй план.

С одной стороны, издателей можно понять: слово писателя-живописца не могло их не восхитить. И велик был соблазн проиллюстрировать каждую страницу текста. Что ж, будем считать, что подарочные издания состоялись, их можно подолгу листать и рассматривать, но не подумать ли о книге для чтения? Кстати, таковая – без иллюстраций, ограниченная лишь рисованными шмуцтитулами перед началом глав и портретом писателя после титульного листа, – уже появилась в 2017 году (Москва, Издательский центр “Азбуковник”). Но не сказать, что вышла недорогой: во-первых, маленький тираж – две тысячи, что означает высокую себестоимость, и опять-таки дорогая мелованная бумага, в этом случае необязательная, – текст на ней бликует.

Таков издательский сюжет. Но есть ещё и литературный: почему-то ни в одном издании жанр книги не указан.

Мы ещё вернёмся к этим вопросам, а пока обратимся к самой книге “Сибирь, Сибирь...”, тем более что исследователями творчества Распутина не так много внимания уделено этому произведению, состоящему из одиннадцати глав*.

---

* Здесь и далее ссылки на страницы по изд.: Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь... – Иркутск: Издатель Сапронов, 2006. 576 с.

* * *

Первая глава книги – “Сибирь без романтики” – можно сказать, запевная, она и была написана одной из первых, в 1983 году. Вступление на две страницы сразу даёт понять, что́ значит Сибирь для писателя Распутина. Небольшой отрывок быстро разошёлся на цитаты. Кому незнакомы строки, украшающие стены библиотек и Домов культуры в дни мероприятий, посвящённых Сибири или творчеству писателя-сибиряка?

“Слово “Сибирь” – и не только слово, сколько само понятие, – давно уже звучит вроде набатного колокола, возвещая что-то неопределённо могучее и предстоящее”;

“Нет ничего в мире, что можно было бы поставить в один ряд с Сибирью”;

“За четыреста лет, прошедших после покорения Сибири русскими, она, похоже, так и осталась великаном, которого и приручили, и привели местами в божеский вид, но так и не разбудили окончательно”;

“В сущности, опершись на Сибирь да ещё на некоторые, пока заповедные районы, человечество могло бы начать новую жизнь”;

“И если слово “Сибирь” в своём коренном смысле не означает “спасение”, оно могло бы стать синонимом спасения” (с. 7-8).

Далее развёртывается картина присоединения азиатской части евразийского материка к России, начиная с походов дружины Ермака. Писатель сетует на нехватку исторического материала, заметив, что о Колумбе, открывшем Америку, нам известно всё, а спустя сто лет рядом с Ермаком, открывшим Сибирь, “не оказалось и совсем никого, кто бы понимал значение его фигуры и величие его похода” (с. 14). Очевидно, сведения пришлось собирать по крупицам, и по кратким ссылкам можно догадаться, какой объём литературы охвачен автором. Перечислим с таким же кратким пояснением: А. Н. Радищев. “Слово о Ермаке”; Геродот; Р. Г. Скрынников; Строгановские летописи; Синодик тобольского архиепископа Киприана; Н. М. Ядринцев и А. П. Щапов (исследователи Сибири); писатели И. А. Гончаров, А. П. Чехов, Сергей Марков; С. Я. Капустин (экономист и публицист, XIX в.); М. Бакунин (мыслитель, теоретик анархизма); Сомье (итальянский путешественник, конец XIX в.); И. Фишер (российский историк немецкого происхождения, XVIII в.). Список можно продолжить и по остальным главам.

Помимо записей учёных, писателей и путешественников, Распутин часто обращается к “памяти народной”, запечатлевшей события и их участников в предании, легенде, песне. В них Ермак предстаёт личностью эпического размаха. Не случайно автором приведена цитата из одного из русских журналов в год празднования 300-летия Ермакова похода “в зауральскую сторону”, где сказано, что “казаков было всего лишь пять сотен, а враг считал себя тысячами”. И только “выдающаяся способностями полководца и администратора личность Ермака” привела казаков к победе. Автор XIX века был удивлён тем, что “простолюдин явился выразителем исторического закона, который двигал Русь к востоку в Азию”... и сделал “первый, основательный шаг... другие пошли за ним” (с. 17–19).

Не отвергая мнения тех, кто находил в Ермаке не одни героические черты, учитывая нравы казацкой вольницы, писатель тем не менее, полагаясь на “народную память и народное чутьё”, говорит о нём как о “любимце русского народа” (с. 17).

У читателя займётся дух от описания пути казаков по неизведанным просторам: “Уму непостижимо! Кто представляет себе хоть немного эти великие и гиблые расстояния, тот не может не схватиться за голову. Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжёлые грузы, зимуя в ожидании ледохода в наскоро срубленных избушках в незнакомых местах и среди враждебно настроенного коренного кочевника, страдая от холода, голода, болезней, зверья и гнуса, теряя... товарищей и силы, пользуясь не картами... а слухами... не ведая, что их ждёт завтра и послезавтра... они шли и шли всё вперёд и вперёд, дальше и дальше на восток...” (с. 19).

Что же вело их по этому бездорожью? “Не только корысть... и не только дух соперничества... но нечто большее...” Среди этого большего названо “волеизъявление самой истории” и “народное самолюбие” (с. 23). Чем же манили первопроходцев “холодные и дикие просторы”? “В нашей природе всё

мощно и вольно... В Западной Сибири равнина – так это равнина, самая большая и самая ровная на планете, болота – так болота, которым и с самолёта нет, кажется, ни конца и ни края. Восточносибирская тайга – это целый материк, терпящий, к слову сказать, и самые страшные бедствия в своей жизни от вырубок и пожаров. Реки – Обь, Енисей, Лена – могут соперничать лишь между собой. В озере Байкал пятая часть пресной воды на земном шаре. Нет, всё здесь задумывалось и осуществлялось мерою щедрой и полной, точно с этой стороны, от Тихого океана, и начал Всевышний сотворение Земли и повёл его широко, броско, не жалея материала..." (с. 51).

К картинам сибирской природы Распутин обращается не однажды. Сначала говорит о её суровости, потребовавшей от первых пришельцев безграничного упорства, чтобы добиться плодов от таёжной земли. Но верх берёт чувство восхищения её многоликостью, разнообразием, неожиданными проявлениями стихии. И становится очевидным: только писателю столь огромного художественного дара и могло открыться это непостижимое по величию, красоте и нетронутости пространство.

Размышляя о притягательной силе Сибири, Распутин говорит о её обыкновении раскрываться не сразу, а неожиданно, словно против воли того, кто решился её посетить. Примером стали два писателя-классика И. А. Гончаров и А. П. Чехов, проехавшие каждый в своё время Сибирь из края в край. Поначалу они со скукой наблюдали картины, кажущиеся унылыми и однообразными, но внезапно испытали потрясение: А. П. Чехов, "подъехав к Енисею, ахнул: "...В своей жизни я не видел реки, великолепнее Енисея"; И. А. Гончаров пришёл в восторг вблизи Лены: "даже от зимней, укрытой снегом и льдом, даже от безжизненной в эту пору великой реки". "В обоих случаях так оно и должно было случиться, – добавляет автор. – ...Сибирь имеет свойство не поражать, не удивлять сразу, а втягивать в себя медленно и словно бы нехотя, с выверенной расчётливостью, но, втянув, связывать накрепко. И всё – человек заболевает Сибирью" (с. 48-49).

И как не заболеть! Автор приводит убедительные тому аргументы. Например, в каких-то местах среди "диких просторов" вдруг встречаются "вкрапления несибирского, казалось бы, свойства": эталоном красоты в духе европейской Швейцарии предстаёт Горный Алтай и Минусинская долина в Красноярском крае, на Байкале на реке Снежной "рядом с лиственницей и кедром соседствуют неохватные реликтовые тополя и голубые ели". Ну, а сам Байкал, тут и говорить нечего: будто "случайно обронен с какой-то другой планеты, более радостной и богатой, где с тамошним жителем он был в полном согласии..." (с. 51, 54). Или взять времена года. Они могут входить в противоречие с природным законом. Если зимой в северных широтах всё "из конца в конец оцепеневает в одной тяжёлой недоступной думе", "весна... – это ещё не весна... а добрых два месяца только раскачивание зимы", то лето "выстреливает": "ещё вчера было разорно и голо, а сегодня... завыглядывало отовсюду дружной всхожестью, завтра – загорится полным летним заревом. И заполыхает красотой яркой и отчаянной... Зато осени стоят долгие и тихие... Рано наступив, она поздно и отступает... И не редкость: обманутые неурочным теплом, во второй раз за сезон набухают почки и расцветает по склонам гор багульник, любимый сибиряками кустарник" (с. 54-55).

Насколько трогательно для писателя это стремление живого мира успеть процвести за короткий срок! Сочувствие природе, понимание её помогают осмыслению судьбы планеты по имени Сибирь. И только ли её? "Итак, стремительность в одно время года и медлительность – в другое, с неровными и непрочными в своих границах переходами – это и есть Сибирь. Порывистость и оцепенелость, откровенность и затаённость, яркость и сдержанность, щедрость и сокрытость – уже в понятиях, имеющих отношение не только к природе, – это и есть Сибирь" (с. 55).

* * *

На фоне воссозданной истории первопроходцев и поражающих воображение пейзажей дан портрет сибиряка, столь же своеобычный и впечатляющий.

Прослеживая, как происходило вживание в сибирскую землю русских, Распутин прежде всего отмечает разницу между поведением европейца

в Америке и русского в Сибири: первый "превратился в тип янки", второй "видоизменился в тип сибиряка", и "признано, что с самого начала русский в Сибири оказался превосходным колонистом". Хотя и были попытки "устроить по примеру Северной Америки рабство" для местного населения, но "попытки эти... провалились с треском": их не поддержали ни власть, ни народ. "Ничуть не страдая своей избранностью (за русским это, кажется, совсем не водится), – пишет автор, – он (русский мужик. – **В. С.**) стал родниться с аборигеном семейными узами". Постепенно с этим смирилась протестовавшая поначалу церковь, разрешив смешанные браки, если иноверцы примут крещение в православие (с. 26-27).

Со временем пришло к тому, что во внешности сибиряка появились признаки "азиатчинки": некоторая раскосость глаз и широковатость скул, "что придаёт женской красоте новую очерченность и выразительную свежесть", в характере – "слияние славянской порывистости и стихийности с азиатской природностью и самоуглублённостью" (с. 27).

Помимо этого, Распутин находит немало и других влияний. Одно из основных – влияние присущей Сибири "народной вольницы". Сюда уходили люди, искавшие свободы от всякого рода притеснений и ограничений. С одной стороны, те, кто был не в ладах с законом, с другой – праведники, несогласные с несправедливостью. К несогласным принадлежали старообрядцы, покидавшие центральную часть России во времена религиозного раскола XVII века. Их общины являли собой пример "чистой и крепкой нравственности", которая "противостояла здесь ссыльно-уголовному братству", – приводит Распутин слова Н. М. Ядринцева, отмечавшего семейских как "особое племя" (с. 30).

Крутой замес из "вольноохочих", пахарей-тружеников, бродяг-уголовников и политссыльных определил неоднозначность характера сибиряка. Недоверчивость, с которой он встречал незнакомца, уступала место гостеприимству и открытости, если становилось понятно, что к нему пришли не со злом (с. 34). Выковывал характер и климат. От человека требуется постоянная готовность к неожиданностям, недюжинное терпение, чтобы "отвоёвывать... у тайги каждый клочок земли". Но больше всего, считает автор, на сибиряка "повлияла сама Сибирь – как земля, как мир... как рождающая и несущая его родина" (с. 33, 37). К этому необходимо добавить сказанное автором ранее: "Но русской и осёдлой Сибирь сделали не воины, не служивые, промысловые и торговые люди, а хлеборобы... Этот тихий и незаметный, как прежде говорили, угодный Богу труд сделал решающее дело" (с. 24).

Менялось время, новое "покорение" Сибири привлекло молодёжь, хлынувшую на строительные площадки, чтобы научиться ремеслу, заработать денег и уехать из мест, так и не ставших родными, с грустью отмечает Распутин. И сибиряк уже перестал быть прежним, о ком в прошлом веке говорилось: "...Сибиряк-крестьянин представляется тем русским человеком, каким он был в России древле, до появления кабалы, холопства, крепостного права; природные свойства русского земледельца получили здесь свободное развитие" (С. Я. Капустин). Однако "при всех потерях, случившихся в его характере в последние десятилетия, он остаётся всё же в границах более или менее здоровой морали и искренних отношений, что по нынешним временам ой, как не худо", – считает писатель (с. 41-42).

Попутно заметим, что Распутин далёк от мысли противопоставлять Сибирь России. Напротив, он категорически отрицал это: "Сибири суждено было войти в плоть и кровь России", "Сибирь и Россия – одно целое. Сибирь без России не существует, и пускаться по этому поводу в доказательства нет необходимости" (с. 23, 41).

"Сибирь без романтики" – это взгляд на Сибирь иным, не журналистским взглядом, типичным для эпохи великих сибирских строек. Это дума сына Сибири и патриота России о родине величественной и ещё не раскрытой по-настоящему, надежда на то, что "и через сто, и через двести лет Сибирь останется Сибирью – краем обжитым, благоустроенным и заповедным, а не развороченным лунным пейзажем с остатками закаменевших деревьев"; это упование на неё как на "реальность будущего", в котором "человек... возьмётся наконец не на словах, а на деле радеть о счастливо доставшейся ему земле" (с. 56).

Такое видение сохранится и в следующих десяти главах.
Коснёмся хотя бы вскользь некоторых страниц этой книги.

* * *

“Младовеликий Тобольск”, “восточный стольник, под управой которого находился огромный полнощный край... удалью русского человека добытый и поставленный...” – такой является читателю первая столица сибирского края в главе, посвящённой Тобольску (с. 57). Прослежены основные вехи более чем 400-летнего пути, рассказано о первых правителях-воеводах, чьи труды, приложенные к освоению огромного края от Урала до Тихого океана, остались, по словам автора, недооценёнными историей. Сочувствием проникнуты страницы о переходе города из столичного ранга в губернский, о проблемах сохранения старины, характерных для Сибири. Но есть и новые впечатления от Тобольска в издании 2006 года.

Валентину Распутину было свойственно откликаться на созидательную деятельность современников. Так появляется в книге инициатор и создатель фонда “Возрождение Тобольска” Аркадий Елфимов. Он многое делает для восстановления и развития культуры старинного города, больше двух десятилетий выпускает альманах “Тобольск и вся Сибирь” о сибирских городах и значительных событиях, в которых участвуют сибиряки.

Добавим то, о чём не сказано. Распутин познакомился с Елфимовым, поддержал тобольский альманах, подарил ему название и вошёл в редакционный совет. В Дни русской духовности и культуры “Сияние России”, проходящие в Иркутске, они вместе представляли читателям новые выпуски альманаха.

* * *

Если перенестись на восток, то читателю откроется **Кяхта** – “дитя торгового брака России с Китаем”. Этот экзотический городок на границе с Монголией, по словам автора, “во весь девятнадцатый век гремел на всю Россию, был известен в Париже, Лондоне и Нью-Йорке”, где исполнялись всевозможные заказы для его богатых жителей. Поскольку чай и другие товары из Китая шли через Кяхту, достигая Европы, торговля приносила большие доходы. Но на что они тратились? Купцы оказались весьма просвещёнными, обладали хорошим вкусом, в особняках на улице миллионеров имелись библиотеки и картинные галереи; строились храмы. Очень современно звучит тема “Капитал и его применение”, и не мешало бы нынешним предпринимателям перенять кое-что из подобного опыта.

История бурного расцвета и падения Кяхты под натиском исторических перемен читается, как увлекательная повесть, близкая приключенческому жанру.

* * *

О главе **“Иркутск”** следует сказать особо. Она была написана в 1979 году и, можно сказать, открыла “сибирскую одиссею Распутина”, как назовёт книгу иркутский философ А. Д. Сирин. В виде “полемических заметок” под названием “Иркутск с нами” материал вышел в центральной газете “Советская культура” с целью защиты иркутской старины. Многим известны воспоминания С. А. Утмелидзе, в то время ответственного секретаря Иркутского отделения ВООПИК, о том, как “заметки” стали своего рода документом – сотрудники общества ходили с ним по инстанциям, отстаивая исторические объекты от сноса. И это помогало. С другой стороны, “полемическое” произведение содержит немало лирических страниц. Начинается оно с признания в любви к городу на Ангаре, с “чувства родины”, которое охватывает героя-повествователя при встречах после разлук.

Названо любимое время года, заветный час и уголок старого Иркутска, где “очень скоро теряешь ощущение времени и оказываешься в удивительном и сказочном мире” (с. 233). Лирическая интонация не мешает погружению

в историю города и острому разговору о современной архитектуре, нарушающей его своеобразный облик.

* * *

Озеро Байкал можно назвать одним из главных героев в творчестве Распутина. "Байкал дышит глубоко, мощно и порывисто", от его дыхания рождаются ветры, угрожающие мореплавателю. Он коварен и непредсказуем, он заставил строителей переправы на Мысовой (глава "Кругобайкалка") изменить проект и перенести причал в другое место, более безопасное для швартовки ледоколов.

Но этот "дикарь" стал нуждаться в защите после того, как на его берегу возник бумажно-целлюлозный комбинат, и писатель Распутин отдал несколько лет борьбе за чистые воды озера. Отрывки из "Байкальского дневника" в главе "Байкал" – репортаж с возрастающим напряжением.

Что значило сибирское озеро-море для Распутина, говорить много не надо, достаточно вспомнить его слова: "Рядом с Байкалом мало размышлять привычно, здесь надо выше, чище, сильнее думать, вровень с его духом, не бессильно, не горько" (с. 290). Слово художника и мыслителя стало вровень с мощным духом Байкала.

* * *

Горный Алтай написан с таким же размахом. С той лишь разницей, что не пришлось отстаивать Катунь от намерений покорителей рек перегородить её плотиной ГЭС. Идея канула в провале 1990-х годов. Заповедные просторы остались во власти "гордых духов" озера Телецкого, преданий о Беловодье, запрятанном где-то высоко, на границе с Китаем, откуда до сей поры кому-то слышится колокольный звон...

В этой главе нарисован герой былинной силы, внешне похожий на "опростившегося патриарха". "У него не улыбка, а возгорание лица" и "большие тугие руки, разработанные до звона". Гидрологический пост, на котором вёл наблюдения Николай Павлович Смирнов за озером Телецким, превратился в пожизненный "Смирновский пост" служения скалистой земной тверди.

Много лет назад он спас кедровый заповедник от закрытия, написав письмо брату своего друга молодости, члену Политбюро М. А. Суслову, после чего заповедник вернули. У него богатырская семья из семнадцати детей, рождённых женой-алтайкой, четырнадцать из которых выросли и стали на ноги; у него на горном прилавке раскинулся яблоневый сад, какого в этих местах нет ни у кого. Оригинальность сада в том, что земля на тот прилавок была поднята снизу, слой за слоем, год за годом, мешками, "тачкой и таской". Воистину человек-легенда, сращённый с природой Горного Алтая!

* * *

Невозможно охватить в пределах одной статьи всю громаду книги "Сибирь, Сибирь...". Но как не упомянуть **"Русское Устье"** – затерянный за Полярным кругом островок Руси, поразивший писателя, а вслед за ним и читателя языком эпохи Ивана Грозного, на котором до 80-х годов XX века говорили потомки тех, кто укрылся в тундре от жестокости царской власти?..

Кого оставит равнодушным рассказ о спуске **по Лене-реке**, превратившемся для автора и двух его товарищей в экстремальное путешествие под затяжным дождём, в резиновой лодке, в конце августа? Дата написания – 1993 год, год расстрела Российского парламента. Природа будто настраивала человека на тревожный лад, внезапной непогодой (дождя не должно было быть по всем прогнозам!) намекая, что разлад в стране ведёт к трагедии. Не случайно писатель, находясь в горно-таёжной глуши, думал о нарастающей смуте и многотысячных демонстрациях на улицах Москвы...

Книга имеет очевидную кольцевую композицию и заканчивается главой **"Моя и твоя Сибирь",** охватившей самое драматическое десятилетие перестроечной России (1990–2000). Голос автора наполнен болью от набирающей

обороты разрухи. Подошли к краю: “Стране будущего” грозит участь мировой колонии; гражданин богатой Америки предлагает выкупить Сибирь, и даже названа цена – за 5-6 триллионов долларов...

Но есть в книге две главы, написанные в 2005 году, – **“Транссиб”** и **“Кругобайкалка”.** В них другой настрой. Это гимн труду, побеждающему и спасительному. Строительство Великого Сибирского пути и Кругобайкальской железной дороги – из области побед. Распутин чутко ощущал пульс времени и видел: выстояла Россия, выстояла и Сибирь. И если удалось на стыке минувших веков “прошить” железной нитью громадное расстояние с тяжелейшими участками рельефа, при низком уровне техники и в сжатые сроки, если удалось возвести “Золотую пряжку Транссиба” как образец строительного искусства, то надо ли бояться большой работы в будущем восстановлении?..

История показывает: народ российский способен в труде не только к преодолению сложных обстоятельств, но и к самопреодолению. Заметим: такого слова нет в словарях, видимо, оно было рождено самой темой.

* * *

В полотне “Сибирь, Сибирь...” соединилось многое. Это исследование, пропущенное через сердце писателя и подсказанное сердцем, вместило в себя различные способы выражения. Легко обнаружить здесь и путевую прозу, и поэзию, и религиозное преклонение перед высоким проявлением духа, и россыпь философских наблюдений, и прямолинейность высказывания. Всё впитала в себя живая, льющаяся интонация, подобная чистым струям Ангары и Байкала, – от возвышенной ноты до иронической, с вкраплениями тончайшего юмора.

В итоге родился жанр, которому пока нет названия.

Не пришла ли пора подумать о жанре и прислушаться к самому писателю, однажды ответившему на кем-то заданный вопрос:

“Это очерковая книжка, но всё-таки это художественная литература. Я забывался, когда работал над ней, и отдавался чистому художественному слову. Как-то вышло, что она издана за границей, например, в США, а у нас осталась незамеченной”.

Добавлено: “После “Сибири...” моя творческая лаборатория была опечатана”.

По сказанному видно, что писатель колебался в определении жанра своего детища и был уверен только в одном: это художественная литература. Дальнейшее уточнение, видимо, возлагал на читателя.

Так возьмём на себя ответственность признать, что “Сибирь, Сибирь...” принадлежит к эпическому жанру, и дело филологической науки, литературной критики осмыслить особенности распутинского эпоса.

И как же могло случиться, что такой шедевр современной литературы не дошёл до широкого круга читателей! Втиснутый в узкие рамки публицистики, с одной стороны, и фотокниги – с другой, он ждёт более внимательного прочтения, что предполагает издание большим тиражом, с оформлением, не заслоняющим текста, с доступной для покупателя ценой. Это необходимо сделать, чтобы довести книгу до старшеклассников и студентов, если мы имеем в виду патриотическое воспитание, а также до всех, кто занимается проблемами Сибири – для расширения кругозора при разработке стратегий и планов.

В Иркутске говорят, что “Сибирь, Сибирь...” сегодня переводится на китайский язык. Тираж её наверняка превысит наши выпуски во многие разы, и впечатление от текста будет тоже несопоставимым...

Так для кого же писал эту книгу Валентин Распутин?..

Иркутск

МАРГАРИТА КАРАНОВА

ЛЮБИ ЛЕДЕНЯЩУЮ ВЬЮГУ

(О поэзии Ст. Ю. Куняева)

“Поэзия – проявление глубочайших защитных ресурсов нации и потому спасительна для неё”. К этому выводу пришёл военный критик, писатель и публицист Карем Багирович Раш (Кавад Раш).

Русь – страна поэтическая. Великолепных, разнообразных поэтов у нас и по сей день не счесть; они наше достояние. Учёные люди, – в частности, психолог Л. С. Выготский, – могли бы сказать о влиянии высокой поэзии на души и умы как о нейрофизиологическом феномене, вызывающем “особый, высший уровень эстетической реакции, определяющей эстетическое поведение”.

“Современник всех эпох” Станислав Юрьевич Куняев – уникальное явление в русской поэзии, поэт, определивший собственную магистраль в жизни и литературе. Выдающийся стихотворец, прозаик и публицист XX века, глубокий мыслитель, мужественный воин-патриот, отважный первопроходец, Станислав Куняев всегда понимал, что “великий поэт всегда выше, глубже, значительнее своего времени... Я – счастливый человек, потому что всегда был свободен и независим как поэт. Потому что свободу я понимал не как политическое разгильдяйство и не как кухонный набор прав человека, а как меру полноты бытия, полноты ответственности, в коих я сам жил и понимал своё время”. Вся жизнь этой выдающейся личности посвящена борьбе, которую вели русские писатели против антипатриотических сил, но этих борцов было меньше, чем “сил”. “Борьба со мной как с главным редактором “Нашего современника” велась на полное уничтожение”, – признаётся Станислав Юрьевич.

Что особенного в творчестве Ст. Ю., определяющего его уникальность, вызывающего в нас ту самую эстетическую, эмоциональную и интеллектуальную реакцию, желание раскрывать жизнеутверждающие скрижали Мастера, перечитывать, каждый раз обнаруживая новые смыслы, идеи, проблемы, удивляясь пророчествам и масштабности тем, ставших ныне ещё более актуальными?

А особенного очень много. Станислав Куняев, прежде всего, является автором незабвенного и отчасти скандального откровения о сути Добра и диалектичности этого ключевого понятия. Это личность, полжизни которой “прошло на вокзалах – в Иркутске, в Калуге, в Москве”, и не менее значительная часть – “на угрюмых просторах, где царствует север и юг”, в Сибири. Именно в Сибири, которую Станислав Юрьевич полюбил и где осознал себя не

только как обладатель этого безмерного пространства, неразрывно связанный с ним исторически и хронологически... Пространства, которое вместе с тысячелетиями истории делает нас русскими, не похожими на других гражданами, обладающими не только государственным, но и имперским мышлением.

В поэзии этого выдающегося Мастера немыслимо встретить избитые и простенькие темы – они всегда исключительно серьёзны, глубоки, неожиданны; в них отсутствует бытовое, суетное, преходящее. Эта поэзия динамична, эмоциональна, в ней – движение, ветер, напряжение, преодоление. В ней – суровые, жёсткие, жизнестойкие люди, простые и непростые. В ней Homo superatis, человек преодолевающий, каким являются и герои стихов, и сам автор, Станислав Юрьевич Куняев.

Но всё почему-то хотелось,
чтоб ветер ломился в окно...

...Станиславу 23 года. Он закончил Филологический факультет МГУ и добился ритмов, мелодий, чарующих словосочетаний, разнообразного движения "с горячим ветром на устах, в тревожной разноголосице дорог"; читатель может ощущать себя участником этого движения. Здесь "трещат причалы и гомонят аэропорты", мчатся в поезде, бегут на лыжах, идут пешком, осваивая новые пространства и горизонты, здесь доверяют лошади, шагающей по опасным горным тропам, и засыпают в седле... А потом, вспоминая бродячие годы, "тоскуют о жизни своей, о стремнинах, где пляшут форели, где подковы моих лошадей в синих реках давно заржавели". Ошеломительные, колдовские строки...

Поезда, стремнины, вёсла, лошади, вызовы "леденящей вьюги", сильные люди – романтика, но слишком, пожалуй, серьёзно и сурово для неё, и даже припоминаются революционные аскеты столетней давности и их "Долой Шиллера!", долой романтику, ибо она обманчива. Ну и пусть... "Над вымыслом слезами обольюсь"... А романтика в поэзии Ст. Куняева не придумана. Там всё как есть, и там очень трудно, но во всём и в этих жестоких трудностях неизбежно и невольно присутствует её флёр, налёт возвышенности, и никуда от этого не денешься. Но в жизни, на природе не до романтики городских интеллектуалов. Там господствует инстинкт выживания.

"Я свидетель эпохи, когда не сидела Россия на месте... Сколько воли по просторам прошло, оставляя великие вехи. Сколько транспортных средств проползло – трактора, эшелоны, телеги"... Нет поэта без путешествий, – возвестил не только Блок; это прочувствовал каждый поэт, оторвавшийся с насиженного места. Сколько приобрёл Станислав Куняев, путешествуя по России! Сколько приобрела русская поэзия, благодаря Станиславу Куняеву и выбранной им судьбе!..

Могучая **"Тунгусская баллада"** – она пришлась бы по душе Джеку Лондону; ей бы восхитился Гумилёв и позавидовал Киплинг.

Бесшабашный, привыкший рисковать, полупьяный (без этого в борьбе с сибирской природой – никак) полуэвенк мчится по тонкому льду озера на каких-то самодельных железных полозьях, попутно прихватив лыжника, скользящего по своему какому-то делу:

С визгом железо режет лёд...
"Эй, на торосы не налети!"
Что там чернеет — не полынья?!..
Волчий треух весь в изморози,
в руль вцепился, не слышит меня.
Ветер простреливает брезент...
На скоростях мы не провалимся, пролетим!

Не только экспрессия, напряжение и динамизм рассказа врезаются в сознание вместе с "визгом железа", переживанием за отчаянного полуэвенка, привыкшего к опасности, переживанием за его попутчика. Нам, современникам, так не хватает скорости – не автомобильной, но более важной, духовной!

Ведь и у нас впереди чернеет полынья, и мы рискуем провалиться, если так и не наберём спасительную скорость...

Неудивительно, что любимая Сибирь вызвала немалое количество тем, сюжетов и откровений в творчестве Куняева – ценителя холода, понимающего его значение для формирования бесценных качеств сибиряков и вообще русского человека, его характера, широты души, особенностей мировосприятия.

Хорошо, что мы северный люд, —
снег и холод препятствуют гнили.
Хорошо, что метели поют,
что озимые в поле застыли.
...Хорошо, что под толщами льда
очищаются русские реки...

Зато испытавшие холод больше дорожат теплом, и "родные преданья им дороже"... Северный человек, сибиряк – синоним сильного, честного, настоящего, и народ в Сибири лучше, чем в центре, – мы знали об этом не только с детства от наших родителей.

Поскользнёшься в родной темноте,
чертыхнёшься в морозных потёмках...
Вспомнишь: мамонты спят в мерзлоте
и алмазы хранят для потомков.

"Стояло полсотни домов" – одно из незабываемых поэтических творений, сотворённых на резком контрасте образов, вызывает в памяти строки Мандельштама: "Из тяжести недоброй и я когда-нибудь прекрасное создам". Невзирая на неприглядную прозу окружения, Мастер создаёт прекрасное именно из "тяжести недоброй". Случайно, выйдя утром из барака, он видит осеннее солнце, которого давно не было над рабочим посёлком, – и мгновенно вспыхивает образ, поэзия является там, где "железо", сыро, холодно... но где есть сила человеческого преодоления, идёт трудная сибирская стройка...

Но камень, земля и вода
отчаянно сопротивлялись.
Коррозия ела металл,
машины сходили с откоса,
и ливень врасплох налетал,
и палки летели в колёса.

И вдруг

...разорвалась пелена,
и солнце в прорыве блеснуло,

И я подглядел: торжество,
мгновенье особого рода,
почти не от мира сего
себе разрешила природа.

Но как понимать это торжество? Как одобрение, сочувствие труждающимся? Или как горделивое превосходство природы? В дохристианской Руси солнце считалось почитаемым божеством (Хорс, Коляда, Ярило). Как бы ни толковать это стихотворение, но в его магических строках отлит живой образ созидательного, нелёгкого человеческого труда, которому сочувствует солнце.

Теме вторжения человека в природу, волнующей Станислава Куняева, предшествовало мучительное размышление Н. Заболоцкого 1947 года: "И снится ей блестящий вал турбины, / и мерный звук разумного труда, / и пенье труб, и зарево плотины, / и налитые током провода". При беглом чтении мнится, будто природа мечтает о покорении её человеком, о даровании её смыслов и гармонии (!). Однако, перечитав, ощущаешь тонкую иронию,

свойственную Заболоцкому, к которой автор вынужден прибегнуть, чтобы ему, репрессированному, больше не рисковать, сделав вид, будто признаёшь вторжение человека в природу.

Не страшен прогресс, а страшны те, кто использует его открытия и изобретения в своих корыстных и античеловеческих целях.

Неожиданные и яркие художественные открытия в творчестве Ст. Ю. связаны с приёмами выхода из тяжёлого душевного состояния. Поэт, не задумываясь о том, что открывает психологический закон, поведал о своих необыкновенных историях. "Среди декоративных насаждений" – о том, как человек в курортном городке не находил себе места. Всё раздражало: "казалось мне – я что-то потерял, нигде не находил спокойствия и умиротворенья", все казались недобрыми, где-то назревала драка. И тогда человек стихийно, по воле инстинкта, направился к океану и поплыл, и плавал до тех пор, "покуда утомленье пришло ко мне". После этого он вернулся к отдыхающим, но был удивлён, что всё стало совсем другим и всех словно подменили:

Гармония царила и цвела...
Сограждане культурно отдыхали.
...Миролюбивы, благостны, нежны,
слонялись кротко милиционеры.
Их полномочья, функции и меры
в тот тихий вечер были не нужны.
1963

Тема этого превосходного сочинения находится вдали от генеральной магистрали поэзии, где движется нескончаемый поток откровений о любви, природе, о малой родине, но оно представляет особую ценность своей значительностью и изящным, убедительным раскрытием. Рядом с этим произведением можно поставить изумительный, волшебный "рондель", близкий по настроению и мысли.

Я слушал, как снежная мгла
мне тихо шептала, как другу:
"Когда не хватает тепла —
люби леденящую вьюгу!"

И парадокс, и откровение, и совет мужественным: не зацикливайтесь на неудаче! Ставьте новую смелую цель и идите!

"Ночное пространство" занимает особое место в творчестве Ст. Ю., и это одно из его самых сильных творений, посвящённых человеку. Читатель заинтригован с первых строк повествования, в котором мелькают прозаические подробности ночной городской окраины и в котором герой рассказа под свист ветра и под настроение идёт к какой-то женщине. Герой заметил костёр, несколько усталых мужчин, сидящих вокруг, и присоединился к ним. И здесь в какой-то момент он вдруг увидел, как колеблемое ветром "пламя золотое сияньем озаряет лбы" (эпитет "золотой" Ст. Ю. любит).

Под этот сумасшедший свист
я увидал с собою рядом
спокойный ряд усталых лиц,
очищенных огнём и мраком,
и понял, что и у меня
лицо почти иконописно
от пляски тени и огня...

Блики пламени на лицах молчаливых мужчин случайно осветили их глубинную человеческую, иконописную, то есть божественную, суть, внутреннюю силу и достоинство, незаметные при обычном свете, но увиденные случайно и только Поэтом. Так явился образ пламени, способного в какой-то миг раскрыть глубинную суть человека.

В перекличке с этим произведением – другое, но о том, что даже в пропащем человеке есть "искра Божья":

Глядишь — негодяй негодяем,
но чудом каким-то, Бог весть,
сквозь сумрак, что непробиваем,
то совесть пробьётся, то честь...

Во **"Владимирском шоссе"** (1965) – мудром и человечном сочинении о немудром и бесчеловечном – Мастер, поднимая глубокую нравственную тему, заставляет вспомнить О'Генри "Из любви к искусству". "Владимирское шоссе" ставит вопрос не только о цене искусства, когда "особо одарённые", но инфантильные любители искусства стремились к такой подлинности, к такому "чуду" искусства, что живьём сжигали корову:

...чтобы зритель смотрел трепеща...
И животное взглядом безвинным
вопрошало, тоскливо мыча, —
для чего обливают бензином...

А потом пылающая корова превратилась в пылающих людей, и певец "комиссаров в пыльных шлемах", ликуя, возвещал в телевизоре, как он "любовался зрелищем пылающего Белого дома". "Владимирское шоссе" – глубокий и выразительный повод для размышления об отсутствия способности к сопереживанию (эмпатии) у иных деятелей искусства как о глубоком патологическом явлении нейрофизиологии, состоящем из ряда сцепленных признаков, – отсутствие совести и др.

Но Мастер не ограничился лишь гневной констатацией факта о сожжении животного, обратил внимание на подлинное диво, окружающее нас, такое же, как при жизни Рублёва!

Слишком много в России чудес —
иней на куполах позлащённых,
почерневший от времени лес,
воплощенье идей отвлечённых,
белокаменный храм на Нерли,
жёлтый холод ноябрьского неба
и дорога в морозной пыли,
и деревни — то справа, то слева.
...И в полнеба кровавый закат,
и снега, как при жизни Рублёва.

Поэт не уклоняется и от другой "тяжести недоброй" – темы чудовищной противоречивости эпохи, и суровый дух того "биполярного" времени запечатлён в 1964 году в одном из самых мощных и яростных сочинений Ст. Куняева "Очень давнее воспоминание". "Путь змеи" завершает тему трагического поражения страны:

Шли времена, перерождалась плоть,
змея росла и сбрасывала шкуру,
но тварям не дано перебороть,
как ни линяй, ни душу, ни натуру.
И наконец, остановился рост.
Рептилия движением усталым
к разверстой пасти подтянула хвост
и укусила с ельцинским оскалом.

А всё начиналось когда-то в "Доме конструктивизма", в основу которого легла "великолепная идея", но, как открылось позже, "матерьял оказался несовершенным"...

Трудно обойти молчанием волнующую Станислава Юрьевича тему города, времени, прогресса и нельзя не заметить, что его, городского жителя, беспокоят не проблемы современного города, "где холодное пламя горит / на объектах, великих и малых". Его печалит уничтожение милых, изящных особнячков и старинных домиков по всей стране, а не только в городе детства и юности с его незатейливой, чарующей эклектикой двух- и трёхэтажных зданий, с задушевностью тихих улиц и переулков.

Какой ценой моя душа спасёт
остатки исчезающих явлений,
провинция, единственный оплот
моих сентиментальных впечатлений!

В России столько пустой земли! Особенно сейчас. Поздно вечером едешь где-то в пятистах километрах от Москвы – "ни огня, ни чёрной хаты", пустыня... Да и фонарей нет, и дорога разбита, и ни одной машины, и навигатор отказывается работать, спросить не у кого, правильно ли держишь направление.

В связи с темой "разобранного" города нельзя умолчать о "Калужской хронике", где воскресают гипсовые фигуры-символы прошлой эпохи, украшавшие парки, стоявшие у входа во Дворцы пионеров и возле Домов культуры.

...я вам скажу, что мне милы
шедевры гипсовой скульптуры.
Они мне больше говорят
о таинствах судьбы и славы,
чем выстроившиеся в ряд
гермафродиты из Эллады.
Я вам напомню: мощный бюст
дважды героя из Калуги —
и столько возникает чувств
под ропот среднерусской вьюги!..
А пионер, трубящий в горн,
вновь побелённый к Первомаю!
Взгляну на них и всем нутром
свою эпоху понимаю.

Старшее поколение помнит этих гипсовых спортсменов, девушку с веслом, дискобола, юношу, читающего книгу, пионеров с горном. Каждая фигура несла свой смысл, и в советское время до позднего Брежнева даже в парках присутствовала особая атмосфера ответственности каждого перед страной, необходимости знаний и физической выносливости, и все вместе эти фигуры отражали дух своей Родины, той эпохи. А что сейчас вместо пионеров с горнами? Чучела Церетели, "Глина № 4", гарпии, консервы, сырки с вороной... и страшилища.... много страшилищ... Особенно нравится скульпторам глумиться над русскими девушками, лепить их безобразными... Нравится вносить в окружающую среду исторических русских городов знаки уродства и безобразия, с детства приучать молодёжь к отвратительному как к норме. Это единственный результат тех, кто так яростно стремился к свободе творчества, отсутствию цензуры и свободы достиг? Нет, не единственный. Эти "скульптуры" не только разрушают национальные коды, духовную опору, традиции восприятия, они являются также окнами Овертона для более широкого внедрения в сознание наших людей явления, которое даже называть не хочется.

И ведь это явление идёт рядом с уничтожением русско-советской песенной культуры. Станислав Юрьевич уже в 1967 году "впадал окончательно в грусть, / на душе становилось постыло, / потому что беспечная Русь / столько песен своих позабыла!" ("Листья мечутся между машин"). А сытая, благополучная Грузия не забывала свои песни и древнегрузинскую речь. Эти странность есть результат послереволюционной и по сей день существующей политики власти, направленной на уничтожение русского национального самосознания.

Справедливости ради, замечу, что народ, живший в деревнях своей автономной жизнью, знал и пел много старинных русских песен – до тех пор, пока эти деревни ещё жили.

Трудно умолчать о ностальгически трогательных "уроках военного дела" в послевоенной школе. Любознательные детишки, смышлёные, не знающие конфет, не подозревающие о пошлости, не представляющие, как можно не любить Родину, осваивают на уроке азы военного дела. Живые, горячие строки наполнены дыханием детей, не представлявших, как можно лить слёзы над могилами немецких солдат, убитых на земле, которую они пришли завоёвывать, уничтожая её людей.

Винтовки из струганых досок,
гранаты набиты песком,
в лаптях, в сапожищах отцовских,
а кто победней — босиком.
Но больше, чем чтенье и русский,
мне нравится эта игра.
Мы молча ползём по-пластунски,
встаём — в атаку: "Ура-а!"
Мы целиться учимся, щуримся.
Смешно суетимся в строю.
О, как это ветхое чучело
я чётко и ловко колю!
Плескалось дружинное знамя,
да голос срывался порой...
Никто не смеялся над нами,
над странною этой игрой.

А ведь только что закончилась война, но ребята уже готовятся к следующей. Они с детства знают, что мы живём в мире, где "отсталых – бьют!".

В стихах волевого и "рационального" Ст. Куняева живёт тихая, щемящая доброта, которая выплёскивается то в одной его мелодии, то в другой: и в волшебстве "Золотой аллеи", и в обаянии "Золотых квадратов", и "в монументах временной работы / вечному народу моему", и в мужественных строках "моя суровая, сырая, мне наречённая земля"... И там, где "мой народ велик, и я пространство молча обнимаю", и где "земля – не какая-нибудь, а родная", и во множестве, множестве других. О своей доброте, о любви к людям Поэт открыто не заявляет, но его теплоту излучают сами строки "Доски почёта":

Выцветшие каменные лица
плотников, доярок, слесарей.

Я-то знаю, как они немеют
и не знают — руки деть куда,
становиться в позу не умеют,
вот пахать и строить — это да.

А сколько пророчества и предчувствий в разных строках! Однако тревожное предчувствие надвигающейся катастрофы стало возникать в душе поэта ещё в благополучные годы...

— Детей почти не жалко,
жалко внуков,
жаль синевы
их беззащитных глаз.
Зачем они бесстрашно доверяют
свои сердечки миру моему,
младенческие души отворяют
и, как слепые, тянутся к нему?

Триада, составляющая суть поэтических произведений Ст. Куняева: совершенная красота, умное востребованное содержание, горячее чувство. А ведь ещё и пророчества! И сегодня сбывается одно из них: настала пора “леденящей вьюги”. Да, сегодня “вьюга” затрагивает будто бы не каждого, но переживает за ход войны каждый, вызывает огонь на себя золотой фонд нации. Но может ли “вьюга” изменить что-то к лучшему внутри страны?

Что-то уже меняется. Но многое зависит и от каждого из нас. Дух преодоления, стихия мужественной поэзии Ст. Куняева обязывают нас к этому, и каждый должен браться за работу. Нужно воспитывать молодёжь, полагаясь на высокое слово мудрой поэзии, открывающей особые каналы души и разума.

И вот в наши дни внуки и правнуки, по просьбе любимых бабушек, учат наизусть или просто читают строки, ставшие бессмертными: “Жажда странствий, я больше не твой...” “Но всё почему-то хотелось, / чтоб ветер ломился в окно”, “Когда не хватает тепла, / люби леденящую вьюгу”, “Непонятно, как можно покинуть / эту землю и эту страну”... и многие другие... И, конечно же, “Добро должно быть с кулаками”... Бабушки не ждут, когда стихи гениального поэта начнут изучать, наконец-то, в школе, а действуют сами.

МАРИЯ ДАВЫДЕНКО

ДРУГОЙ БЕРЕГ ДОНА БОРИСА ЕКИМОВА

“Вы думаете, деревенская проза сейчас существует?” – спросила меня одна из участниц семинара о “толстых” журналах, когда я делала презентацию о “Нашем современнике”. Позже другая участница назвала “деревенскую прозу”, известное направление русской литературы в 80-х, – крестьянской. “Вы думаете, крестьяне до сих пор существуют?” – хотелось воззвать мне.

Когда говорят о реке Дон, то первым делом вспоминают Ростов, жемчужину Южного федерального округа. Город казачьего колорита и южного темперамента. Но есть такой город – Калач-на-Дону. Город воинской славы, именно здесь решился исход Сталинградской битвы, здесь немцев взяли в “калачёвский котёл”, когда сомкнулось кольцо вокруг немецкой 6-й армии. О нём жителям России известно куда меньше, он не на слуху.

Именно эти места в своём творчестве описывает Борис Петрович Екимов, лауреат Государственной премии РФ, Почётный гражданин города Калач-на-Дону. Автор самобытный и возникший из глубинной русской культуры, долгие годы проработавший слесарем на Калачёвском судоремонтном заводе. Его литературный стиль наполнен афоризмами, поговорками, местными наречиями, но при этом язык его прозы звучит крайне наполненно и, можно сказать, элитарно, однако народно – вот такой парадокс. “Наши, как печенеги, сидят, хучь варом на них лей”, “сразу видно, что одного гнезда”, “расползается на тришкин кафтан”. Это фразы из повести “Пиночет”, где глава колхоза вынужден сражаться за то, чтобы сохранить предприятие в тяжёлых условиях. Язык русской души в исполнении Екимова приобретает оттенки ностальгии, тоски по миру, который мы потеряли. “И помните: дитё мамку сосёт, оттого и живо, но сиську у неё не откусывает”, – говорит Корытин (Пиночет).

Цимла, Иловля, бесконечные названия населённых пунктов, которые все отмечены боевой славой, быт рыбаков и их окружения. Для меня это всё – воспоминания безмятежного детства. Мой дед, Василий Михайлович, был речником, а затем начальником линейного отдела Донречфлота. Я отлично помню атмосферу речного братства, где рыба была валютой, раков можно было ловить ступнями, где берёзы росли в воде. Мой дед часто говорил: “У кого есть лодка или катер, тот знает иную жизнь Дона”. Поездки на сбор липы, на сбор лесной смородины, просто выезды “на природу”... Катамаран был нашим аттракционом. В затонувших тополях, под тополиным пухом вы

крутили педали любимого агрегата. А в конце навигации жизнь деда переходила в "спящий" режим. Он практически всё время проводил дома, часто играл с внуками, читал, смотрел каждую серию "Коломбо".

А затем снова.... "По Дону прошёл ледокол, торопя навигацию, и речные воды скоро очистились, засинели, поджидая мутную воду половодья", – пишет Борис Екимов в повести "Высшая мера". И я помню частую фразу деда: "Опять Борис Иваныч с Борисом Петровичем на катере поехали кататься". Помню, дед рассказывал, как они катали Шукшина, Бондарчука, Никулина во время съёмок фильма "Они сражались за Родину". Шукшин всё время писал что-то в каюте, питался только кофе. Никулин же дал речникам пароль для их бесплатного прохода в цирк на Цветном бульваре – "Баржа", именно там они выпивали. Однажды дед воспользовался этой привилегией.

Борис Петрович прозвал калачёвские земли "Донской Калифорнией". Сейчас мне кажется, что всё это было в другой жизни. В университете на журфаке я часто встречала исключительно городских или не имеющих понятия о жизни в сельской местности. Но два года я проработала в газете "Калач-на-Дону", видела заброшенные, оставленные дома, останки деревенской жизни, видела хутора, похожие на картины Левитана, где председатели, зачастую бывшие учителя, превращали жизнь жителей в обособленный рай на пятьсот человек. В деревне частенько быт зависит от энтузиазма главы и местных жителей. Иногда им удаётся сотворить чудо.

Сборник рассказов "За тёплым хлебом" является для Бориса Екимова знаковым. Я отлично помню, что в моём детстве хлеб всегда был тёплым. Он попадал на прилавки прямо из хлебозавода, раскупался за несколько часов, не успев остыть. Хлеб тогда был действительно важен и символичен. У бабушки была печь, в которую ставили и магазинный хлеб, чтобы он сохранял температуру человеческого тела. Сейчас хлеб чаще холодный. Появились чиабатта, багеты, лаваш, лепёшки для тортильи, для тако, низкокалорийные хлебцы. Они стали не главной едой, а лишь её дополнением. Но тепло свежего хлеба и парного молока не сравнится ни с чем другим. А микроволновка никогда не сможет сохранять бабушкины пирожки в первозданном виде, как печь.

Название села, где родилась моя бабушка, – Заветное. Я легко могу представить её и деда героями рассказов и повестей Екимова, как и любой житель русской глубинки, и этим его произведения близки многим. Железные койки, воздушные перины, умывальник на улице, сундук, он же и диван, печь как сердце дома. Мир стал меняться бесконечно быстро. Казалось бы, ты не стар, но помнишь стационарные телефоны, первые мобильные, затем смартфоны. Ты помнишь прадеда-ветерана, с которым каждый год сажала картошку во дворе. Сигнал трактора в пять часов вечера, он приезжал два раза в неделю собирать мусор, и ты с пакетами бежала, чтобы не проворонить и не тащить в следующий раз четыре пакета. Мир без интернета, но с соприкосновением с реальностью. И светит пастушья звезда, и жить хочется. Русская деревня прекрасна, и она жива до сих пор. Александр Солженицын так сказал о творчестве Бориса Петровича: "Во множестве ярких рассказов и очерков Екимов рисует мало кому знакомую обстановку нынешней сельской местности с её новым бытом, манящими возможностями и крутыми угрозами. Этот живой поток екимовских картин, раздвигая наши представления о непростой жизни сегодняшней деревни, помогает восстановить, хотя бы мысленно, единство национального тела".

Там люди с чувством объёма жизни, с традициями, в единении со своими семьями. Часто к ним не прислушивались, но всегда на них полагались. Русская деревня – это домашний очаг страны. В ней её сила и её самобытность. И есть в ней самородки. Один из самых ярких – Борис Екимов.

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

НЕПАРАДНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Историческое эссе. Триптих

Часть 1.

Умная, свободная, самостоятельная, прекрасная...

В 1827 году в Риме, в знаменитом салоне княгини Зинаиды Волконской, графиня Юлия Самойлова познакомилась с молодым художником Карлом Брюлловым.

Казалось бы, и эпизод без каких-либо подвохов, и сказано о нём проще некуда. Во всяком случае именно так чаще всего пишут сегодня о первой встрече графини Самойловой и Карла Брюллова. Однако тут совсем не лишним будет прежде взглянуть на событие в контексте времени, чтобы понять: чем так уж знаменит салон Зинаиды Волконской, для которой обольстительная Италия на многие годы стала не просто пристанищем, а второй родиной? И таковы ли были в реальности детали эпизода, сыгравшего значительную роль в судьбах обоих фигурантов?

Как раз в тот год Александр Пушкин адресует княгине З. А. Волконской строки стихотворения ("Среди рассеянной Москвы...")**:**

Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьётся и пылает гений.

Чем заслужила Зинаида Александровна это пушкинское послание, глубоко и лаконично определившее суть её личности? Отчего даже скупое перечисление некоторых фактов из её уникальнейшей биографии приводит в изумление: неужели всё это может вместить одна человеческая жизнь?! Красавица, обладавшая блестящим умом, она писала стихи и прозу, сочиняла музыку и ставила оперы, где исполняла ведущие партии, увлекалась живописью, историей древней Руси и Скандинавии, народными обрядами и песнями.

Но прежде уточним: существует версия, из которой следует, что первая встреча графини Юлии Самойловой с Брюлловым произошла в имении Грота Феррара, которое принадлежало князю Григорию Ивановичу Гагарину,

послу при тосканском дворе*. Там Брюллов скрывался от упрёков римского света, который с наслаждением обсуждал самоубийство Аделаиды Демюлен. И вот однажды...

Вот так всегда бывает: касаешься одного факта, а он непременно тянет за собой другой. Получается своеобразная цепочка имён и событий с "эффектом матрёшки". Придётся для ясности сказать хоть несколько слов про самоубийство Аделаиды Демюлен: кто такая и отчего самоубийство? В иные времена кое-кто поспешил бы назвать её женщиной с низкой социальной ответственностью, но я торопиться не буду. Хотя бы потому, что даже среди пишущих о ней владеющих информацией наберётся немного. Если уж одни называют её Аделаидой, а другие – Анриенной, то что уж говорить о более содержательных деталях! Даже основываясь на предположениях и слухах, примем за данность: молодая миловидная француженка, служившая экономкой в одном богатом доме в Риме, по какой-то причине покидает своих хозяев и прибивается к колонии русских художников, которых в Италии пруд пруди. И каждый из них если не гений, то несомненный талант, по меньшей мере, пока не обработанный алмаз, но, как они полагают, дело за малым.

Девушка недурна собой, зарабатывать на хлеб необходимо, обнажённая натурщица – занятие вполне даже пристойное – всем художникам требуется. Однако особое предпочтение милашка отдаёт красавцу и великану Сильвестру Щедрину, прекрасные романтичные пейзажи которого располагали к мечтательности. Она становится его, изберём такое определение, "временной подругой жизни".

Сильвестр Феодосиевич Щедрин, чей портрет кисти Карла Брюллова можно увидеть в Русском музее Петербурга, а "Автопортрет" – в Третьяковской галерее, – знаменитый в своё время художник, ушедший из жизни в 39 лет. О таланте пленэриста, мастера живописи на открытом воздухе, говорят в узких кругах специалистов, однако среди широкой публики его имя сегодня почти не известно. Ирония судьбы: многие легко вспомнят Архипа Ивановича Куинджи с его многочисленными полотнами: "Лов рыбы на Чёрном море", "Лунная ночь в Крыму", "Лунная ночь на море", "Ночь", "Ночное", "Ночное море" и самой знаменитой картиной "Ночь на Днепре" (имеющей огромное количество авторских копий, вариантов и повторений вариантов), – но при этом они же зачастую не знакомы с работой Щедрина "Лунная ночь в Неаполе" (1828), написанной больше чем за полвека до работ Куинджи и восхитившей современников. Даже перекличка в названиях – с улыбкой можно задать вопрос: кто у кого "срисовывал" серебро лунной дорожки?

Говоря про талант Сильвестра Щедрина, опять хочется вспомнить о генетике, потому что был он художником не из рода, а в род. Его отец был известный не только в России скульптор, профессор и ректор Академии художеств. Его дядя был известный пейзажист в стиле классицизма и тоже профессор Академии. Брат Сильвестра, Аполлон Щедрин, стал архитектором и академиком. Творческая атмосфера, в которой взрастала эта семья, сделали своё дело. Можно сказать, что Академия художеств была для неё родным домом.

Большая золотая медаль, полученная Сильвестром Щедриным за успехи при окончании Академии, давала право на пенсион (содержание) для поездки за границу (в Италию), как считалось, для продолжения образования. Чем он и не преминул воспользоваться.

В 1825 году Щедрин перебирается из Рима в Неаполь, и Демюлен, можно сказать, остаётся у разбитого корыта. Что ей остаётся делать? Возникает новая человеческая композиция: скоро Аделаиду уже можно видеть в роли "временной подруги жизни" недавно появившегося в Риме Карла Брюллова. Кто из них в сложившейся ситуации сделал первый шаг – не известно, да и совсем не важно. Хотя ни красавцем, ни великаном Карл не был, своим вниманием женщины, надо признать, никогда его не обделяли.

Правда, приходится сказать, что их отношения не сложились. Страсть любвеобильной Аделаиды сопровождалась бурными приступами ревности

---

* Напомню, Григорий Иванович Гагарин, за связь с М. А. Нарышкиной отправленный в "почётную ссылку" и до конца жизни пребывавший на дипломатической работе вдали от России, был сыном Марии Алексеевны Волконской (в замужестве Гагариной), то есть нетрудно угадать его родственные отношения с Зинаидой Александровной Волконской.

и угрозами покончить с собой, тогда как чувства Брюллова к ней при всём при том оставались достаточно прохладными. Бесконечные упрёки взбалмошной француженки утомляли и раздражали художника. А её угрозы он не принимал всерьёз.

Финальной точкой стала разнёсшаяся в один из дней весть, что какая-то иностранка в предрассветный час бросилась в мутные воды Тибра. Когда утопленницу вытащили, в ней опознали Демюлен. Самоубийство натурщицы, смерти которой он никак не желал, повергло Брюллова в смятение: он долго был не в силах взяться за кисть. В этом потерянном состоянии молодой художник, расценивший, что вольно-невольно стал причиной смерти человека, и появился в салоне княгини Зинаиды Волконской.

Теперь настал черёд рассказа о женщине-загадке, каковой по праву можно назвать Зинаиду Александровну Волконскую (урождённая кн. Белосельская). Родилась она в Дрездене, там её отец пребывал в качестве российского посланника при Саксонском дворе. Казалось бы, девочке на роду написано черпать счастье большой ложкой. Но что-то в небесной канцелярии перепутали, и мать Зинаиды умерла, когда той всего-навсего было 3 года. Так что князю Александру Михайловичу довелось быть отцом-одиночкой. Кроме Зинаиды, у него было ещё трое малых детей. В 1793 году семейство вернулось в Россию. Овдовевший отец вторично женился через 3 года, и в 6 лет у Зинаиды появилась мачеха, Анна Григорьевна Козицкая, которая была на 21 год младше мужа, но всё же на 16 лет старше Зинаиды.

Жили безбедно. Как-никак сам Александр Михайлович происходил из рода князей Белосельских (Рюриковичи), который не только возвысился, но и обогатился от слияния с родом могущественного графа Григория Петровича Чернышёва и жены его, Авдотьи (урождённая Ржевская). А затем в результате второго брака Анна Григорьевна Козицкая принесла мужу существенную часть громадного состояния своего деда И. С. Мясникова*, включая подмосковную усадьбу Льялово**. По свидетельству графа Е. Ф. Комаровского***, после брака с богачкой Козицкой "князь Белосельский жил в Москве великолепно". На приданое Козицкой семья купила у потомков Разумовских Крестовский остров и приобрела дом (потом он стал называться Сергиевским дворцом) в Санкт-Петербурге на Невском проспекте в месте его пересечения с рекой Фонтанкой. Владельцы дома устраивали в нём приёмы и балы. Позже Александр III, которому этот дом очень нравился, выкупил его и подарил своему младшему сыну Сергею.

В то время князь Александр Михайлович – почётный член Петербургской академии наук и Академии художеств, Российской академии словесности, состоял членом иностранных научных обществ. Дорос до камергера. Князь вёл переписку с Кантом, стал автором философского трактата, за что теперь его именуют писателем, и был, по мнению многих ("судей решительных и строгих"), блестящий эрудит. Любил играть комедии и написал скабрезную комическую оперу. Одним словом, был с чудинкой. Славился своей красотой, за что получил прозвище "московского Аполлона". Его почитали за просветителя, потому что был он владельцем крупной картинной галереи, после себя оставив одну из лучших коллекций в России.

Сегодня про Зинаиду Волконскую всенепременно пишут, что она получила прекрасное образование: знала 8 языков, в том числе древнегреческий и латынь, хорошо разбиралась в искусстве. Но надо понимать, что университетов она не кончала. Следовательно, имела домашнее образование. И воспитание, как отмечали все, в лучших европейских традициях было того же

---

* Иван Семёнович Мясников – симбирский купец, владелец горных заводов на Урале. Один из богатейших людей Российской империи XVIII века.

** Бывшая усадьба Льялово, на территории которой сейчас находится пансионат ОАО Газпром, известный как "Морозовка", находится в 4 км от Зеленограда и в 9 км от железнодорожной станции Крюково. Существовавший там ранее усадебный дворянский особняк был уничтожен во время войны.

*** Именно Евграф Федотович Комаровский привёз из-за границы портрет баденской принцессы Луизы и передал его Екатерине II, которая одобрила кандидатуру невесты для любимого внука Александра. Будущего императора Александра I Комаровский знал с детства и милостями его затем неизменно пользовался. Был участником Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова. Оставил свои любопытные воспоминания под названием "Записки графа Комаровского".

происхождения. И то, и другое, скорее всего, немалая заслуга отца. Он умер на исходе 1809 года, когда ему было 57, а Зинаиде – 20 лет. К этому времени с момента её приезда в Россию много воды утекло, и она давно уже перестала быть домашней девочкой и жила своей, самостоятельной, жизнью.

Каждый человек в то или иное время делает первые самостоятельные шаги. Какими они были у Зинаиды Белосельской? Сюжет о взрослении княжны начинается с момента, когда в 1807 году её представили ко двору в качестве младшей фрейлины при вдовствующей императрице Марии Фёдоровне.

В декабре 1808 года любопытная перемена: она становится фрейлиной королевы Луизы Прусской (Луизы Августы Вильгельмины Амалии Мекленбургской). Это фрейлинство длилось недолго: 19 июля 1810 года Луиза Прусская умерла.

Следующая дата, имеющая существенное значение, – 3 февраля 1811 года. В тот день Зинаида Белосельская становится женой флигель-адъютанта императора Александра I князя Никиты Григорьевича Волконского.

Через 9 месяцев, 18 ноября 1811 года, в Петербурге у неё рождается сын, названный Александром.

Далее следует продолжительный период, когда княгиня, находясь в составе императорской свиты, вместе с супругом и сыном сопровождала Александра I во время его европейского вояжа в ходе заграничных походов русской армии 1813-1814 годов и участвовала в торжествах Венского и Веронского конгрессов 1814-1815 годов, где праздновалась победа над Наполеоном.

В ту пору Зинаида Александровна побывала в Дрездене, Праге, Париже, Лондоне, затем снова в Париже. В английской столице она усыновляет подобранного на улице мальчика-сироту, дав ему имя Владимир Палей.

Все эти события требуют комментариев хотя бы потому, что непрояснённого в них куда больше понятного, особенно для нынешнего читателя. Итак, начнём с того, как и почему 18-летняя княжна, дочь камергера, становится приближенной императорскому двору. Потому и становится, по праву принадлежности к знатному роду и из сострадания, что лишилась матери. Отец, само собой, весь в государственных делах-заботах, а за девушкой нужен пригляд. Кто лучше императорской семьи позаботится о её будущем! Так что, можно предположить, отцу даже не пришлось на сей счёт особо хлопотать.

История не сохранила сведений, когда и где впервые пересеклись Александр I и Зинаида. Увидел ли император княжну на каком-нибудь из балов, или она предстала перед ним, когда происходило утверждение её фрейлиной, – для нас это не имеет никакого значения. Увидел, не мог не обратить внимания на широко распахнутые глаза, заметил красивую высокую шею. Дальше всё пошло по накатанной. Установить, когда именно Александр I выделил княжну среди других в своём окружении, уже невозможно. Император умел пленять женщин, а главное, он понимал силу своего, императорского воздействия на женщин. Как-никак наместник Бога на Земле. Сегодня спорят, какие из его связей были просто платоническими (многие современники отзывались о царе как о “Дон Жуане Платоническом”), какие – не очень глубокими и горячими (этакий серийный любовник, утешающий себя короткими романами).

Нынешние почитатели Александра I считают, что он был восхищён умом, благородством очаровательной Зинаиды Белосельской. Была какая-то притягательная сила, исходящая от прелестного создания. Александр Павлович не мог противиться обаянию её доверчивых глаз. Они, как сказал бы писатель, “молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались”. Император и не стал противиться, тут же назвав новую фрейлину “прекраснейшим украшением” своего двора. Называть можно по-разному, но при этом оставаться внутренне равнодушным. Ничего серьёзного из их непродолжительных “любовных” отношений не могло и быть. Почему?

Семейный “компот”, когда есть три сына: старший умный, средний сын и так и сяк, младший вовсе был дурак – хорош лишь в сказке. В царской семье, стоит присмотреться, младший, Николай I, не то чтобы основательно, а прямо-таки органически не переносил умных, так как таковым считал исключительно себя. Думаю, что и средний, Константин, оказался пропущенным в наследования власти совсем не потому, что был не по годам смышлён. Жизненные поступки лишь подтверждают резонность его отречения. Старшего, Александра I, даже если отстраниться от суровых слов Пушкина по его адресу,

вряд ли есть смысл наделять стратегическим мышлением, позволившим разгромить Наполеона. И в отношении к женщинам он большого ума не проявил.

Ещё одна объединяющая их черта: Александр I, как и его братья, тоже (генетика – страшная сила) был человеком увлекающимся, однако увлечения длительностью не отличались. Тут нет ничего странного: увлечение – всего лишь сердечное расположение, не больше того. Так что к новой пассии он остыл очень быстро и стал уже подумывать, что с ней делать. Долго держать подле себя пусть привлекательную, но умную женщину в его планы не входило.

Дело в том, что проблема, известная в современной культуре, когда женщина очень точно знает, что такое "горе от ума", возникла отнюдь не сегодня. Есть некая закономерность: ум раскрывает в женщине, подтвердит любой специалист-психолог, новые грани понимания личной красоты, свободы, сексуальности. И самое ужасное для мужчин – умная женщина не склонна делать нарочито простым то, что простым быть не может. В результате она всегда сразу сталкивается с противодействием довольно большой части мужчин. Как только мужчина понимает, что рядом с ним умная женщина, он начинает или игнорировать её, или "мстить" ей, наказывая за "глупость" умного поведения, а зачастую начинает её вытеснять из своего поля зрения.

И тут в ход событий вмешивается дипломатический протокол. Зимой 1808-1809 годов по приглашению российского императора в Санкт-Петербурге восемь недель гостила прусская королевская чета. Королева разрушенной войной Восточной Пруссии Луиза пыталась поднять себе настроение, наслаждаясь балами, ужинами и другими светскими публичными мероприятиями в резиденции российского императора, на которые тот был горазд. Но слишком велик был контраст, она не могла не видеть его, сравнивая со своей собственной ситуацией:

"От бриллиантов в глазах рябит... Всякого рода великолепие превосходит любые ожидания. Какие здесь вещи из серебра и бронзы, зеркала, хрусталь, картины и мраморные статуи, это грандиозно".

К тому же встречи с императором Александром I протекали как-то прохладно по сравнению с прежней непринуждённой атмосферой общения монархов.

Именно в те дни Александр I преподносит королеве Луизе Августе Вильгельмине Амалии Мекленбургской, будущей бабушке российского императора Александра II (по линии Александры Фёдоровны), своеобразный утешительный презент, как говорится, от нашего стола – вашему столу. С празднеств, данных в честь гостей из Пруссии, вместе с ними Санкт-Петербург покидает новая фрейлина прусской королевы – прекрасная, живая и талантливая Зинаида Белосельская. Нет, фрейлина, конечно, не крепостная, не дворовая девка, но в качестве царского подарка вполне может сподобиться.

Чай, не совсем в чужие руки отдана: между Луизой и Александром давно сложились отношения взаимной симпатии. Ещё в мае и июне 1802 года Фридрих Вильгельм III и королева Луиза побывали в Мемеле для встречи с царём Александром I. Этот саммит, как назвали бы его сегодня, особого политического значения не имел, но оставил яркий след в воспоминаниях Луизы. Молодой император произвёл тогда на королеву огромное впечатление. В её записях появилось:

"Император – один из тех редких людей, которые соединяют в себе все самые любезные качества со всеми настоящими достоинствами <...> Он великолепно сложён и имеет очень статный вид. Он выглядит, как молодой Геркулес".

Александр, в свою очередь, тоже был очарован Луизой. Фридрих Вильгельм III это отметил, но в ответ выказал не ревность, а гордость. Она появлялась у него всегда, когда восхищались его супругой. Многие биографы по этому поводу задаются вопросом: могли ли Александра и Луизу связывать отношения, в просторечии называемые близкими? Ответ всегда даётся отрицательный с вероятностью, граничащей с уверенностью. Тем не менее вопрос с завидным постоянством возникает вновь и вновь. С чего бы это?

Можно лишь заметить, что после той, первой, встречи российский император и прусская королева встречались не единожды. С 25 октября по 4 ноября 1805 года император Александр гостил в Потсдаме, убеждая короля присоединиться к военному союзу, который заключили против Наполеона Австрия и Россия. 12 июля 1806 года в Париже был заключён договор об учреждении

Рейнского союза. Пруссия расценила значительное расширение сферы влияния Наполеона на германских землях как провокацию, но король традиционно медлил с принятием решения. Потом под влиянием своей супруги, считавшей Наполеона "моральным чудовищем", он, конечно, определялся. Но каждый раз плохо управляемые, несогласованно воевавшие прусские части терпели унизительное поражение. В 1805 году русские и австрийцы были разбиты в битве под Аустерлицем. В 1806 году почти все укреплённые города Пруссии сдались без боя, и Наполеон с триумфом вступил в Берлин.

Но мы ведь не о политике.

После смерти Луизы Прусской летом 1810 года Зинаида Белосельская вернулась в Россию. Что предпринимает Александр I? Свой ответный ход он делает, как в быстрых шахматах, стремительно. Он выдаёт княжну-сироту (неожиданная в 1809 году смерть отца, который оставался для Зинаиды наставником и учителем, стала для неё тем ударом, что, по свидетельству сына, Александра Волконского, отразился на её дальнейшей жизни) замуж за своего флигель-адъютанта, князя Никиту Григорьевича Волконского.

Если не о политике, значит, о чувствах?

Замуж её отдали за нелюбимого. Встречного чувства тоже не наблюдалось, и молодожёны сразу стали жить "семьёй врозь" — очень распространённая форма союза в те времена, когда многие браки заключались не на небесах, а по желанию родителей или царственной особы. Ослушаться ведь в обоих случаях было зачастую невозможно.

Если кто-то не поверит мне на слово, то можно вспомнить великого князя Константина Павловича, который в 1820-м решил официально развестись с великой княгиней Анной Фёдоровной. К тому времени их брак юридически длился 24 года (свадьба состоялась в 1796 году: жениху тогда 16 лет, а невесте не было и 15-ти). Они разъехались практически сразу после свадьбы, пишут про них. Можно сказать и так, потому что уже в 1799 году великая княгиня покинула Россию и возвращаться не желала. Был ли этим опечален Константин? Никоим образом. Женщин у него и без законной жены хватало. Брат Александра и Николая, надо признать, в сфере интимной жизни всегда был решителен. Чего не скажешь про другие стороны его натуры. В нём странным образом уживались присущая ему любовь к власти и нелюбовь к решительным действиям.

Брак Зинаиды Белосельской с богатым князем Никитой Волконским, братом будущего декабриста Сергея Волконского, нельзя назвать несчастливым (такое можно услышать), он был вынужденным. Был ли он номинальным? Когда в 1811 году у княгини, теперь уже Волконской, родился сын (Александр I пожелал стать его крёстным отцом и присутствовал на церемонии крещения в часовне церкви Зимнего дворца), в свете шептались, что его настоящим отцом был император. И потом не смолкали разговоры, что Зинаида Александровна сохраняла брак с Никитой Григорьевичем только ради родившегося сына Александра.

Обстоятельства, в которых родилась эта семейная пара, конечно же, нельзя счесть простыми. Императорский флигель-адъютант, как никто другой, великолепно понимал, почему произошло назначение его в срочном порядке мужем пригожей умницы-княжны. Отказываться — себе дороже, да и не в его характере. Он и потом будет по возможности извлекать выгоду из своего непротивления воле государя. До него доходили слухи в свете о многочисленных любовных связях Зинаиды, в том числе и с самим императором Александром I. Но несмотря на это, адъютант Никита Волконский не порывал с ней, предпочитал растворяться в лучах славы собственной жены*, способной легко покорять сердца самых блестящих кавалеров.

И раз уж мы о чувствах, то всем участникам "любовного треугольника" в них никак не откажешь. У каждого они были — свои. Зинаида, обладавшая невероятным обаянием, магнетизмом и множеством разнообразных талантов, долгие годы продолжала питать чувства к Александру I, вовсе не думая о том, что он император, и прекрасно зная о его похождениях. Интимная близость, или, используя словесный оборот устаревшей ныне речи, плотская любовь

---

* Он ведь и генерал-майором с зачислением в свиту императора стал лишь к концу жизни Александра I после неоднократных просьб княгини о продвижении по службе её мужа.

у них закончилась ещё в то время, когда княгиня совершала европейский вояж то ли в свите избранных лиц, сопровождавших государя, то ли следуя вместе с недавно появившимся на свет сыном Александром за супругом. Кто из них тогда был более надобен победителю французской армии, сказать трудно.

Кстати, уместен вопрос: выбор Зинаидой имени сына случайно или нет пал на "Александра"? Невольно вспоминается примечательный эпизод из пушкинской жизни. В мае 1835 года в семье поэта родился второй сын, Натали хотела назвать его... Николаем. На что Пушкин, до которого уже дошли слухи, появившиеся в обществе, о связи Натальи Николаевны с первым лицом государства, ответил жёстким отказом, оставив ей выбор между Гаврилой и Григорием – по именам своих предков, казнённых в Смутное время. Наталья Николаевна предпочла остановиться на имени Григорий. Впрочем, что там Наталья Пушкина, можно вспомнить, как племянница и любовница князя Потёмкина Варвара первого своего сына, рождённого в браке с князем Голицыным и не исключено, что от Григория Потёмкина, назвала Григорием. В обоих случаях показателен сам факт – желание назвать сына именем именно того мужчины, с кем молва связывала каждую из этих женщин.

Судя по поведению Никиты Волконского, он не только признавал Сашу сыном, но считал его таковым. Поэтому как отец хотел видеть сына, участвовать в его воспитании, и Зинаида не препятствовала этому.

Наверное, по-своему прилично вёл себя и Александр I. Как сегодня принято говорить: *он не отвечал Зинаиде Александровне столь же пылкими чувствами, но долгие годы их связывали платонические отношения, нежная переписка и взаимное восхищение.* Хотя чаще используют смешную и лишённую какого-либо понимания реального положения вещей формулировку: *возникшая между ними дружба сохранилась до конца жизни императора. Свидетельства этих отношений – письма, которые были опубликованы.*

С чего берётся, что её чувства были пылкими? Какая логика диктует авторам подобных экзерсисов уверенность, будто их связывало взаимное восхищение? Как рождаются малейшие токи мысли о возникновении между ними дружбы?

В сердечном отношении княгини Волконской к Александру I как человеку и памяти о нём как о мужчине, с которым у неё были близкие отношения, можно уловить движение души, но никак не пылкость, восхищение и дружбу. Писать так – значит выдавать княгиню за заурядную институтку, причём куда более позднего времени.

Сложилась традиция выписывать этот роман в красках романтической и печальной истории. Словно она про уют и уверенность, а не про боль и драму. Будто нет в ней груза прошлого, лишних ожиданий и красивой лжи.

В конце 1811 года Зинаида родила сына, и у неё случилась тяжёлая затяжная послеродовая депрессия, которую её современники назвали "временным помешательством". Поправляться княгиня начала лишь к осени, но только-только пришла в себя, как государь, будучи непосредственным участником военной кампании 1813-го и 1814 годов, внезапно решил пригласить жён трёх своих генералов присоединиться к его свите в качестве "малого женского двора". Вызваны были и первыми прибыли княгиня Зинаида с маленьким сыном и её золовка* княгиня Софья Григорьевна Волконская. Кто оказался третьей дамой, по сию пору остаётся неизвестным, что надо признать показательным. Судя по всему, сама затея была предпринята ради появления подле государя именно княгини Зинаиды. Поэтому второй приглашённой женщиной становится её золовка, княгиня Софья Волконская, сестра будущего декабриста С. Г. Волконского и малороссийского наместника Н. Г. Волконского. Её муж, Пётр Михайлович Волконский**, и Александр I в то время были близкими людьми в самом узком кружке императорской четы.

Необходимо заметить, что, в отличие от других многочисленных романов Александра I, его интимная связь с княгиней Волконской не была предметом живого интереса современников. Они лишь отмечали, причём с особенной осмотрительностью, что "царь находил удовольствие в беседах с княгиней Волконской" и что он "любил отдыхать от своих военных и политических обязанностей в её обществе". Что касается личных бумаг Александра I в импера-

---

* Золовка – сестра мужа.

** Он находился при государе в звании начальника главного штаба.

торском архиве, то они были уничтожены. Отсутствие надёжных источников предопределило массу догадок и фантазий по поводу отношений Зинаиды Волконской с императором Александром I. Интерес к ним не иссякает уже два столетия.

Единственным источником сведений, который позволяет частично прояснить сложившуюся тогда ситуацию, являются несколько писем царя к княгине, волею судеб оказавшихся в библиотеке Гарвардского университета (США). Однако даже они позволяют воссоздать лишь приблизительный характер отношений между императором, которого устраивало изредка наслаждаться обществом удивительной женщины, вызывавшей внимание окружающих, и княгини, которая меньше всего была озабочена демонстрацией своего чувства романтической влюблённости.

Война войной, а женщины, как и царский обед, по расписанию. Александр I не забывал красиво, напоказ, развлекать себя в заграничном походе 1813-1814 годов. В начале 1813-го русская армия мирно заняла Варшаву. В апреле император вместо умершего М. И. Кутузова назначил главнокомандующим П. Х. Витгенштейна. С севера шведы и пруссаки двигались к Берлину. Осенью произошло сражение у Лейпцига, которое продолжалось три дня. Оно вошло в историю как "битва народов" и закончилось тяжёлым поражением наполеоновской армии. С боями она отступила на территорию Франции. 1 января 1814 года русская армия перешла Рейн. Зимняя кампания союзников нацеливалась на столицу Франции. Шаг за шагом русская армия шла к Парижу.

Российский император, который находился при действующей армии, уже подбирал триумфальные слова. Как никто другой, он прекрасно сознавал, что лучший экспромт тот, который подготовлен заранее. Его Александр I произнесёт после капитуляции Франции, подводя черту под десятилетием кровавых войн и жестоких испытаний, из которых Россия вышла с триумфом:

"Победа, сопровождая знамёна наши, водрузила их на стенах Парижа. При самых вратах его ударил гром наш. Побеждённый неприятель протягивает руку к примирению! Нет мщения! Нет вражды! Храбрые воины, вам, первым виновникам успеха, принадлежит слава мира!.. Вы снискали право на благодарность Отечества — именем Отечества её объявляю".

Всё это время жена князя Волконского следовала за армией. И Александр I посылал мужа Зинаиды (благо, он находился при Главной квартире) отвозить ей любовные письма и записки. Причём часто в письмах император не стеснялся насмешливо называть князя Никиту, выступающего в роли посыльного, "обычным курьером" ("courrier ordinaire"), "курьером в лихорадке", "горячечным курьером" или "ваш мужчина".

Тогда подобное было в порядке вещей — такое вот время. И один из самых красивых и хорошо воспитанных мужчин, молодой монарх, путешествовавший вместе со своей армией по всей Европе и танцевавший на всех балах с первыми красавицами того времени, следовал привычному порядку.

Нельзя сказать, что он любил женщин. Однако, имея в своём распоряжении на протяжении не только дня, но даже и ночи, женщин, которые отвечали ему полной взаимностью, Александр Павлович, точно балуясь, артистически преподносил окружению свои разнообразные даже по форме романы. В пересечении множества взглядов и суждений они выглядели демонстрацией вечных устоев империи. Свита обоих полов по-прежнему находила наместника Бога обаятельным, тогда как венценосец уже сутулился, пользовался лорнетом, начал плешиветь и стало заметно, что он несколько глуховат.

Поддержание имиджа правителя, в чьих руках "судьба всего мира", заставляло его выстраивать причудливые логические цепочки поведения. Он присутствовал на линии боевых действий, желал участвовать в разработке военной и дипломатической стратегии и неделями мог не отвечать на самые срочные депеши своего канцлера З. П. Румянцева. Он жаловался:

"Я могу сказать, что поистине не имел в своём распоряжении не только дня, но даже и ночи. Добавьте к этому, что только однажды я провёл два дня подряд на одном месте, и теперь мы постоянно в движении".

И обременённый походными заботами тем не менее умудрялся писать длинные письма княгине Волконской и навещать её при первой возможности. Бывало, в письмах он давал детальное описание сражений, приводя точные цифры приобретений и потерь сражающихся армий. Такие это были образцы любовной переписки. Порой царь по-рыцарски посвящал победы русского

оружия княгине и тут же радовался тому, что они дают возможность после этого увидеться и провести с ней ночь.

Чего в этих царских словах больше: горечи, вдохновения, лукавого изящества, игры, чувства, изысканной любезности, мысли – пусть каждый решает сам. Я помещу здесь лишь малую толику из написанного им, небольшие выдержки из нескольких посланий.

Йевер, 14 мая 1813 г.

"Если благие намерения и вознаграждаются когда-либо, то Ваше очаровательное письмо и стало той наградой, что могла доставить мне вдали от Вас, княгиня, наибольшую радость. <...> Желая успеха нашей армии, я столь же искренне желаю, чтобы он дал мне возможность как можно скорее увидеться с Вами. А пока сохраните для меня местечко в Ваших воспоминаниях, что очень дорого для меня <...> Примите уверения в моей почтительной и столь же искренней привязанности.

А<лександр>".

Петерсвальдау, 28 мая 1813 г.

"...Вы не можете не знать, что с того самого момента, как я познакомился с Вами, я всегда очень высоко ценил всё, что исходит от Вас. И всё это стало для меня ещё более ценно, когда я стал Вам ближе. Я надеялся только на некоторую благосклонность с Вашей стороны, и Ваше восхитительное письмо исполнило все мои желания.

Я боялся, что чувство, в котором я признался Вам, встревожит Вас, но, хотя меня самого и успокаивала твёрдая уверенность в его чистоте, я очень хотел, чтобы и Вы были покойны. Ваше письмо развеяло мои тревоги и доставило мне тем самым много радости. Ваша приветливость – вот всё, на что я считаю себя вправе рассчитывать. Вы говорите, что моё письмо было адресовано Вашему сердцу и что оно им было получено. Позвольте же и это письмо, которое мне столь дорого, отправить в тот же адрес. Оно продиктовано моим сердцем, которое, признаваясь в живом интересе и искренней привязанности к Вам, не таит ничего, в чём оно могло бы себя упрекнуть; более того, я громко признаюсь в своих чувствах не только перед всей вселенной, но и перед Вашим мужем. Это письмо привезёт Вам Ваш супруг (sic), и я не боюсь, что он может его прочесть. Простите мне этот невольный порыв. Мне необходимо было показать Вам, как я чувствую. Я не вижу в этом ничего недостойного, что я должен был бы от Вас скрывать. <...> А пока не забывайте меня совсем и знайте, что сердце моё и душа принадлежат Вам навеки.

А<лександр>".

Лейпциг, 10 октября 1813 г.

"<...> Вернёмся к Вашему милому письму. Оно было бы абсолютно восхитительным, если бы не заканчивалось богохульством: "Не забыли ли Вы меня?" – пишете Вы! Одна только мысль об этом с Вашей стороны – уже большая несправедливость ко мне, от которой я, как мне кажется, должен был бы быть защищён?

Примите мою благодарность за всё, что получило оценку в виде Ордена Подвязки и что Вы так любезно цените во мне. Не думая, что вполне его достоин, я полностью разделяю Ваши взгляды на рыцарство и всегда предпочитал эти принципы; чувствовать с таким пылом всё, что исходит от прекрасной и любимой женщины, и есть основание для получения этого ордена, и я осмеливаюсь претендовать только на это. Больше чем когда-либо благоволите верить, что я на всю жизнь Ваш сердцем и душой, и я сказал бы также: "Позор тому, кто дурно об этом подумает, Îni soit qui mal y pense".

А<лександр>".

Спустя неделю после этого письма произошла их новая встреча, которой царь остался вполне удовлетворён, и это позволило ему высказаться без всяких метафор: *"Эти моменты никогда не сотрутся из моей памяти".*

Конечно, читая письма Александра I княгине Волконской, нельзя забывать про существовавшие тогда каноны "науки страсти нежной". Равно как и следует сознавать, что характерной для того времени любовной дружбе (amitié amoureuse), которая проявлялась в аффектированном стиле, полном

намёков и преувеличений, не всегда сопутствовали реальные любовные отношения. Тем не менее письма Александра I, даже если отвлечься от частых визитов государя к княгине, и своим содержанием, и ситуационно свидетельствуют о взаимоотношениях мужчины и женщины, явно выходящих за границы обычного придворного флирта.

И есть ещё одна корректирующая деталь, которую я попробую выразить языком и стилем, присущими той эпохе: *"Рассуждает он весьма умно и к славе России; но одному Государю Императору известно, согласно ли это с мыслями Его Величества, и при том, будет ли угодно Его Величеству, чтобы эти задушевные мысли Его были высказываемы печатно?"*

Осенью 1813-го даёт о себе знать ранее не сказывающаяся ревность царя к мужу княгини. Впрочем, это трудно даже назвать ревностью. Александр I не может сдержать своего неудовольствия в адрес Никиты Волконского. Ещё бы! Государь изыскивает время в своём загруженном деловом графике, чтобы навестить княгиню, а там в это время пребывает её муж. Но завидя явившегося царя, он почему-то не соизволит куда-нибудь испариться, будто его и не было. То ли дело её золовка, княгиня Софья Волконская, женщина светская и очень деликатная, всегда мгновенно исчезала в таких случаях.

Не на шутку рассерженный, в очередном письме Александр I объясняет своё отсутствие нежеланием видеть князя во время своих коротких визитов к княгине. Тема настолько "болезненная" для монарха, что он обращается к ней несколько раз. То саркастически обронит между строк, что князь Никита "держится за её юбки". То с пафосом заявит, что готов, не колеблясь, признаться в своих чувствах к Волконской "перед всем миром, включая Вашего мужа".

Конец войны застал Волконскую в Париже. Русская армия вступила в него в начале весны. Пришло время для экспромта по случаю капитуляции Франции. Утром 19 (31) марта Александр I во главе свиты более чем в тысячу офицеров и генералов многих национальностей, одетых в парадные мундиры, при всех орденах, двинулся к столице Франции. Прошли годы – детали победы 1814 года и вступления войск союзников в Париж стали исчезать из исторической памяти. Тогда как некоторые из них очень даже показательны.

Нужно сказать, в обывательском мнении сложилось и культивируется до сих пор весьма превратное мнение, например, по поводу порядка, в каком войска союзников вступали в Париж. Многие полагают, что раз Россия сумела фактически уничтожить Великую армию и Париж капитулировал главным образом русским корпусам, а условия капитуляции диктовал сам Александр I, то и въезжал в поверженную столицу первым российский император. Но первыми, как ни удивительно, в город вступили не русские воины. Колонну победителей возглавляла австрийская гренадёрская бригада, за которой следовала русская лёгкая гвардейская кавалерийская дивизия, за нею – прусская гвардейская кавалерия, а затем шли остальные русские войска: гренадёрский корпус, дивизия гвардейской пехоты, три дивизии кирасир с артиллерией. Командовал колонной генерал от кавалерии Николай Раевский, а среди русских военачальников ехал и сам Александр I. Таким образом он вполне потрафил желанию своих союзников "быть первыми".

В различных источниках встречаются противоречивые версии о том, на какой лошади Александр I въехал в Париж. Обычно следуют красивой легенде – верхом на жеребце по кличке Эклипс, который был подарен ему Наполеоном после подписания не слишком почётного для России Тильзитского мира в 1807 году. Кто-то готов поступиться деталями и утверждает, что он въехал в Париж на серой кобыле по кличке Эклипс, которую ему 6 лет назад подарил корсиканский тиран. По другой версии, белого жеребца подарил посол Франции Коленкур в 1808 году.

И всё же традиционно пишут, что царь въезжал в Париж именно на Эклипсе, подаренном Наполеоном. Вроде как находят в этом некий символ. Однако традиционное далеко не всегда верно. Как родилась легенда – не ведаю. Однако за долгие годы байка эта приобрела как критиков, так и сторонников, постепенно обрастая, как дерево годичными кольцами, всё новыми трактовками и подробностями.

А было так: "*Ровно в восемь часов утра к царскому крыльцу подвели лошадь по имени Марс; государь сел на неё и во главе своего войска поехал в Париж".*

Марс – любимый императором мекленбургский белый боевой конь, жеребец. И как вспоминали очевидцы, восседающий на нём тогда Александр I был в форме кавалергарда: зелёная куртка, золотые эполеты, серые штаны, шляпа с перьями. Ему 37 лет, он близорук и немного полноват. Но по сию пору пишущие об императоре, особенно женщины, видят в нём красавца, находя его божественно привлекательным.

Примечательный штрих, характеризующий российского монарха, освободителя Европы, въезжающего в Париж. Оборотившись к ехавшему рядом с ним генералу Ермолову, Александр I говорит: *"Ну, что, Алексей Петрович, теперь скажут в Петербурге? Ведь, право, было время, когда у нас, величая Наполеона, меня считали за простачка".* Как видим, критерий "что станет говорить княгиня Марья Алексевна" весóм даже среди императоров.

Княгиня Волконская – непременная участница бесконечных торжеств по случаю победы над Наполеоном. Она желанная гостья многих салонов. Муж её тоже находился в Париже, но меж супругами особой теплоты не наблюдалось. А что сказать про императора, который начал обретать славу "спасителя Европы"? Сегодня немало желающих объявить, что к концу 1813 года отношения с Волконской могли стать уже обременительными для Александра I. Мол, оттого у него и эпистолярный запал пропал. Но в апреле они оба в Париже, и писать письма не было необходимости. Больше того, интимные встречи с княгиней вносили дополнительную краску в ощущение эйфории от победы над Наполеоном.

Всё изменилось к концу весны, когда накануне отъезда Александра I вместе с прусским королём Фридрихом-Вильгельмом из Парижа в Лондон Зинаида Александровна сказала императору о своей беременности и намерении рожать. Ничего удивительного, что с той минуты княгиня для него сразу отходит даже не на второй, а на третий план.

1 июня 1814 года княгиня отправилась в Лондон, чтобы присоединиться к императорской свите. Сам император покинет покорённый Париж на следующий день. Во время праздничной встречи "трёх королей" он был в прекрасной форме: много танцевал и флиртовал с красивыми женщинами. Волконская видела царя на многочисленных светских раутах, но, можно сказать так, не встретила в нём прежнего интереса.

Была ли она готова к такому развороту событий? Сказать невозможно, а писем меж ними в то время не случилось. Так что, отношениям царя Александра и княгини Зинаиды Волконской наступил конец? В декабре 1814 года, в разгар празднеств, сопровождавших Венский конгресс, Зинаида Александровна родила сына, умершего вскоре после рождения. Когда об этой потере узнал государь, опять же не ведомо. Вероятно, отнюдь не курьерской почтой. Но спустя год переписка возобновилась.

Петербург, 12/14 мая 1816 г.

"<...> Моя искренняя привязанность к Вам заставляла меня сожалеть о том времени, которое Вы теряете, занимаясь делами, столь мало достойными Вас, как мне кажется. Вот честное изложение моих претензий.

Ещё раз говорю Вам, что только глубокая привязанность, которую я к Вам питаю, даёт мне право выражать моё неудовольствие, и наступит время, когда Вы поймёте, что, любя Вас так, как я люблю, я был, быть может, не так уж и не прав, жалея, что Вы отняли столько времени у своего собственного счастья.

А<лександр>".

Вечером в понедельник 8 октября 1817 г.

"Я пользуюсь первой свободной минутой, княгиня, чтобы засвидетельствовать получение Вашего письма. Я бы пришёл к Вам тотчас же, если бы дела меня не задержали.

Сегодня вечером я свободен, но боюсь, что, поскольку я не смог предупредить Вас заранее, у Вас другие планы, и Вы не сможете меня принять. Но если Вам ничто не мешает, я готов прийти к Вам сразу же по получении Вашего ответа. Примите уверения в моём глубочайшем почтении.

А<лександр>".

Лайбах, 3 февраля 1821 г.

“<...> Как Вы говорите, мы недалеко друг от друга, однако безо всякой надежды увидеться. Если бы это зависело только от меня, то Лайбахская конференция была бы перенесена в Рим; но в этом мире столько всего, что никак невозможно устроить так, как нам того бы хотелось. <...>

Александр”.

Санкт-Петербург, между июлем и 16 августа 1824 г.

“Я у ваших ног, княгиня, получив только что столь любезную записку. Счастье видеть Вас слишком велико, чтобы любое другое чувство могло иметь значение, и я умоляю разрешить мне в течение вечера быть у Вас. Заранее радуюсь этому. Относительно остального в вашей записке храню молчание, и не потому, что вы меня убедили, это ясно, но чтобы закончить сюжет, которому вы положили начало, — ваше более чем благосклонное отношение ко мне. <...> Фрукты, которые я получил от вас, свидетельствуют о вашей неоценимой доброте, и я принимаю их с самой живой благодарностью. Прошу вас принять уверения в моём совершенном почтении”.

[без подписи]

Царское Село, 2 апреля 1825 г.

“<...> Для того чтобы обращаться со мной так, как это делаете Вы, требуется та неистощимая снисходительность, которую Вы всегда проявляли, поскольку Вы имели полное право считать меня и неблагодарным, и бесчувственным; а между тем я не являюсь ни тем, ни другим. Таким я кажусь из-за огромной ответственности, которая давит на меня и занимает всё моё время. Но я должен прежде всего сказать Вам, что радость моя от одного сознания того, что Вы рядом, в нескольких часах от меня, исключительно велика. Я буду у Вас между четырьмя и пятью часами и с нетерпением жду возможности сказать, как я тронут той дружбой, которую Вы мне дарите, несмотря на все мои грехи. <...> примите уверения в моей искренней и почтительной привязанности к Вам навеки.

А<лександр>”.

Завершился этот роман в письмах в 1826 году. Свидетелем тому стал юный камер-юнкер и поэт М. А. Дмитриев. Он видел, как в один из февральских дней в Архангельский собор московского Кремля, где стоял гроб с телом императора, вошла дама в чёрном платье и под чёрной вуалью, низко поклонилась и положила на гроб венок незабудок. Племянник баснописца И. И. Дмитриева узнал в ней княгиню Зинаиду Волконскую*.

В послевоенное время Зинаида Александровна иногда наезжала в Россию, но чаще по разрешению царя находилась за границей. Там её времяпрепровождение было не самым распространённым для того времени. Княгиня играла на сценах частных театров и пела в салонах европейской знати, поражая всех чудным голосом: “трудно было найти равный ей контральто”. Так что её музыкальное дарование пользовалось успехом.

В конце 1817 года жила в Одессе. Там на западный манер она стала собирать у себя друзей, причастных к культуре. В этом “занятии” была своя логика. Не зря умение держать салон называли “искусством”. Правда, одни эту мысль приписывают Гавриилу Державину, другие — Петру Вяземскому. Но что совершенно точно принадлежит князю Вяземскому, так это слова, занесённые им в “Записную книжку”, о главной особенности салона.

Вяземский был в высшей степени светским человеком: балы, рауты, приёмы, салоны были ему знакомы не понаслышке. В гостиных и литературных салонах звучали остроумные каламбуры князя, а порой и серьёзные споры на разные темы с Пушкиным, с Жуковским, с Александром Тургеневым. Так что

---

* Безвременную смерть человека, преданность которому, несмотря на превратности их взаимоотношений, Волконской никогда не была поколеблена, спустя некоторое время княгиня оплакала в своём первом русском стихотворении “Александру I” (“Где Царь, где сын, супруг?..”). Позже на римской вилле княгини появится поминальный памятник: белый бюст Александра I на четырёхугольном постаменте красного гранита, из которого сделана знаменитая Александрийская колонна в Санкт-Петербурге, увенчанная ангелом.

Пётр Андреевич имел полное право утверждать, что держать салон – исключительно привилегия женщин:

"...Женский ум не поддаётся положительной оценке. Ум женщины иногда тем и ограничивается, но тем и обольщает, и господствует, что он отменно чуток на чужой ум. Женский ум часто гостеприимен; он охотно зазывает и приветствует умных гостей, заботливо и ловко устраивая их у себя: так, проницательная и опытная хозяйка дома не выдвигается вперёд перед гостями, но не перечит им, не спешит перебить им дорогу, а, напротив, как будто прячется, чтобы только им было просторно и вольно. Женщина, одарённая этим свойством, едва ли не перетягивает на свою сторону владычество женщины, наделённой способностями более резкими и властолюбивыми. Эта пассивность женского ума есть нередко увлекательная прелесть и сила".

К слову, надо заметить, что держать салон – очень специфическое искусство, в нём нельзя стать популярным, если ты не личность. Зинаида Александровна была именно такой хозяйкой салона. Очень быстро её дом стал центром культурной жизни города. Здесь бывали поэт Константин Батюшков, основатель Ришельевского лицея аббат Ш. Э. Николь. Начиная с этого времени, судьбу княгини Зинаиды Александровны Волконской можно считать связанной с таким явлением культурной и общественной жизни, как салон.

По сути, возникновение салонов стало своеобразной формой преобразования российского общества в начале XIX века. Нужна оговорка: преобразования её женской части. По большому счёту, жизнь подавляющего большинства женщин тогда в России протекала тихо и в рамках строгих правил. В тени своих отцов, братьев и мужей слабому полу надлежало заниматься воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства. В мире, которым управляли исключительно мужчины, практически любая общественно значимая деятельность даже среди женщин дворянского сословия ограничивалась светскими мероприятиями. По этой причине женские биографии прошлого так скупы на подробности и детали их повседневной жизни. Социальная активность дворянок в большинстве случаев проявлялась в их внутрисемейном влиянии на своих знатных мужей, сыновей и, само собой, любовников. В этом отношении про Зинаиду Волконскую можно сказать, что она выглядела белой вороной среди своих современниц.

Существуют ли гены непоседливости и многогранной талантливости – сказать не берусь. Но черты эти были присущи княгине, как сегодня сказали бы, по умолчанию. После Одессы она объявляется в Москве, где в 1819 году выходит её книга "Quatre nouvelles" (Четыре повести). В 1820–1822 годы, живя в Риме, она участвовала в постановке музыкальной драмы о Жанне д'Арк, написанной ею на итальянском языке. Именно тогда она начинает собирать в своём доме молодых русских "пенсионеров": музыкантов, писателей, скульпторов и художников, которых тогда по программе стажировок за границей российских мастеров кисти было в Риме немало. В каком месте Рима Волконская собирала свой "русский кружок", до сих пор точно не установлено. Но заслуги княгини в сфере поощрения искусств были оценены тогда в Италии её приёмом в члены знаменитой Академии Аркадии, куда входил ранее и её отец. Причём Зинаида была принята в Академию под псевдонимом Каритеи Чидонии.

А далее нечто совершенно невероятное. Начинается новая полоса её увлечений. Она всерьёз берётся за глубокое изучение русского языка, отечественной истории и археологии, пишет историческую повесть о древнем славянском язычестве "Tableau Slave du Vme siècle" ("Славянская картина V века") и публикует её в 1824 году. За эту работу её избирают почётным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете. Между прочим, стала первой женщиной среди членов Общества.

В первопрестольной княгиня задержится на пять лет, с 1824-го по 1829 год. Занималась воспитанием сына (где в это время был её муж? Князь Волконский жил в Петербурге) и продолжала изыскания в области истории и русского фольклора. Её стихи, отрывки из путевых заметок, статьи печатались тогда в "Московском телеграфе", "Московском вестнике", "Литературной газете", в альманахе "Северные цветы". Так что была она вовсе не чужой среди писательской братии.

Надо ли удивляться, что трёхэтажный дом княгини Зинаиды Волконской на углу Тверской улицы и Козицкого переулка (то здание, в котором позже по-

явится знаменитый "Елисеевский магазин"*) стал интеллектуальным центром московского общества: возник литературно-художественный салон, застолья в котором – праздники не столько для желудка, сколько для души. Частыми гостями салона стали Е. Боратынский, П. Вяземский, Д. Веневитинов, А. Дельвиг, В. Одоевский, А. Мицкевич, И. Киреевский, В. Жуковский, П. Чаадаев, А. Хомяков, А. Муравьёв. В 1826 году порог её салона переступил вызванный Николаем I из Михайловского Пушкин. Поэт, чьё имя было на устах всех москвичей, остановился тогда у Соболевского, с которым находился в приятельских отношениях. Именно тот ввёл ещё недавно опального Пушкина в дом Волконской, которая очаровала поэта своей красотой, умом и любезностью и в тот же день пригласила его к себе на вечер.

Пётр Вяземский так вспоминал ту первую, сентябрьскую встречу Пушкина с Волконской:

"Помнится и слышится ещё, как она в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним пропела элегию его, положенную на музыку Геништою:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман...

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства..."

Как бы в ответ в мае 1827 года Пушкин подарил "царице муз и красоты" вышедшую в свет поэму "Цыганы", сопроводив её восторженным стихотворным посвящением ("Среди рассеянной Москвы...").

Тонкая ценительница и покровительница искусств, княгиня привечала не только литераторов. На музыкальных вечерах там же часто выступали лучшие музыканты и певцы итальянской оперы. Можно согласиться с имеющим хождение мнением, что Волконская, пропитанная западной культурой, была поглощена идеей привить русскому обществу черты европейской образованности. В великолепных залах её дома "оперы, живые картины, маскарады часто сменяли друг друга".

В одном из писем приятелю А. И. Тургеневу Пётр Вяземский не без изящества выскажет суждение о Волконской и её салоне, назвав его "волшебным замком музыкальной феи", где "мысли, чувства, разговор, движения – всё было пение". Безусловно, контральто феи было великолепно, но я упомянул бы ещё золотые волосы и глаза "цвета цейлонского сапфира" Зинаиды Волконской. Именно такие определения переходят из текста в текст у современных авторов, берущихся писать сочинения "про любовь" в XIX столетии. Хотя у самого поэта эти характеристики всё же выглядят несколько иначе. Несколько позже нам придётся вспомнить поэта Ивана Козлова, в стихах которого они родились. Спустя много лет он невольно станет своеобразным экспертом при атрибуции одного известного портрета Зинаиды Волконской. Поэтому желательно их сохранить в памяти:

Огнём
Сияли очи голубые,
Как на челе её младом
Вилися кудри золотые!
(Княгине З. А. Волконской. 1825)

Пленительны взоры сапфирных очей
И кудри её золотые...
(Байрон. А. С. Пушкину. 1824)

Но вообще-то заслуживало внимания не только пение и облик прекрасной княгини. Хозяйка дома поместила в нём коллекцию отца, где были "оригиналы и копии знаменитейших произведений живописи и ваяния", стены комнат были украшены "фресками в стиле различных эпох".

В российской истории сохранился один знаковый эпизод, связанный с московским салоном Зинаиды Волконской. Им стал музыкальный вечер

---

* Некогда этот дом достался князю А. М. Белосельскому-Белозерскому в приданое за женой и после его смерти в 1809 году перешёл к его дочери.

с участием лучших итальянских певцов, бывших в те дни в Москве, который княгиня устроила 26 декабря 1826 года. Чем дальше от наших дней отступает то событие, тем красочней и колоритней оно предстаёт в воображении потомков. Самое обычное сегодня слышать, что это были проводы в Сибирь жён декабристов – Екатерины Трубецкой и Марии Волконской, решивших последовать вслед за своими осуждёнными мужьями в Сибирь.

Тогда как в реальности Трубецкая (урождённая гр. Лаваль) первой из жён декабристов выехала в Сибирь пятью месяцами ранее, 24 июля, на следующий же день после отправки мужа на каторгу. Родители поддержали её решение, снарядили в дорогу, снабдили деньгами, а отец выделил в сопровождающие своего секретаря Карла Воше. Нисколько не афишируя свой отъезд, без какого-либо публичного шума отправившись в неизвестность в суровый каторжный край, своих родителей она больше не увидит*.

Между тем отъезд Марии Волконской был обставлен совсем иначе, Мария Николаевна долго ездила по родным, а ещё больше по разным салонам, где её принимали как героиню. Тут есть о чём задуматься. Да, все Раевские были против поездки Марии в Сибирь. Но Екатерина Орлова**, сама жена декабриста генерала Михаила Орлова, которая разделяла семейную позицию, надо признать, осуждала не только и даже не столько "экзальтацию" сестры, но и хитрости, соединённые с тысячами нескромных речей, весь ажиотаж вокруг отъезжающих в добровольное изгнание женщин:

"Все петербургские кумушки, мужчины и женщины, ловят каждое слово этих женщин. Их обсуждают, преувеличивают, разрывают, превозносят до небес. На них ходят смотреть, как на диковинных животных".

В одном из писем отцу, Н. Н. Раевскому, Екатерина Орлова сообщает любопытные подробности отъезда Марии:

"Мой дорогой батюшка, Вы пишете мне, что ожидаете подробностей, касающихся Марии. Из тех денег, которые Вы ей дали, Мария потратила три тысячи на покупку для своего мужа различных припасов и необходимых вещей различного рода, для себя же она купила только туфли, шубу и тёплые сапожки. Мне пришлось силой задержать её в Москве, чтобы немного обеспечить вещами. Я сочла необходимым дать ей мою лисью накидку, поэтому она говорит, что я её разорила. Вы ничего не должны мне за Марию, я не дала ей ни копейки денег. Я также не потратила ни одной копейки моего мужа; я продала одно украшение и смогла купить ей некоторые предметы первой необходимости и некоторые для развлечения, как, например, книги, шерсть и т. д. (Вы прекрасно понимаете, что я не могла бы использовать свои деньги более приятным для меня способом и что о возвращении их речи быть не может)".

Видимо, желая успокоить отца, Екатерина делится с ним слухами:

"За Уралом можно найти самое большое гостеприимство по отношению, как там говорят, к нещастным".

Впрочем, слухи не единственное, о чём она пишет. Ведь Екатерина прекрасно знает свою сестру:

"Нам нечего бояться её путешествия; её самообладание, спокойствие, весёлость, которые не оставляли её, если только не представлялось какое-либо препятствие, очаровали меня, в то время как я с тревогой и разрывавшимся сердцем готовилась к встрече с ней. Но по размышлении я переменила своё мнение: покинуть без сожаления своего ребёнка, семью, вообще всё, – может быть для человека с сердцем лишь большой степенью экзальтации и неопытности".

Растянувшийся почти на полгода прощальный тур Марии завершился посещением ею салона Зинаиды Волконской. Разговоры об этом событии не стихают по сей день.

И потому, что всем присутствующим запомнилась атмосфера того вечера, на котором Зинаида много пела и музицировала, как бы стараясь наполнить душу родственницы "звуками италианскими". Потом, приехав в Сибирь,

---

* Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая умерла от чахотки 14 октября 1854 года. Ей было от роду 54 года. Её похоронили в ограде Знаменского женского монастыря в Иркутске.

** Екатерина Орлова – родная сестра Марии, старшая дочь героя Отечественной войны 1812 года генерала Николая Раевского от брака с Софьей Алексеевной Константиновой, внучкой Ломоносова.

Мария обнаружила, что в большом ящике, притороченном сзади к кибитке, оказались не тёплые вещи, как она полагала, а... клавикорды, которые Зинаида презентовала отъезжающей Марии.

И потому, что в числе провожавших Марию Волконскую были Пушкин с М. А Веневитиновым*. Много позже в своих мемуарах ("Записки княгини Марии Николаевны Волконской" ("Mémoires de La Princesse Marie Wolkonsky"), написанных на французском языке и адресованных детям и внукам, княгиня Волконская напишет:

"...он хотел передать мне своё "Послание к узникам" ("Во глубине сибирских руд...") *для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александрине Муравьёвой".*

Эти строки – единственный источник, на основании которого бытует мнение, будто знаменитое стихотворение каким-то образом "связано" с Марией Николаевной. Однако никаких подтверждений тому нет. Зная за ней грех приписывать себе несколько большее, чем было в реальности, факт желания Пушкина, который, по словам Марии Николаевны, был "полон искреннего восторга" и восхищения ею, передать стихотворение в Сибирь именно с ней (мол, хотел передать, но не успел) вызывает сомнение**.

Впрочем, упоминание имени Марии Волконской, которой хотелось думать, что её образ преследовал Пушкина всю жизнь (она безосновательно "привязывала" немало пушкинских стихов к своему имени), заставляет упомянуть ещё об одном мотиве поездки Марии Волконской в Сибирь. Среди декабристов ходило мнение, что княгиня отправилась в Сибирь вовсе не за мужем, а к другому мужчине – тоже декабристу, ближайшему сподвижнику П. И. Пестеля, Александру Викторовичу Поджио, обрусевшему итальянцу. Ни у кого из декабристов не было сомнений в их любовных отношениях. Очень многие считали, что своих детей в Сибири Волконская родила не от мужа, а от любовника. У В. В. Вересаева, составившего в своё время сборник "Пушкин в жизни", дано пояснение, что сын Михаил рождён ею от декабриста Поджио, а дочь, "знаменитая красавица Нелли", так в семье звали Елену, – от И. И. Пущина. Последующие события не смогли поколебать пристрастных оценивающих взглядов окружающих людей.

После смерти Марии Николаевны, в 1863–1864 годах А. Поджио со своей семьёй сопровождал семью её дочери Елены (по мужу Кочубей) во время путешествия по Италии. Позже уехал в Италию, но весной 1873 года смертельно больным (бросив в Италии жену и дочь Варвару, которые в Россию больше никогда не вернутся) приехал в поместье Елены Сергеевны и умер у неё на руках. Завещал похоронить себя рядом с Марией Николаевной (на деле получилось, что рядом с обоими Волконскими – Сергей Григорьевич к тому времени уже 8 лет как упокоился, согласно завещанию, в ногах у жены), что и было исполнено.

И буквально два слова о сыне, рождённом в Сибири. Потомок Волконской эмигрировал из России в Италию. Там он вернул себе фамилию своего отца. В начале XX века его похоронили в семейной усыпальнице итальянской ветви рода Поджио.

Но вернёмся к Зинаиде Волконской. Точнее, к ещё одной громкой истории, связанной в умах многих с отъездом княгини из России в 1829 году. История эта замечательна тем, что все события, из которых она сложена, слав-

---

* Михаил Алексеевич Веневитинов – археолог, историк, поэт, писатель из рода Веневитиновых. Племянник поэта Д. В. Веневитинова, сын сенатора Алексея Владимировича Веневитинова и Аполлинарии Михайловны – дочери графа М. Ю. Виельгорского.

** Известно, что Александра Григорьевна Муравьёва по пути в Сибирь к мужу-декабристу останавливалась на квартире своих родителей, живших в доме В. П. Тургеневой, матери Ивана Сергеевича Тургенева, на углу Садовой-Самотёчной улицы и Большого Спасского переулка (ныне Большой Каретный переулок, ранее, в 1956–1993 годах, – ул. Ермоловой, д. 24, до наших дней он не сохранился). Считается, что в начале января 1827 года Пушкин навестил её там и передал ей только что написанное стихотворение "Во глубине сибирских руд...", обращённое к сосланным декабристам. Однако декабрист Н. И. Лорер свидетельствовал, что стихотворение "Во глубине сибирских руд..." Пушкин переслал А. Г. Муравьёвой в Сибирь в том же 1827 году с другой оказией.

но укутаны весьма романтичным и живописным туманом, который позволяет выстроить любой сюжет на выбор, хотите – о том, как в конце 1826 года в салоне Волконской появляется супружеская пара: молодой красавец итальянец граф Миниато Риччи – замечательный тенор-любитель, и русская, Екатерина Лунина (кузина декабриста), тоже замечательная певица. Правда, красивой её назвать было трудно, да и молодость её была уже в прошлом. Зато дуэтом они пели отменно.

Отрицать, что меломан граф Миньято Риччи мог влюбиться в красавицу Зинаиду Волконскую, не стану. Стал ли последовавший за этим его развод с женой тому причиной – уже вопрос. Утверждать, что княгиня последовала в Италию вслед за уехавшим туда после развода графом, можно только стряпая сюжет для серии низкопробных любовных романов.

Насмотревшись телесериалов про то, что богатые тоже плачут, легко сочинять, мол, *"когда княгиня Зинаида начала охоту за графом Риччи, никто и не думал, что для неё это обернётся любовью на всю жизнь, сменой отечества и странным, невиданным в то время браком, когда Миньято станет любимым и уважаемым членом княжеской семьи и его полюбят и законный муж, и сын княгини..."*

При большом желании позволительно живописать с убеждённостью, что иначе и быть не могло, как *"Зинаида и Миниато боролись с внезапно вспыхнувшим взаимным чувством, щадя Екатерину* (жену графа Риччи. – **А. Р.**). *Но... победила любовь! Лунина осталась без мужа, а Волконская вышла за Риччи"*.

Кому-то такая Love Story придётся по нраву, однако в реальной жизни Волконская не разводилась со своим супругом, который, выйдя в отставку в возрасте 58 лет, приехал к ней в Рим и поселился во дворце Поли. Так уж получилось, судьба на склоне лет свела два одиночества с нелёгкой судьбой. Семейной любви жизнь под одной крышей не прибавила, но и вражды меж ними, тем более на глазах множества гостей, не наблюдалось.

В Риме Миньято Риччи отношения с княгиней поддерживал. Чисто приятельские. Как большинство из тех, кто бывал в её гостеприимном доме. Что же касается отъезда в Италию, то причины для него у княгини были. Даже две. Первая – для того времени банальная. Княгиня оказалась под надзором полиции. Нет, революционеркой она не слыла, но инакомыслием отличалась. Тем более что большой симпатии к взошедшему на царский трон Николаю I после смерти Александра I не испытывала. Ещё в августе 1826 года, то есть задолго до вечера с проводами Марии Волконской только что назначенный управляющим III Отделением Максим Яковлевич фон Фок докладывал шефу жандармов:

"Между дамами две самые непримиримые и всегда готовые разорвать на части правительство – княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием всех недовольных; и нет брани злее той, которую они извергают на правительство и его слуг".

Вторая причина – подошла пора решать, где учиться единственному её сыну Александру. Ему исполнилось 17 лет. Выбор пал, естественно, на Московский университет, с которым княгиню Волконскую связывали тесные отношения через Общество истории и древностей российских, почётным членом которого она являлась. Но хотелось ещё и показать взрослеющему сыну иной мир, чтобы он своими глазами увидел, как живут люди за рубежом, оценил их культуру. И она предложила Степану Петровичу Шевырёву, впоследствии профессору Московского университета, ехать с ними в качестве воспитателя сына, чтобы подготовить его к вступительному экзамену в Московский университет.

Предложение стать домашним учителем, сегодня мы сказали бы - "репетитором", Шевырёв воспринял без воодушевления. Может, счёл, что предложение княгини ему, не какому-нибудь бедному студенту из разночинцев, а потомственному дворянину, чей отец много лет находился в должности саратовского губернского предводителя дворянства, сродни желанию микроскопом забивать гвозди. Может, подумывал, что ничего хорошего от наверняка взбалмошной княгини, о которой каких только слухов не ходило, ждать не приходится.

Но к его удивлению, многочисленные друзья посчитали эту поездку очень для него полезной. Позже Михаил Петрович Погодин, тогда уже профессор Московского университета всеобщей истории, напишет:

"Мы все обрадовались этому счастливому случаю и убедили Шевырёва оставить архивную службу и принять предложение княгини. Жизнь в Италии, в таком доме, который был средоточием всего лучшего и блистательного по

части наук и искусств, казалось нам счастьем для Шевырёва, который там мог кончить своё собственное образование".

Шевырёв прислушался к советам друзей, и весной 1829-го он уже за границей и приступил к своим новым обязанностям. В Лейпциге к ним присоединяется Н. М. Рожалин, московский друг умершего Дмитрия Веневитинова. Тут у княгини Волконской рождается идея внести в маршрут некоторое изменение. Она предлагает заехать в Веймар, чтобы познакомить Рожалина и Шевырёва с Гёте. Почему вдруг возникает такая мысль? Рожалин — переводчик "Вертера", у Шевырёва тоже профессиональный интерес к европейской классике: по возвращении он защитит диссертацию "Данте и его век". Она позволит ему получить место адъюнкта словесности в Московском университете и читать там курс по истории всеобщей словесности.

В Веймаре, дойдя до квартиры знаменитого старца, Рожалин настолько разнервничался, что стал просить оставить его в передней. Зинаида Александровна буквально силой потащила его. Но Гёте, похоже, тоже был смущён неожиданным посещением. Но *"если Гёте нас робел,* — сообщит Шевырёв в письме от 29 мая 1829 года, — *как же мы-то должны были его бояться! Мы все молчали и смотрели; княгиня своею любезностью загладила нашу скромность; с большим участием слушал он, как княгиня говорила ему о том, как ценят его в России".*

Последовала череда разных городов Италии: Неаполь, Болонья, Венеция, Милан, Генуя, Парма, Турин... Совсем не чужая для княгини земля, памятная с детства. Но обосновалась Зинаида Александровна в Риме. С её именем там связаны старинное здание палаццо Поли, к резному фасаду которого примыкает знаменитый фонтан "Треви"*, и выстроенная ею вилла с парком на Эсквилинском холме**.

В одном из писем, адресованном члену Российской академии И. А. Гульянову, Волконская писала:

"Читала я письмо твоё, любезный Гульянов, и где же? В доме отца моего, под кровлею родной в сём давнем прибежище всего изящного, где я росла под сению искусства греческого, египетского, итальянского, где юные взоры мои приучились к формам идеальным. Картины, древние бронзы, мраморы — всё мне так мило, все они мне, как братья, как друзья, всё составляло со мной семью моего родителя.

Здесь Шевырёв действительно очутился в самых благоприятных условиях. Богатая русская библиотека княгини дала ему возможность продолжать свою научную работу. Здесь познакомился он с языком русских летописей, русскими песнями в сборнике Кирши Данилова и перечитал несколько раз "Историю" Карамзина в занятиях с сыном княгини. Он изучал итальянский язык, читал Шекспира под руководством англичанина и выучился испанскому языку.

"Княгиню, — писал он А. Веневитинову, брату поэта, — *чем ближе видишь, тем больше любишь и уважаешь. Её стихия — Рим. В ней врождённая любовь к искусству. О, если бы она в молодости писала по-русски! У нас бы поняли, в чём состоит деликатность и эстетизм стиля. Она создала бы у нас Шатобрианову прозу. Да у нас и не понимают тонкости ея выражений!.. Я сам не понимал её прежде, ибо жил в другой сфере..."*

Впрочем, живя в Италии, Зинаида Волконская не прерывала связи с Россией. Она печаталась в русской периодике: в альманахе "Северные цветы" в 1832 году, который Пушкин издал в пользу вдовы поэта Дельвига и его братьев, были напечатаны два стихотворения Волконской ("Моей звезде" и "Надгробная песнь славянского гусляра" из её исторической поэмы "Ольга").

Вскоре она, как и в Москве, устроила литературный и музыкальный салон, в котором на вечера, знаменитые "четверги", собирались и принимали участие, можно сказать, все известные артисты, приезжавшие в Рим. В числе наиболее частых посетителей этих вечеров и частыми гостями на вилле были

---

* Многие полагают, что Зинаида Волконская владела палаццо Поли и будто ещё в 1820–1822 годы она жила в нём. Увы, ни то, ни другое не соответствует истине. Потому что до 1830 года здание было закрыто из-за аварийного состояния, и позже дворцом Поли княгиня не владела: она снимала второй этаж палаццо. Сейчас в бывшем дворце расположен Национальный музей графики и дизайна.

** Архитектор Джованни Аззури выстроил по её заказу прекрасную виллу (ныне — резиденция посла Великобритании в Италии). Здесь Волконская жила летом, на зиму переезжая в палаццо Поли в центре Рима.

скульпторы Б. Торвальдсен и С. Гальберг, писатели Стендаль, Вальтер Скотт, Ф. Купер, живописец В. Камуччини и, конечно, русские художники, композиторы, литераторы: Жуковский, Вяземский, А. Тургенев, К. и А. Брюлловы, А. Иванов, К. Тон, О. Кипренский, С. Щедрин, Ф. Бруни (влюблённый в хозяйку живописец изобразил её на своей картине "Милосердие"), Гоголь (у него со стороны сада в древней стене на вилле был любимый тенистый грот, в котором в жаркие часы он любил сидеть).

В октябре 1830 года во время своего путешествия по Италии с княгиней познакомился М. И. Глинка. "*В то время жила там княгиня Зинаида Волконская*, – можно прочитать в "Записках" Михаила Ивановича, – *в качестве наставника при сыне* её был Шевырёв, известный теперь профессор Московского университета, с которым я познакомился в 1828 году в Москве. <...> Он, в продолжение моего пребывания в Риме, был моим cicerone** и показал мне все достопримечательности с объяснениями*".

На своей вилле Волконская создала "Аллею воспоминаний", где поставила памятники своим друзьям. М. Погодин, посетивший Рим, записал в "Дорожном дневнике":

"Всего более меня умилил её садик, посвящённый воспоминаниям. Там под сению кипариса стоит урна в память о нашем незабвенном Дмитрии Веневитинове <...> Есть древний обломок, посвящённый Карамзину, другой – Пушкину".

Изначально Зинаида Александровна не рассматривала переселение в Италию как окончательное. У неё были большие планы, как сегодня сказали бы, несколько российских проектов. Ещё в 1831 году княгиня задумывает создать Эстетический музей при Московском университете. В том же году в московском журнале "Телескоп" был опубликован проект создания музея. Составленный по инициативе княгини С. П. Шевырёвым и М. П. Погодиным, он был подписан З. А. Волконской, которая намеревалась на свои средства заказать слепки античных скульптур в Италии, где она жила. Но проект не был принят***.

А несколько ранее, в последние годы жизни в Москве, она вела интенсивную переписку с европейскими учёными по поводу задуманного ею общества "Патриотическая беседа". Главную цель общества княгиня видела в том, чтобы "знакомить Западную Европу с достопримечательностями нашего Отечества, собирать сведения о русских древностях всякого рода и доставлять пособия к сочинению и напечатанию достойных уважения творений касательно русской истории, археологии, древней географии, филологии славянских и других племён..." Однако и этот проект был отвергнут.

Но она всё-таки ещё трижды ездила на родину – в 1836-м, 1838-м и 1840 годах. О последнем её приезде известно из дневника племянника княгини П. Д. Дурново: *"Её терзают теперь, в связи с переменой религии, и Синод хочет заключить её в монастырь".*

После этого она уже не смогла вернуться в Россию. Тут и ответ на вопрос: почему благие во всех смыслах начинания княгини Волконской отвергались, что называется, с порога? Разговоры о симпатиях Зинаиды Александровны к католической церкви начались давно. Гуляли слухи, что она ещё до Москвы, живя некоторое время в столице, стала прихожанкой базилики св. Екатерины Александрийской – римско-католической церкви на Невском проспекте. Ожидать, что в этой ситуации власти каким-то образом пойдут навстречу предложениям княгини, не приходилось. Потому что отступничество от Православия воспринималось Николаем I как измена родине, и он довольно жёстко относился к неофитам****.

---

* Александр Никитич Волконский – сын Зинаиды Александровны, стал известным дипломатом, коллекционером и писателем, издал исторический труд "Рим и Италия средних и новейших времён", а также сочинения своей матери на русском и французском языках. От брака с баронессой Луизой Леопольдовной фон Лилиен имел дочь, названную в честь матери Зинаидой (тем самым ставшую её полной тёзкой, Зинаидой Александровной Волконской). Затем супруги Волконские удочерили дочь дальнего родственника Волконских, управителя их имения Урусово Василия Васильевича Ильина Надежду, которая была утверждена в правах состояния. Впоследствии вышла замуж за итальянца маркиза В. Ф. Кампанари. (Порой ошибочно пишется, будто удочерила её сама З. А. Волконская, мать Александра Никитича.)

** Cicerone (*итал.*) – проводник.

*** Музей, задуманный Волконской, был создан в Москве только в 1912 году под руководством профессора И. В. Цветаева – отца Марины Цветаевой, и носит ныне название Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

**** Неофит – новый приверженец (новообращённый) какой-нибудь религии.

Куда удачнее московских была судьба её римских проектов. Портрет "русской римлянки" и ревностной католички Зинаиды Волконской будет не полон, если не сказать, что, прожив в Риме до 72-х лет, она открыла там несколько школ. В основу обучения и воспитания в них было положено моральное совершенствование, смирение, послушание и приобретение профессиональных знаний. Систему обучения разрабатывала сама княгиня.

И всё же наибольшее доверие вызывает версия, что католичество княгиня приняла в Италии в 1833 году после тяжёлой болезни, давшей о себе знать годом ранее. Переход в католичество, думается, был обусловлен не только психологическим своеобразием личности, но и особенностями биографии Волконской. Всё же родилась она в Турине.

В 1834 году, завершив службу и выйдя в отставку, тайный советник князь Никита Григорьевич Волконский приехал в Италию и там остался, через некоторое время тоже приняв католичество. Согласно действовавшему в России указу Николая I, всё имущество неофитов-католиков подлежало конфискации, поэтому Волконской, чтобы не потерять единственный источник существования, пришлось переписать свои владения на имя сына. Остался князь Александр Никитич православным по убеждениям или по материальным соображениям, никто не знает.

Вместе с Зинаидой Волконской в Риме жили и княгиня Софья Григорьевна Волконская со своей дочерью. После ссылки её брата в Сибирь она тоже эмигрировала из России. Усыновлённый Зинаидой подобранный ею в 1815 году на улице в Лондоне мальчик-сирота Владимир Павей (фамилия от французского pavé, т. е. мостовая) все годы рос и воспитывался в доме княгини, был товарищем её сыну, получил основательное образование. Он обладал практической сметкой и выполнял у Зинаиды Александровны роль своего рода управляющего делами. В начале 30-х годов руководил работами по перестройке её виллы. Несколько раз ездил в Россию, инспектируя имения княгини, переписанные на имя сына. Позднее, известно, приёмный сын Волконской — кавалер Павей — служил в папской гвардии.

В 1844 году умер Никита Григорьевич Волконский, Зинаида Александровна пережила его на 18 лет. Болезнь всё же подкосила её настолько, что слухи, сопровождавшие княгиню всю жизнь, буквально до последнего дня, стали поистине фантастическими. Судачили, что одна из самых блестящих женщин пушкинской эпохи, некогда красавица, светская львица, Зинаида Волконская дала обет нищеты. Одни видели в ней эксцентричную ханжу, другие — истинную католичку и называли святой. Хотя, конечно, для неё последние годы оказались не лучшим периодом жизни, которая, так сложилось, была у неё одновременно и прекрасной, и трагичной. Один знакомый, учёный, поэт Степан Джунковский, посетивший её в Риме, писал:

"Незадолго до смерти я видел её в Риме. Несмотря на своё истинно христианское смирение, она жаловалась... на обманы. Прелаты и монахи её разорили в пух. Викариат Рима обобрал её образа за мнимые чудеса, приписываемые им её прислугою; её дом, всё её собственное имущество, даже склеп, где лежало тело её мужа, проданы за долги".

Князь Сергей Волконский написал в своих воспоминаниях:

"...Она делала много добра; беднота римская её боготворила. Она умерла от простуды, после того как под воротами в холодное зимнее утро сняла тёплую юбку, чтобы отдать бедной женщине. Последние её годы были отданы делам веры и благотворительности... В Риме не запомнят такого стечения бедноты, как на её похоронах".*

---

* Похоронена Волконская была в церкви Santi Vincenzo e Anastasio a Trevi, в первой капелле справа. Церковь расположена на той же площади, что и фонтан "Треви". Часовня в церкви: справа виднеется надгробная плита с именами княгини Зинаиды Волконской, её сестры Марии Александровны Власовой (она умерла в 1857 году) и её мужа — князя Никиты Григорьевича Волконского, брата декабриста. Однако туристам, бывающим в Риме, следует знать, что праха Волконских и Власовой в церкви сейчас нет. В середине XX века по поручению Департамента Министерства внутренних дел из санитарных соображений все останки более или менее знаменитых личностей были перенесены из церквей исторического центра на римское кладбище Кампо Верано и погребены в общей могиле. Но надгробные плиты в церквях остались.

Часть 2.

Вдохновение художнику дарится его прекрасной Музой

Вернёмся к героине нашего повествования Юлии Самойловой и повторим незамысловатую фразу, поставленную в начало предыдущей части: *“В 1827 году в Риме, в знаменитом салоне княгини Зинаиды Волконской, Юлия Павловна познакомилась с молодым художником Карлом Брюлловым”*.

Эпизод примечательный и многим известный. Но так ли всё было на самом деле? Хотя следует признать: фраза в том или ином виде традиционно присутствует в большинстве текстов, повествующих о жизни графини.

Что в ней не так? Первая серьёзная нестыковка: пять лет, с 1824-го по 1829 год, княгиня Волконская находилась в Москве. Факт, на мой взгляд, позволяет очень и очень сомневаться в возможности в её римском салоне случиться встрече графини и художника в 1827 году. Подобные сомнения, вероятно, сподвигли немалое количество авторов предложить альтернативную дату. Какую?

“Карл Брюллов и Юлия Самойлова впервые увидели друг друга в 1830 году в Италии, в знаменитом салоне княгини Зенеиды – Зинаиды Волконской. Они оба были уже зрелыми, состоявшимися людьми, и это была встреча двух звёзд, хоть и не равных. Всё же графиня Юлия Павловна Самойлова была аристократкой высшей пробы. А Карл Павлович Брюллов – всего лишь художником. Правда, таким, чьи картины пользовались в Европе огромной популярностью, и сама графиня, будучи увлечённым коллекционером живописи, называла их “чудесами Брюллова”.

“В 1826 году Юлия Самойлова знакомится с Карлом Брюлловым, тогда ещё совсем не известным художником”.

“Шёл 1828 год. Неаполь со страхом смотрел на проснувшийся Везувий... Год был трудным для Карла Брюллова. В него страстно влюбилась Аделаида Демулен. Она любила, а он был холоден. Она ревновала и от глупой ревности бросилась в Тибр. Свет обвинил Брюллова в жестоком равнодушии. Он оправдывался, а ему никто не верил.

Брюллов был приглашён на ужин к князю Гагарину. И когда ужин подходил к концу вдруг распахнулись двери залы и на пороге возникла она... Гордая, статная красавица, мечта и само воплощение красоты”.

Как видим, наблюдается не только временной разброс в пять лет, но возникает совершенно иная версия первой встречи графини Юлии с Брюлловым, из которой следует, что она произошла в имении Grottaferrata, где жил князь Григорий Иванович Гагарин. И этой точкой зрения версии не ограничиваются.

“В 1827 году то ли у братьев Тургеневых, то ли у князей Гагариных в Риме Брюллов впервые увидел Юлию Самойлову, которая стремительно вошла в гостиную в самый разгар вечера. Самойлова была дивно хороша: широко расставленные огненные глаза, чёрные локоны, обрамляющие бледное лицо”.

Так что год рождения и даже само происхождение Юлии Павловны Самойловой – не единственные загадки её биографии. Время встречи графини с Карлом Брюлловым, как говорят, “из той же оперы”. Можно предположить, что именно по этой причине возникают варианты её жизненного пути, где о встрече предпочитают говорить донельзя размыто и общо. Отчего сама встреча приобретает совершенно противоречивый характер.

“В Италии Брюллов познакомился с русской аристократкой Юлией Самойловой”.

“Муза и художник встретились в 1827 году в Риме. Говорили, что страсть между ними вспыхнула мгновенно и была неприкрытой. Влюблённые вместе путешествовали по Италии, слушали оперу, посещали светские приёмы, но больше всего времени проводили в мастерской художника”.

“Она и забыла с течением времени, когда и как её “ударила молния” страстного притягательного чувства Любви к маленькому, хрупкому человеку с лицом, тонким и выразительным, как у древнегреческого бога, плохо слышащим на одно ухо и как-то трогательно-изящно склоняющим голову к тому, с кем он разговаривал. Произошло ли это сразу, с момента их первой встречи, в Риме, у княгини Зинаиды Волконской, в несколько минут, когда они оба сказали друг другу с десяток ничего не значащих, светски любезных слов, хотя Брюллов и смотрел на неё неотрывно; или случилось много позже, уже потом...”

Я позволил себе привести несколько цитат из множества текстов, существующих и "на бумаге", и в интернете на всевозможных сайтах о дерзкой и свободолюбивой, образованной и страстной женщине с удивительным характером и бурным темпераментом, без указания имён и авторов. Признаюсь, в конечном счёте мне лично не важно, кто именно так написал. Я лишь хочу подчеркнуть очевидное: многие попытки современной реконструкции отечественной истории нередко опираются не столько на фактическую, сколько на некую "художественную" основу. Придумками, рождёнными в нынешние дни, богаты повествования о людях давно ушедших дней.

Исходя из того, что известны, пусть фрагментарно, любовные письма Самойловой, адресованные Брюллову, которые датированы 1827-м годом, то даты встречи, относимые к 1828-му, 1829-му и 1830 годам, отпадают сами собой.

Следующая точка отсчёта: в конце 1826 года, напомню, возникли слухи о примирении Юлии Самойловой с супругом. По этому случаю в письме от 1 декабря Александр Пушкин даже поздравил своего приятеля и партнёра по карточной игре графа Самойлова с возвращением в объятия жены. Но примирения не произошло, к тому же Юлией увлёкся Эрнест Барант, атташе французского посольства в Петербурге... Но это уже совсем другая история. Нам важно иное: на тот момент графиня ещё в России. Из чего следует единственно возможный вывод: Юлия Самойлова могла познакомиться с Карлом Брюлловым только в 1827 году.

Значит, их первая встреча состоялась в 1827 году и не в салоне Зинаиды Волконской. Где именно? Скорее всего, на мой взгляд, это была вилла Grottaferrata (в районе расположенного поблизости монастыря) – в предместье Рима, где жил дипломат Григорий Иванович Гагарин. С ним Карл Брюллов был давно и близко знаком. Суждение не голословное, если судить по известной картине художника, на которой изображены дети князя Григория Гагарина. Она находится в Эрмитаже (Карл Брюллов. "Портрет Григория, Евгения, Льва и Феофила Гагариных"*). Полотно датировано 1824 годом. Дошёл до наших дней ещё один портрет кисти Карла Брюллова, созданный им в том же году: "Е. П. Гагарина с сыновьями Евгением, Львом и Феофилом".

Всё встаёт на свои места, когда мы присовокупим сюда ещё тот факт, что с 1822-го по 1832 год князь Г. И. Гагарин был советником посольства, а потом послом в Риме (чрезвычайным посланником и полномочным министром). В жаркое время года Гагарин с женой Екатериной Петровной (урождённая Соймонова) и детьми** перебирался из столицы в снимаемую им виллу. Там обе картины и писались. Первая, скорее всего, для их домовой церкви, вторая – в качестве семейного портрета. Брюллов появился в Риме в мае 1823 года. Как и подобает художнику, приехавшему "на учёбу", тогда это называлось "для усовершенствования", писал акварелью, маслом, работал в технике простого рисунка и сепии. Пробовал себя в жанровых картинах. Для заработка писал портреты: камерные, парадные. За годы пребывания в Италии он создал около ста двадцати портретов.

Собственно, с портретов всё и началось. Что подтверждает фраза Брюллова в письме из Италии в Общество поощрения художников от 28 июня 1824 года: "*...также был занят портретами семейства его сиятельства кн. Григория Ивановича Гагарина*". Действительно, тогда он писал портреты хозяйки дома, Екатерины Петровны, детей Гагариных, каждого отдельно и всех вместе. Причём, заметьте, и групповой портрет мальчиков Гагариных, в котором

---

* На полотне группового портрета Брюллова видим, что на столе разложены принадлежности для рисования акварелью. Такое впечатление, что не только Брюллов пишет семейство Гагариных, но и маленький мальчик Феофил рисует ответный портрет живописца.

** У супругов Г. И. Гагарина и Екатерины Петровны было 5 сыновей. В 1824 году старшему, Григорию, было 14 лет, младший, Александр, появится на свет через три года. Поэтому на первой портретной картине четверо мальчиков. Пятый тоже будет мальчик. Современная генетика говорит, что "ответственным" за пол ребёнка является мужчина: его сперматозоид с Y-хромосомой. У Гагариных девочек не было. "А девочку-то так хотелось, небось", – прочитал я как-то. Кстати, у князя и на стороне был мальчик. (Знаменитая красавица Мария Антоновна Нарышкина, любовница Александра I, родила от Гагарина сына Эммануила.) Х-хромосомы, которые позволяют ожидать рождения девочки, у Григория Ивановича в нужный момент куда-то прятались.

отчётливо чувствуется влияние старых мастеров, особенно Рафаэля, и портрет матери, Е. П. Гагариной, с сыновьями Евгением, Львом и Феофилом, и овальный акварельный портрет Г. Г. Гагарина более позднего периода (Русский музей), написанные Карлом Брюлловым, исследователи относят к высшим достижениям художника в области камерного портрета*.

С одной стороны, заказ портрета был ничем иным, как самой действенной формой поддержки молодых русских художников. С другой — изрядно разбиравшийся в живописи русский посланник, меценат и любитель искусств** собирал картины даровитых художников, появлявшихся у него в доме. Со временем у него накопилась порядочная галерея работ Сильвестра Щедрина и Матвеева, Венецианова и Басина, Бруни и, конечно же, Карла Брюллова.

Тогда-то у князя Гагарина и начались приятельские отношения с Брюлловым. Григорий Иванович стал покровительствовать молодому художнику, а тот стал вхож в его дом. На какое-то семейное торжество Гагарин задумал отметить праздник домашним спектаклем. Выбор пал на комедию "Недоросль". В спектакле были заняты хозяин (в роли учителя Цыфиркина)*** и хозяйка дома княгиня Гагарина, которая представляла госпожу Простакову, Григорий играл Митрофанушку, архитектор А. Тон превратился в Кутейкина, а скульптор Гальберг — в Еремеевну, князь Дмитрий Долгорукий, бывший потом министром в Персии, стал Тарасом Скотининым, пейзажист Сильвестр Щедрин — Правдиным. Карлу, которого сочли актёром особо одарённым, достались сразу две роли — Простакова и Вральмана****. Среди других действующих лиц Карл Брюллов называл ещё Басина, позже профессора Академии художеств.

Декорации для домашней постановки делали Гриша Гагарин (в будущем вице-президент Императорской Академии художеств) и Карл Брюллов. Перед первой репетицией, как вспоминал позже Григорий Григорьевич, он вошёл в зал и увидел вместо своего задник, расписанный Карлом Брюлловым (деревенская гостиная, верно характеризующая помещичий быт времён Екатерины II): портрет императрицы, портреты хозяина и хозяйки дома, писанные с натуры по моде и стилю того времени, картина, изображающая фрукты, с разрезанным пополам арбузом и варёным омаром, стенные часы с маятником, а через окна и двери глядел двор с голубятней и свиным сараем, особой гордостью Тараса Скотинина. Это была прекрасная жанровая картина, "тонкая, гармоническая, полная полусвета и оттенков, и юмористическая в то же время, как повесть Гоголя".

Тут всё сходится: Брюллов пишет портреты домочадцев князя, часто появляется у него в доме. В смятении, что его могут обвинить в самоубийстве натурщицы Демюлен, тем более трагедия случилась в чужой стране, художник обращается за помощью к Гагарину, который, не будем забывать, посол Российской империи в Риме.

---

* Судя по всему, портрет, написанный в Риме, потом был привезён с собой в Россию и находился в домашней картинной галерее. Впервые это полотно было представлено в 1861 году на выставке "картин и редких произведений художества, принадлежащих членам императорского дома и частным лицам Петербурга". В 1905 году портрет экспонировался в разделе К. Брюллова на знаменитой Историко-художественной выставке русского портрета в Таврическом дворце, организованной Сергеем Дягилевым. В 1941 году картина оказалась в Эрмитаже. В 2018 году Лаборатория научной реставрации станковой живописи Эрмитажа завершила работу по реставрации "Портрета Григория, Евгения, Льва и Феофила Гагариных".

** К слову, в 1827 году он стал почётным членом Академии художеств.

*** Хочется заметить, что сам Карл Брюллов в письме брату Александру, датированном 22 ноября 1824 года, делясь с ним новостью о только что сыгранном спектакле, сообщает именно о Цыфиркине, которого играл князь. Тогда как в своих воспоминаниях его сын, Г. Г. Гагарин, написал, что отец выступил в роли Тришки-портного и что среди участников семейного праздника был Александр Брюллов. Исходя из того, что Брюллов-младший пишет сразу после события, а сын князя вспоминает о нём спустя годы, тем более есть письмо Карла Александру (чего бы это рассказывать о том, в чём тот сам был участником?), приходится констатировать, что Григория Григорьевича подвела память.

**** Более чем странно, но порой можно встретить утверждение, будто на домашней сцене у Гагариных была "впервые поставлена комедия Д. И. Фонвизина "Недоросль", где К. П. Брюллов играл роль Митрофанушки". (В Петербурге премьера комедии состоялась осенью, в Москве она впервые игралась весной.)

Как далее развивались события, можно прочитать в воспоминаниях Г. Г. Гагарина:

"Это происшествие наделало в Риме много шума. Чтобы извлечь Брюллова из того затруднительного положения, в какое он попал по собственной вине, мои родители предложили ему уехать вместе с нами на некоторое время за город. Он понял, что отдых среди чудной природы, совмещённый с правильной жизнью в семье, пользующейся общим уважением, может благотворно повлиять на его потрясённую душу и что новая жизнь поможет ему восстановить себя в общественном мнении, и принял наше предложение".

Кстати, согласившись с гипотезой, что встреча Самойловой с Брюлловым случилась именно у Гагарина, резонно сделать ещё одно допущение. Почему слухи соединили знакомство Самойловой и Брюллова с салоном Волконской? Можно предположить, что причиной послужило смещение в сознании двух фактов: Григорий Иванович был сыном Марии и салон принадлежал Зинаиде Волконской. Одна и та же фамилия сыграла "злую" шутку.

Вообще про Юлию Самойлову хочется сказать: "Судьба, сотканная из слухов". Но понимаешь, что всё как раз наоборот: здесь не слухи определяли судьбу, а судьба порождала массу слухов. Один из них "свидетельствует": когда Карл впервые увидел графиню Самойлову, он потерял голову. Кто-то подумает, что мужчину Брюллова покорили красивое лицо и роскошная женская фигура графини. Ничуть! Она удивительным образом отвечала его представлениям как художника о женской красоте. Карл увидел свою мечту и само воплощение красоты, какую он искал.

Прелестная легенда гласит, что князь Гагарин понял состояние Брюллова, как говорится, с одного взгляда и предупредил: "*Бойтесь её, Карл! Эта женщина не похожа на других. Она меняет не только привязанности, но и дворцы, в которых живёт. Не имея своих детей, она объявляет чужих своими. Но я согласен, и согласитесь вы, что от неё можно сойти с ума...*"

Очень схоже, как любят сопоставлять многие, описывал графиню Юлию Павловну Гоголь, знавший её не понаслышке:

"Она – не женщина Рафаэля, с тонкими, незаметными, ангельскими чертами, – она женщина страстная, сверкающая, южная, италианская во всей красоте полудня, мощная, крепкая, пылающая всей роскошью страсти, всем могуществом красоты, – прекрасная как женщина".

Заметьте, не она позволяла говорить о присущей ей женской красоте, а могущество красоты делало её прекрасной женщиной. Вместо этого сегодня предпочитают рассуждать, словно бабульки на лавочке, мол, от чар красавицы Самойловой не существовало противоядия, и вообще была графиня роковой женщиной. И в доказательство придумывают очередную легенду. Про то, как появление Юлии в мастерской Карла Брюллова обернулось трагедией. Приревновав графиню к художнику, натурщица Аделаида Демулен покончила с собой, утопившись в Тибре. В огороде бузина, а в Риме самоубийство.

Почему слова князя Гагарина я назвал легендой, пусть и прелестной? Нечто подобное я читал и про Сергея Дягилева. В 1917 году антрепренёр Сергей Дягилев, сегодня его именовали бы продюсером, поразивший Старый Свет своими "Русскими сезонами", пригласил своего друга Пабло Пикассо оформить балет "Парад". Во время одной из репетиций произошло знакомство 35-летнего Пикассо с 25-летней балериной Ольгой Хохловой.

И случилось то, что случилось: художник потерял голову. Видимо, с большими художниками такое бывает. Почему он влюбился столь страстно и неистово, рассуждать не буду. Но Дягилев, заметив состояние друга, известного гуляки, предупредил его: "*Будь осторожен, Пабло, она русская, а с русскими не шутят, на них женятся!*" Отыскивать ключевую ошибку и объявлять виновного в событиях, затем последовавшими, нет необходимости. В таких жизненных моментах правого не определить. Далее было так: влюблённый Пикассо поехал за труппой театра сначала в Рим, затем в Неаполь, Флоренцию, Мадрид и, наконец, в Барселону. Там он познакомил Ольгу со своей матерью. Она радушно встретила русскую девушку, смотрела спектакли с её участием, но на прощанье сказала: "*С моим сыном, который создан только для самого себя и ни для кого другого, не может быть счастлива ни одна женщина*".

Параллель между словами князя Гагарина и продюсера Дягилева возникла у меня невольно в силу некоей схожести. Вот только у вторых были свидетели.

А первые таковых не имели и вообще сделали “выход на публику” много позже происшедшего события. Отчего я и назвал их прелестной легендой.

Следствием того, что Карл увидел свою мечту, стало страстное чувство к Самойловой, которое пробудило в Брюллове неистощимую фантазию и новую неисчерпаемую энергию. В его творчестве начался плодотворный период. Он весьма интересен, этот исторический миг, включивший в себя рождение крупноформатной картины (размер 456.5 × 651 см)*, на которой изображены события в Помпеях во время катастрофического извержения Везувия в 79 году н. э.

А дальше вновь гордиев узел. Вроде вопрос сам по себе несложен: когда, при каких обстоятельствах родился замысел главного произведения Карла Брюллова?

Существует несколько версий того, как зарождалась идея написания картины, которая принесла ему без преувеличения всемирную славу. Неофициальная версия – Брюллов, под впечатлением театральной постановки оперы Джованни Пачини “Последний день Помпеи”, придя домой, сразу же набросал эскиз будущей картины. Причём у неё два варианта. Согласно одному, в театр художника привела графиня Самойлова. Второй обходится без Юлии Павловны.

(*Продолжение следует*)

---

* Хранится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге.

АНДРЕАС БУЛЛЕР
доктор философских наук

“ЗАМЕТКИ НЕ-ФИЛОЛОГА”

М. А. Дударева “ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ КОНЦА НОВОГО ВРЕМЕНИ. Введение в апофатику культуры”. — СПб-Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2021. — 353 с.

Чтение книги Дударевой заставило меня вернуться к теме смерти, которую я в своё время анализировал, прежде всего, с философских позиций*. Тема эта не только неисчерпаемая, но и непознаваемая. Беру на себя смелость утверждать, что смерть была и останется непознаваемой. Наше отношение к ней её не интересует – она выше этого. В конце концов, проблему со смертью имеем мы, а не она с нами. Но какой вклад в познание смерти может внести литература? О естественных науках мы можем сказать, что они в состоянии познать процессы рождения и разрушения/исчезновения жизни. О философии мы можем утверждать, что она способна погрузиться в глубины человеческого (не)бытия, понять и познать его. Между двумя этими областями находится литература, которая, по аналогии с естественными науками, описывает конкретную жизнь, но при этом точно так же, как и философия, стремится познать скрытую за этой конкретностью абсолютную тайну. Поэтому это вовсе не случайность, что литература и философия сходятся во мнении о том, что опыт смерти, а вместе с ней и жизни, является апофатическим (др.-греч. ἀποφατικός, – “отрицательный”). Апофатический опыт базируется на таком принципе, который позволяет познать смерть лишь через её отрицательные качества. Но, как это ни странно звучит, именно этот “отрицательный” метод открывает человеку дверь в мир *иного* бытия, позволяя получить ответы на насущные вопросы жизни. В этом смысле апофатика есть не *незнание*, а скорее, особая форма *знания*. Апофатический метод был вначале применён в теологии, позволив ей путём мысленного удаления (отрицания) неприсущих Богу качеств приблизиться к пониманию Его сущности (отсюда понятие “негативная теология”). Позже этот метод стал применяться и в философии. Работа Дударевой убеждает нас в том, что впервые этот метод стал всё-таки применяться не в философии и теологии, а в мифах и сказках, как, например, в русских сказках, в которых употребляются такие фольклорные формы, как “иду туда, не знаю куда” или “ищу то, не знаю что” (с. 44). Но странное дело, мы и в этом случае, несмотря на отсутствие конкретного направления и конкретной цели движения, имеем представление о том, “куда” и “зачем” отправился искатель приключений. Оказывается, также “апофатический ответ” является ответом.

* См.: Буллер А. Тема смерти в истории, философии и литературе. СПб: Алетейя, 2018.

Речь в работе Дударевой, однако, идёт не об этом. Центральная мысль её работы заключается в том, что русский духовный опыт, начиная со своих архаичных, получивших своё отражение в былинах и сказках форм, "апофатичен по своей природе" (с. 15). Её подборка анализируемых произведений, несомненно, подтверждает эту мысль. Но тут невольно возникает вопрос, а возможно ли принципиально поставить под вопрос апофатическую перспективу восприятия мира? Это, несомненно, возможно, ибо перспективу взгляда на мир определяют не литературные произведения, а их читатель, который в состоянии интерпретировать один и тот же текст, например, из апофатической (отрицающей) или же катафической (утверждающей) перспективы. Апофатический метод является лишь одним из возможных способов познания мира, но для танатологического дискурса он оказался, пожалуй, самым подходящим.

Я скажу несколько слов о своей рецензии: рецензент, как правило, является таким (ис)следователем, который *следует следам* рецензируемой им работы. В то же время он, выбрав центральную тему своего критического анализа, ставит свои акценты и определяет направление своего анализа. Главной темой моего анализа книги Дударевой является тема снов, грёз и мечтаний, которая повсеместно присутствует в литературе и явно доминирует в первой части её книги, получившей название "Апофатика русской поэзии". Я буду рассуждать о поэзии. Следуя примеру автора книги, я назову предпринятые здесь мною полуфилософские и полулитературные зарисовки "заметками *не*-филолога"*, тем более что написаны они были действительно не филологом.

Сны, грёзы и мечты как символы "иного мира"

Если в философии существует мир вещей "самих по себе" (Кант) или же мир "непостижимого" (Франк), символизирующий собой скрытое от глаз человека и непознанное им бытие, то в литературе имеется своё собственное обозначение для скрытого или "прикрытого тайной" мира, который здесь обозначается как *иной* или *другой*. *Иной* мир является одновременно и отсутствующим, и присутствующим. Присутствует он, прежде всего, в человеческом воображении, а также в сказках, легендах и мифах о нём. Но не только. Мир *иного* бытия упоминается и описывается также в бесчисленных романах, поэмах, повестях и рассказах, в которых речь идёт о вполне реальных *вещах–снах, грёзах* или *мечтах*, в которых происходят (не)реальные события. Исследованием этих (не)реальных событий я и займусь.

Бесспорным является тот факт, что сны, а вместе с ними мечты и грёзы являются реальным состоянием человека, во время которого тот устанавливает контакт с миром *иного* бытия. Дударева в этом случае говорит о "*видении наяву*" (с. 69). И это так, потому что то, что мне снится или грезится, является, без всякого сомнения, *видением*, но видением *наяву*. Поэтому для литературы контакт с миром *иного/другого* бытия является вполне реальным. Ведь он ощущается и переживается в реальных снах, грёзах и мечтах, во время которых человек "находится на пороге *оного*" (с. 67). В этих снах и грёзах своё отражение находят как тайные желания человека, так и парадоксы и несуразности его мимолётной жизни, которая "протекает, как во сне", а возможно, и сама по себе является сном.

Но нас, разумеется, прежде всего, интересует вопрос, "что" скрывается за человеческими грёзами и мечтами? Подобный вопрос обычно ставится литературой, но не философией. Последняя не пытается анализировать предпринятые во сне контакты человека с потусторонним миром. Для философии контакт с непознанным, непостижимым миром абсолютно исключён, ибо в тот момент, когда загадочное и непостижимое откроет себя человеку, оно перестанет быть для него таковым. Кроме того, в философии человек, как правило, не в состоянии пересечь границу между поту- и посюсторонним мира, а вот в литературе он вполне может это сделать.

Итак, между литературой и философией имеются существенные различия. Но несмотря на эти различия, границей, разделяющей мир *иного* и *сущего*

---

* См.: Дударева М. А. Апофатическое литературоведение. Заметки не-филолога. – Москва: Меринос, 2021.

бытия, и в философии, и в литературе является смерть, которую в литературе человек может и преодолеть, как это происходит у Пушкина в "Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях":

Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумлёнными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
"Как же долго я спала!"

Да, это очень важно – вовремя проснуться ото сна, который привёл нас в потусторонний мир. Такие сны должны всё-таки оставаться *преходящим* явлением, говорит, а вернее, поёт Высоцкий в своей песне "Мои похорона". Несмотря на ироничный тон этой песни, в последней её строфе звучит всё-таки тревожная нотка:

...Что сказать, чего боюсь?
(А сновиденья — тянутся)...
Да того, что я проснусь —
А они останутся!..

Сны об *ином* мире могут, конечно, неожиданно прийти, но они должны обязательно и уйти. Приснившееся не должно стать реальностью, а тем более оно ни в коем случае не должно вмешаться в реальный ход событий. Но сны, к сожалению, часто вмешиваются в их ход. Сны и грёзы могут трагическим образом перевернуть или даже разрушить сложившуюся жизнь. Ситуацию такого ставшего явью сна изображает в своём знаменитом переводе баллады Гёте "Лесной царь" Жуковский. Описанные в этой балладе грёзы больного ребёнка стали знамением приближающегося трагического исхода. Трагедия описанной в балладе ситуации заключалась в том, что знаки и символы *иного* мира, которые являлись сыну, отцом не воспринимались как таковые. Для отца эти знаки были символами "этого", но не *иного* мира:

"Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит". —
"О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы".

Больной ребёнок "видел" то, что отцу увидеть было не дано, ибо младенец уже находился на пороге *другого* мира. Перед его глазами разверлась бездна, которую видел только он, но не отец. Мир в балладе Жуковского раскололся на две сферы существования – сферу потустороннего и сферу посюстороннего бытия. Хотя отец, несомненно, чувствовал, что упускает сына из своих рук, он тем не менее до последней секунды надеялся на то, что сможет удержать его. Но когда наконец-то "ездок доскакал... В руках его мёртвый младенец лежал". В этот момент наступившей смерти все сны и грёзы немедленно закончились, мир вернулся в своё прежнее состояние, которое для отца, однако, уже не было *прежним*, ибо теперь его жизнь раскололась на две непримиримые части – время его существования "до" и "после" смерти младенца. Трагедия не-понимания и не-совпадения миров, о которой пишет Дударева (с. 71), превратилась в трагедию невосполнимой потери. Теперь сын долго будет являться отцу в причиняющих ему непреодолимую боль горестных снах. И тут на ум опять приходят слова Высоцкого: "Что сказать, чего боюсь? / (А сновиденья – тянутся)... / Да того, что я проснусь – / А они останутся!.."

В литературе, однако, существуют и "ситуации наоборот", когда разверзшуюся бездну видит не тот, кому она угрожает, а близкий ему человек. Подобный сюжет мы найдём в стихотворении Есенина "Молитва матери" (1914), в котором находящаяся за сотни вёрст от своего сына мать воочию чувствует трагедию:

Молится старушка, утирает слёзы,
А в глазах усталых расцветают грёзы.
Видит она поле, это поле боя,
Сына видит в поле — павшего героя.

Литература полна примеров героической, безымянной, обыкновенной, страдальческой или ужасной смерти, за порогом которой человека ожидает другая "жизнь". Эту "жизнь после смерти" в состоянии описать только она одна, причём описать вполне конкретно и детально, как это сделал в своей поэме "Сарай" (1917) Алексей Ганин. Ни философия, ни естественные науки на подобное не способны. Но насколько литературные описания *иного* мира соответствуют реальности? Даже самые фантастические литературные описания в состоянии точно и адекватно не только изобразить, но и предсказать развитие реального мира. Поэтому ошибаются те, кто утверждает, что литературные описания "далеки от жизни". Я попытаюсь с помощью анализа вышеупомянутой поэмы Ганина опровергнуть этот тезис и доказать обратное.

За порогом жизни

Другу Есенина Алексею Ганину удалось в своей поэме "Сарай" приоткрыть занавес потустороннего мира. Ганин, думаю, не претендовал на роль пророка, но невольно им стал, потому что смог с поразительной точностью описать будущее охваченной революцией страны, которую "дорога в рай" неожиданно привела в "глухой сарай":

Во тьму земной упёрся Край.
Хочу к звезде взмахнуть ресницами
И не могу.
"Дорога в рай", —
твердит. А путь кишит мокрицами
И впереди — глухой Сарай.

Потусторонний мир "будущего сарая" Ганин изображает с помощью мрачных и в то же время ярких, метких и провокационных деталей. Читая его описание потустороннего мира, начинаешь понимать, что речь здесь идёт вовсе не о потустороннем, а о посюстороннем мире. Потусторонним символом здесь является одна только недостижимая звезда, которая с "закопчённого неба зачем-то смотрится в щели сарая". Но зачем звезда смотрит в щели сарая? Дударева даёт своё объяснение этому "зачем-то": "Во-первых, звезда создаёт и задаёт вертикаль в поэме, организует её пространство" (так же пространство "советского общества" организовала красная звезда, которая действительно стала его "вертикалью". – **А. В.**). "Во-вторых, она (звезда. – **А. В.**) проливает свет на все ужасы ночи..." (с. 149). Если бы ужасные сцены в сарае происходили под прикрытием полной темноты, они не вызвали бы у нас такого ужаса, но они разворачиваются в тусклом свете звезды. При этом, замечу, исходящий от звезды свет абсолютно отличается от того света, который падает от неё в щели сарая. Речь здесь идёт об "одном и том же" и в то же время "не об одном и том же" свете, ибо добравшийся до сарая свет является уже другим, а именно - надломанным, сломленным и переломленным жестокой реальностью светом. Этот свет долго пробивался через "закопчённое небо", а после того как он достиг сарая, он был уже не светом, а отблеском далёкой звезды или же пародией человеческой мечты, которая тоже преломилась и надломилась под тяжестью "прокопчённой действительности". Пародией на эту действительность являются и описанные Ганиным мрачные сцены, в которых живых людей презентуют трупы, а "идею рая" – темнота сарая. Преломление звёздных лучей сопровождалось здесь ломкой мечты, которая оказалась обманом:

И мы спешим, и только шаг
За сотни дней в пути измерили.
Нам чёрный хаос свил в ушах
Гнездо своё, чтоб в рай поверили,
И вот поверила Душа.

И вот душа поверила, но только не душа Ганина, который в 1925 году был во внесудебном порядке расстрелян большевистской властью... Но странная вещь! Увещевания "лесного царя" этой власти были намного ближе, чем описанная Ганиным малосимпатичная, но безупречно реалистичная "дорога в рай", которая уже к тому времени была усеяна многочисленными трупами. И тем не менее революционное общество, "как во сне", всё ещё жило в ожидании *иного* мира, наступление которого возвещали уже не "лесные", а "другие" цари:

"Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Весёлого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои".

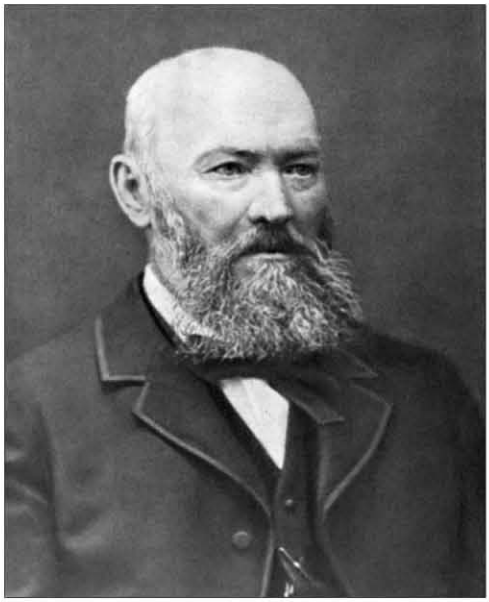
Проснувшиеся ото сна увидели не золотые чертоги, а тёмный сарай, над которым сияла холодная звезда... Да, грёзы и сны могут увести человека от реальности. С другой стороны, они могут и вернуть его в неё. В любом случае сны и грёзы являются реальными представлениями человека, которые к тому же возникают не по его воле и приходят к нему, не спрашивая его. Но те фигуры смерти, которые посещают человека в его снах и грёзах, являются, конечно, не самой смертью, а лишь её образами. Образы смерти, в отличие от самой смерти, способны на муки, печаль, горе, страдания и переживания. Именно к ним и обращается Анна Ахматова:

Если ты смерть — отчего же ты плачешь сама,
Если ты радость — то радость такой не бывает.

1942

Dr. Phil. Andreas Buller

К 200-летию Александра Николаевича Островского



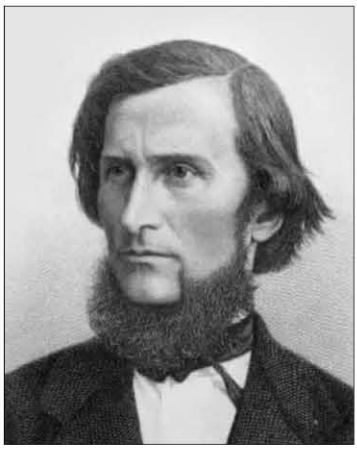
"Островский читал свои пиесы с удивительным мастерством: каждое лицо в пиесе — мужское или женское — рельефно выделялось, и, слушая его чтение, казалось, что перед слушателями разыгрывают свои роли отличные артисты. Много было неприятностей и хлопот Островскому, чтобы добиться постановки первой своей комедии на сцену, но потом каждая его новая пиеса, поставленная на Александрийской сцене, составляла событие как для артистов, так и для публики, а также для дирекции, потому что сборы были всегда полные".

(Авдотья Панаева)

"Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: у нас есть свой русский национальный театр. Он по справедливости должен называться "Театром Островского".

(И. А. Гончаров)

К 200-летию великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского



“Язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нём претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, её воздух, её физические явления, её климат, её поля, горы и долины, её леса и реки, её бури и грозы — весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке — в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык, — народа нет более!”

(К. Д. Ушинский)